

ПЛАТОНЪ О ЗНАНІИ

ВЪ БОРЬБѢ

СЪ СЕНСУАЛИЗМОМЪ И РАЗСУДОЧНЫМЪ ЭМПИРИЗМОМЪ

АНАЛИЗЪ ДІАЛОГА

ΘΕΘΤΕΤЪ

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ КЪ ТЕКСТУ ДІАЛОГА И СЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМИ ОБЪЯСНЕНІЯМИ
КЪ ЧТЕНІЮ ЕГО

Н. С К В О Р Ц О В А.

МОСКВА.

1871.

ПЛАТОНЪ О ЗНАНІИ.

ПЛАТОНЪ О ЗНАНІИ

ВЪ БОРЬБѢ

СЪ СЕНСУАЛИЗМОМЪ И РАЗСУДОЧНЫМЪ ЭМПИРИЗМОМЪ

АНАЛИЗЪ ДІАЛОГА

ΘΕΘΤΕΤЪ

СЪ ПРИМЪЧАНИЯМИ КЪ ТЕКСТУ ДІАЛОГА И СЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМИ ОБЪЯСНЕНИЯМИ
КЪ ЧТЕНІЮ ЕГО

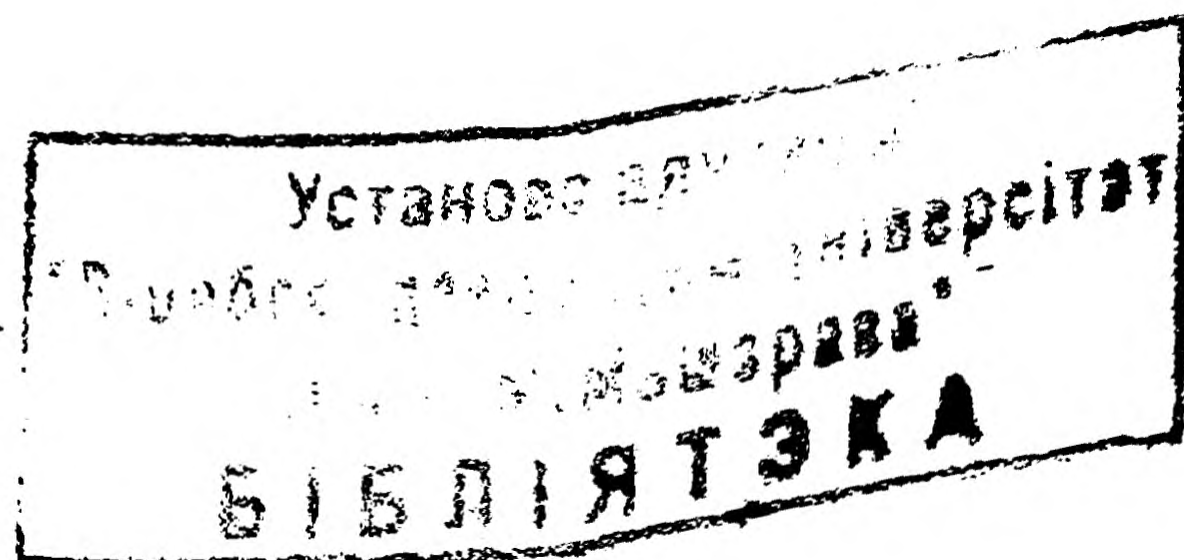
Н. С К В О Р Ц О В А.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К.^о).

На Страстномъ бульварѣ.

1871.

Дозволено Цензурою. Москва, 11-го Августа 1871 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая читателю сильное объяснение одного из труднейших произведений Платона, я считаю долгомъ замѣтить, что сочинение мое написано съ предположеніемъ, что не только вообще философія Платона знакома читателю, но что онъ простудировалъ данный діалогъ непосредственно въ текстъ и держитъ въ своей памяти содержаніе его во всей подробности, такъ что всякую данную мысль въ состояніи сразу помѣстить совершенно вѣрно въ ряду другихъ мыслей діалога. Это послѣднее предположеніе выступаетъ подъ условіемъ той задачи, которую я считаю существенною задачею анализа произведений Платона и сильному выполненію которой посвященъ настоящій Анализъ Θεэтета. Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы изъяснить содержаніе діалога непосредственно въ путяхъ самаго мышленія Платона. Нельзя сказать, чтобы эта задача была твердо поставлена и достаточно практикована въ бывшей досель ученой критикѣ Платоновыхъ произведений, но зачатки ея несомнѣнно существовали уже очень давно, и я съ своей стороны не пропускалъ случая указывать на сознательное или механическое появленіе ея въ трудахъ ученыхъ изслѣдователей Платонова Θεэтета.

II

Имѣя въ виду указанное выше предположеніе, я предположилъ своему изслѣдованію примѣчанія къ тексту діалога и предварительныя объясненія къ чтенію его. Относительно примѣчаній я долженъ замѣтить, что въ большей части ихъ я ограничился приведеніемъ уже существующихъ мнѣній, съ указаніемъ на сравнительное ихъ достоинство, причемъ иногда присовокуплялъ къ нимъ и свое собственное мнѣніе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣсто требовало изъясненія по его философскому смыслу, мнѣ приходилось гораздо чаще высказывать прямо свое собственное мнѣніе, такъ какъ въ существующихъ досель примѣчаніяхъ къ тексту Θεэмета авторы ихъ недостаточно интерпретировали его въ этомъ отношеніи.

Въ случаяхъ разномысленнаго разночтенія какого-либо мѣста въ кодексахъ, я указывалъ на основаніе, по которому я выбиралъ то или другое чтеніе. Считаю обязанностію быть осторожнымъ въ исправленіи текста, я однако сдѣлалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько попытокъ; вообще же я отмѣтилъ въ своихъ примѣчаніяхъ случаи несомнѣннаго искаженія текста.

Н. Скворцовъ.

2 мая
1871 года.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ЧТЕНІЮ ДІАЛОГА.

I.

ПОДЛИННОСТЬ ДІАЛОГА. ВРЕМЯ ЕГО НАПИСАНІЯ. МѢСТО ЕГО ВЪ ПЛАНѢ ЧТЕНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПЛАТОНА.

Никто никогда не исключалъ *Θεэтета* изъ списка подлинныхъ произведеній Платона. Во всѣхъ трилогіяхъ и тетралогіяхъ и въ другихъ комбинаціяхъ, въ которыя, по свидѣтельству *Діогена Лаэртія*, сочетавали древніе діалоги Платона, *Θεэтетъ* является неперемѣнно, а нѣкоторые даже ставили его во главѣ всѣхъ произведеній философа (*Diog. L. III. 49—62*). Равнымъ образомъ новые комментаторы и критики Платона до послѣдняго времени не нашли ничего сказать противъ подлинности нашего діалога, исключая развѣ нѣкоторыхъ въ немъ мѣстъ. Но не свидѣтельству *Аристотеля* обязанъ нашъ діалогъ такою неприкосновенностію своего достоинства, такъ какъ *Аристотель* нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не говоритъ ясно о *Θεэтетѣ*; впрочемъ и упоминаніе *Аристотеля* не спасло бы, можетъ быть, чести *Θεэтета*, еслибы убѣжденіе въ его подлинности не выступало непосредственно изъ самого содержанія: вѣдь не спаслись же отъ подозрѣнія въ подложности, напри- мѣръ, *Федонъ* и *Софистъ*, несмотря на ясныя указанія на нихъ *Аристотелемъ* 991^b 3, 1026^b 14 (*ed. Acad. Borussica 1831 — 6*) — первый со стороны произвола древней кри-

тики «какого-то Панетія», Παναίτιός τις, какъ называетъ схолиастъ къ первому изъ упомянутыхъ мѣстъ сочиненій Аристотеля извѣстнаго философа стоической школы 576^a 38 (Schol. colleg. Brandis); — второй со стороны придирчивости новой критики Шаршмидта (Rhein. Mus. f. Philologie XVIII Jahrg. 1863 с. 3 и слѣд.). Въ единодушномъ признаніи критикою подлинности Θεэтета сказала, хотя не всегда быть можетъ сознательно для нея самой, мысль, которая единственно, кажется, можетъ быть руководящею мыслию при рѣшеніи вопроса о подлинности діалоговъ Платона. Мысль эта въ послѣдствіи высказана Риббингомъ такимъ образомъ: «тѣ діалоги, которые выразительно или подразумеваемо указываютъ на идеи, или, по содержанию своему, прямо или непрямо предполагаютъ идеи, или въ ученіи объ идеяхъ находятъ свое послѣднее объясненіе, или далѣе тѣ, которые съ какой-либо стороны оправдываютъ бытіе идей—всѣ такіе діалоги должны быть разсматриваемы какъ принадлежащія Платону.» (Ribbing, Genetische Darstellung der Platonischen Philosophie. Zw. Theil. 1864. стр. 90).. Впрочемъ мысль эта, какъ мысль руководящая при рѣшеніи вопроса о подлинности діалоговъ Платона, имѣетъ значеніе не аргумента, на основаніи котораго мы могли бы утверждать подлинность того или другаго діалога, — такимъ аргументомъ единственно можетъ служить только историческое свидѣтельство, — но она даетъ основаніе нашему довѣрію къ историческому преданію о подлинности даннаго діалога. Такое значеніе имѣетъ она и относительно Θεэтета. Въ основѣ преданія объ этомъ діалогѣ, какъ о подлинномъ произведеніи Платона, лежитъ та мысль, что этотъ діалогъ, по содержанию своему, есть необходимый ἐπίβασις къ идеямъ. Имѣя въ немъ дѣло съ философскими воззрѣніями какъ своего, такъ и ближайшаго къ себѣ времени, и изъ-

ясняя ихъ критически, Платонъ въ этомъ своемъ произведеніи, силою своей критики, старается пробиться изъ темной области сенсуализма и эмпиризма въ свѣтлый міръ идей разума.

Время написанія Платономъ *Θεэтета*, какъ и время написанія большей части его діалоговъ, опредѣлить съ точностію едва ли возможно. Большинство издателей и толкователей Платона относятъ однако написаніе имъ этого діалога къ Мегарейскому періоду, т.-е. или къ тому времени, когда Платонъ, по смерти Сократа, вмѣстѣ съ другими сократиками удалился изъ Аѳинъ въ Мегару, или къ ближайшему времени послѣ этого. (См. Астъ, *Platon's Leben und Schriften*. 1816, с. 192. Целлеръ, *Philosophie der Griechen* II. I. с. 228 — 9. Примѣч. Штейнгартъ, *Platons sämtliche Werke übersetzt v. H. Müller mit Einleitungen begleitet v. K. Steinhart*. Bd. III. с. 99. Штальбаумъ, *Platonis Theaetetus*. 1839. Prolegomena с. 6).

Однимъ изъ важныхъ признаковъ для критики относить написаніе Платономъ *Θεэтета* именно къ столь раннему времени послужило упоминаніе о Коринѳской войнѣ (142^a), подъ которою большею частію разумѣютъ войну Аѳинянъ съ Лакедемонянами, въ которой Ификратъ съ своими пелтастами сокрушилъ спартанскую Морю въ 390 г. (по Гроту, по другимъ изслѣдованіямъ въ 394. См. *Xenoph. Hell.* IV, 5. 13). Но еще Шлейермахеръ основательно замѣтилъ, что изъ упоминанія о битвѣ при Коринѳѣ, въ которой *Θεэтетъ* былъ раненъ, нельзя вывести многого; самое большее, что изъ этого слѣдуетъ, есть развѣ то, что діалогъ не могъ быть написанъ ранѣ половины 96 Ол. (*Platons Werke* v. F. Schleiermacher. 1805. II. I. с. 185). Между тѣмъ подъ упоминаемой въ діалогѣ Коринѳской войной можно разу-

мѣтъ позднѣйшую войну 368 г. при Истмѣ, противъ Эпамиконда, о которой Ксенофонтъ говоритъ въ VII Hell. 1. 18. (Срав. Діод. XV. 68 слѣд.). Мункъ и Ибервегъ полагаютъ, что въ діалогѣ говорится именно объ этой Коринѳской битвѣ, а не о первой (Мункъ, *Die natürliche Ordnung der Platonischen Schriften*. 1857. с. 394 и 397. Ибервегъ, *Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge der Platonischen Schriften etc.* 1861. с. 229). Другой также существенный для критики признакъ ранняго написанія *Θεαιετα* составляетъ вступленіе діалога, въ которомъ фигурируетъ Евклидъ. Это вступленіе, по мнѣнію многихъ критиковъ, должно имѣть значеніе посвященія діалога Евклиду въ память того гостепріимства, которое оказалъ Евклидъ Платону и другимъ сократикамъ въ Мегарѣ, и тѣхъ бесѣдъ, которыя имѣли мѣсто въ ихъ обществѣ (См. Астъ, т—же, с. 250. Германнъ, *Geschichte und System der Platonischen Philosophie*. 1839. с. 492. Штейнгартъ, т—же, с. 27. Целлеръ, т—же, с. 298. Суземиль, *Die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie*. Срав. Штальбаумъ *Prolegom. ad Theaet.* с. 9. Вольрабъ, *Platonis Theaetetus*. MDCCLXIX. *Prolegomena*, с. 3).

Нѣтъ, можетъ быть, нужды усиливаться доказывать, что вступленіе въ *Θεαιεте* не имѣетъ характера посвященія, хотя не мѣшаетъ замѣтить вмѣстѣ съ Ибервегомъ (т—же, с. 235) ту странность въ этомъ случаѣ, что о діалогѣ, посвященномъ Евклиду, въ то же время говорится, что онъ записанъ имъ; но ни въ какомъ случаѣ нельзя раздѣлять того мнѣнія Целлера (т—же, с. 228, примѣч. 1), что посвященіе діалога Евклиду указываетъ на то время его написанія, когда Платонъ не вполне рѣшительно отдѣлился отъ основателя Мегарейской школы, и что вещи, которыхъ касается онъ во вступленіи къ діалогу, очевидно, были въ то время еще

свѣжи въ памяти читателей. Пусть вступленіе въ діалогъ имѣетъ значеніе посвященія его Евклиду, но Платонъ также точно могъ написать и посвятить свое сочиненіе уважаемому имъ лицу и въ послѣдствіи, какъ и вскорѣ послѣ свиданія съ нимъ въ Мегарѣ. Впрочемъ мы не намѣрены ловить бѣдные признаки поздняго написанія Платономъ нашего діалога и употреблять ихъ въ своемъ изслѣдованіи какъ *asylum ignorantiae*. Къ такимъ бѣднымъ признакамъ должно отнести и то замѣчаніе Шлейермахера (II. I. с. 183—5), что въ діалогъ мы встрѣчаемъ указанія на нѣкоторыхъ современныхъ Платону философовъ и что эти указанія позволяютъ предполагать, что во время написанія Платономъ *Θεэтета* какъ школа его, такъ и школы другихъ сократиковъ были уже организованы. А такъ какъ основаніе Платономъ школы, т.-е. академіи, по соображеніямъ Ибервега, не могло быть ранѣе 387 г., т.-е. послѣ возвращенія его изъ Итальянскаго путешествія; ибо время проведенное Платономъ въ Аѳинахъ, по возвращеніи его изъ Египта, до путешествія въ Италію, по соображенію Ибервега, не могло быть достаточно для основанія школы; то Ибервегъ и выводитъ отсюда, что *Θεэтетъ* могъ быть написанъ Платономъ не ранѣе этого времени. Но Целлеръ, хотя внимательно также слѣдитъ за указаніями Платона на современныхъ ему философовъ (см. т—же, с. 206, 207), полагаетъ, что школа Платона, хотя еще не въ видѣ академіи, была основана имъ непосредственно по возвращеніи его изъ Мегары (т — же, с. 298). Такимъ образомъ оказывается еще разъ, что путемъ подобныхъ соображеній нельзя придти ни къ какому положительному результату. На этомъ пути, напротивъ, всѣ изслѣдователи естественно теряются въ лабиринтѣ разныхъ историческихъ обломковъ. Гораздо убѣдительнѣе и точнѣе говорить о времени написанія діалога самое его содержаніе. Полное знакомство съ

существующими философскими теоріями, ясное пониманіе ихъ связи и различія, глубокая и основательная ихъ критика — все это вполне убѣждаетъ въ томъ, что авторъ діалога владѣетъ зрѣлою мыслию, развитымъ сознаниемъ, въ которомъ есть уже свое мѣрило истины. Несомнѣнно такимъ образомъ, что во время написанія *Θεэтета* Платонъ совершенно освоился съ мыслию объ идеяхъ, и она служила для него руководящею мыслию его философской критики. На этомъ основаніи никакія случайности не должны заставить насъ отнести написаніе Платономъ діалога къ болѣе раннему времени нежели то, когда онъ сдѣлался тѣмъ чѣмъ есть исторически, т.-е. философомъ, владѣющимъ своимъ собственнымъ философскимъ идеальнымъ міровоззрѣніемъ.

Это мѣрило конечно не хронологическое, но хронологическія данныя совершенно согласны съ нимъ. Такъ если мы примемъ, согласно со многими изслѣдователями, что упоминаемая въ діалогѣ Коринѣская война, есть война 368 года, то полагая, что діалогъ написанъ Платономъ чрезъ два-три года послѣ нея, мы отнесемъ такимъ образомъ написаніе нашего діалога къ 62 или 63 г. жизни Платона, такъ какъ онъ умеръ на 81 или 82 году своей жизни въ 347 г. до Р. Хр. Это хронологическое данное, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ тому значенію, которое мы даемъ нашему діалогу въ общемъ развитіи идеальнаго міровоззрѣвія Платона; и мы не можемъ не удивляться, что Кэмпбелль напротивъ находитъ не сообразнымъ относить написаніе Платономъ *Θεэтета* къ этому періоду его жизни, когда (по мнѣнію впрочемъ только нѣкоторыхъ изслѣдователей) голова его была полна мыслями, составляющими содержаніе *Республики* (Campbell, *The Theaetetus of Plato*, Oxford. 1861. с. LXXII): какъ будто критическое мышленіе Платона въ *Θεэтетѣ* можетъ быть рассматриваемо безотноси-

тельно къ тому идеальному міровоззрѣнію, которое составляетъ подлинное внутреннее содержаніе его Республики!

Относитъ написаніе *Θεэтета* къ означенному выше времени жизни Платона совершенно согласно также съ упоминаніями въ діалогѣ о возрастѣ *Θεэтета*. Именно въ діалогѣ говорится, что Сократъ бесѣдовалъ съ нимъ *μερακίω ὄντι* (142^с), значить на 15 или 16 году его возраста. Если эта бесѣда, согласно съ указаніями въ концѣ діалога (210^д), происходила въ годъ смерти Сократа, т.-е. въ 399 г., то въ 368 году, когда *Θεэтетъ* былъ раненъ, ему должно было быть 46 или 47 лѣтъ, что совершенно согласно съ выраженіемъ Терпсиона: *οἶον ἄνδρα λέγεις ἐν κινδύνῳ εἶναι* (142^б). Съ другой стороны этотъ возрастъ *Θεэтета*, какого онъ былъ въ день Коринѣской битвы, совершенно согласенъ также съ другими историческими о немъ свидѣтельствами Свиды и Прокла, которыя мы приведемъ ниже. Однако можно замѣтить, что эти свидѣтельства не препятствуютъ и тому, чтобы упоминаемая въ діалогѣ Коринѣская война была война 390 г. (или 394 г.), потому что можно вмѣстѣ съ Штейнгартомъ предположить, что *Θεэтетъ* не умеръ отъ раны, полученной имъ въ этой войнѣ, но жилъ и имѣлъ такимъ образомъ время приобрѣсть себѣ нѣкоторую извѣстность въ математическихъ наукахъ, о чемъ и говорятъ вышеуказанныя свидѣтельства. Равнымъ образомъ эти свидѣтельства не мѣшаютъ и тому, чтобы написаніе Платономъ діалога отнести ко времени вскорѣ послѣ этой войны, какъ думаетъ Штейнгартъ и нѣкоторые другіе, хотя бы даже въ этомъ случаѣ пророческое мнѣніе Сократа о *Θεэтетѣ*, о чемъ говоритъ Евклидъ 142^с, должно, какъ замѣчаетъ Мункъ (т—же, с. 392), принадлежать въ равной мѣрѣ и самому Платону.

Такимъ образомъ, какъ мы уже сказали, твердое основаніе относитъ написаніе діалога къ болѣе позднему вре-

мени заключается не въ зыбкихъ историческихъ отрывочныхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ діалогѣ, а въ значеніи самого произведенія Платона по его содержанію относительно другихъ. И этого совершенно достаточно для нашей главной цѣли—для опредѣленія того педагогическаго значенія, которое долженъ имѣть нашъ діалогъ въ ряду другихъ діалоговъ Платона.

Но эта задача ставитъ насъ вновь лицомъ къ лицу съ тою критикой, у которой искони вошло въ обычай дѣлить діалоги Платона на три группы. Хотя къ этой трилогіи критика приходила часто отъ совершенно разныхъ точекъ отправленія, тѣмъ не менѣе общее критики въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что первая группа діалоговъ или серія такъ называемыхъ сократическихъ діалоговъ противопоставляется ею серіи діалоговъ послѣдняго періода философской дѣятельности Платона, діалогамъ позитивнаго или конструктивнаго характера (Шлейермахеръ, Германнъ), или діалогамъ подлинно съ характеромъ платоническимъ (Астъ). Серія же діалоговъ средней группы, такъ называемыхъ діалектическихъ, занимаетъ середину между двумя вышеозначенными и, по мнѣнію критиковъ, должна служить приготовленіемъ къ содержанію діалоговъ послѣдней серіи. Вслѣдствіе такого срединнаго положенія діалоги второй серіи естественно оказываются способными къ передвиженію частію въ первую, частію во вторую серію. Такъ *Θεэтетъ*, который, по мнѣнію большинства критиковъ, долженъ занимать мѣсто послѣ діалоговъ первой и въ началѣ второй серіи, отнесенъ Мункомъ къ третьей серіи діалоговъ (т — же, с. 50), а Штейнгартомъ ближе къ первой, чѣмъ ко второй (т — же, с. 5 и слѣд.); Штальбаумъ же совершенно уничтожаетъ посредствующую стадію между первой и второю серіею, и діалоги второй серіи совмѣщаетъ съ діалогамъ третьей, отдѣляя отъ нихъ толь-

ко de Legibus, какъ позднѣйшее произведение Платона (Disputatio de Plat. vita, ingenio et scriptis in Plat. Opp. Vol. 1. Sect. 1. MDCCCXLVI. pp. XXXIII—IV). Такое перемѣщеніе нашего діалога изъ одной серіи или группы въ другую достаточно ясно, кажется, говорить объ искусственности всякаго такого дѣленія и о бесплодности самой задачи.

Между тѣмъ рѣшеніе этой задачи критика приводитъ нерѣдко въ связь съ вопросомъ о цѣли и характерѣ діалога. Этотъ послѣдній вопросъ дѣлитъ критику на двѣ партіи. Одни, какъ Астъ, Боницъ, Гротъ, частію и Штейнгартъ полагаютъ, что *Θεэтетъ* есть діалогъ негативнаго характера и что все содержащееся въ немъ изслѣдованіе не приводитъ ни къ какому положительному результату. Другіе, какъ Шлейермахеръ, Суземиль, частію Мункъ и особенно Риббингъ утверждаютъ противное, полагая, что вопросъ о знаніи, составляющій задачу нашего діалога, рѣшенъ въ немъ въ положительномъ смыслѣ. По мысли первыхъ способъ изложенія въ *Θεэтетѣ* есть діалектическій и спекулятивный, но эта діалектика не научнаго и позитивнаго характера, но совершенно проническая и полная насмѣшки (*Persiflage*). Мегарейцы и вмѣстѣ съ ними двѣ противоположныя одна другой эпейскія школы — циническая Антисѣена и киренайская Арстиппа—вотъ ученія, на которыя въ нашемъ діалогѣ направлены пронія и діалектика Платона. Здѣсь діалектика философа является нерѣдко даже сатирическою; такова, на примѣръ, діалектика, направленная противъ послѣдователей Гераклита. Сопоставленіе Гераклита съ Гомеромъ есть также пронія. Опроверженіе Протогора также пронично и сатирично. Многіе проническіе намеки въ діалогѣ для насъ даже непонятны, на примѣръ на стр. 166 ° (*Ast Platon's Leb. u. Schr. s. 189—191*). Таковъ духъ, въ которомъ эта критика обсуждала вопросъ о цѣли и характерѣ діалога; въ томъ же

духъ трактуеть діалогъ и новѣйшій критикъ тойже партіи. Въ діалогѣ, говоритъ Гротъ, даны послѣдовательно четыре отвѣта, но всѣ отвергнуты одинъ за другимъ безъ достиженія въ концѣ какого-либо удовлетворительнаго рѣшенія вопроса (Grote, Plato and the other companions of Socrats. Vol. II. с. 322). Иначе смотритъ на діалогъ другая часть критики. Шлейермахеръ, утверждая, что между діалогами Платона нѣтъ ни одного, задача котораго исчерпывалась бы однимъ только негативнымъ результатомъ, полагаетъ, что основная задача Θεэтета состоитъ въ томъ, чтобы показать, что истинное знаніе не можетъ быть найдено, если истину и бытіе не отдѣлить отъ содержанія ощущеній и отъ явленій (II. I. с. 171—2. I. I. с. 227). Но если Шлейермахеръ находитъ, что ученіе изложенное въ Θεэтетѣ, что истина должна быть искома внѣ ощущенія и явленій, высказано въ діалогѣ не прямо (т — же с. 176); то Риббингъ говоритъ болѣе рѣшительнымъ тономъ, что Θεэтетъ указываетъ на идеи, какъ на нѣчто истинно сущее, и въ познаніи нашемъ имѣющее значеніе чего-то дѣйствительнаго и позитивнаго (т—же; II. с. 222).

Что же касается до генетическаго отношенія нашего діалога къ другимъ, то дѣйствительно много труда и остроумія потрачено критикою на воссозданіе генезиса Платоновой философіи, но со времени Шлейермахера до нашихъ дней это дѣло не подвинулось впередъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло; потому что за недостаткомъ историческихъ документовъ, рѣшеніе вопроса исключительно должно было держаться на остроуміи критики. Наконецъ въ наше время вопросъ этотъ мало-по-малу отходитъ на задній планъ у большей части излѣдователей философіи Платона. Нѣтъ нужды повторять при этомъ мнѣніе Грота, что опредѣлить генетическій порядокъ діалоговъ Платона не возможно; достаточно указать на положеніе Мунка, что на-

туральный порядокъ Платоновыхъ діалоговъ не совпадаетъ съ генетическимъ, и что единственно полезная и нужная задача критики можетъ состоять только въ отысканіи этого натурального порядка (т—же, с. 57). Этотъ натуральный порядокъ, по скольку онъ долженъ быть практикуемъ для изученія философіи Платона, есть не иной какой-либо какъ тотъ, въ которомъ діалоги Платона размѣщены такъ, что читающій ихъ послѣдовательно одинъ за другимъ совершенно правильно и основательно постигаетъ философію Платона. Согласно съ этимъ въ планъ чтенія діалоговъ Платона должны войти діалоги по преимуществу съ характеромъ идеальнаго ученія. Этимъ планомъ я руководился въ 1868 г. при изданіи Менона. Этимъ же планомъ я руководюсь и теперь, взявъ послѣ Менона Феэтета. Потому и теперь скажу тоже, что сказано мною было тогда — именно, что «вопросъ о порядкѣ діалоговъ Платона существенно важенъ единственно только въ интересѣ педагогическомъ.» Впрочемъ еще гораздо ранѣе 1868 г. тотъ же самый педагогическій интересъ имѣлъ мѣсто при чтеніи произведеній Платона. Я имѣю здѣсь въ виду тѣ древніе способы чтенія діалоговъ Платона, о которыхъ говоритъ Діогенъ Лаэртій. Такъ, чѣмъ инымъ какъ не педагогическимъ интересомъ объяснить вторыя заглавія всѣхъ діалоговъ Платона, которыя, по свидѣтельству Діогена (III. 57), даны имъ *Θρασίλλω*? *Θρασίλλω* недовольствовался искусственнымъ раздѣленіемъ діалоговъ Платона на тетралогіи, но нашелъ необходимымъ обозначить ихъ по ихъ внутреннему содержанию. Или что иное если не педагогическій интересъ видѣть въ древнемъ дѣленіи діалоговъ Платона по характеру ихъ на теоретическіе и практическіе и въ подраздѣленіи первыхъ на *φυσικός*, *λογικός*, а вторыхъ на *ἠθικός*, *πολιτικός* и т. д. Несправедливо замѣчаетъ Мунъ, что стремленіе расположить діалоги Платона въ извѣстномъ

порядкѣ, въ виду этой педагогической цѣли, открыло просторъ произволу; потому что другія разнообразныя комбинаціи діалоговъ, о которыхъ Діогенъ Лаэртій говоритъ въ 62 § едва ли были построяемы по мотивамъ педагогическимъ. Произволь принадлежитъ искусственности, а аналитически правильное расположеніе діалоговъ можетъ быть исполнено вполнѣ научнымъ образомъ, на основаніи оцѣнки содержанія діалоговъ и степени выраженія каждымъ изъ нихъ основнаго ученія Платона — ученія объ идеяхъ.

Руководясь такими соображеніями, я предпринялъ послѣ Менона изъяснить *Θεэтета*. Натуральная связь *Θεэтета* съ Менономъ была указана Мункомъ (т — же, с. 380, 385, 406) и поддержана Риббингомъ противъ Суземиля и Штейнгарта, которые не признаютъ солидарности между этими діалогами. Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на мнѣніи этихъ послѣднихъ ученыхъ, но съ Риббингомъ приходится имѣть счеты вслѣдствіе того, что онъ усиливается доказать, что въ натуральномъ порядкѣ чтенія діалоговъ Платона *Θεэтеть* долженъ предшествовать Менону. Это положеніе Риббингъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Діалогъ *Θεэтеть*, говоритъ онъ, или изложенная въ немъ теорія познанія требуетъ пополненія, которое доставляетъ ученіе о воспоминаніи, ἀνάμνησις. А такъ какъ ученіе о воспоминаніи, продолжаетъ далѣе Риббингъ, имѣетъ то значеніе, что доставляетъ субъективное основаніе тому аналитическому развитію понятія знанія, которое проведено въ *Θεэтетѣ*, то естественно возможно, что между этимъ діалогомъ, представляющимъ аналитически регрессивный путь къ принципу знанія и Менономъ, который въ ученіи о воспоминаніи представляетъ конечный путь этого регресса, — имѣетъ мѣсто дѣйствительная и непосредственная

связь, именно какъ связь предыдущаго съ послѣдующимъ, или условнаго съ условіемъ. Но это отношеніе и этотъ порядокъ двухъ діалоговъ становятся вѣроятными, если обратить вниманіе на то, что развитіе означеннаго содержанія въ Менонѣ, безъ такого отношенія его къ Θεэтету, или при обратномъ ихъ отношеніи, было бы излишне и безцѣльно. Хотя ученіе о воспоминаніи находится также въ Федрѣ и въ Федонѣ, но ни тотъ, ни другой діалогъ, хотя по разнымъ причинамъ, ни въ какомъ случаѣ, по мнѣнію Риббинга, не могутъ быть рассматриваемы, какъ пополненіе, или заключеніе Θεэтета. Итакъ данное отношеніе Менона къ Θεэтету, заключаетъ Риббингъ, казавшееся сперва только возможнымъ и вѣроятнымъ, оказывается единственно возможнымъ. Еслибы ученіе о воспоминаніи, спрашивается въ другомъ мѣстѣ Риббингъ, предшествовало ученію изложенному въ Θεэтетѣ и такимъ образомъ нечувственное происхожденіе и значеніе знанія было бы уже выяснено, то какая цѣль этихъ обширныхъ и трудныхъ доказательствъ въ Θεэтетѣ того, что выведено уже изъ болѣе глубокаго основанія? (Риббингъ т—же II. с. 236—243.)

Если начать съ конца, то можно также спросить: какая цѣль была у Платона развивать въ Федонѣ теорію воспоминанія, если въ Менонѣ она до того выяснена, что, по мнѣнію Риббинга, діалогъ этотъ есть необходимый заключительный пунктъ и послѣднее основаніе той теоріи знанія, которая изложена въ Θεэтетѣ? Если не излишне и не безцѣльно было послѣ Менона писать Федона, то также не лишень и не безцѣленъ Θεэтетъ послѣ Менона. Самъ Риббингъ основательно замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что естественный ходъ развитія всякой научной мысли тотъ, чтобы въ предшествующемъ изложеніи доказать ее, а въ послѣдующемъ только привести, а не на оборотъ (т—же,

II. с. 249). Но можно ли строго сказать, что въ *Θεэтетѣ* доказано то, что въ *Μенонѣ* приведено только, положимъ, какъ психологическій экспериментъ? Самъ же Риббингъ рассматриваетъ *Μенона* въ отношеніи къ *Θεэтету* какъ необходимое его пополненіе, безъ котораго *Θεэтетъ* имѣетъ только негативное значеніе, и никакого положительнаго (т — же, с. 194). Дѣйствительно нельзя оспаривать того, что *ἀνάμνησις* есть послѣднее слово Платоновой теоріи знанія. Но почему бы ему не быть и первымъ словомъ всей Платоновой философіи, особенно въ формѣ того психологическаго случая, въ которой оно высказано Платономъ въ *Μенонѣ*? Не бываетъ ли въ самомъ дѣлѣ часто, что то, что должно быть въ концѣ изслѣдованія, вынырываетъ въ сознаніи при самомъ началѣ обработки вопроса? И не необходимо ли даже это для того, чтобы изслѣдованіе вопроса и критика мнѣній были вполне основательны, имѣли провѣрку себѣ и на послѣднее свое слово смотрѣли какъ на путеводный свѣточъ, чтобы не сбиться съ дороги?... Впрочемъ мы не хотимъ чрезъ это возстановлять погибшаго для насъ факта генетическаго мѣста одного діалога въ отношеніи къ другому. Мы утверждаемъ только, что теорія воспоминанія очень естественно могла имѣть мѣсто въ головѣ Платона прежде написанія имъ *Θεэтета* и — болѣе чѣмъ вѣроятно — имѣла въ ней мѣсто, когда онъ путемъ критики разнообразныхъ ученій развивалъ въ *Θεэтетѣ* теорію познанія. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ мысль о предсуществованіи души, на которой опирается мысль о воспоминаніи, такъ и сама мысль о воспоминаніи, не есть собственно Платонова мысль, какъ даетъ понять и самъ онъ это въ *Μенонѣ* (81^{b-c}). Древняя мысль поэтовъ, орфиковъ и пифагорейцевъ — она получила у Платона подлинно философское значеніе, какъ положеніе объясняющее возможность истиннаго знанія. Впрочемъ мифическій и ле-

гендарный колоритъ сохранился на этой теоріи даже и въ позднѣйшемъ изложеніи ея въ Федонѣ.

Но какъ бы то ни было, занимался ли Платонъ этой теоріей прежде написанія *Θεэтета*, или ознакомился съ нею и усвоилъ ее своей философіи въ послѣдствіи, это не должно мѣнять того аналитическаго плана отношенія *Θεэтета* къ *Менону*, который мы считаемъ единственно возможнымъ и полезнымъ для главной цѣли чтенія діалоговъ Платона, т.-е. для постиженія его идеальной философіи. Не какой-либо педантической порядокъ діалоговъ дорогъ для этой цѣли, но тотъ подлинно аналитическій, при которомъ философскій смыслъ каждаго діалога наиболее понятенъ. Въ виду этой-то цѣли *Θεэтета*, въ порядкѣ чтенія діалоговъ Платона, долженъ непосредственно слѣдовать за *Менономъ*. Читателю *Θεэтета*, чтобы былъ онъ въ состояніи понять глубокомысленную критику Платона разныхъ философскихъ теорій и выяснить не менѣе глубокомысленный анализъ познавательной нашей дѣятельности до ея послѣдняго источника, очень полезно, если просто не необходимо — знать ту внутреннюю пружину, которою движется весь этотъ механизмъ критики и анализа.

Хотя основная пружина критики Платона въ нашемъ діалогѣ, какъ раскрыто это въ Анализѣ, есть убѣжденіе въ объективномъ существованіи идей, какъ подлинныхъ предметовъ истиннаго знанія, однако само убѣжденіе въ возможности истиннаго знанія выступаетъ непосредственно изъ теоріи воспоминанія, которое, какъ мы видѣли это въ *Менонѣ* (см. Анализъ *Менона* с. 134), есть для Платона условіе возможности истиннаго знанія. Такъ какъ эту теорію Платонъ практиковалъ уже въ *Менонѣ*, то естественно, что порядокъ чтенія діалоговъ Платона, въ указанномъ выше интересѣ, долженъ быть тотъ, чтобы *Менонъ* былъ прочитанъ прежде *Θεэтета*. Строгая послѣдовательность,

которую мы особенно рекомендуем наблюдать въ чтеніи діалоговъ Платона, необходима вслѣдствіе того разнообразія и даже различія его мнѣній, какъ онъ нерѣдко является предъ читателемъ въ своихъ произведеніяхъ. Какъ бы ни объясняла критика это явленіе — изъ общихъ ли условій умственной дѣятельности людей того времени, или изъ личнаго характера діалектческаго мышленія Платона, во всякомъ случаѣ задача критики должна состоять въ томъ, чтобы предложить діалоги Платона для чтенія въ такомъ рядѣ, въ которомъ различіе мнѣній Платона по тому или другому вопросу не мѣшало бы читающему понять по возможности его основное философское умовозрѣніе. Существуетъ впрочемъ болѣе легкое средство избѣгнуть указанное разногласіе Платона съ самимъ собою: это — читать его діалоги въ отрывкахъ, группируя ихъ такъ, чтобы въ общемъ выходило нѣчто цѣльное. Но чрезъ такое чтеніе можно только въ извѣстной мѣрѣ познакомиться съ Платономъ, и съ этою цѣлію нельзя не рекомендовать этой методы чтенія для учениковъ гимназій и другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній, хотя слѣдуетъ замѣтить, что чтеніе подобнаго рода компендіума философіи Платона ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить послѣдовательнаго чтенія самихъ произведеній философа, такъ какъ въ рядѣ отрывковъ изъ автора могутъ быть подобраны болѣе или менѣе удачно только отдѣльныя мысли его, а внутренняя работа самого мышленія естественно пропадаетъ.

Въ интересѣ болѣе высокаго, ученаго чтенія діалоговъ Платона слѣдуетъ читать ихъ въ цѣломъ, со всѣми разногласіями и противорѣчіями встрѣчающихся въ нихъ мнѣній. Такое чтеніе обязательно для того, кому не должна быть чужда умозрительная философія. Въ сферу же умозрѣнія безъ всякаго сомнѣнія должны быть вовлечены слушатели гуманитарныхъ наукъ въ университетѣ; и едва ли есть иное

лучшее средство для этой цѣли, какъ послѣдовательное чтеніе цѣлаго ряда діалоговъ Платона со всѣми ихъ трудностями, со всѣми тѣми исканіями и вопросами, отъ которыхъ, вообще говоря, такъ удалилась дѣятельность умовъ нашего вѣка. Ибо къ сожалѣнію и въ наше время слѣдуетъ сказать тоже, что сказалъ Виттенбахъ въ 1776 году: *Qui Platonem legant, pauci sunt; qui eum intelligant, paucissimi; qui vero vel ex versionibus, vel ex jejuno historiae philosophicae compendio de eo judicent et cum supercilio pronuncient, plurimi sunt.* (Wittenbach, *Bibliotheca Critica*, vol. I, стр. 28.)

II.

ΤΑ ΤΟΥ ΔΙΑΛΟΓΟΥ ΠΡΟΣΩΠΑ

ΕΥΚΛΕΙΔΗΣ, ΤΕΡΨΙΩΝ, ΣΩΚΡΑΤΗΣ, ΘΕΟΔΩΡΟΣ, ΘΕΑΙΤΗΤΟΣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ОБЪ ЕВКЛИДѢ, ТЕРПСΙОНѢ, ΘΕΟΔΩΡѢ
И ΘΕΑΙΤΕΤѢ.

Ευκλείδης. Евклидъ. Никто конечно не смѣшаетъ этого Евклида изъ Мегары съ знаменитымъ математикомъ Евклидомъ, жившимъ въ Александріи спустя цѣлое столѣтіе послѣ Мегарейскаго. По всей вѣроятности нашъ Евклидъ былъ и родомъ изъ Мегары. Діогенъ Лаэртій (II, 10³) говоритъ: Εὐκλείδης ἀπὸ Μεγάρων — ἢ Γεγῶος κατ' ἐνίου, ὡς φησὶν Ἀλέξανδρος ἐν διαδοχαῖς. Но другіе древніе просто называютъ Евклида Мегарейскимъ. Такъ Цицеронъ: Euclides Socratis discipulus Megareus. (Acad II. 42. Срав. Strabo IX. 1. 8.) По крайней мѣрѣ постоянное его мѣсто жительства была Мегара, откуда онъ часто приходилъ въ Аѣины для бесѣды съ Сократомъ. Такъ Платонъ въ Федонѣ говоритъ, что между присутствующими у Сократа предъ его смертію былъ καὶ Μεγαρόθεν Εὐκλείδης (59. ^ο Срав. Theaet. 143 ^α). Сюда относится также разсказъ Авла Геллія о томъ, что когда было запрещено Мегарейцамъ посѣщать Аѣины подъ страхомъ смерти, Евклидъ не могъ отказаться отъ свиданія съ Сократомъ и поздно вечеромъ являлся въ Аѣины въ женскомъ платьѣ (Avl. Gell. Noctes Att. VI. 10). Такъ какъ запрещеніе это относится къ 1 году 87 Ол., то Ев-

квидъ, повидимому, былъ однимъ изъ первыхъ сократиковъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ старше Платона, что видно уже между прочимъ изъ того, что по смерти Сократа Платонъ и другіе сократики убѣгая изъ Аѳинъ, δείσαντες τὴν ὤμιότητα τῶν τυράννων, какъ передаетъ Діогенъ Лаэртій свидѣтельство Гермодора (академика), нашли себѣ пріютъ у Евклида въ Мегарѣ (Diog. L. II. 106. Срав. III. 6). Здѣсь въ Мегарѣ, кромѣ Евклида, были еще нѣкоторые философы, и здѣсь, быть можетъ, созрѣвала философская мысль Платона.

Философовъ Мегарейцевъ обыкновенно называютъ Мегарейскою школою и Евклида ея основателемъ. По крайней мѣрѣ Діогенъ говоритъ о Мегарейцахъ такъ: οἱ ἀπ' αὐτοῦ (т.-е. Евклида) Μεγαρικοὶ προσήγορεύοντο, εἴτ' ἐριστικοί, ὕστερον δὲ διαλεκτικοί (II. 106). Діогенъ циникъ, по свидѣтельству тогоже Діогена Лаэртія, τὴν Εὐκλείδου σχολὴν ἔλεγε σχολὴν (Diog. L. VI. 24). Но по всей справедливости подъ Мегарейскою философіею должно разумѣть не одно какое-либо направленіе философіи въ смыслѣ школы, но рядъ философскихъ ученій, выводимыхъ изъ такъ или иначе понятой философіи Сократа, при чемъ Мегара не при чемъ, и Евклидъ есть только одинъ изъ философовъ Мегарейцевъ, а вовсе не представитель и еще менѣе основатель особенной Мегарейской школы. Каждый изъ философовъ Мегарейцевъ былъ именно тотъ *alius*, который, по словамъ Цицерона, *aliud ex Socratis variis et diversis et in omnem partem diffusis desputationibus apprehendit* (De Orat. III. 16).

Діогенъ Лаэртій знакомитъ насъ съ философіею Евклида въ такихъ словахъ: οὗτος ἐν τὸ ἀγαθὸν ἀπεφαίνετο πολλοῖς ὀνόμασι καλούμενον· ὅτε μὲν γὰρ φρόνησιν, ὅτε δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν καὶ τὰ λοιπά. τὰ δ' ἀντικείμενα τῷ ἀγαθῷ ἀνῆρει, μὴ εἶμαι φάσκων (II. 106). Тоже и Цицеронъ: *Euclides — id bonum solum esse dicebat, quod esset unum*

et simile et idem semper (Acad. II. 42). Изъ этихъ указаній ясно, что философія Евклида представляла сближеніе понятія единства у Элеатовъ съ понятіемъ блага у Сократа. На вопросъ Сократа, что есть благо, Евклидъ отвѣчалъ предикатомъ одинаго, и подобно Элеатамъ, внѣ блага какъ одинаго, отрицалъ всякое бытіе, т.-е. реальность разнообразія видимаго міра. Связь Евклида съ Элеатами засвидѣтельствована древними. Діогенъ говоритъ: οὗτος καὶ τὰ Παρμενίδεια μετεχειρίζετο. А Цицеронъ прямо отождествляетъ его съ ними: Megaricorum fuit nobilis disciplina, cujus—princeps Xenophanes,—deinde eum secuti Parmedines et Zeno, itaque ab his Eleatici philosophi nominabantur. Post Euclides Socratis discipulus Megareus, a quo iidem illi Megarici dicti (Acad. II. 42). Та же связь Евклида съ Элеатами легко усматривается и изъ слѣдующаго указанія Діогена: ταῖς τε ἀποδείξεσιν ἐνίστατο οὐ κατὰ λήμματα, ἀλλὰ κατ' ἐπιφοράν, т.-е. эристика его была направлена на заключенія, а не на послышки противника—метода, которою съ искусствомъ умѣли пользоваться Элеаты, особенно Зенонъ (См. Plat. Parmenides, 128). Къ особенностямъ ученой методы Евклида Діогенъ присовокупляетъ и то, что онъ въ своихъ разсужденіяхъ не пользовался сравненіями, потому что если въ сравненіи дано дѣйствительно нѣчто подобное, то лучше разсуждать о самомъ предметѣ, чѣмъ о томъ чему онъ подобенъ, если же въ сравненіи дано нѣчто не подобное, то самое сравненіе излишне (II. 107). Въ этомъ нельзя не видѣть наклонности Евклида къ краткости и опредѣленности, хотя въ то же время здѣсь лежитъ расположеніе къ софистикѣ. При этомъ можно припомнить то, что, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, сказалъ Сократъ, увидавъ однажды Евклида ἐσπουδακότα περὶ τοὺς ἐριστικοὺς λόγους. Ὡς Εὐκλείδῃ, ἔφη (Σωκράτης), σοφισταῖς μὲν δυνήσῃ χρῆσθαι, ἀνθρώποις δὲ οὐδαμῶς (II. 30). Кромѣ этихъ

краткихъ указаній на философію Эвклида у Діогена, мы не имѣемъ почти никакого другаго источника и не знаемъ, какія слѣдствія выводилъ Евклидъ изъ своего тезиса, что благо есть единое и что внѣ блага нѣтъ ничего.

Τερψίων. Терпсіонъ. Объ этомъ лицѣ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ историческихъ указаній. Несомнѣнно, что онъ былъ также Мегареецъ и близокъ съ Евклидомъ, а чрезъ него вѣроятно и съ Платономъ. Кромѣ нашего діалога Платонъ упоминаетъ его въ Федонѣ между присутствовавшими у Сократа предъ его смертію: καὶ Μεγαρόθεν Ἐυκλείδης τε καὶ Τερψίων (59^ο). Отсюда позволительно заключать, что Тертіонъ былъ также человѣкъ, преданный Сократу.

Θεόδωρος. Θεодоръ. Извѣстный математикъ, родомъ изъ Кирены, современникъ Сократа и Платона, а по Діогену даже наставникъ послѣдняго въ математикѣ: ἔπειτα (т.-е. изъ Мегары) εἰς Κυρήνην ἀπῆλθε (Πλάτων) πρὸς Θεόδωρον τὸν μαθηματικόν (Diog. L. II. 103. III. 6). Повидимому нѣтъ достаточнаго основанія отвергать это показаніе Діогена, хотя можно замѣтить, что время посѣщенія Θεодора Платономъ, о которомъ говоритъ Діогенъ, противорѣчитъ нѣсколько содержанію нашего діалога, въ которомъ Θεодоръ, еще при жизни Сократа, является лицомъ, имѣющимъ уже учениковъ въ самихъ Аѳинахъ. Но можно ли придавать историческое значеніе сценамъ и событіямъ въ діалогахъ Платона? А если можно, то мы должны представлять себѣ Θεодора человѣкомъ строгаго характера и любомудрымъ (145^{a-c}), преданнымъ наукамъ, но преимущественно посвятившимъ себя математикѣ (165^a). Впрочемъ, по изображенію Платона, онъ былъ близокъ съ Протагоромъ и хорошо зналъ его философію (161^b 162^a 164^e и др.). Герклатейцы же не нравились Θεодору за отсутствіе спокойствія и ясности въ ихъ мышленіи, за ту текучесть, въ которой упре-

каеть ихъ и Платонъ (179 ° и слѣд.). Въ заключеніе нельзя не замѣтить той особенности въ положеніи этого лица какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ діалогахъ Платона (Софистъ и Политикъ), что вездѣ онъ занимаетъ, такъ сказать, вторыя роли. Платонъ заставляетъ его говорить, большею частію, или чтобы начать о чемъ-нибудь изслѣдованіе, или чтобы отъ одной темы перейти къ другой.

Θεαίτητος. Θεэтеть. Похвала, съ какою отзывается Теодоръ о Θεэтетѣ, какъ о юношѣ съ блестящими способностями вообще и развитою математическою сообразительностію въ особенности, и какъ бы въ оправданіе этой похвалы представленное Платономъ въ діалогѣ вычисленіе Θεэтетомъ квадратныхъ корней, что въ то время было новостію въ наукѣ — все это даетъ основаніе предполагать, что лицо, имя котораго носитъ нашъ діалогъ, есть именно то историческое лицо, о которомъ говоритъ Свида: Θεαίτητος, Αθηναίος, ἀστρολόγος, φιλόσοφος, μαθητὴς Ζωκράτους, ἐδίδαξεν ἐν Ἡρακλείᾳ. πρῶτος δὲ τὰ πέντε καλούμενα στερεὰ ἔγραψε, γέγονε δὲ μετὰ τὰ Πελοποννησιακά. И нѣсколько ниже: Θεαίτητος Ἡρακλείας Πόντου φιλόσοφος, ἀκροατὴς Πλάτωνος. См. также Прокла комментарий къ 2 кн. Евклида (II. р. 19), гдѣ имя Θεэтета упоминается между тѣми математиками, παρ' ὧν ἐπηυξήθη τὰ θεωρήματα καὶ προῆλθεν εἰς ἐπιστημολοικωτέραν σύστασιν. Но во всякомъ случаѣ Θεэтеть, какъ историческое лицо, не имѣетъ большаго значенія въ древней наукѣ; и если онъ долженъ имѣть въ ней свое мѣсто, то развѣ за его рвеніе къ наукѣ, за его ученія начинанія. На эти-то ученія начинанія Θεэтета, можетъ быть, указываетъ Платонъ въ VII кн. Респуб. 528^b, гдѣ говоритъ, что стереометрія находится еще въ младенчествѣ, ибо, быть можетъ, Платонъ имѣлъ здѣсь въ виду тѣ же πέντε καλούμενα στερεὰ Θεэтета, о которыхъ говоритъ Свида. Въ нашемъ же діалогѣ Платонъ обрисовалъ Θεэтета такими качествами, чрезъ

которыя онъ приближается къ тому идеалу философской натуры, который изображенъ Платономъ въ Республикѣ.

Кромѣ описанныхъ лицъ, въ діалогѣ упоминаются еще какъ присутствующіе нѣкоторые юноши (168^d), κωφά πρόσωπα, изъ которыхъ одинъ названъ Σωκράτης ὁ νεώτερος (147^d); очевидно, то же лицо, которое является и въ «Политикѣ.»

III.

ИЗЛОЖЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ ДІАЛОГА.

Содержаніе діалога составляетъ изслѣдованіе вопроса о томъ, что есть знаніе. По плану изслѣдованія весь діалогъ существенно раздѣляется на двѣ части. Содержаніе въ той и другой части, по составу своему, есть критическое, а не догматическое—именно: первая часть есть

Критика сенсуализма,
а вторая —

Критика разсудочнаго эмпиризма.

Все изслѣдованіе діалога располагается по ряду вопросовъ, выступающихъ въ немъ, какъ моменты развитія одного основнаго вопроса всего изслѣдованія — вопроса о знаніи. Эти вопросы или рѣшаются непосредственно вслѣдъ за ихъ постановкой, или нерѣдко, прерываясь въ ходѣ своего рѣшенія, ведутъ къ отступленіямъ. Если къ этому присоединить еще предисловіе, вступленіе и нѣсколько другихъ частей, которыя занимаютъ въ діалогѣ болѣе или менѣе случайное мѣсто, и не съ меньшимъ удобствомъ могли быть помѣщены въ каждомъ другомъ, то нашъ діалогъ получаетъ видъ сочиненія состоящаго изъ ряда отдѣльныхъ статей, хотя написанныхъ по одному вопросу, но скорѣе

какъ будто независимыхъ одна отъ другой, нежели связанныхъ между собою. Однако—такова художественность древней реторики — при всѣхъ этихъ кажущихся перерывахъ и отступленіяхъ, при всей этой видимой отрывочности отдѣльныхъ статей входящихъ въ составъ діалога, весь онъ въ цѣломъ представляетъ непрерывную конструкцію положеній одной и той же критической мысли—положеній, органически связанныхъ между собою единствомъ того убѣжденія, на которомъ опирается сама критическая мысль автора и которое, хотя нигдѣ не формулировано въ діалогѣ, какъ позитивное положеніе, но сознается непосредственно, какъ внутренняя сила критики. Съ другой стороны эта дѣлимость діалога, на которую указано выше, оказывается полезною въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ она даетъ возможность нумеровать части діалога такъ, чтобы тою или другою частію можно было пользоваться отдѣльно, смотря по потребности и степени развитости читающаго.

Слѣдуя этой методѣ, я представляю здѣсь все содержаніе діалога въ тезисахъ, обнимающихъ болѣе или менѣе обширныя его части или отдѣлы, обозначая каждый изъ такихъ отдѣловъ цифрами страницъ по изданію Стефана и нумеруя ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ въ текстѣ.

№ 1.

142—143 °. Предисловіе. Содержаніе: происхожденіе діалога, какъ литературнаго произведенія.

№ 2.

143 ^a— 148 °. Вступленіе въ изслѣдованіе, имѣющее значеніе пролога. Содержаніе: обстоятельства постановки Сократомъ вопроса о томъ, что есть знаніе, и объясненіе истиннаго философскаго его значенія, въ противоположность возрѣнію общаго смысла.

№ 3.

149^a — 151^d. Эпизодъ о повивальномъ искусствѣ Сократа и о примѣненіи его къ душамъ тѣхъ, которые способны воспринимать и носить въ своемъ разумѣ научные вопросы.

№ 4.

151^e — 155^d. Сближеніе положенія Θεэтата: αἴσθησις — ἐπιστήμη съ ученіемъ Протагора: πάντων χρημάτων μέτρον ἀνθρώπου.

№ 5.

155^e — 157^d. Связь этого ученія съ метафизическою теоріею движенія, составляющею онтологическое основаніе сенсуалистической теоріи познанія.

№ 6.

157^e — 161^b. Дальнѣйшее развитіе теоріи движенія и изъясненіе чрезъ нее сенсуалистической теоріи познанія въ формально-психологическомъ отношеніи.

№ 7.

161^e — 165^e. Критика субъективнаго смысла положенія Протагора (ἀνθρώπου μέτρον) со стороны формально-психологической.

№ 8.

166^a — 172^b. Раскрытіе объективнаго смысла ученія Протагора о человѣкѣ какъ о мѣрѣ подлиннаго бытія вещей и вытекающее отсюда отрицаніе самого тезиса Протагора.

№ 9.

172^e — 177^b. Эпизодъ о различіи положенія философа и практическаго человѣка въ отношеніи къ истинѣ.

№ 10.

177^e — 179^d. Определеніе смысла тезиса Протагора

(ἄνθρωπος μέτρον) и ограниченіе его смысла по мотиву закона тожества.

№ 11.

179^d — 183^e. Раскрытіе объективнаго смысла теоріи движенія и вытекающія отсюда отрицательныя слѣдствія для сенсуалистической теоріи познанія.

№ 12.

183^d — 186^e. Указаніе на недостатокъ въ содержаніи знанія, какъ оно опредѣляется въ сенсуализмѣ, по сравненію съ содержаніемъ этого понятія, чрезъ анализъ его какъ акта психической дѣятельности.

№ 13.

187^a — 200^e. Раскрытіе логической несообразности въ положеніи о знаніи, какъ о правильномъ представленіи вещи (δόξα ἀληθής), данное чрезъ изслѣдованіе возможности, дѣйствительности и формы ложныхъ представленій — ἀλλοδοξία ἑτεροδοξία, ἐπιστημῶν μεταλλάγή.

№ 14.

200^d — 210^d. Изслѣдованіе понятія — δόξα ἀληθής μετὰ λόγου какъ предиката къ понятію знанія и раскрытіе логической несообразности въ этомъ положеніи.

1 и 2 №№ могутъ, по моему мнѣнію, быть удобно читаемы учениками гимназій, когда они впервые приступаютъ къ знакомству съ произведеніями Платона. Равнымъ образомъ для учениковъ старшаго класса гимназій, если хотятъ знакомить ихъ съ методою образованія и развитія философскихъ вопросовъ, я рекомендую читать №№ 4, 7, 10 и 12. Впрочемъ эти же нумера, безъ сомнѣнія, должны имѣть мѣсто въ университетскомъ чтеніи произведенія Платона, при чемъ здѣсь № 4-й должно дополнить непосредственно №№ 5 и 6 (которые я предлагаю опускать въ гимназическомъ чтеніи, какъ достаточно трудные). Затѣмъ соб-

ственно для философскихъ студій въ университетѣ можетъ быть очень плодотворно чтеніе №№ 8 и 11. Что до № 3, то по легкости языка и по доступности содержанія онъ можетъ быть читаемъ и въ гимназіяхъ, но по глубинѣ мыслей, которыя онъ способенъ возбуждать въ читателѣ, и по связи его содержанія съ внутреннимъ мотивомъ всей философской системы Платона, его прилично читать уже развитымъ слушателямъ университетскихъ наукъ. Съ большею рѣшительностію я долженъ сказать это о № 9-мъ. Этотъ эпизодъ, по моему мнѣнію, съ величайшею пользою можно читать студентамъ университета предъ окончаніемъ ими курса университетскаго образованія, направляя при этомъ ихъ мысли такъ, чтобы полученное ими въ университетѣ философское образованіе послужило для нихъ зиждательною силою на всѣхъ путяхъ ихъ послѣдующей дѣятельности. Два же послѣднихъ №№ 13 и 14 я считаю во все неудобными для класснаго чтенія, хотя очень пригодными для того, чтобы предлагать ихъ студентамъ какъ задачи для умственныхъ экзерцицій — для анализа, для экспозиціи и т. п.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕМСТУ ДІАЛОГА.

р. 142. (ed. Steph.)

А. "Ἄρτι—ἢ πάλαι] т. е. ἤκειс. Ellipsis, срав. 144^d. Θεάιτητε, δεῦρο παρὰ Сωκράτη.

καὶ сέ γε] съ особенною выразительностію: и тебя искалъ.

κατὰ πόλιν] т. е. въ Мегарѣ, вмѣсто κατὰ τὴν πόλιν. Отсутствіе члена при именахъ означающихъ извѣстный предметъ очень обыкновенно какъ у другихъ писателей, такъ и у Платона. Срав. ниже κατ'ἀγοράν, εἰς λιμένα.

μήν] выражаетъ здѣсь недоумѣніе. μήν praecedente μέν est tamen, ut Phaedr. 286^e Вольрабъ.

ἐκ Κορίνθου ἀπὸ τοῦ στρατοπέδου] т. е. изъ лагеря расположеннаго въ Коринѣ; ex agro Corinthio. Гейндорфъ. Такое же выраженіе см. Charmid. р. 25: ἐκ Ποτιδαίας ἀπὸ τοῦ στρατοπέδου. Объ упоминаемой здѣсь войнѣ см. предварительныя объясненія къ чтенію діалога.

В. καὶ μάλα μόγις] Vocula καὶ non copulat, sed intendit. Гейндорфъ. αἰρεῖ] Schol. καταλαμβάνει, νῦν δὲ τὸ καταπονεῖ. Серранъ предлагаетъ писать: εἶλε, но безъ нужды, ибо αἰρεῖ въ этомъ случаѣ употребляется и у другихъ писателей. Срав. Софокль, Antig. v. 606. τὸν οὐθ'ὑπνος αἰρεῖ ποθ'ὄ παντογῆρωс.

Οἶον ἄνδρα — εἶναι.] достоинство Θεэтета, которое имѣеть при этомъ въ виду Терпсіонъ, нельзя относить къ его воинскимъ подвигамъ, потому что Евклидъ далѣе, въ видѣ только добавленія къ отзыву Терпсіона, говоритъ: ἐπεὶ τοὶ καὶ νῦν—περὶ τὴν μάχην.

ἐπεὶ τοὶ καὶ νῦν] nam profecto etiam, enim vero etiam, Штальбаумъ. даже вотъ и теперь.

Καὶ οὐδὲν — θαυμαστότερον] оба предложенія безъ глаголовъ. Штальбаумъ учитъ, что въ этомъ случаѣ глаголь non poterat commode inferri,

такъ какъ при ἄτοπον должно стоять ἐστί, а при θαυμαστότερον ἦν, itaque utroque loco reticetur verbum.

С. αὐτοῦ Μεγαροῖ] Μεγαροῖ есть appositio къ αὐτοῦ. Qui factum est, ut non hic Megaris deverterit? Штальбаумъ.

δοκεῖ γάρ μοι] nam si bene memini etc. Sic fere verterim hoc δοκεῖν, saepe ita de rebus factis, quarum quis meminit, adhibitum. Гейндорфъ. По смыслу рѣчи, это δοκεῖ лучше должно быть отнесено здѣсь къ ὀλίγον πρὸ τοῦ θανάτου, чѣмъ къ ἐντυχεῖν, т. е. мнѣ кажется, что не задолго до своей смерти Сократъ встрѣтилъ его и т. д.

μεираκίῳ ὄντι] отроческій возрастъ не свыше 16 лѣтъ.

καὶ μάλα ἀξίους] iterum καὶ ἐπιτακτικόν adhibitum. Гейндорфъ.

εἰς ἡλικίαν] т. е. ad aetatem maturam. Штальбаумъ.

Д. Καὶ ἀληθῆ γε — εἶπεν. ἀτάρ] до Гейндорфа эти слова принадлежали Евклиду. Гейндорфъ приписалъ ихъ Терпсиону, postulante et ratione et usu voculae ἀτάρ. Ибо частица ἀτάρ хотя всегда употребляется въ началѣ предложенія, но, какъ латинское at, обыкновенно выражаетъ изъясненіе, или поправленіе сказаннаго прежде и особенно имѣетъ мѣсто въ вопросительномъ предложеніи. Въ разговорномъ языкѣ большею частію ея мѣсто въ рѣчи одного и того же лица. Гейндорфъ подтверждаетъ свое чтеніе многими мѣстами изъ Платона. Буттманъ указываетъ одно параллельное мѣсто въ Soph. 232^d. τὰ Πρωταρόρειά μοι φαίνη περί τε πάλης καὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν εἰρηκέναι. Ξεν. Καὶ πολλῶν γε, ὡς μακάριε, ἐτέρων. ἀτάρ—Кэмбелъ свидѣтельствуеетъ, что въ Бодлеевскомъ кодексѣ, въ которомъ разговаривающія лица вообще не обозначены, въ нашемъ мѣстѣ надъ καὶ надписана маленькая прописная буква Т. (Τερψίῳ).

τίνας ἦσαν οἱ λόγοι; ἔχοις ἄν] Штальбаумъ и новые издатели послѣ λόγοι ставятъ знакъ вопроса. Штальбаумъ замѣчаетъ при этомъ, что при такой интерпункциі sermo plus vigoris et alacritatis nascitur, но Гейндорфъ, опираясь на Свиду sub v. ἀποστοματίζειν, не ставитъ знака вопроса послѣ λόγοι.

οὕτω] такъ т. е. какъ мы теперь есть, въ томъ положеніи въ какомъ мы теперь находимся.

ἀπὸ στόματος] наизусть, memoriter, libro non adhibito. Гейндорфъ.

р. 143.

А. εὐθὺς οἴκαδ ἐλθών] εὐθὺς pertinet ad ἐλθών, statim ut domum redieram. Гейндорфъ.

ἐγραψάμην — ἔγραφον] ἐγραψάμην dicit de eo quod ipse in suum

usum commentabatur; ἔγραφον autem de illo, quod literis sic consignabat, ut aliis quoque posset prodesse. Штальбаумъ.

ὁ μὴ ἐμεμνήμην] т. е. εἴ τι μὴ ἐμεμνήμην. Кэмпбелъ спрашиваетъ при этомъ: можно ли думать, что въ этихъ словахъ Евклида мы имѣемъ указаніе но то, какъ на самомъ дѣлѣ былъ составленъ этотъ діалогъ? Чит. Анализъ.

Ἀληθῆ ἤκουσά σου] parum sane commodum h. l. est istud ἀληθῆ, vellemque additum γάρ post ἤκουσα, an forte scribendum ἀλλ' ἤδη ἤκουσα? Гейндорфъ. Штальбаумъ отрицаетъ необходимость того и другого, утверждая, что здѣсь обыкновенное слововыраженіе, извѣстное въ синтаксисѣ подъ именемъ ἀσύνδετον.

καὶ μέντοι — δεῦρο] Буттманъ и Гейндорфъ просто: atque semper te hortaturus, ut librum mihi ostenderes, hucusque moratus s. cunctatus sum. Такъ понимаетъ мѣсто и Серранъ, который говоритъ: intelligit autem se semper in animo habentem illum hortari, distulisse. Но Штальбаумъ находитъ несообразнымъ, чтобы Терпсіонъ былъ занятъ мыслию попросить Евклида о книгѣ всегда, т. е. въ продолженіе всего того времени пока онъ оставался въ городѣ; enim vero peregre aberat Euclides, (говоритъ онъ) non aderat praesens: qui ergo homini sanae mentis tale quid in animum venire potuit? потому Штальбаумъ, относя ἀεί къ διατέτριφα, полагаетъ, что Терпсіонъ жилъ внѣ города и какъ только бывалъ въ городѣ, всегда ожидалъ Евклида здѣсь, т. е. *in loco aliquo publico*, съ тѣмъ чтобы попросить его показать ему книгу. Въ этомъ объясненіи Штальбаума не понятно, почему Терпсіонъ не приходилъ къ Евклиду въ домъ, а ждалъ что встрѣтитъ его гдѣ нибудь въ городѣ. Притомъ отнесеніе ἀεί къ διατέτριφα совершенно произвольно. Все затрудненіе мѣста состоитъ въ словѣ δεῦρο, которое въ смыслѣ нарѣчія мѣста очевидно не идетъ сюда, а въ значеніи времени оно обыкновенно употребляется въ связи съ ἀεί или μέχρισ. Между тѣмъ такое употребленіе δεῦρο не абсолютно и у самого Платона, какъ показалъ это Кэмпбелъ. См. Tim. 21^d διὰ δὲ χρόνον καὶ φθорὰν τῶν ἐργασαμένων οὐ διήρκεσε δεῦρο ὁ λόγος, гдѣ δεῦρο очевидно употреблено въ значеніи нарѣчія времени. Тѣмъ болѣе δεῦρο могло быть употреблено Платономъ въ смыслѣ нарѣчія времени и въ нашемъ мѣстѣ, что вблизи отъ него есть уже ἀεί при μέλλων. Что же касается до διατέτριφα, то, будучи понято въ смыслѣ протянуть дѣло до извѣстнаго времени, оно какъ нельзя лучше выражаетъ мысль Терпсіона. Именно онъ говоритъ: я всегда имѣлъ намѣреніе попросить тебя показать мнѣ твою книгу, но затянулъ дѣло доселѣ, т. е. доселѣ почему либо не успѣлъ его исполнить.

πάντως ἔγωγε] рѣчь продолжается безъ внѣшней связи съ предыдущей, что называется ἀσύνδετον. См. выше.

В. Ἐρινοῦ] vulgo Ἐρινεοῦ, какъ пишетъ и Гейндорфъ. Мѣстность на рѣкѣ Кефиссѣ близъ Елевзина. См. Pausan. I. 92.

ὁ παῖς] слуга Евклида, imo is quem secum habebat, ὁ ἀκόλουθος Euclidis. Гейндорфъ.

οὐκ ἔμοι Σωκράτη διηγούμενον—δαλεγόμενον] прямое придаточное предложение въ зависимости отъ главнаго ἔγραψάμην, употреблено какъ предложение въ οὕτωςι τὸν λόγον.

τῷ τε γεωμέτρῃ Θεόδωρῳ] извѣстный въ древности математикъ изъ Кирены, человекъ близкій Протатору, какъ свидѣтельствуется Платонъ ниже 164^е. По преданію, сохраненному Диогеномъ Лаерціемъ (11. 8), Платонъ, находясь въ Киренѣ, занимался у Θεодора математикою.

С. περὶ αὐτοῦ τε] такъ Буттманъ и Гейндорфъ, но въ Кларкіановомъ кодексѣ стоитъ αὐτοῦ. При томъ или другомъ чтеніи слова ὁπότε λέγοι к. т. л. слѣдуетъ принять за слова объясняющія διηγήσεис, и περὶ αὐτοῦ τε ὁπότε λέγοι переводить: когда, на примѣръ, онъ говоритъ о себѣ: я утверждалъ и т. д. За тѣмъ, послѣ ἢ αὖ περὶ ἀποκρινόμενου, должно также имѣть въ виду ὁπότε λέγοι ὁ Σωκράτης. При всемъ этомъ должно замѣтить, что ἢ въ соотвѣтствіи съ τέ есть анаколутія, нерѣдко встрѣчающаяся у Платона. Ср. Men. 95^в.

ἀπο τρόπου] вм. обыкновеннаго ἀπὸ τρόπου. Первое чтеніе принято Штальбаумомъ, Германномъ и Кэмбелемъ, но первыми ἀπο удержано и на 179^е ἀπο σκόπου, между тѣмъ какъ Кэмбель пишетъ здѣсь ἀπὸ σκόπου. Въ Кларкіановомъ кодексѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ въ нашемъ мѣстѣ стоитъ ἀπο.

Д. Εἰ μὲν τῶν ἐν Κυρήνῃ к. т. л.] въ этомъ сложномъ періодѣ комментаторовъ затрудняетъ аподозисъ νῦν δέ — ἦττον γάρ, такъ какъ νῦν δέ несомнѣнно стоитъ въ логической связи съ ταῦτα δὴ αὐτός к. т. л. потому Стефанъ говоритъ. hoc (т. е. ἦττον — ἐπιεικεῖς) videri possunt includenda parenthesi. Но, кажется, здѣсь нѣтъ никакого дѣйствительнаго затрудненія, такъ какъ слова ἦττον γάρ вовсе не суть слова вводныя (interposition — Кэмбель), но какъ εἰ μὲν τῶν к. т. л. суть условное придаточное предложение къ главному: τὰ ἐκεῖ ἄν се к. т. л. такъ и эти слова суть винословное придаточное предложение къ главному ταῦτα δὴ αὐτός к. т. л. обѣ же эти мысли составляютъ сложный періодъ противоположительный.

ἀνηρώτων] Кэмбель, которому послѣдовалъ Вольрабъ, предложилъ ἄν ἡρώτων, при чемъ предшествующее ἄν въ словахъ τὰ ἐκεῖ ἄν се объ-

ясняетъ такъ, что при немъ также долженъ быть повторенъ глаголь ἠρώτων.

περὶ γεωμετρίαν—φιλοσοφίαν] слѣдуетъ обратить вниманіе на широкій смыслъ слова φιλοσοφία, при чемъ можно вспомнить преданіе о надписи надъ входомъ въ Академію Платона μηδεὶς ἀγεωμέτρητος εἰσίστω.

ἐπίδοξοι γενέσθαι ἐπιεικεῖς] т. е. заставляютъ думать о себѣ, что они будутъ людьми стоящими одобренія. Ἐπιεικῆς у Платона значитъ laudabilis. См. Астъ. Lex. Plat.

ἄξιος γὰρ] безъ глагола εἶ.

Е. οἷω ὑμῖν] съ какимъ между вами, т. е. у васъ въ Аѳинахъ; потому не нужно ἡμῖν, какъ пишетъ Стефанъ.

νῦν δέ] т. е. ἀδεῶς δὴ λέγω, при чемъ καὶ μή μοι ἄχθου—сὺ ταῦτ' ἔχει есть вводная рѣчь, но по логическому своему содержанию выражаетъ причину ἀδεῶς δὴ λέγω.

μή μοι ἄχθου] Буттманъ замѣчаетъ: pertinent ad totum hoc οὐκ ἔστι καλός, προσέοικε δὲ σοὶ κ. т. л.

τὴν τε σιμότητα καὶ τὸ ἔξω τῶν ὀμμάτων] срав. Sympos. 213^a. Xenoph. Sympos. V. 5.

р. 144.

А. τὸ γὰρ εὐμαθῆ—γίγνομένους] хотя конструкция рѣчи представляетъ анаколутію, но по ясности мысли мѣсто не требуетъ никакого исправленія, въ чемъ согласны всѣ комментаторы; только Стефанъ замѣчаетъ: desunt aliquot verba ante ἐγὼ μὲν, aut aliqua propter ἀνακολουθίαν orationis sunt subaudienda. Но Гейндорфъ: ne sullabam quidem in his movendum ajo. Scilicet Theodorus sic fere, τὸ γὰρ εὐμαθῆ ὄντα—παρ' ὄντινοῦν, πῶς οὐ τοῦτο θαυμαστόν; vel similem in modum locuturus, neglecto, ut fieri solet in dicendi calore, constructionis initio, orationem ita flectit, quasi dixisset, εὐμαθῆ γὰρ τινα, ὡς ἄλλω χαλεπόν, καὶ πρῶον αὐ διαφερόντως καὶ ἐπὶ τούτοις ἀνδρεῖον παρ' ὄντινοῦν. Подобную конструкцию срав. Resp. 331^b Parm. 198^b Protag. 317^a.

ὡς ἄλλω χαλεπόν] nam εὐμάθεια, говоритъ Гейндорфъ, naturae donum, quod nullo studio parari potest, qui potest χαλεπόν τι, difficile aliquid, dici? Съ этой точки зрѣнія трактуетъ что мѣсто и Штальбаумъ, хотя и не соглашается на конъектуру Гейндорфа—ὡς ἄλλον εἶναι χαλεπόν. Онъ говоритъ: illud ὡς ἄλλω χαλεπόν per breviloquentiam explicandum, ut sit idem quod ὡς ἄλλω χαλεπός ἐστι, т. е. sicuti aliis (s. alias т. е. ἄλλως вм. ἄλλω) difficilis solet esse istiusmodi homo. Нельзя не замѣтить, что это объясненіе Штальбаума слишкомъ произвольно раз-

сѣкаетъ этотъ небольшой узелъ въ текстѣ. Кэмбель съ своей стороны основательно замѣчаетъ, что вовсе нѣтъ надобности утверждать, что слово χαλεπόν не можетъ быть употреблено относительно обладанія натуральными качествами, тѣмъ болѣе что самъ Платонъ въ другомъ мѣстѣ употребляетъ слово χαλεπόν совершенно въ подобномъ случаѣ; именно въ Республикѣ, говоря о комбинаціи нравственныхъ качествъ необходимыхъ для того чтобы философы были царями, Платонъ говоритъ: χαλεπὰ γενέσθαι οὐ μέντοι ἀδανατά γε. 502 с. Такимъ образомъ и въ нашемъ мѣстѣ ὡς ἄλλω χαλεπόν можетъ быть понято въ самомъ простомъ смыслѣ, именно: тогда какъ иному это такъ трудно, т. е. иной съ трудомъ понимаетъ, — при чемъ очевидно χαλεπόν есть контрарное понятие въ отношеніи къ εὐ въ словѣ εὐμαθῆ.

γενέσθαι.] т. е. τοιοῦτόν τινα.

γίγνομένους] т. е. τοιοῦτους. Качества необходимыя по Платону въ чловѣкѣ философской природы почти тожесловно указаны имъ въ Республикѣ 503 с.

πρὸς τὰς ὀργὰς ὀξύρροποι εἰσι] раздражительны.

ἄττοντες] обратите вниманіе на формы глагола ἄττω ἄσσω ἄϊσσω или просто ἄττω.

καὶ μανικώτεροι ἢ ανδρειότεροι] двойная сравнительная степень, что употребительно какъ въ греческомъ такъ и въ латинскомъ языкѣ.

В. ἀνυσίμως] послѣдовательно. *illud ἀνυσίμως ut penitus intelligatur, recordandum est ἀνύειν sive ἀνύτειν saepe numero a graecis usurpari sic, ut suppresso nomine ὀδὸν pervenire significet.* Штальбаумъ.

οἶον ἔλαιου — ρέοντος] фигуральное выраженіе, не рѣдко употребляемое послѣдующими писателями для обозначенія мягкости и плавности рѣчи. Такъ Діонисій Галикарнасскій (*Opera ed. Reiske. Vol. VI. De admiranda vi dicendi in Demosth. p. 1013.*) говоритъ: ἡ δ' (λέξις) ἔστιν ὑργὰ καὶ ὀμαλὴ καὶ ὡσπερ ἔλαιον ἀψοφητὶ διὰ τῆς ἀκοῆς ρέουσα.

ὥστε θαυμάσαι] sc. τινά. Гейндорфъ. Сравн. Аристофанъ, *Plut. v. 810* τὰ σκευάρια πλήρη ἔστιν ὥστε θαυμάσαι.

С. ἀλλὰ γὰρ ἐστὶ — ἀλλὰ σκόπει] второе ἀλλὰ окончательно убѣждаетъ въ томъ предположеніи, для котораго первое ἀλλὰ только открываетъ путь. Кэмбель.

ἐν τῷ ἔξω δρόμῳ ἠλείφοντο] это мѣсто заставляетъ полагать, что разговоръ происходилъ въ какой-либо гимназіи. ἔξω δρόμος *intelligi debet haud dubie de ζυστῶ.* Гейндорфъ. Витрувій же говоритъ: *haec autem porticus ζυστός apud graecos vocitatur, quod athletae per hiberna tempora in tectis stadiis exercentur (Vitruvius V. 11).* Впрочемъ слово

δρόμος, повидимому, означало многія части гимназіи; а такъ какъ, по словамъ Витрувія, extra (palaestram) disponantur porticus tres, то можно думать, что ἔξω δρόμος вѣроятно обозначаетъ портикъ, гдѣ былъ ἀλειπτήριον.

ἑταῖροί τε τινες] Кэмпбелъ, на основаніи предшествующаго ὁ ἐν τῷ μέσῳ, полагаетъ, что здѣсь подь ἑταῖροί τε τινες разумѣются два лица, притомъ одно изъ нихъ есть будто-бы νέος Σωκράτης, о которомъ послѣ упоминается въ діалогѣ и который является разговаривающимъ въ „Политикѣ“, другое же лицо остается нѣмымъ. Такія κωφὰ πρόσωπα встрѣчаются и въ другихъ діалогахъ, напримѣръ: въ Республикѣ, въ Лизіѣ.

καὶ πάνυ] καὶ имѣетъ здѣсь значеніе усиленнаго соединенія въ соотвѣтствіе съ нашимъ: да и.

Д. τὸν ἄνδρα] такъ называется здѣсь Θεэтеть, о которомъ выше было сказано, что Сократъ встрѣтился съ нимъ μεираκίῳ ὄντι.

νῶν ἐχόντων ἐκατέρου] ἐκατέρου есть appositio къ νῶν.

Е. ἐπεσκεψάμεθ' αὐν] аористъ послѣ imperfectum. Срав. Men. 72 b.

εἰ μουσικὸς ὢν λέγει;] sermonis lege scripsi λέγοι. Гейндорфъ. — Замѣтить можно, что высказанное здѣсь положеніе, что только человѣкъ образованный музыкально въ состояніи правильно измѣрить степень сходства въ строѣ двухъ лиръ, контрадикторно съ послѣдующимъ положеніемъ Протагора, что вообще человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей.

р. 145.

А. ὅσον γέ με εἰδέναι] выразительнѣе, можетъ быть, было бы сказать: ὅσον γ' ἐμέ εἰδέναι, какъ пишетъ Беккеръ, слѣдую только нѣкоторымъ кодексамъ.

ὅσα παιδείας ἔχεται] что входитъ въ программу образованія. Срав. Men. 93 d.

В. εἰ ποτέρου] здѣсь πότερος есть неопредѣленное мѣстоимѣніе alteruter, въ какомъ значеніи это слово особенно часто встрѣчается у Платона, напр. Soph. 252 a Charm. 171 b.

ἀρ' οὐκ ἄξιον, въ соотвѣтствіи съ предыдущимъ ἐπαινοῖ.

τῷ δέ] т. е. τῷ ἐπαινεθέντι.

Εὖ ἂν ἔχοι] съ нѣкоторою застѣнчивостію: хорошо бы это было.

С. μὴ ἀναδύου τὰ ὡμολογημένα] не уклоняйся отъ того, съ чемъ ты согласился. Свида объясняетъ ἀναδύομαι чрезъ φεύγω, ἀναβάλλομαι, μεταβουλεύω.

ἐπισκήψει] т. е. τῶν ψευδομαρτυριῶν, что опущено конечно вслѣдствіе близости слова μαρτυρεῖν. Но здѣсь должно однако замѣтить, что слово

ἐπισκήπτειν въ значеніи обвинять въ убійствѣ, въ ложномъ свидѣтельствѣ (φόνου, ψευδομαρτυριῶν) обыкновенно употребляется въ формѣ *medii generis*, хотя есть примѣры употребленія въ этомъ случаѣ глагола ἐπισκήπτειν и въ формѣ дѣйствительнаго залога. Сравн. Aesch. с. Timarch. p. 142. ἦν (т. е. τὴν πόλιν) οὐδὲ ψευδομαρτυριῶν θέμις ἐστὶν ἐπισκήψαι. Большею же частію ἐπισκήπτειν τινί значитъ *mandare alicui, fidei alicujus committere*.

μανθάνειс] должно быть произнесено съ нѣкоторою силой, ибо понятіе, лежащее въ этомъ словѣ, составляетъ исходный пунктъ къ вопросу о томъ, что есть знаніе.

D. παρά γε τούτου] въ кодексахъ γε. Pro vulgato γε rescripsi τε, expressum a Ficino: et ab hoc et ab aliis. Гейндорфъ.—Беккеръ и Асть пишутъ также τε, что* безъ сомнѣнія проще, хотя γε повидимому здѣсь болѣе прилично, такъ какъ, указывая ближайшимъ образомъ на Θεοδο-ра, эта частица означаетъ то, что Сократъ говорить о немъ предпочтительно предъ другими.

ὅμως τὰ μὲν ἄλλα] *voculam ὅμως ad sequentia illa potissimum pertinere opinor, μικρὸν δέ τι (δ'ἔτι?) ἀπορῶ etc. ut negligentiore paululum structura haec dici videantur pro ἄλλ'ὅμως, τὰ μὲν ἄλλα ἔχων περὶ αὐτὰ μετρίως, μικρὸν τι ἀπορῶ. Solet enim interdum ὅμως participio suo anteponi, ut de Rep. VI. 495^d. ὅμως γὰρ δὴ πρὸς γε τὰς ἄλλας τέχνας καί-περ οὕτω πρᾶττους φιλοσοφίας τὸ ἀξίωμα μεγαλοπρεπέστερον λείπεται. Срав. Phaed. 91^c. Гейндорфъ.*

ἀρ'οὐ τὸ μανθάνειν к. т. л.] отсюда Сократъ дѣлаетъ прямой шагъ къ вопросу о томъ, что есть знаніе такимъ образомъ: учиться значитъ становиться мудрѣе въ томъ чему учимся; мудрѣе же становимся въ чемъ либо, по сколькоу узнаемъ это; итакъ, что же такое знаніе?

Софіα — σοφοὶ οἱ σοφοί] сужденіе тожесловное. Смысль его состоитъ въ томъ, что субъектъ какъ явленіе, по содержанію своему, совершенно тожественъ съ содержаніемъ того общаго понятія, котораго онъ есть явленіе. Такихъ сужденій очень много у Платона. Сравн. Hipp. M. 287^c. Phaed. 100^c^d и друг. Изъ такого рода сужденій раскрывается значеніе идей Платона, какъ понятій въ нашемъ формальномъ мышленіи.

Ε. ἄπερ ἐπιστήμονες — σοφοί;] срав. Xenoph. Mem. IV. 6. 7. ὃ ἄρα ἐπίσταται ἕκαστος ταῦτα καὶ σοφός ἐστιν. Кому кажется, что при ἐπιστήμονες недостаетъ глагола, тому мало посовѣтовать только ἐσμέν, какъ дѣлаетъ Штальбаумъ, но можно, кажется, предложить на выборъ ἐσμέν или ἐίσι.

λαβεῖν ἰκανῶς παρ'ἑμαυτῷ] λαβεῖν τι παρ'ἑαυτῷ est animo aliquid com-

prehendere et intelligere, quod alibi etiam dicitur λόγῳ vel νῶ τι λαβεῖν. Phileb. 50^c λαβόντα δὲ τοῦτο παρὰ σαυτῶ ἀφεῖναι με κ. τ. λ. h. e. hoc autem intellecto dimissurum esse me etc. Штальбаумъ.

р. 146.

А. ὁ δὲ ἀμαρτῶν, καὶ ὅς ἂν ἀεὶ ἀμαρτάνη] кто же ошибается и особенно тотъ кто постоянно будетъ ошибаться. καὶ ὅς ἂν ἀεὶ ἀμαρτάνη сказано очевидно въ соотвѣтствіе съ слѣдующимъ ὅς δ' ἂν περιγένηται ἀναμάρτητος—каковыя выраженія даютъ понять, что въ упоминаемой здѣсь игрѣ право быть царемъ оставалось за тѣмъ, кто ни разу не дѣлалъ промаха противъ задачи игры, если же у всѣхъ игравшихъ были промахи, то — за тѣмъ, у кого ихъ было меньше; въ соотвѣтствіе съ этимъ и осломъ назывался тотъ, кто промахнулся большее число разъ.

καθεδεῖται—ὄνος] Schol. τῶν οὖν παιζόντων ταῦτα τοὺς μὲν νικῶντας βασιλεῖς ἐκάλουν, καὶ ὅ τι ἂν προσέταττον τοῖς ἄλλοις ὑπήκουον, τοὺς δ' ἠττωμένους ὄνους. Сравн. Horat. Epist. 1. 1. 59. at pueri ludentes, rex eris, ajunt, si recte facies.

Τί σιγᾶτε;] въ чтеніи, предъ этими словами, должна быть выдержана пауза.

οὐ τί που] Штальбаумъ, объясняя въ Sympos. 194^b οὐ δήπου, говорить: videlicet οὐ δήπου est suspicantis οὐ τί που autem mirantis et indignantis, ut Theaet. 146^a. de Rep. 11. 362^d.

ἡμᾶς ποιῆσαι] въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: ὑμᾶς, но еще Гейндорфъ хотѣлъ исправить въ ημᾶς, на томъ основаніи что Сократу не было причины желать сдѣлать дружественными и согласными между собою Θεодора и Θεэтета, которые и безъ того были близки другъ къ другу какъ учитель и ученикъ, равно и тѣ нѣмыя лица, которыя тутъ присутствовали, такъ какъ они были очевидно товарищи Θεэтета.

В. τῶν μερακίων τι] Стефанъ пишеть: τινά. Штальбаумъ, уступая только лучшимъ кодексамъ, оставляетъ τι.

τῆς τοιαύτης διαλέκτου] διάλεκτος въ смыслѣ colloquium противопоставляется спору. См. Resp. 454^a. Ἐριδι, οὐ διαλέκτῳ πρὸς ἀλλήλους χρώμενοι. Что до τοιαύτης, то этимъ словомъ безъ сомнѣнія указывается способъ бесѣды свойственной Сократу.

εἰς πᾶν ἐπίδοσιν ἔχει] formula ἐπίδοσιν ἔχειν est incrementi esse casum, crescere et augeri posse. Штальбаумъ. По содержанию срав. слова изъ Республ. 536^d. νέων δὲ πάντες οἱ μεγάλοι καὶ οἱ πολλοὶ πόνοι.

Ἀκούεις δὴ—Θεόδωρος] reiesci, quod his (послѣ слова Θεόδωρος) vulgo apponitur interrogandi signum. Гейндорфъ. Dicitur ut apud oratores

post testimonia vel litteras recitatas ὁρᾶτε, ἀκούετε, συνίετε, alia similia, in quibus non habet locum interrogatio. Штальбаумъ.

С. οὔτε θέμις—νεώτερον ἀπειθεῖν] болѣе строгая форма рѣчи была бы: οὔτε ἐθέλησεῖς οὔτε θέμις. Но авторъ, по свойственной ему свободѣ, послѣ θέμις высказываетъ новую мысль, которая можетъ быть разсматриваема какъ основаніе для ἀπιστεῖν ἐθέλησεῖς, при чемъ должно замѣтить, что послѣдующее ἀπειθεῖν есть тоже самое что ἀπιστεῖν, на что указалъ еще Гейндорфъ.

τί σοι δοκεῖ εἶναι ἐπιστήμη;] въ этой первой своей формѣ, вопросъ о знаніи не заключаетъ въ себѣ указанія на тѣ метафизическія затрудненія, которыя мало по малу должны быть раскрыты въ послѣдствіи. Въ этой простой формѣ вопросъ этотъ, очевидно, еще не поставленъ какъ подлинно философскій вопросъ; потому отвѣтъ на него данный Θεэтетомъ для Платона вовсе не имѣетъ значенія ошибки софистическаго мышленія, какъ утверждаетъ Штальбаумъ. Этотъ отвѣтъ не былъ простымъ случаемъ, который могъ бы и не быть, напротивъ, въ путяхъ мышленія Платона, онъ былъ необходимъ для діалектическаго развитія тѣхъ подлинно философскихъ апорій, которыя заключаются въ вопросѣ о знаніи. (См. Анализъ. Срав. Менонъ, Анализъ діалога 112 и слѣд.).

Δοκεῖ τοίνυν μοι—ἢ ἐπιστήμη εἶναι] въ этихъ словахъ Θεэтета воззрѣніе на знаніе высказано въ духѣ общаго смысла, „который все понимаетъ только въ явленіяхъ какъ онѣ даны непосредственно, который можетъ сравнивать и противоположать эти явленія, находитъ между ними сходства и различія, но который не постигаетъ внутренняго тождества явленій, заключающагося въ единствѣ ихъ логическаго понятія.“

ἐπιστήμη εἶναι] quamquam Ficinus vertit *scientiae*, praefereendum tamen pro utriusque sermonis ratione singularis ἐπιστήμη, quum in talibus posterius potissimum vocabulum (здѣсь ἐκάστη) respicere soleant veteres. Гейндорфъ.

Д. Γενναίως γε] въ соотвѣтствіе съ предшествующимъ: εὖ καὶ γενναίως.

ποικίλα] такъ какъ этимъ словомъ, очевидно, выражается разнообразіе явленій при единствѣ одного и того же понятія, то не можетъ быть вопроса о томъ, въ какомъ смыслѣ понимать это слово, въ смыслѣ ли разнообразія вещей, или въ смыслѣ многихъ понятій объ одномъ и томъ же, чѣмъ затрудняется Кэмбель. Для опредѣленія подлиннаго смысла слова ποικίλα срав. Phil. 12 с.

πῶς τί τοῦτο] vulgo: πῶς; τί τοῦτο λέγ. но такъ какъ сокращеніе двухъ вопросовъ въ одномъ вопросительномъ предложеніи у Платона встрѣ-

чается не рѣдко (сравн. Hipp. maj. 297° Alcibiad. 132^d. Soph. 261°), то Гейндорфъ, а занимъ другіе приняли чтеніе πὼς τί τοῦτο.

Ἴσως μὲν οὐδέν] „пожалуй, еще ничего.“ Далѣе Сократъ исправляетъ мышленіе Θεэтета о томъ что есть знаніе, указывая, что въ подобныхъ случаяхъ мышленіе должно быть функционировано по закону тожества. СРАВ. Men. 72. Lach. 191. 192. Soph. 240.

ὁ μὲντοι οἶμαι] т. е. λέγειν.

σκυτικήν] слово употребляемое Платономъ тожественно съ skutotomikḗ, равно какъ skutotómos тожественно съ skateús. См. Resp. 374^b, 601^c.

ὅταν λέγῃς—ἄλλο φράζεις] здѣсь мы имѣемъ случай самаго яснаго различія понятій λέγειν и φράζειν, равно и выше: ὁ μὲντοι οἶμαι (λέγειν), φράσω.

Ε. οὐδὲ τοῦτο] sc. ἄλλο τι λέγω. Гейндорфъ.

ἐπιστήμην αὐτὸ ὅτι ποτ'έστιν.] обычное употребленіе мѣстоимѣнія въ среднемъ родѣ вмѣсто согласованія его съ существительнымъ. СРАВ. Resp. 472^c. ἐζητοῦμεν αὐτὸ τε δικαιοσύνην. Men. 73^c. Parmenid. 130^b. и мног. друг.

р. 147.

Α. εἴ τις ἡμᾶς—γελοῖοι εἶμεν] въ протазисѣ, который оканчивается словамн ὁ τῶν πλινθουργῶν и несоизмѣримо болѣе аподозиса οὐκ ἄν γελοῖοι εἶμεν даны два условныхъ предложенія, изъ которыхъ второе, выражая слѣдствіе перваго, есть раздѣлительное сужденіе, заключающее въ себѣ условіе мысли данной въ аподозисѣ. СРАВ. Men. 74^b.

τῶν φαύλων τι καὶ προχείρων] о чемъ нибудь простомъ и подручномъ.

ὁ τῶν ἵπνοπλαθῶν] въ нѣкоторыхъ рукописяхъ in margine: короπλαθῶν, что очевидно заимствовано изъ послѣдующихъ словъ Сократа для единства выраженія, чего самъ Платонъ, какъ основательно замѣчаетъ Кэмпбелъ, избѣгалъ.

γελοῖοι εἶμεν] vulgo ὤμεν или ἦμεν, но аттической рѣчи въ этомъ случаѣ наиболѣе прилично εἶμεν.

Πρῶτον μὲν γέ που οἰόμενοι] дополнить предикатъ γελοῖοι ἄν εἶμεν.

συνιέναι] т. е. ὅτι ποτ'έστι πυλός, таково конечно логически дополненіе къ слову συνιέναι, какъ замѣчаетъ Гейндорфъ, хотя безъ сомнѣнія Штальбаумъ вполне правъ, говоря: non opus est profecto tali supplemento, quandoquidem objecti significatio continetur in verbis: ὅταν εἴπωμεν πυλός.

εἶτε ὁ τῶν κοροπλαθῶν] Кэмбель замѣчаетъ: въ обычаѣ Платона поразать насъ свѣжимъ примѣромъ при каждомъ особомъ аргументѣ, вмѣсто того чтобы оставаться при приведенномъ уже прежде. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Кэмбель указываетъ на слѣдующія мѣста. Resp. 333^b. ὤπερ ὁ κιθαριστικός κ. τ. λ. Prot. 312^d ὤπερ ὁ κιθαριστής κ. τ. λ. и въ самомъ Θεэтетѣ: 161^d βατράχου γυρίνου — 169^b. сὺ δὲ κατ' Ανταῖον κ. τ. λ. 178^d οὐχ ἢ τοῦ κιθαριστοῦ—190^c ὑγιένοντα ἢ μαινόμενον.

В. ἢ οἶε, τίς—τί ἐστίν;] слово οἶεи есть вводное предложеніе, потому послѣдующая энклитика остается съ удареніемъ. Что же касается до смысла настоящаго мѣста, то срав. Men. 79^c ἀλλ'οἶεи τινὰ εἶδέναι μόριον ἀρετῆς ὃ τι ἐστίν, αὐτήν μὴ εἰδότα;

С. φαύλως καὶ βραχέως] non idem est φαύλως quod ἀπλῶς, sicuti putabat Heindorfius, sed significat potius vulgari levique modo, unde Legg. XI. 929^a μὴ φαύλως et μὴ ἰδιωτικῶς conjungitur. Штальбаумъ. Удивляться должно этому vulgari levique modo, какъ объясняетъ здѣсь Штальбаумъ слово φαύλως. Имѣя въ виду дальнѣйшія выраженія: περιέρχεται ἀπέραντον ὁδόν, чему противопоставляется φαύλως, и φαῦλόν που καὶ ἀπλοῦν εἶπεῖν, — должно конечно согласиться съ Гейндорфомъ, что φαύλως hoc loco idem quod ἀπλῶς.

ἐν τῇ τοῦ πηλοῦ ἐρωτήσει] вмѣсто: ἐν τῇ περὶ τοῦ πυλοῦ ἐρωτήσει.

τὸ δ' ὄτου] т. е. πηλός ἐστίν.

Д. τούτῳ] accipiendum δεκτικῶς,—nam aderat ille inter Theaeteti familiares. Гейндорфъ.

Περὶ δυνάμεων τι κ. τ. λ.] Сими словами начинается математическое мѣсто въ нашемъ діалогѣ. Въ діалогахъ Платона мы имѣемъ нѣсколько математическихъ мѣстъ, писанныхъ авторомъ для разныхъ цѣлей. Здѣсь въ Θεэтетѣ слѣдующее математическое вычисленіе есть простой примѣръ, назначенный служить въ нѣкоторой степени для разъясненія того способа мышленія, который требуется въ данномъ случаѣ для рѣшенія данной собственно философской задачи. Основаніе, по которому Платонъ пользовался математическими понятіями для разъясненія того или другаго способа мышленія, состоитъ въ томъ, что математическія понятія какъ понятія чисто абстрактныя, благодаря простотѣ и наглядности ихъ взаимныхъ отношеній въ мышленіи, безъ сомнѣнія, всегда могутъ служить наилучшимъ образцомъ, на которомъ могутъ быть разъясняемы искомыя отношенія между тѣми или другими понятіями. Въ этомъ смыслѣ Платонъ говоритъ о математическихъ понятіяхъ въ Республикѣ VII. 522—531. Что касается до объясненія подлежащаго намъ

математическаго мѣста, то всѣ комментаторы понимаютъ его почти тождественно, хотя излагають, кажется, не достаточно точно.

При чтеніи послѣдующаго, говоритъ Кэмбель, должно имѣть въ виду, что древніе изучали ариѳметику посредствомъ геометріи. Именно, если число разсматривалось какъ простое, то оно было линіею; если же какъ составное, то прямоугольною фігурою; умножить значило построить прямоугольникъ; раздѣлить—найти одну изъ его сторонъ. Черты этого сохранились и доселѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ квадратное число, кубическое число, но метода сама уже не употребительна. Потому отъ насъ требуется нѣсколько усилія, для того чтобы понять, напримѣръ, квадратный корень не какъ число, которое чрезъ умноженіе само на себя даетъ извѣстное число, но — или какъ сторону квадрата, площадь котораго выражаетъ данное число, или какъ сторону прямоугольника, площадь котораго выражаетъ тоже число. Употребленіе арабскихъ и алгебраическихъ знаковъ много способствовало яснѣйшему выраженію и пониманію числовыхъ особенностей, безъ отнесенія ихъ къ какой либо геометрической формѣ.

Περὶ δυνάμεων τι κ. τ. λ.] См. Евклидъ В. X. Deff. 3—11. Εὐθείαι δυνάμει σύμμετροί εἰσιν, ὅταν τὰ ἀπ' αὐτῶν τετράγωνα τῷ αὐτῷ χωρίῳ μετρήται. Ἀσύμμετροι δέ, ὅταν τοῖς ἀπ' αὐτῶν τετραγώνοις μηδὲν ἐνδέχεται χωρίον κοινὸν μέτρον γενέσθαι. Τούτων ὑποκειμένων δείκνυται ὅτι τῇ προτεθείσῃ εὐθείᾳ ὑπάρχουσιν εὐθείαι πλήθει ἄπειροι ἀσύμμετροι, αἱ μὲν μήκει μόνον, αἱ δὲ καὶ δυνάμει, (v. l. σύμμετροι καὶ ἀσύμμετροι, αἱ μὲν μήκει καὶ δυνάμει, αἱ δὲ δυνάμει μόνον.) Καλείσθω οὖν ἡ μὲν προτεθείσα εὐθεῖα ῥητή. Καὶ αἱ ταύτη σύμμετροι, εἴτε μήκει καὶ δυνάμει, εἴτε δυνάμει μόνον, ῥηταί. Αἱ δὲ ταύτη ἀσύμμετροι, ἄλογοι καλείσθωσαν. Καὶ τὸ μὲν ἀπὸ τῆς προτεθείσης εὐθείας τετράγωνον, ῥητόν. Καὶ τὰ τοῦτῳ σύμμετρα, ῥητά. Τὰ δὲ τοῦτῳ ἀσύμμετρα, ἄλογα καλείσθω. Καὶ αἱ δυνάμεναι αὐτά, ἄλογοι· εἰ μὲν τετράγωνα εἴη, αὐταὶ αἱ πλευραὶ, εἰ δὲ ἕτερα τίνα εὐθύγραμμα, αἱ ἴσα αὐτοῖς τετράγωνα ἀναγράφουσαι.

δυνάμεων] корни, въ данномъ же случаѣ собственно квадратные корни, хотя потомъ упоминается о кубической величинѣ. δύναμις есть сокращенное выраженіе δυναμένη εὐθεῖα. Такъ равно ἡ τρίπους (δύναμις) = εὐθεῖα ἡ δυναμένη τρίπους т. е. прямая, производящая площадь равную тремъ футамъ (принимая футъ за квадратную единицу). Срав. Polit. 266 b. διάμετρος ἡ δυναμένη δίπους. Подобныя сокращенія встрѣчаются также въ терминахъ μήκος и δύναμις. См. Евклидъ X. Propos. 22.

μήκει οὐ ζύμμετροι] не измѣримы въ линейномъ измѣреніи, т. е. ихъ площади не могутъ быть точно выражены квадратною единицею, но они

δυνάμει σύμμετροι, т. е. измѣримы, такъ сказать, въ квадратномъ смыслѣ, или точнѣе — площади ихъ могутъ быть равновелики съ площадью нѣкотораго квадрата. Объ этомъ Штальбаумъ: Adolescentuli, excussis variis potentiarum exemplis, ipsi intelligere coeperunt duplex earum genus esse discernendum, siquidem alii numeri essent perfecte quadrati, veluti $9=3.3.$ et $4=2.2.$, qui μήκει sunt σύμμετροι, propterea quod latera eorum habentur aequalia, alii imperfecte quadrati, utpote sola nati potentia, quoniam inaequalibus nascuntur factoribus, ut $12=6.2$ vel 2.6 et 6 , quod efficitur ternario numero bis sumto, qui non μήκει, sed δυνάμει tantum inter se conveniunt, ideoque sunt ἑτερομήκεις.

κατὰ μίαν ἑκάστην — ἑπτακαίδεκάποδος] остановка на ἑπτακαίδεκάποδος дѣло случайное, какъ это видно изъ словъ: ἐν δὲ ταύτῃ πως ἐνέσχετο. (Кэмбель).

Ε. συλλαβεῖν εἰς ἓν] communi et generali notione comprehendere. Штальбаумъ. ἐν такимъ образомъ, какъ основательно замѣчаетъ Кэмбель, не стоитъ въ грамматическомъ соотвѣтствіи съ ὅτῳ, но συλλαβεῖν εἰς ἓν есть конструція πρὸς τὸ σημαίνόμενον, вмѣсто того чтобы сказать, напримѣръ, εὐρεῖν, ὅτῳ к. т. л. Задача, которая выражена въ этихъ словахъ относительно числовыхъ корней, подобна той задачѣ, которую Сократъ предложилъ Θεэтету относительно разныхъ знаній. Стефанъ въ примѣчаніи къ данному мѣсту текста говоритъ слѣдующее: ut et in numeris et in magnitudinibus extare debet κοινός quidam λόγος i. e. quaedam ratio, cujus universitate omnes numeri omnesque magnitudines contineantur, ita in scientiae omniumque adeo rerum definitione constituendum est, ut nimirum κοινοῦ λόγου cujusdam terminis atque cancellis rei definiendae natura circumscribatur, alioqui non est definitio, sed infinitae dubitationis error. Впрочемъ чит. Анализъ.

τὸν ἀριθμὸν πάντα] omnem numerorum compositorum multitudinem. Штальбаумъ. Срав. Phaed. 104 b. ἡ τριάς καὶ ἡ πεμπτάς — καὶ ὁ ἡμίσιος τοῦ ἀριθμοῦ ἅπας.

δυνάμενον] здѣсь это слово употреблено въ обыкновенномъ смыслѣ, безъ отношенія къ предшествующему δυνάμεων.

ἴσον ἰσάκεις γίνεσθαι] т. е. число которое можетъ быть произведено какъ квадратное число, (т. е. чрезъ умноженіе числа самого на себя), или, по словамъ Евклида, ὁ ἰσάκεις ἴσος ἢ ὁ ἀπὸ δυῶν ἴσων ἀριθμῶν περιεχόμενος т. е. число имѣющее равные факторы, какъ напримѣръ $16=4.4.$ $25=5.5.$

τῷ τετραγώνῳ τὸ σχῆμα — ἰσόπλευρον προσείπομεν] числа. (площади), происходящія отъ равныхъ факторовъ, по способу представленія древ-

нихъ, были названы, говорить Θεэтеть, четвероугольными равносторонними.

μεταξὺ τούτου, ὦν] Jo. Wolfg. Müllerus in libro: Kommentar über zwei dunkle mathemat. Stellen in Platos Schriften (in Theaetet und Meno) Norimberg. 1797.—pro τούτου scribendum censuit τούτων... Sed ne hac quidem correctione opus esse censemus. Etenim τούτου pertinet ad τὸν δυνάμενον ἴσον ἰσάκις γίνεσθαι ἀριθμόν, quod ipsa sententia evincit. Pluralis ὦν autem, etsi alicui in οὐ mutandus videatur, tamen paratam habet defensionem ex illo loquendi genere, de quo scripsimus ad Rempublicam VIII. 554 a. .θησαυροποιὸς ἀνὴρ οὗς δὴ καὶ ἐπαινεῖ τὸ πλῆθος. Itaque ὦν est: inter cuiusmodi numeros. Штальбаумъ.

р. 148.

Α. ὅς ἀδύνατος ἴσος — προμήκη ἀριθμόν ἐκαλέσαμεν] назвали продолговатымъ числомъ т. е. числомъ происходящимъ не отъ равныхъ факторовъ; въ противоположность предшествующимъ, эти числа суть площади выражаемая фигурую имѣющею неровныя стороны.

Ἄσαι μὲν γραμμαὶ — τετραγωνίζουσι] подъ словомъ γραμμαὶ здѣсь разумѣются линіи, которыхъ произведение выраженное числомъ, изображаетъ площадь квадрата; τετραγωνίζουσι же значить здѣсь: даютъ въ квадратѣ, или образуютъ какъ свой квадратъ (т. е. вслѣдствіе произведенія линіи самой на себя).

Ἄσαι δὲ τὸν ἑτερομήκη] т. е. τετραγωνίζουσι. См. Евкл. 11. 14. Словомъ ἑτερομήκη здѣсь названы тѣже числа, которыя выше обозначены словомъ προμήκη. Кэмпбелъ замѣчаетъ при этомъ, что эти два термина были различены позднѣйшими пифагорейцами. Никомахъ говорить, что ἑτερομήκης ἀριθμὸς имѣеть одинъ факторъ болѣе другаго на единицу, προμήκης — болѣе чѣмъ только на единицу.

μήκος ὠρισάμεθα — δυνάμεις] т. е. ὠρισάμεθα. Θεэтеть рассказываетъ, что если число происходитъ отъ равныхъ факторовъ, или, по конструкціи Θεэтета, если линіи въ квадратѣ образуютъ равностороннее число, то такое число они опредѣлили словомъ μήκος т. е. μήκει σύμμετρον, если же число происходитъ отъ неравныхъ факторовъ, или по Θεэтету — если линіи въ произведеніи своемъ образуютъ продолговатыя числа, то такія числа они опредѣлили словомъ δυνάμεις т. е. δυνάμει μόνον σύμμετρον. За тѣмъ

ὡς μήκει μὲν οὐ σύμμετρον ἐκείναις, τοῖς δ' ἐπιπέδοις ἃ δύνανται.] Смысль таковъ: такъ какъ они не соизмѣрими съ первыми въ линейномъ измѣреніи, но въ площадяхъ, для которыхъ онѣ (т. е. линіи) суть корни (ἃ

δύναται). Это значитъ, что линіи, которыя суть ирраціональные корни, не соизмѣримы съ линіями, выражающими точные корни (съ интегральными корнями), но площади, образуемыя ими, будучи цѣлыми числами, имѣютъ общею своею мѣрою единицу, т. е. линіи соизмѣримы не сами между собою, но въ площадяхъ, образуемыхъ ими; такимъ образомъ онѣ только потенциально соизмѣримы.

В. καὶ περὶ τὰ στερεὰ ἄλλο τοιοῦτον] говорится безъ сомнѣнія о кубическихъ корняхъ.

οὐκ ἔνοχος τοῖς ψευδομαρτυρίοις ἔσσεθαι] указывается на предшествующее 145 с.

сὺ γέ μοι δοκεῖς τοιοῦτόν τι ζητεῖν.] Нельзя не замѣтить, что вопросъ перὶ τοῦ μήκουс καὶ τῆс δυνάμεωс, какъ онъ объясненъ выше, не совершенно тождественъ съ вопросомъ Сократа о знаніи. По вопросу о знаніи Сократъ, какъ мы знаемъ, ищетъ того внутренняго тождества всѣхъ явленій знанія, которое заключается въ единствѣ ихъ логическаго понятія; между тѣмъ вопросъ о корняхъ состоялъ только въ томъ, чтобы обобщить виды корней, не выходя изъ предѣловъ ихъ эмпирическаго разнообразія, т. е. не рѣшая вопроса о томъ что есть корень числа, какъ логическое понятіе совершенно тождественное себѣ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе объясняющее значеніе вопроса о корняхъ по вопросу о знаніи состоитъ въ указаніи на то, что для рѣшенія вопроса о знаніи необходимо обобщеніе разныхъ знаній путемъ сравненія ихъ.

С. εἴ σε πρὸс δρόμον—ἀληθῆ τόνδ' ἐπαίνεσαι;] осложненный условный періодъ въ которомъ мысль аподозиса, ἥττόν τι ἂν οἶεи ἀληθῆ τόνδ' ἐπαίνεσαι высказана въ свою очередь также гипотетически, но такъ что эта гипотеза въ цѣломъ имѣетъ видъ какъ-бы вводнаго предложенія, съ своимъ собственнымъ субъектомъ: εἶτα διαθέων (т. е. сὺ) τοῦ ἀκμάζοντος κ. т. л.

οὐ τῶν πάντη ἄκρων;] въ нѣкоторыхъ кодексахъ, въ томъ числѣ и въ Бодлеевскомъ, читается ἀκριβῶν, но ἄκρων, очевидно, здѣсь болѣе умѣстно въ виду слѣдующаго ἀκροτάτων. При чемъ Кэмбель полагаетъ, что ἄκρων есть здѣсь форма мужескаго рода, какъ genitivus possessivus.

Д. ἐπιστήμης] слово находится въ двойной зависимости, частію отъ πέρι, а частію отъ λόγον.

τί ποτε τυγχάνει ὄν] вм. τυγχάνει οὐσα. Срав. Men. 79 с.

Προθυμίαс μέν ἐνεκεν — φαίνεται] Гейндорфъ хорошо: si nihil opus est praeter studium. Примѣры такого рода выраженій въ большомъ количествѣ собраны у Штальбаума Resp. 329 b. По русски это мѣсто,

кажется, можетъ быть передано слѣдующимъ соотвѣтствующимъ выраженіемъ: за стараніемъ-то дѣло не станетъ.

πειρῶ μιμούμενος—ὑσπερ... οὕτω... просειπεῖν.] Степень сходства вопроса о корняхъ съ вопросомъ о знаніи указана нами выше 148 b. Внутреннее же различіе того и другаго вопроса чувствуется въ настоящемъ мѣстѣ въ самомъ выраженіи. О корняхъ сказано: ἐνὶ εἶδει περιέλαβες, а о знаніи — ἐνὶ λόγῳ просειπεῖν. Кэмпбелъ, безъ сомнѣнія, заблуждается, полагая, что ἐνὶ εἶδει περιλαμβάνειν значитъ классифицировать, а ἐνὶ λόγῳ просειπεῖν — обозначить, и что эти два дѣйствія разсматриваются только какъ различныя виды одного и того же. Мы напротивъ въ выраженіяхъ εἶδει и λόγῳ усматриваемъ разныя задачи для мышленія, однако на столько сходныя, что рѣшеніе первой можетъ съ успѣхомъ руководить при рѣшеніи второй. Чѣмъ далѣе мы будемъ читать діалогъ, тѣмъ болѣе будетъ выясняться предъ нами особенная подлинно метафизическая задача Платона въ вопросѣ о знаніи, въ отличіе отъ вопроса о корняхъ, который, какъ мы видѣли, рѣшенъ чрезъ простую конструкцію воображенія.

Е. τοῦ μέλλειν.] Кэмпбелъ, руководясь авторитетомъ нѣкоторыхъ рукописей, пишетъ μέλειν, хотя и утверждаетъ, что выраженіе οὐδ'ἀπαλλάγηναι τοῦ μέλλειν (т. е. ἰκανῶς τι λέγειν) есть совершенно греческое. Въ пользу μέλλειν говоритъ слово εὐρείν, находящееся на поляхъ нѣкоторыхъ кодексовъ; ибо какъ глосса, оно гораздо лучше замѣняетъ μέλλειν чѣмъ μέλειν. Гейндорфъ и Штальбаумъ, читая μέλλειν, находятъ не нужнымъ эту глоссу, говоря: solet enim μέλλειν ita poni, ut annexi illi debeat repetitus mente praegressi verbi infinitivus (слова Гейндорфа). Но равнымъ образомъ infinitivus при μέλλειν можетъ быть дополняемъ и изъ послѣдующей за нимъ рѣчи, напримѣръ: ὅ τι μέλλετε (т. е. πράττειν) εὐθὺς πράττετε.

р. 149.

Α. μάλα γενναίας τε καὶ βλοσυρᾶς.] Аэнея (Deipnosophist. L. V. Cap. LXI. ed. Швейгейзеръ) говоритъ: Ἀλλὰ μὴν οὐδὲν ὦν ὁ Πλάτων εἶρηκε περὶ Σωκράτους, τῶν κομικῶν τις εἶρηκεν, οὐθ' ὅτι μαίας βλοσυρᾶς υἱὸς ἦν. Казавбонъ, объясняя Аэнея, говоритъ: proprie βλοσυρότης est torvitas: sed alio sensu pius filius Socrates matrem suam appellat generosam et βλοσυράν... Videtur Athenaeus in deterioreм partem accepisse hoc verbum. Швейгейзеръ, продолжая Казавбойна, говоритъ: docuerunt etiam veteres Grammatici, non semper in deterioreм partem accipi illam vocem. Apud Hesychium quidem nil aliud reperias, nisi βλο-

curón· φοβερόν, καταπληκτικόν. Sed apud Svidam habes: βλοσυρός· άξιωματικός, καταπληκτικός, φοβερός, σεμνός. et sic commodissime βλοσυράν apud Platonem pro σεμνήν accipiemus. Действительно Платонъ говорить: σεμναί οὔσαι αἱ μαῖαι. 150ª Элианъ (Var. Hist. XII. 21.) сопоставляетъ σεμνόν съ βλοσυρόν, говоря: καὶ σεμνόν ἅμα καὶ βλοσυρόν ὁρῶσαι τοὺς παῖδας κ. т. л. Слово βλοσυρός, какъ оно употреблено здѣсь у Платона, по видимому, вполне соотвѣствуетъ нашему слову *здравыи* въ смыслѣ согласія чего либо съ нормою разума. Не въ иномъ смыслѣ употребляетъ это слово Платонъ въ Республ. 535ª ζητητέον μὴ μόνον γενναίους τε καὶ βλοσυροὺς τὰ ἦθη.

ἀτοπώτατός εἰμι] Штальбаумъ предлагаетъ конъектуру ἀπορώτατος, но произвольно. За чтó Сократъ называетъ здѣсь себя ἀτοπώτατος, въ Sympos 221^d обозначено словомъ ἀτοπία. Οἷος δὲ οὗτοςὶ γέγονε τὴν ἀτοπίαν ἄνθρωπος, καὶ αὐτὸς καὶ οἱ λόγοι αὐτοῦ, οὐδ' ἔγγυς ἂν εὔροι τις ζητῶν, οὔτε τῶν νῦν οὔτε τῶν παλαιῶν, εἰ μὴ ἄρα εἰ οἷς ἐγὼ λέγω, ἀπεικάζοι τις αὐτόν, ἀνθρώπων μὲν μηδενί, τοῖς δὲ Σεληνοῖς καὶ Κατύροις, αὐτόν καὶ τοὺς λόγους.

ποιῶ τοὺς ἀνθρώπους ἀπορεῖν] срав. Men. 80^a. Ἦκουον μὲν ἔγωγε καὶ πρὶν συγγενέσθαι σοι ὅτι сὺ οὐδὲν ἄλλο ἢ αὐτὸς τε ἀπορεῖς καὶ τοὺς ἄλλους ποιεῖς ἀπορεῖν.

B. κωσκομένη] κωσκεσθαι est gravescere, κύειν et κωεῖν autem concipere vel gravidam esse. Штальбаумъ. Форма аориста, ἔκωσα, употребляется въ переходномъ смыслѣ объ особахъ мужескаго пола, въ значеніи сдѣлать беременной.

Ἄιτίαν] Кэмпбелъ изысканно толкуетъ здѣсь это слово за прилагательное согласованное съ Ἄρτεμιν. Не болѣе ли основанія считать его здѣсь за существительное, такъ какъ логически оно есть предикатъ къ Ἄρτεμιν.

ἄλοχος] слово употребленно здѣсь по этимологическому смыслу, какъ сложное изъ отрицательной ἄ и λέχος. Гейндорфъ приводитъ при этомъ слова Поллукса III. 15. Πλάτων τὴν παρθένον, ὡς οὔπω λοχευθεῖσαν, ἄλοχον καλεῖ.

C. τιμῶσα τὴν αὐτῆς ὁμοίότητα] въ уваженіе сходства ихъ съ собою. Ибо Артемида (у Римлянъ Діана), дочь Зевса и Леты, сестра Аполлона, чтилась какъ вѣчная дѣва.

D. τίκτειν τε δή] т. е. ποιεῖν.

νέον ὄν] разсуждая, что зародышъ въ утробѣ матери не можетъ быть названъ νέον, Стефанъ замѣчаетъ что это мѣсто текста *suspiciōne* non caret. Слѣдую наставленію Стефана, всѣ послѣдующіе издатели предла-

тали разныя конъектуры слова νέον. Приводить ихъ здѣсь было бы излишне, такъ какъ всѣ они, можетъ быть, и остроумны, но, какъ кажется, условливаются лишь только ложнымъ затрудненіемъ, въ которое случайно сталъ Стефанъ при чтеніи нашего мѣста. Гейнрихъ Штейнъ (*Neue Jahrbücher für Phil. und Paedag. Bd. 99. Hft. 10. 1869. с. 698.*), выходя изъ той мысли, что ἐὰν δόξη ἀμβλίσκειν указываетъ на условіе, при которомъ родильница или окружающіе могутъ желать выкидыша, разсуждаетъ, что единственный случай такого желанія есть незаконность ожидаемаго дитяти, и потому предлагаетъ читать: ἐὰν νόθον ὄν δόξη ἀμβλίσκειν, — но ἐὰν δόξη, очевидно, указываетъ вообще на случай, при которомъ могутъ желать выкидыша, и только въ этомъ смыслѣ это условіе можетъ быть умѣстно въ текстѣ. При νέον ὄν, повидимому, должно разумѣть βρέφος или ἔμβρυον, и βρέφος νέον ὄν должно означать зародышъ на той степени его развитія, когда выкинуть его, по мнѣнію древнихъ, не столь опасно въ физическомъ отношеніи и не столь предосудительно въ нравственномъ. Срав. Аристотель, Политика. Кн. IV, гл. 14.

ἀμβλίσκουσι] Болѣе строгая конструкція требовала бы ἀμβλίσκειν, по зависимости отъ δύνανται, но, какъ основательно замѣчаетъ Гейндорфъ, quod ἀμβλίσκουσι scripsit pro ἀμβλίσκειν et lenis est structurae mutatio et necessaria prorsus propter proxime praecedens illud ἀμβλίσκειν. Поллукъ IV. 208. говоритъ: ἀμβλίσκουσι δὲ τὸ ἀμβλίσκειν ποιούσι, φησὶν ὁ Πλάτων.

τόδε αὐτῶν] родит. αὐτῶν зависитъ отъ τόδε. Срав. ниже 161 ὁ δ θαυμάζω του ἑταίρου σου Πρωταγόρου.

Ε. ἄλλην μὲν οἶει τοῦ τοιούτου] т. е. ἄλλην μὲν οἶει τέχνην τοῦ ποιῶν σπέρμα καταβλητέον ἄλλην δὲ τέχνην ζυγομίδης. Quod in superiore enuntiato postremo memoratum est, id nunc per chiasmum priore loco ponitur, quae ratio apud Platonem non infrequens. Штальбаумъ.

р. 150.

Α. ἡ δὲ προαγωγή] Vulgo tertio casu προαγωγή, quae latina est ratio, non graeca. Гейндорфъ. Въ отличіе отъ проμνηστική сватанье— проαγωγή значить здѣсь просто сводничество.

ἄτε σεμναὶ οὔσα αἰ μαῖαι κ. т. л.] Въ этихъ словахъ Сократа можно видѣть указаніе его на затруднительность своего собственнаго положенія въ качествѣ повивателя молодыхъ людей, о чемъ см. ниже въ текстѣ. При этомъ можно вспомнить что сказано было Сократомъ выше 149 а: μὴ μέντοι μου κατείπης πρὸς τοὺς ἄλλους· λέληθα γάρ. κ. т. л.

ταῖς γέ οὖτως μαίαις μόλαις] По русски хорошо: только настоящимъ повивальнымъ бабкамъ.

Τὸ μὲν τοίνυν τῶν καιῶν τосоῦτον—ἢ οὐκ οἶει;] Рѣчь изящная. Древніе издатели, безъ сомнѣнія, портили ее, ставя знаки вопроса послѣ ἀληθινά и послѣ διαγνώσκει. Живость, съ которою она должна быть прочитана, должна соответствовать ея характеру вводной рѣчи, ибо истинное логическое противоположеніе сказуемому τосоῦτον заключается въ слѣдующей рѣчи Сократа: τῇ δέ γ' ἐμῇ τέχνῃ к. т. л. настоящая же рѣчь, произносимая Сократомъ будто про себя, антиципируетъ то, что онъ тотчасъ говорить вслухъ Θεэтету.

В. τῇ δέ γ' ἐμῇ τέχνῃ τῆς μαίεσεως] Сими словами начинается то классическое мѣсто діалога, которымъ мы можемъ руководиться какъ для опредѣленія учительской роли Сократа, такъ равно и для уясненія столь затемненнаго въ наше время понятія о знаніи, какъ о собственномъ достоинствѣ разума. Обработка этого вопроса принадлежитъ по преимуществу Платону. Сюда относятся слѣдующія мѣста изъ его діалоговъ: Sympos. 206 c d. 209 a b. Phaedr. 276. 278 Resp. 518 и большая часть VII-й ея книги. Такъ какъ этотъ вопросъ разъясненъ въ Анализѣ, то здѣсь достаточно замѣтить, что возвышенная мудрость Сократа, Платона и Аристотеля—мудрость, до которой едвали достигаетъ чей либо современный умъ, не смотря на неоспоримое превосходство современныхъ ученыхъ предъ древними въ количествѣ и практической годности знаній,— что эта возвышенная ихъ мудрость имѣетъ свое прямое начало въ томъ убѣжденіи, что всякое истинное знаніе не есть случайный подарокъ опыта, но непосредственное порожденіе разума — τόκος ἐν καλῶ, какъ говоритъ Платонъ. Разумъ, по ученію Платона, долженъ зачать и носить въ себѣ свое порожденіе, мучиться родами, наконецъ родить; тогда онъ знаетъ его какъ свое убѣжденіе, а не просто какъ мнѣніе, навязанное ему опытомъ или принятое имъ откуда-бы то ни было.

δυνατὸν] т. е. τὸν ἔχοντα αὐτήν.

С. εἶδωλον] Въ томъ же смыслѣ употребляетъ это слово Платонъ и въ другихъ мѣстахъ. Срав. Soph. 240 a 264 c 266 a b c. Resp. 520 c. Кэмпбелъ догадывается, что Баконъ своихъ идоловъ заимствовалъ отъ Платона.

ὡς τοὺς μὲν ἄλλους ἐρωτῶ к. т. л.] Срав. Ксеноф. Memor. IV. 4. 9 гдѣ Гиппій говоритъ Сократу: τῶν ἄλλων καταγελαῶς ἐρωτῶν μὲν καὶ ἐλέγχων πάντας, αὐτὸς δὲ οὐδενὶ θέλων ὑπέχειν λόγον οὐδὲ γνώμην ἀποφαίνεσθαι περὶ οὐδενός. Тоже говоритъ Θразимахъ въ Республ. 337 a. αὕτη ἐκείνη ἢ εἰσθυία εἰρωνεία Σωκράτους, καὶ ταῦτ' ἐγὼ ἤδειν τε καὶ τούτοις προῦ-

λεγον ὅτι сὺ ἀποκρίναςθαι μὲν οὐκ ἐθελήσοις, εἰρωνεύσοιο δὲ καὶ πάντα μᾶλλον ποιήσοις ἢ ἀποκρίνοιο, εἴ τίς τί σε ἐρωτᾷ. Срав. также Plutarch. Quaest. Plat. p. 1000: οὐδὲν ἐδίδασκε Σωκράτης, ἀλλὰ ἐνδιδούς ἀρχὰς ἀπορῶν ὡσπερ ὠδίνων τοῖς νέοις ἐπήγειρε καὶ ἀνεκίνει καὶ συνεξήγε τὰς συμφύτους νοήσεις. καὶ τοῦτο μαιευτικὴν τέχνην ὠνόμαζεν, οὐκ ἐντιθείσαν ἔξωθεν, ὡσπερ ἕτεροι προσεποιοῦντο, νοῦν τοῖς ἐντυγχάνουσιν, ἀλλ' ἔχοντας οἰκεῖον ἐν ἑαυτοῖς ἀτελῆ δὲ καὶ συγκεχυμένον καὶ δεόμενον τοῦ τρέφοντος καὶ βεβαιούντος ἐπιδεικνύουσαν.

ὁ θεός] Онъ не долженъ быть отождествляемъ съ τὸ δαιμόνιον. Кэмпбелъ. (Тоже говорить Штальбаумъ с. 68—9. Прим. D.). Замѣчаніе это, по нашему мнѣнію, могло бы имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы τὸ δαιμόνιον Сократа было объективное представленіе, содержаніе котораго могло бы быть анализировано. По вопросу о демонѣ Сократа критика должна понять, что это представленіе философа было въ немъ совершенно субъективное, и въ каждомъ данномъ случаѣ могло быть какого либо особеннаго характера. Общею однако всегда остается здѣсь мысль о томъ, что жизнь человѣческая не находится въ абсолютной власти механическаго процесса событій, но управляется тѣмъ божественнымъ разумомъ, который владѣя цѣпью причинъ и слѣдствій направляетъ событія въ виду общаго ему одному понятнаго плана міра. Эта идея глубже чѣмъ другими будучи сознана Сократомъ, въ примѣненіи къ судьбѣ его собственной жизни, внутренно, т. е. совершенно субъективно созерцалась имъ какъ личная воля бога или демона. Поэтому, очевидно, этотъ образъ не можетъ подлежать никакому объективному анализу, который выяснилъ бы тѣ элементы, изъ которыхъ онъ слагался въ духѣ Сократа. Всякая претензія опредѣлить этотъ образъ въ точности, по его содержанію, есть, по нашему мнѣнію, фальшивая претензія изысканнаго комментарія, который вообще намъ вовсе не нравится.

οὐ πάνυ τίς] τίς по свидѣтельству Кэмпбеля находится въ Бодлеевской и Венеціанской (sign. П. относ. къ 12 в.) рукописяхъ. Издатели до него писали τί.

D. εὐρημα τοιοῦτο] т. е. σοφόν.

ἔστιν — γέγονός] что отличается отъ γέγονεν также какъ ἔχω съ причастиемъ аориста или прошедшаго времени отличается отъ прошедшаго дѣйствительнаго. Кэмпбелъ.

προϊούσας τῆς ζυνοῦσας] Штальбаумъ, въ параллель къ этому выраженію, указываетъ еще нѣсколько другихъ. Таковы: προϊόντος τοῦ λόγου

Phaedr. 238 ^d προϊόντος τοῦ χρόνου *ibid.* 255 ^a. προϊούσης ἡλικίας Soph. 234 ^d.

παρείκη] у Стефана παρείκοι. Чтение παρείκη въ первый разъ употреблено Гейндорфомъ, который говоритъ, что παρείκοι sermonis legibus adversatur. Авторитетъ рукописей также на сторонѣ παρείκη

ἐπιδιδόντες] т. е. ἑαυτοῦς, при чемъ, какъ и при послѣдующихъ μαθόντες, εὑρόντες, κατέχοντες должно имѣть въ виду предыдущій глаголь φαίνονται.

καὶ τοῦτο] т. е. ὅτι ἐπιδιδόντες φαίνονται или ὅτι ἐπιδιδόσιν.

ἐναργές ὅτι] Кэмбель называетъ это выражение усиленною формою выраженія δῆλον ὅτι и передаетъ: „ясно какъ день.“

Е. πολλοὶ ἤδη — τοῦ δέοντος] Настоящее мѣсто текста представляетъ затрудненіе въ томъ, какія понятія раздѣляетъ частица ἤ, одиноко стоящая посреди этой рѣчи. Гейндорфъ, читая слова καταφρονήσαντες ἢ αὐτοὶ ὑπ' ἄλλων — первый замѣтилъ: *mirum ni Plato scripserit καταφρονήσαντες ἢ αὐτοὶ ἢ ὑπ' ἄλλων etc. nam in vulgata lectione istud αὐτοὶ molestissime redundat.* Штальбаумъ передаетъ все мѣсто въ такомъ смыслѣ: многие, не зная этого и приписывая это сами себѣ, а меня презирая, *vel ipsi sua sponte vel ab aliis adducti*, ушли отъ меня прежде надлежащаго времени; а за тѣмъ прибавляетъ: *sed haec sententia ut commode e verbis eliceretur, ex uno codice post αὐτοὶ inserendum putavimus ἢ.* Дѣйствительно одинъ очень хорошій кодексъ, именно Vaticanus (sign. Δ.) имѣетъ это ἢ предъ ὑπ' ἄλλων, но нельзя умолчать, что способъ доказательства необходимости этого ἢ въ текстѣ страдаетъ у Штальбаума логическимъ недостаткомъ *petitio principii*, такъ какъ эту необходимость ἢ онъ основываетъ единственно на своемъ пониманіи всего даннаго мѣста. Между тѣмъ вопросъ въ томъ и состоитъ, какъ должна быть понята мысль Платона, высказанная въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ діалога? Штальбаумъ, какъ мы видимъ, полагаетъ, что ἢ должно отдѣлять αὐτοὶ отъ ὑπ' ἄλλων *πεισθέντες*, какъ два противоположныя опредѣленія къ одному и тому же субъекту πολλοί, но такъ какъ при πολλοί есть еще другія опредѣленія: ἀγνοήσαντες, αἰτιασάμενοι, καταφρονήσαντες, то нельзя понять, дѣлятся-ли они какъ нибудь между ἢ αὐτοὶ и ἢ ὑπ' ἄλλων, или въ одинаковой мѣрѣ относятся всѣ какъ къ одному, такъ и къ другому, или наконецъ онѣ стоятъ въ связи съ однимъ изъ нихъ т. е. или съ ἢ αὐτοὶ или съ ὑπ' ἄλλων. Кэмбель передаетъ наше мѣсто такъ что ἢ у него раздѣляетъ καταφρονήσαντες отъ *πεισθέντες*: они оставили меня, или потому что презирали меня, или потому что были увлечены кѣмъ либо другимъ. Кэмбель хорошо передаетъ здѣсь

слово *πεισθέντες* словами увлечены, совращены (срав. *Thucyd. IV, 54*); но неосновательно онъ пр тивуполагаетъ это слово слову *катаφρονήσαντες*, ибо *ἐμοῦ δὲ καταφρονήσαντες*, очевидно, есть противуположеніе къ *τοῦτο ἀγνοήσαντες καὶ ἑαυτοὺς αἰτίαςάμενοι*, что даетъ понять частица *δὲ*. Основательнѣе разъясняетъ это мѣсто Шлейермахеръ, утверждая, что *ἀγνοήσαντες* — *катаφρονήσαντες* вмѣстѣ составляютъ противуположеніе къ *ἢ αὐτοὶ ὑπ' ἄλλων πεισθέντες*, при чемъ онъ соглашается вставить *ἢ* послѣ *πολλοὶ ἤδη*. Несомнѣнно, что *ἢ* передъ *αὐτοὶ* отдѣляетъ предыдущія опредѣленія къ субъекту *πολλοὶ* отъ послѣдующаго *πεισθέντες*, и въ этомъ случаѣ слово *αὐτοὶ* вовсе не *moleste redundabit*, какъ говоритъ Штальбаумъ, напротивъ, стоя при словѣ *πεισθέντες*, оно служить, повидимому, въ болѣе рѣзкому различію тѣхъ которые оставили Сократа, руководясь своими собственными соображеніями, отъ тѣхъ которые были увлечены отъ него другими. Что касается до частицы *ἢ*, которую желаетъ Шлейермахеръ предъ *τοῦτο ἀγνοήσαντες*, то хотя она вовсе не необходима, однако дѣйствительно могла имѣть мѣсто въ текстѣ Платона и при томъ, какъ намъ кажется, Платонъ писалъ такъ: *πολλοὶ δὴ ἢ τοῦτε ἀγνοήσαντες* к. т. л. Извѣстно, что частица *δὴ* не рѣдко мѣняется съ частицею *ἤδη*, особенно же это часто бываетъ послѣ *πολλοὶ*, что замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ и Штальбаумъ, говоря: *πολλοὶ δὴ pariter atque πολλοὶ ἤδη usitatum*. (См. *Theet. с. 72* прим. D). Между тѣмъ частица *δὴ* въ нашемъ мѣстѣ, повидимому, болѣе умѣстна, чѣмъ *ἤδη*. При всемъ разнообразіи употребленія этой частицы, болѣе постоянная ея функція въ рѣчи состоитъ въ томъ, что она связываетъ въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ тѣ мысли, которыя служатъ прямымъ продолженіемъ одна другой, но въ изложеніи прерываются другими объясняющими или доказывающими ихъ; по русски она очень часто хорошо переводится словами: вотъ же. Это вотъ же, безъ сомнѣнія, очень годится и въ нашемъ мѣстѣ текста.

р. 151.

А. Ἀριστείδης ὁ Λυσιμάχου.] Этотъ Аристидъ сынъ Лизимаха былъ внукъ Аристида великаго. Платонъ въ *Лакесѣ 179^a* выводитъ Лизимаха и Мелесію, совѣтующимися съ Никіемъ и Лакесомъ, въ присутствіи Сократа, о своихъ сыновьяхъ, при чемъ Лизимахъ говоритъ такъ: *ἡμῖν εἰσὶν υἱεῖς οὗτοι· ὅδε μὲν τοῦδε πατρὸς ἔχων ὄνομα Θεουκιδίδης, ἐμὸς δὲ αὐτὸς ὅδε πατρῶν τε καὶ οὗτος ὄνομα ἔχει τοῦμοῦ πατρός, Ἀριστείδην γὰρ αὐτὸν καλοῦμεν*. Объ Аристидѣ сынѣ Лизимаха говорится также въ *Менонѣ 94^a*.

θαυμαστά δρῶντες] *alias dicitur πάντα πράττοντες*. Гейндорфъ. — Штальбаумъ передаетъ соотвѣтствующей фразой: *et omnem fere lapidem moventes*. Срав. *Sympos. 213 d.* θαυμαστά ἐργάζεται. *Apolog. 35 a.* θαυμάσια δὲ ἐργαζομένους.

τὸ δαιμόνιον.] Кэмбель замѣчаетъ, что и здѣсь какъ всегда демонъ Сократа не приказываетъ, но возбраняетъ; но кто же ἐνίοις δὲ ἐᾷ; αὐτοί] *vulgo: οὔτοι*. Но αὐτοί должно быть предпочтено, какъ болѣе трудное чтеніе, замѣтилъ Кэмбель.

В. ζὺν θεῷ εἰπεῖν] Стефанъ объясняетъ: *quod ita dico, ut in eo agnoscam opem divinam*.

πάνυ ἱκανῶς κ. τ. λ.] *Acerba in his verbis inest irrisio sophistarum quod enim Socrates sese ait eos ablegare ad sophistas, qui sibi non videantur gravidi esse, id vero eiusmodi est, ut ingenia minus felicia eorum disciplinae satis convenire aperte significet*. Штальбаумъ. — Не въ знакъ согласія проходимъ молчаніемъ это замѣчаніе Штальбаума, но изъ желанія предоставить читателю самому взвѣсить его достоинство.

ἐνεκα τοῦδε — ὑποπτεύων.] Срав. *Phaed. 102 d* λέγω δὲ τοῦδ' ἐνεκα, βουλόμενος δόξαι σοὶ ὅπερ ἐμοί. *Prot. 348 d* ὥσπερ καὶ ἐγὼ ἐνεκα τούτου σοὶ ἡδέως διαλέγομαι μᾶλλον ἢ ἄλλῳ τινί, ἡγούμενος σὲ βέλτιστ' ἂν ἐπισκέψασθαι κ. τ. λ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ причастіе послѣ ἐνεκα τοῦδε или тούτου имѣетъ объяснительное значеніе.

С. ὑπεξαίρωμαι] Такъ по требованію мысли исправляетъ Беккеръ общее чтеніе кодексовъ ὑπεξαίρωμαι.

οὐκ οἶονται] Гейндорфъ а за нимъ Штальбаумъ, слѣдую Плутарху (*Quaest. Platon. p. 999 d*), пишутъ οὐκ οἶονταί με.

ὅτι οὐδεὶς θεὸς δύσνους] См. Виттенбахъ, *Bibl. crit. vol. III. P. 1. p. 14.* „Comparatio est sine particula ὥσπερ et οὕτω, ut saepe. Sensus est: ut nemo deus, ita nec is, qui obstetriciae meae arti praeest, nec ego qui ei servio etc.“

Д. ψευδός τε ζυγῶρησαι καὶ ἀληθές ἀφανίσαι οὐδαμῶς θέμις.] Выразительно передана въ этихъ словахъ общая задача исторической дѣятельности Сократа. Но чит. Анализъ.

καὶ ἀνδρίζη] *Secunda persona passivae formae ἀνδρίζη hoc positum accipio, non, ut fecerunt interpretes, tertia activae, ne durissime desit accus. сѣ*. Гейндорфъ.

μὴ οὐ παντὶ τρόπῳ] Послѣ глаголовъ выражающихъ страхъ, опасеніе, равно послѣ выраженія αἰσχρόν ἐστὶ и подобныхъ, обыкновенно употребляется двойное отрицаніе μὴ οὐ. Срав. *Фед. 85 с.* *Men. 89 d.*

Е. ἐπιστήμη—αἴσθησις.] *Est haec prima scientiae definitio, ne вѣрно*

замѣчаетъ Штальбаумъ; ибо первое опредѣленіе знанія дано на 146 с, гдѣ Θεэтетъ опредѣлилъ знаніе чрезъ указаніе на признакъ его какъ явленія, сказавъ, что знаніе есть все то, чему учатся. Въ настоящемъ же мѣстѣ понятіе о знаніи выступаетъ какъ обобщеніе всѣхъ явленій знанія въ одномъ общемъ представленіи, чрезъ что это воззрѣніе на знаніе имѣетъ преимущество сравнительно съ предшествующимъ, такъ какъ въ немъ понятіе это взято въ подлинномъ его значеніи, въ значеніи акта душевной дѣятельности; потому это опредѣленіе знанія въ ряду опредѣленій этого понятія, данныхъ Θεэтетомъ, есть не первое а второе, какъ замѣтилъ это и Стефанъ, говоря въ примѣчаніи: *secunda scientiae definitio, scientiam esse sensum*. Аристотель учитъ, что въ такомъ воззрѣніи на знаніе есть нѣкоторый смѣсль. Такъ онъ говоритъ: *δοκεῖ δὲ τὸ νοεῖν καὶ τὸ φρονεῖν ὡς περ αἰσθάνεσθαι τι εἶναι· ἐν ἀμφοτέροισι γὰρ τοῦτοισι ἡ ψυχὴ κρίνει τι καὶ γινώριζει τῶν ὄντων· καὶ οἱ γὰρ ἀρχαῖοι τὸ φρονεῖν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι ταῦτόν εἶναι φασιν, ὡς περ καὶ Ἐμπεδοκλῆς εἴρηκε κ. τ. λ. (de Anima III. 3.)* Что касается до слова αἰσθησις, то должно замѣтить, что оно болѣе значить, чѣмъ наше слово ощущение и менѣе чѣмъ наше чувство. Подъ αἰσθησις должно разумѣть и ощущение и чувство, исключая изъ содержанія послѣдняго то, что мыслимъ мы въ этомъ понятіи, какъ элементъ нравственный. Ниже 156 ^b Платонъ даетъ понять что должно разумѣть подъ словомъ αἰσθησις. *αἱ μὲν οὖν αἰσθήσεις τὰ τοιαῦτα ἡμῖν ἔχουσιν ὀνόματα· ὄψεις τε καὶ ἀκοαὶ καὶ ὁσφρήσεις καὶ ψύξεις τε καὶ καύσεις καὶ ἡδοναὶ γὰρ δὴ καὶ λύπαι καὶ ἐπιθυμίαι, καὶ φόβοι κέκλημένα· καὶ ἄλλαι, ἀπέραντοι μὲν αἱ ἀνώνυμοι, παμπληθεῖς δὲ αἱ ὠνομασμένα·*

ἀνεμιαῖον] Est ἀνεμιαῖον proprie ovum ventosum, quod a posterioris temporis scriptoribus vocatur ὑπηνέμιον. Штальбаумъ.

Κινδυνεύεις κ. τ. λ.] по русски: пожалуй что не дурную мысль ты высказалъ и т. д.

р. 152.

Α. τρόπων δὲ τινὰ ἄλλον] Не должно оставлять безъ вниманія это замѣчаніе Платона о связи ученія Протагора съ ученіемъ что знаніе есть ощущение—для того чтобы не выдти изъ тѣхъ предѣловъ мышленія, въ которыхъ Протагоръ развивалъ свое философское положеніе: homo mensura, чего однако, какъ раскрыто въ Анализѣ, не избѣгли нѣкоторые критики.

ἄνθρωπον] Для той же цѣли должно замѣтить что подъ ἄνθρωπον здѣсь разумѣется каждый человѣкъ, или собственно тотъ или другой

человѣкъ, въ какомъ смыслѣ слово ἄνθρωπος объясняетъ Сократъ тотчасъ послѣ отвѣта Θεэтета.

καὶ πολλάκις] καὶ ante πολλάκις vim habet intendendi et augendi, ut in formulis καὶ πάνυ, καὶ μάλα, καὶ μάλιστα, καὶ σφόδρα. Штальбаумъ.

В. ἄρ' οὐκ ἐνίστε πνέοντος — ὁ δὲ σφόδρα;] Prima probatio (т. е. Protagorae sententiae) замѣчаетъ Серранъ, ab exemplo.

αὐτὸ ἐφ' ἑαυτὸ] вмѣсто обычнаго αὐτὸ καθ' ἑαυτὸ, что встрѣчаемъ ниже 152 ^а. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается ἐφ' ἑαυτῶ, въ Цюрихскомъ изданіи принята чтеніе ἐφ' ἑαυτοῦ, по аналогіи съ 160 ^б.

Τὸ δὲ γὰρ φαίνεται αἰσθάνεσθαι ἐστίν;] Субъектъ — φαίνεται, предикатъ αἰσθάνεσθαι. Стефанъ предлагаетъ читать φαίνεσθαι, что дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ поправка φαίνεται. По этому поводу хорошо говоритъ Гейндорфъ: neutiquam φαίνεσθαι idem est quod αἰσθάνεσθαι, sed φαίνεται μοι idem quod αἰσθάνομαι. Хотя этотъ dativus personae при φαίνεται очень кстати въ перифразѣ Гейндорфа, но странно что Штальбаумъ такъ жалѣетъ о его отсутствіи въ лаконической фразѣ Платона. (См. Штальб. с. 75 прим. В.). Выраженіе Платона τὸ δὲ γὰρ φαίνεται к. т. л. значить: τοῦτο δὲ τὸ ρῆμα φαίνεται αἰσθάνεσθαι ἐστίν;

С. Φαντασία ἄρα к. т. л.] Secunda (т. е. probatio Protag. sententiae), замѣчаетъ Серранъ a φαντασίας cum sensu cummunitate: quum nimirum res animo tales appareant, quales a sensibus ipsis percipiuntur.

οἷα γὰρ αἰσθάνεται] т. е. αὐτὰ, именно τὰ θερμά к. т. л.

ὡς ἐπιστήμη οὖσα] т. е. въ смыслѣ знанія, или: чувствованіе, разсматриваемое какъ познаніе; но ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать эти слова какъ причину или условіе того что αἰσθησις τοῦ ὄντος αἰεὶ ἐστὶ καὶ ἄψευδές — и переводить: если только чувствованіе есть познаніе.

ἐν ἀπορρήτῳ] Istud ἐν ἀπορρήτῳ referendum haud dubie est ad arcanam scholae doctrinam. Штальбаумъ. Но нельзя, кажется, найти никакого историческаго указанія на какое нибудь такое ученіе школы, въ отличіе отъ того чему училъ Протагоръ ἐν πολλῷ σурфетῷ. Вникая глубже въ это ученіе, которое, по словамъ Платона, Протагоръ предлагалъ ἐν ἀπορρήτῳ, позволительно, повидимому, утверждать, что Платонъ, подъ видомъ различія общаго ученія Протагора и доступнаго только его ученикамъ, не безъ ироніи изображаетъ внутреннее противорѣчіе въ ученіи Протагора о человѣкѣ, какъ о мѣрѣ всѣхъ вещей, противорѣчіе, изъясняемое изъ теоріи движенія, которая есть его основаніе.

τὴν ἀλήθειαν] это слово, по мысли Платона, быть можетъ, должно

было напоминать читателю сочинение Протагора, о которомъ говорится также ниже.

Д. Ἐγὼ ἐρῶ — λόγον] Tertia, замѣчаетъ Серранъ, (т. е. probatio Protag. sententiae) a novi theorematis doctrina, nihil videlicet vere existere, sed omnia fieri variis motus formis varie commutata.

οὐδ' ἄν τι προσείποις] т. е. ни къ чему нельзя найти постояннаго предиката.

Е. περὶ τούτου πάντες ἐξῆς οἱ σοφοὶ πλὴν Παρμενίδου.] Это выражение: πάντες οἱ σοφοὶ πλὴν Παρμενίδου, въ которомъ философы разныхъ направленій, по основному тяготѣнію ихъ философскаго мышленія, отнесены къ одной категоріи, а Парменидъ исключенъ и такимъ образомъ поставленъ какъ-бы представителемъ противоположной категоріи, — это выражение даетъ намъ поводъ замѣтить, что какъ въ исторіи классической, такъ равно и въ исторіи новой философіи, должно различать два основныхъ тяготѣнія философскаго мышленія: одно — физическое, по которому дѣйствительный міръ объясняется механически; другое — метафизическое, по которому мышленіе изъясняетъ міръ логически-идеально.

Ἐμφερέσθων.] Въ большей части рукописей Ἐμφερέσθων, что принимаетъ и Штальбаумъ, хотя едва-ли съ какою-либо натяжкой можно доказать здѣсь умѣстность двойственнаго числа. Стобей, приводя это мѣсто, читаетъ Ἐμφερόνται, что безъ сомнѣнія вполне умѣстно. Потому нужно принять или чтеніе Стобея, или, слѣдуя авторитету лучшихъ списковъ (Ватиканскаго - № 225 sign. А. Венеціанскаго № 189 sign. С. Вѣнскаго № 31 sign. Υ. и Бодлеерскаго) читать Ἐμφερέσθων. Что imperativus здѣсь возможенъ срав. Soph. 244 ἢ τότε τοίνυν ἀποκρίνεσθωσαν.

Πρωταγόρας τε καὶ Ἡράκλειτος καὶ Ἐμπεδοκλῆς] Quarta, говоритъ Серранъ, (т. е. probatio Protag. sententiae) a summorum virorum auctoritate, qui hanc sententiam sunt sequuti. Гераклитъ есть представитель ученія о постоянной измѣняемости вещей; а Эмпедокль, производя всѣ вещи изъ четырехъ основныхъ элементовъ путемъ смѣшенія (слова: καὶ κράσεως πρὸς ἀλλήλα стоящія выше, прибавлены, вѣроятно, по вниманію къ Эмпедоклу) также дѣлитъ убѣжденіе философовъ этой категоріи о вѣчномъ движеніи міра.

κωμῳδίας μὲν Ἐπίχαρμος] Эпихармъ поэтъ и философъ (около 490 г. до Р. X.) обыкновенно причисляется къ сонму пифагорейцевъ. Объ Эпихармѣ какъ о писателѣ комедій говоритъ Теофрастъ. Epigr. XVII. I. ἄτε φωνὰ Δώριος, χώνηρ ὁ τὰν κωμῳδίαν εὐρών Ἐπίχαρμος. Ср. также Themist. Or. XIX p. 486. ἐπεὶ καὶ κωμῳδία τὸ παλαιὸν ἤρξατο μὲν ἐκ

Сικελίας, ἐκεῖθεν γὰρ ἦσθην Ἐπίχαρμος τε καὶ Φόρμος. Впрочемъ комедіи, которыя писалъ Эпихармъ, далеко не имѣютъ характера послѣдующихъ комическихъ произведеній. Произведенія Эпихарма называются комедіями лишь въ смыслѣ мимическаго изображенія въ нихъ мимическихъ сказаній. Платонъ говоритъ: τῆς ποιήσεως τε καὶ μυθολογίας ἢ μὲν διὰ μιμήσεως ὅλη ἐστὶν — τραγῳδία τε καὶ κωμῳδία (Resp. 394 b). Здѣсь ποιήσεως обозначаетъ содержаніе трагедіи, а μυθολογίας — комедіи. Въ этомъ смыслѣ Аристотель говоритъ объ Эпихармѣ: τὸ δὲ μύθους ποιεῖν Ἐπίχαρμος καὶ Φόρμος (т. е. μνημονεύονται). (Ποιητ. 1449 b 5) Полное собраніе фрагментовъ Эпихарма см. Mullach, Fragmenta philosophor. Graecor. Vol. I.

τραγῳδίας δὲ Ὅμηρος.] Въ Респуб. X. 595 с. Платонъ говоритъ о Гомерѣ: τούτων τῶν τραγικῶν πρῶτος διδάσκαλός τε καὶ ἡγεμῶν, или 398 D. ἐπισκεπτέον τὴν τε τραγῳδίαν καὶ τὸν ἡγεμόνα αὐτῆς Ὅμηρον. Платонъ называетъ Гомера представителемъ трагедіи собственно потому что его произведенія, по преимуществу, суть σπουδαία μιμητική, но Аристотель говоритъ о Гомерѣ слѣдующее: ὤσπερ δὲ καὶ τὰ σπουδαία μάλιστα ποιητῆς Ὅμηρος ἦν. μόνος γὰρ οὐχ' ὅτι εὖ, ἀλλ' ὅτι καὶ μιμήσεις δραματικὰς ἐποίησεν: οὕτω καὶ τὰ τῆς κωμῳδίας σχήματα πρῶτος ὑπέδειξεν. Ποιητ. 1448 b 34.

Ὠκεανόν τε θεῶν κ. т. л.] см. Ил. ξ. 201. Срав. Арист. Metaph. 983 b 30.

р. 153.

.А. μὴ καταγέλοστος γενέσθαι] Гейндорфъ и Штальбаумъ, слѣдуя авторитету только нѣкоторыхъ кодексовъ, читаютъ μὴ οὐ καταγέλοστος. Къ такому чтенію соблазняетъ ἀμφισβητήσας, послѣ котораго дѣйствительно употребляется двойное отрицаніе, но въ настоящемъ мѣстѣ μὴ καταγέλοστος не зависитъ отъ ἀμφισβητήσας, но есть сказуемое, между тѣмъ какъ ἀμφισβητήσας служитъ опредѣленіемъ къ τίς.

ἐπεὶ καὶ τάδε — ὄντι] Мысль: такъ какъ (ἐπεὶ καὶ) для этого воззрѣнія (τῷ λόγῳ) т. е. воззрѣнія всѣхъ вышеупомянутыхъ философовъ и поэтовъ достаточныя доказательства заключаются и въ томъ, что

τὸ μὲν εἶναι δοκοῦν καὶ к. т. л.] Мысль: что представляется намъ, или какъ подлинное бытіе, или какъ происхожденіе, обдержится въ формѣ движенія.

τὸ γὰρ θερμόν τε καὶ πῦρ — γεννᾷ.] Мысль объ огнѣ, какъ о символѣ движенія и подлиннаго бытія вещей, принадлежитъ, какъ извѣстно, Гераклиту. Τούτο (τὸ πῦρ), говоритъ Гераклитъ, πάντα διὰ παντός κυβερνᾷ. Или:

πυρός ανταμείβεται πάντα καὶ πῦρ ἀπάντων ὡσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρῆσός. Или: τὰ δὲ πάντα οἰακίζει κεραυνός и мн. др.

τούτω δὲ κινήσεις] во многихъ кодексахъ: τούτω δὲ κίνησις, тогда κίνησις слѣдуетъ относить только къ слову τρίψων, что можетъ быть и правильно, такъ какъ φора излишне обозначать словомъ κίνησις, но въ Бодлеевскомъ спискѣ читается: τούτω δὲ κινήσεις, при чемъ на одномъ полѣ написано: τούτω δὲ κίνησις, а на другомъ δυικῶς. Оставляя τούτω δὲ κίνησεις, нѣтъ однако надобности писать κινήσει или κινήσει, какъ предлагаетъ Штальбаумъ.

ἢ οὐχ αὐται γενέσεις πυρός;] Гейндорфъ: malim αὐται αἱ γενέσεις. Штальбаумъ напротивъ: legitima est haec constructio (т. е. αὐται γεν.) ubi pronomen subjecti vicibus fungitur, nomen substantivum praedicati partes sustinet.

В. ἐπὶ πολὺ] другое чтение ὡς ἐπὶ πολὺ, или ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ.

Ἡ δ' ἐν τῇ ψυχῇ ἔξις] Аристотель, Metaph. 1022. b 4. говорить: ἔξις δὲ λέγεται ἓνα μὲν τρόπον οἷον ἐνέργειά τις τοῦ ἔχοντος καὶ εχομένου, — ἄλλον δὲ τρόπον — διάθεσις κ. т. л. Въ сочиненіяхъ Аристотеля слово ἔξις встрѣчается во второмъ смыслѣ, но у Платона въ нашемъ мѣстѣ текста оно употреблено въ первомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ того состоянія души, которое она переживаетъ, приобрѣтая познанія; чрезъ это легко объяснить предикаты: κτάται, σώζεται, γίγνεται и проч. Имѣя при себѣ грамматическій субъектъ ἔξις, логически они относятся къ тому, къ чему относятся и это ἔξις, это значить, что логическій субъектъ при нихъ есть не ἔξις, но ψυχῇ т. е. не данное состояніе душевной жизни приобрѣтаетъ познанія, сохраняетъ и т. д. но душа, находясь въ этомъ состояніи обученія и вниманія, приобрѣтаетъ познанія. Такого рода именительный долженъ быть названъ *nominativus pendens*. (Срав. Кэмпбелъ т—же, с. 39, 40.)

κινήσεων ὄντων] У Стобея (Eclog. 30 p. 208) стоятъ: κινήσεων οὐσων. Очевидно, это поправка Стобея, и въ подлинномъ текстѣ Платона не должна имѣть мѣта, что свидѣтельствуется и Схолиастъ. ὄντων при κινήσεων есть *пэutr. gen.*, какъ если бы сказано: ἃ ἔστι κινήσεις. Срав. Prot. 329 d. ὅτι ἐνός ὄντος τῆς ἀρετῆς μόριά ἔστιν ἃ ἐρωτᾶς. Потому нѣтъ нужды принимать конъектуру Буттмана ὄντων, которую рекомендуетъ Штальбаумъ, говоря; что ὄντων ex eo habet explicationem, quod participium masculinum in duali numero jungitur nomini feminino.

сώζεται] Есть ли это форма *medii* или *passivi*? Корнаръ переводитъ *servatur*. Но Гейндорфъ говорить: *male Cornarius servatur. Imo servat, tenet, nam σώζεσθαι proprium est de memoria vocabulum*. Такъ дѣй-

ствительно 163^d сказано: ἔτι ἔχοντα μνήμην αὐτοῦ τούτου καὶ σωζόμενον. Равно въ Республикѣ 455^b. μηδ' ἄ ἔμαθε σώζοιτο. Въ настоящемъ же случаѣ въ пользу *medii* говорить послѣдующее ἐπιλανθάνεται какъ противоположное по смыслу слову σώζεται.

С. τὸ δὲ τοῦναντίον] т. е. τὸ δὲ κακὸν — ἡσυχία; при этомъ естественные субъекты мысли κίνησις и ἡσυχία являются предикатами, тогда какъ ἀγαθὸν и τοῦναντίον должны быть предикаты, а τὸ μὲν и τὸ δὲ субъекты; слово же κίνησις есть *appositio* къ τὸ μὲν.

καὶ ἐπὶ τούτοις τὸν κολοφῶνα—τὴν χρυσῆν σειράν] Выраженіе κολοφῶνα *просβιβάζων* есть провѣрбiальное выраженіе; обыкновенно говорится: κολοφῶνα ἐπιθεῖναι (или ἐπάγειν); Схoлиастъ объясняетъ эту пословицу такимъ образомъ: δώδεκα πόλεις τῆς Ἰωνίας συνήσαν ἐς τὸ Πανιώνιον λεγόμενον περὶ τῶν κοινῶν βουλευόμεναι, καὶ εἴ ποτε ἴσαι αἱ ψῆφοι ἐγένοντο, οἱ Κολοφῶνιοι περιττὴν ἐτίθεντο τὴν νικῶσαν... “Ὅθεν ἐπὶ τῆς κρατοῦσης καὶ βεβαιωτάτης ψήφου ἡ παροιμία ἐτίθετο οἷον τὸν κολοφῶνα ἐπιτίθημι ἢ τὸν κολοφῶνα ἀναγκάζω *просβιβάζων*. Страбонъ XIV. р. 952 объясняетъ иначе происхожденіе этой половины. Срав. Диог. Лаэрт. X. 158. Гейндорфъ, приведя слова Схoлиаста, прибавляетъ: ἴμο ἢ τὸν κολοφῶνα *просβιβάζω*: *ragum enim vocis ἀναγκάζω h. l. usum et potestatem perspexit Schol.* Вся трудность мѣста состоитъ въ опредѣленіи правильныхъ отношеній между ἀναγκάζω *просβιβάζων* и другими словами рѣчи. Стефанъ въ своемъ изданіи предлагаетъ исправить мѣсто такъ: ἄνω ἄγων *просβιβάζω*, но такъ какъ ἀναγκάζω имѣютъ все рукописи и такъ какъ оно сохранено у схoлиаста, то нѣтъ основанія принять эмендацію Стефана. Ἀναγκάζω значитъ принудить, побѣдить, доказать (*evincere, cogere, probare*). Принятое въ этомъ смыслѣ, оно должно быть разсматриваемо въ непосредственной связи съ вышестоящимъ λέγω, а не употребленнымъ абсолютно, какъ думаетъ Кэмбелъ. При этомъ соі, дополненіе при глаголѣ λέγω, должно быть повторено при ἀναγκάζω въ формѣ сέ, *particip.* *просβιβάζων*, стоя при ἀναγκάζω, выражаетъ основаніе данной въ немъ мысли. Что же касается до словъ χρυσῆν σειράν, то всего удобнѣе толковать ихъ грамматически какъ *appositio* къ слову κολοφῶνα. Указаніе на Гомера относится къ VIII Ил. ст. 18 и слѣд. Достоинство такого указанія какъ аргумента, вѣнчающаго излагаемую теорію движенія, состоитъ въ томъ, что она касается капитальнаго факта природы, засвидѣтельствованнаго древнѣйшимъ авторитетомъ, къ которому Платонъ въ данномъ случаѣ относится вовсе не иронически, какъ ошибочно разсуждаютъ нѣкоторые комментаторы, но критически, согласно съ планомъ своего изслѣдованія теоріи движенія — теоріи, которая, какъ философская си-

стема, создана была Гераклитомъ. Потому Кэмпбелъ совершенно основательно замѣчаетъ, что въ настоящемъ мѣстѣ текста Платонъ выступаетъ на путь мышленія Гераклита. Указывая въ этомъ случаѣ на Гомера и выше на другихъ поэтовъ и давая такимъ образомъ понять, что элементы теоріи движенія были присущи умамъ еще въ глубокой древности, Платонъ, по нашему мнѣнію, выражаетъ чрезъ это то серьезное отношеніе къ теоріи движенія, которымъ дѣйствительно запечатлѣно все дальнѣйшее его изслѣдованіе о ней.

Д. ἡ περιφορά ἢ κινουμένη καὶ ὁ ἥλιος] Хотя Платонъ приписываетъ настоящее ученіе Гомеру, но подлинное свое значеніе оно имѣетъ въ философіи Гераклита: по философскому воззрѣнію Гераклита, абсолютное условіе міровой жизни состоитъ въ постоянномъ циркулирующемъ процессѣ всѣхъ элементовъ міра. Символомъ этого философскаго воззрѣнія служитъ для Гераклита возмущеніе солнца, которое, какъ сказано въ нашемъ мѣстѣ и у Платона, не есть причина вѣчнаго измѣненія элементовъ міра, но само подвержено тому же процессу вращанія и служитъ лишь его показателемъ. ὦν (т. е. τῶν περιόδων) ὁ ἥλιος ἐπιστάτης ὦν καὶ σκοπὸς ὀρίζειν καὶ βραβεύειν καὶ ἀναδεικνύναι καὶ ἀναφαίρειν μεταβολὰς καὶ ὥρας... (Плутархъ Quaest. Plat. p. 1007 e.). Та περιφορά, о которой здѣсь говоритъ Платонъ, означаетъ именно этотъ циркулирующій процессъ элементовъ міра, отъ котораго не свободно и солнце. Но въ фрагментахъ Гераклита нѣтъ этого термина, или по крайней мѣрѣ онъ сомнителенъ. По анализу Лассале, выраженію περιφορά соответствуетъ у Гераклита περιέχων, что есть не что иное какъ круговое движеніе космоса вверхъ и внизъ, состоящее въ постоянномъ переходѣ его изъ одного состоянія въ другое, въ непрерывной μεταβολή (терминъ Гераклита) всѣхъ его элементовъ. Типическое выраженіе такого міровоззрѣнія есть у Гераклита ἀναθυμίασις ἀπὸ θαλάσσης, съ которымъ соединяется представленіе объ испареніи воды въ міръ звѣздный и солнечный и обратномъ перемѣщеніи явленій этого міра въ феномены моря. Впрочемъ должно замѣтить, что ученіе Гераклита о космическомъ значеніи солнца очень темно. Аристотель повторяетъ его въ Meteor. 346 b. Подробное изложеніе этого ученія см. у Лассале, Die Philos. Herakleit d. Dunklen. II. § 23.

εἰ δὲ σταίη—ἄνω κάτω πάντα] Въ соотвѣтствіе съ этимъ слѣдуетъ указать на то, что по ученію Гераклита πόλεμοςъ есть πατήρ πάντωνъ или: πάντα κατ' ἕριν γίνεσθαι. Это убѣжденіе до того было сильно въ умѣ Гераклита, что онъ, по свидѣтельству Симплиція (in Arist. Categ. f. 4), порицалъ Гомера за то что онъ молилъ боговъ, да погибнетъ вражда

между богами и людьми. Такъ какъ это моленіе Гомера о мирѣ (II. XVIII, 107.) не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ его взглядомъ на условіе космической жизни, о которомъ говоритъ Платонъ въ нашемъ мѣстѣ текста, то порицаніе его Гераклитомъ, на которое указываетъ Симплицій, свидѣтельствуемъ о томъ, что понятіе о борьбѣ и движеніи, какъ объ абсолютномъ условіи жизни, было гораздо сильнѣе у Гераклита чѣмъ у Гомера. Что касается далѣе до словъ: γένοιτ' ἄν τὸ λεγόμενον ἄνω κάτω πάντα, то онѣ, по смыслу своему, не имѣютъ ничего общаго съ ученіемъ Гераклита, которое излагаетъ Діогенъ Лаэртій (IX. 8) говоря, что по Гераклиту τὴν μεταβολὴν ὁδὸν ἄνω κάτω τὸν τε κόσμον γίνεσθαι κατὰ ταύτην. Напротивъ, по указанію схолиаста, слова Платона суть пословица: παροιμία, говоритъ Схолиастъ, ἄνω κάτω πάντα, ἐπὶ τῶν τὴν τάξιν μεταστρεφόντων.

κατὰ τὰ ὄμματα] т. е. касательно предметовъ зрѣнія, при чемъ Серранъ: non dixit τὰ κατὰ τὰ ὄμματα, ut veritatur, ea quae ad oculos pertinent: sensus tamen eodem pene recidit.

ὁ δὲ καλεῖς χρῶμα λευκόν] По словамъ схолиаста это есть δευτέρα κατασκευὴ ὑπὲρ τῶν Πρωταγόρα δοκούστων. Именно, послѣ того какъ выше Платонъ высказалъ убѣжденіе Протагора, Гераклита, Гомера и другихъ древнихъ — что движеніе есть общая форма всего существующаго, и притомъ какъ блага, здѣсь онъ приводитъ въ примѣръ ощущение цвѣта и, согласно съ теоріею движенія, утверждаетъ, что ощущение дано въ актѣ движенія, потому въ каждомъ оно индивидуально— ἐκάστῳ ἴδιον γεγονός.

μὴ εἶναι αὐτὸ ἕτερόν τι—ὄμμασι] non esse id aliud aliquid (h. e. ceteris rebus diversum suamque propriam tenens οὐσίαν) extra oculos tuos aut in oculis. Гейндорфъ. Впрочемъ должно упомянуть о коньектурѣ Гейзде ἕτερόν τι въ ἐτέρῳθι quoniam non de eo quaeritur h. l. quid sit vel quale illud album, sed ubinam sit. Но эта коньектура основательно отвергнута Буттманомъ, который говоритъ: vulgatum ἕτερόν τι in univēsum accipi debet de re, quae per se exstat quaeque disjungi possit a visu.

Ε. μηδέ τιν' αὐτῷ — ἀποτάξης] Этимъ выраженіемъ хорошо опредѣляется цвѣтъ какъ явленіе. Тоже у Аристотеля, de An. II. 7.

ὄν που] такъ исправилъ Гейндорфъ чтеніе кодексовъ ἄν που.

ἐν γενέσει] Гейзде предлагалъ коньектуру: ἐπὶ τῇ γενέσει, quod, замѣчаетъ Буттманъ, respondeat antecedenti ἤδη.

ἐκ τῆς προσβολῆς τῶν ὀμμάτων — φοράν] Фицинъ: ex impressione oculorum ad convenientem motum.

А. οὔτε τὸ προσβάλλον οὔτε τὸ προσβαλλόμενον] Цвѣтъ не имѣеть мѣста ни въ томъ на чемъ онъ видимъ (т. е. на предметѣ), ни въ томъ что его ощущаетъ (т. е. въ глазѣ). Теорія посредства между предметомъ и органомъ ощущенія принята Аристотелемъ для объясненія звука, цвѣта, обонянія и вкуса. См. de An. II. 7. и слѣд.

μεταξύ τι] μεταξύ cum τι junctum adjectivi instar est, ut Sympos. 201 a. ὅτι ἔστι τι μεταξύ σοφίας καὶ ἀμαθίας. De rep. 511 d. al. Sic alibi etiam πέλας, ἐγγύς et πόρρω adjecti vocum instar sunt. Штальбаумъ.

ἐκάστῳ ἴδιον γεγονός] Почему однако при данномъ объясненіи цвѣта, какъ явленія въ актѣ движенія, онъ долженъ быть для каждаго свой собственный? такъ спрашиваемъ для того чтобы обратить вниманіе на подлинную логическую связь мыслей въ данномъ мѣстѣ текста. Именно, мнѣніе Θεэтета, что знаніе есть ощущеніе, по убѣжденію Сократа, тождественно съ положеніемъ Протагора, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Это положеніе основывается на томъ изъ древности идущемъ наблюденіи, что нѣтъ ничего что существовало бы само по себѣ, напротивъ все бытіе міра находится въ постоянномъ теченіи, такъ что форма подлиннаго бытія есть движеніе. Такъ, на примѣръ, цвѣтъ существуетъ не гдѣ либо какъ въ актѣ движенія, и потому тотъ или другой цвѣтъ для каждаго есть свой собственный. Очевидно, что это есть простое наблюденіе, которое должно подтверждать теорію движенія въ значеніи подлинной формы бытія предметовъ. Согласно съ этимъ Сократъ и прибавляетъ: или ты готовъ доказывать, что какимъ тебѣ представляется тотъ или другой цвѣтъ, таковъ онъ для собаки и для другаго какогонибудь животнаго?

Τί δέ; ἄλλῳ ἀνθρώπῳ ἢρ' ὁμοίον — к. т. л.] Издавна это мѣсто текста представляло затрудненія, но кажется, что онѣ и доселѣ еще не разрѣшены. Стефанъ предлагалъ конъектуру τί δέ; οἶον ἄλλῳ ἀνθρώπῳ, ἢρ' ὁμοίον καὶ σοὶ φαίνεσθαι ὁμοίον, ἔχεις τοῦτο ἰσχυρῶς; но Гейндорфъ отвергъ эту конъектуру, утверждая что tritum est illud loquendi genus ὁμοίος καὶ, и вмѣстѣ съ Фишеромъ установилъ то чтеніе, которое принято потомъ почти всѣми издателями. Штальбаумъ, комментируя наше мѣсто, говоритъ: Hic quoque ne literulam quidem loco movendam arbitramur. Sensus verborum hic est: Quid vero? alii homini num quidlibet pariter atque tibi simile videtur? tenes ne hoc firmiter (certo tibi persvasisti), an potius censes, ne tibi ipsi quidem idem apparere propterea quod nunquam tibimet ipsi constes? Post ὁμοίον usurpari καὶ eodem modo

quo post simile et similiter Latinis *atque* frequentatur, tralaticium est. Но при всемъ томъ чувствуется нѣкоторое затрудненіе въ текстѣ относительно самого хода изложенной въ немъ мысли. Ясно, что Сократъ въ данномъ мѣстѣ послѣдовательно указываетъ на то, что какой либо цвѣтъ не одинаковъ не только въ глазахъ человѣка и животнаго, не только далѣе въ глазахъ двухъ разныхъ людей, но и въ глазахъ одного и того же человѣка. Между тѣмъ вторая мысль о несходствѣ цвѣта въ глазахъ двухъ разныхъ людей поставлена въ текстѣ въ тѣни между первой и второю. Эта случайность возбуждаетъ подозрѣніе въ испорченности текста и побуждаетъ къ исправленію; но едвали не происходитъ все это изъ крайней педантичности.

είχεις τούτο ἰσχυρῶς] Voces illae, говоритъ Стефанъ, obtinent locum proxime praecedentis verbi διςχυρίζεσθαι ita ut illae itidem reddi possint, affirmare.

В. ᾧ παρατρούμεθα] такъ пишемъ, слѣдуя кодексамъ. Корнаръ, а за нимъ Гейндорфъ, Шлейермахеръ, Астъ, Штальбаумъ, а равно Боницъ (Platon. Studien I с. 44 прим. 39) пишутъ ᾧ. Это ᾧ они приняли, очевидно, избѣгая неправильнаго толкованія чтенія кодексовъ, даннаго схолиастомъ. Схолиастъ говоритъ: ᾧ παρατρούμεθα, τοῦτ' ἐστί, τῷ αἰσθητήριῳ. Схолиастъ такимъ образомъ объясняетъ ᾧ въ отношеніи къ субъекту, что безъ сомнѣнія ложно; точно также ложно объясненіе Кэмбеля, что это ᾧ относится къ примѣру, приведенному ниже — ἢ ὅταν φῶμεν ἐμὲ τηλικόνδε ὄντα. к. т. л. Согласно съ этимъ Кэмбель толкуетъ и слѣдующія слова τὸ παρατρούμενον ἢ ἐφαπτόμενον т. е. „я, субъектъ.“ Несомнѣнно, что выраженію ᾧ παρατρούμεθα противоположно παρατρούμενον, какъ то, чѣмъ что либо измѣряется, т. е. измѣряющее — тому что измѣряется, или измѣряемому. Въ томъ же смыслѣ οὐ ἐφαπτόμεθα противопоставляется ἐφαπτόμενον, какъ выраженія, изъ которыхъ каждое означаетъ одинъ изъ двухъ соприкосновенныхъ предметовъ. Такимъ образомъ какъ ᾧ παρατρούμεθα и παρατρούμενον, такъ и οὐ ἐφαπτόμεθα и ἐφαπτόμενον употреблены въ объективномъ смыслѣ, т. е. относительно объектовъ измѣряемыхъ и касаемыхъ, а не субъекта измѣряющаго и прикасающагося. При этомъ должно твердо держать въ умѣ, что вся эта рѣчь: οὐκοῦν εἰ μὲν к. т. л. логически есть продолженіе предшествующей мысли о не сходствѣ цвѣта въ глазахъ какъ разныхъ субъектовъ, такъ и одного и того же лица — продолженіе, состоящее въ томъ, что какъ мысль о разности цвѣта есть подтвержденіе теоріи движенія, такъ равно предположеніе дѣйствительнаго или самостоятельнаго существованія чего либо подлежащаго измѣренію или сопостав-

ленію должно также вести къ убѣжденію въ теоріи движенія. Именно Сократъ говоритъ: если мы (вопреки теоріи движенія) предположимъ, что нѣчто познаваемое чрезъ измѣреніе или сопоставленіе существуетъ не въ формѣ движенія а есть само по себѣ (ἦν), какъ, на примѣръ, большое, бѣлое, теплое, то оно никакъ не можетъ сдѣлаться инымъ (οὐκ ἄλλο ἂν εὑρεθῆναι), такъ, на примѣръ, большое не можетъ показаться не большимъ, бѣлое—сѣрымъ, теплое—прохладнымъ, вслѣдствіе сопоставленія его съ другимъ, а единственно только вслѣдствіе внутренняго своего собственнаго измѣненія. Между тѣмъ шесть *больше* четырехъ и *меньше* двѣнадцати, слѣдовательно оно есть нѣчто и большое и не большое. Такимъ образомъ все, повидимому, ведетъ къ убѣжденію въ справедливости теоріи движенія. Но съ другой стороны мы не можемъ отказаться и отъ того, на примѣръ, убѣжденія, что пока что либо остается равнымъ себѣ, то оно не бываетъ ни болѣе ни менѣе ни въ вѣсѣ, ни въ количествѣ,—и отъ другихъ подобныхъ. Эти-то убѣженія, замѣчено ниже у Платона, и борются въ нашей душѣ съ тѣмъ, на примѣръ, простымъ фактомъ, что шесть въ одно и то же время и больше и меньше. Но какъ бы не рѣшалась въ послѣдствіи эта борьба, въ нашемъ мѣстѣ предположеніе о подлинномъ бытіи чего либо познаваемого чрезъ измѣреніе или сопоставленіе, какъ предположеніе, ведущее къ явленіямъ противорѣчащимъ опыту, очевидно, сдѣлано для оправданія теоріи движенія. Ибо доселѣ эта теорія разсматривается Платономъ, какъ теорія, повидимому, совершенно согласная съ опытомъ и разъясняется на примѣрахъ. Критика же этой теоріи исполнена Платономъ гораздо ниже.

ἐπεὶ νῦν γε] nunc quidem, cum vulgo putantes, ipsis rebus certam quandam et perpetuam οὐσίαν inesse. Гейндорфъ.

εὐχερῶς—λέγειν] εὐχερῶς pertinet ad λέγειν, parum considerate dicere, velut dicitur ῥαδίως λέγειν. Гейндорфъ.

ὡς φαίη ἂν Πρωταγόρας] Протагоръ нашель бы ошибку не въ томъ, что шесть мы считаемъ въ полтора раза болѣе четырехъ, но въ томъ, что для выраженія этого отношенія между ними мы употребляемъ глаголь εἶναι. Кэмбель.

С. πρὸς τὴν νῦν ἐρώτησιν κ. т. л.] sc. de eo, num quid majus fieri queat, quod non augeatur. Post ἀποκρίνωμαι mente iterandum ἀποκρίνομαι. Гейндорфъ.

Д. πρὸς τὴν προτέραν] sc. τὴν περὶ τῶν ἀστράγαλων. Гейндорфъ.

φυλάττων] φυλάττων μὴ etc. pro φυλαττόμενος. Гейндорфъ. Но Шталъбаумъ говоритъ, что въ настоящемъ случаѣ vir doctus aliquantum a vero aberravit. Nam φυλαττόμενος esset mihi cavens, sed φυλάττων valet

animum ad rem attendens et observans, ne contraria et pugnantia dicam. Itaque φυλάττει τι, qui rei ipsius causa aliquid observat; sed φυλάττεται τι, qui sibi in aliqua re cavet. Действительно, противъ Гейндорфа говорить: 180^a. εὖ πάνυ φυλάττουςι τὸ μηδὲν βέβαιον ἔαν εἶναι. Gorg. 461^d. ἔαν μοι ἐν μόνον φυλάττεις—τὴν μακρολογίαν—etc.

Εὐριπίδειόν τι] См. Eurip. Hippolit. v. 612. ἡ γλῶσσι δμώμοχ, ἡ δὲ φρήν ἄνώμοτος. Цицеронъ: juravi lingua, mentem injuratum gero. De off III. 29.

εἰ μὲν δεινοὶ καὶ σοφοὶ] Срав. Мен. 75^c. εἰ μὲν γε τῶν σοφῶν τις εἴη καὶ ἐριστικῶν τε καὶ ἀγωνιστικῶν. Продикъ въ „Протагорѣ“ отрицаетъ выражение σοφὸς καὶ δεινὸς ἀνὴρ, ибо благо нельзя назвать δεινόν. Поэтому и не говорятъ: δεινὸς πλοῦτος, δεινὴ ὑγίεια но: δεινὴ νόσος, δεινὸς πόλεμος, δεινὴ πενία (Protag. 341^b. См. ниже 173^b.)

πάντα τὰ τῶν φρενῶν] всѣ задачи ума.

ἐκ περιουσίας] Срав. Demosth. de Cor. 226. 19. ed. Schaeffer. οὗτος δ' ἐκ περιουσίας ἐμοῦ κατηγορεῖ. Dictio Demosthenica, говоритъ Рейске (Indices operum Demosthenis confecit Reiske. Editio correctior curante G. H. Schaefero 1833.), significat joci gratia, aut otii fallendi, necessitate nulla cogente, sed ex mera protervia et laedendi lubidine.

Ε. ἐκρούομεν] Стефанъ: ἐκρούομεν вм. ἐξεκρούομεν. срав. 168^a.

αὐτὰ πρὸς αὐτά] Vulgo: πρὸς αὐτά.

τί ποτ' ἐστὶν ἃ διανοούμεθα] Стефанъ поправляетъ τί въ τίνα, но ошибочно.

πότερον ἡμῖν κ. т. λ.] *utrum nobis illa inter se coeant*. Male cum Ficino Cornarius: *utrum nobis inter nos conveniat*. Гейндорфъ.

ὅτε δ' οὕτως ἔχει κ. т. λ.] Срав. сходное по содержанию мѣсто въ Меноновѣ 75^d.

р. 155.

Α. ταῦτα τὰ φάσματα ἐν ἡμῖν] Упомянемъ здѣсь конъектуру Гейзде. Такъ какъ три послѣдующія положенія суть не φάσματα, а ὁμολογήματα, какъ выражаетъ ниже свою мысль Сократъ, то Гейзде предлагаетъ, вмѣсто φάσματα, ὁμολογήματα и оканчиваетъ рѣчь Сократа словомъ ἡμῖν съ знакомъ вопроса; за тѣмъ вставляетъ слова Θεэтета: τί μὴν; и слѣдующую рѣчь Сократа, вмѣсто ὧν πρῶτον, начинаетъ πρῶτον οὖν.

τὰ φάσματα] Толкователи и переводчики разногласятъ въ пониманіи этого слова. Согласно съ тѣмъ, на что указываетъ въ этомъ случаѣ Платонъ, оно, повидимому, хорошо можетъ быть передано словомъ: мысли.

ὧν πρῶτον] ὧν pendet ex πρῶτον eodem fere modo, quo dicitur τοῦτ' αὐτῶν, ἐν αὐτῶν et quae sunt similia. Шталъбаумъ.

ᾧ μήτε προστιθεῖτο] sc. μηδέν, ut alias omitti solet τι. Гейндорфъ. Срав. Resp. I. 339 b.

В. Ἄρ οὖν οὐ καὶ τρίτον, ὃ μὴ πρότερον ἦν, ἀλλὰ κ. τ. λ.] Въ древнихъ изданіяхъ (editio Aldina, Basileensis I и II) читалось:—δ μὴ πρότερον ἦν, ὕστερον· ἀλλὰ τοῦτο — ἀδύνατον δοκεῖ γε; δὴ. Θεαι. Δοκεῖ. Сω. Таῦτα κ. τ. λ. Это бессмысленное чтеніе было исправлено Стефаномъ по переводу Фицина такимъ образомъ: δ μὴ πρότερον ἦν, ἀλλὰ ὕστερον, τοῦτο εἶναι — ἀδύνατον. Гейндорфъ поправилъ интерпункцію Стефана, уничтоживъ запятую послѣ ὕστερον. Это чтеніе принято за тѣмъ Штальбаумомъ и Кэмбелемъ, но послѣдній однако замѣчаетъ, что наше мѣсто можетъ быть конструировано двояко: 1) Согласно чтенію Стефана—что не существовало прежде но послѣ, то не можетъ быть не содѣлавшись и не бывъ образовано. 2) Согласно общепринятому чтенію — чего не было прежде, то и послѣ не можетъ быть иначе, какъ путемъ образованія. Какъ ни удобна, повидимому, эта вторая редакція мысли Платона, но едва ли она вполне выражаетъ то, что въ этомъ случаѣ думалъ Платонъ; именно, едва ли для Платона значить что либо тотъ хотя совершенно истинный тезисъ, что нѣчто, не бывъ прежде, и послѣ не можетъ быть иначе какъ содѣлавшись. Примѣръ, на которомъ далѣе разъясняется мысль Платона, состоитъ въ указаніи на Сократа, который не увеличиваясь и не уменьшаясь, слѣдовательно не содѣлываясь, сперва въ сравненіи съ Θεэтетомъ больше его, а потомъ—меньше. Это наблюденіе не достаточно строго противорѣчитъ тому положенію, что не существующее становится потомъ существующимъ путемъ происхожденія, но гораздо лучше тому, что не можетъ быть, чтобы нѣчто не бывъ прежде а явившись потомъ—*что бы этотъ фактъ былъ помимо происхожденія*. Согласно съ этимъ предлагается удержать запятую послѣ ὕστερον и тоѣто относить не просто къ ὃ, а къ цѣлой мысли: δ μὴ πρότερον ἦν, ἀλλὰ ὕστερον, при чемъ εἶναι должно быть отнесено въ ἀδύνατον какъ corula подлежащаго тоѣто съ сказуемымъ ἀδύνατον по конструкціи accusativus cum infinitivo, въ зависимости отъ φήσομεν, которое должно имѣть въ мысли при словахъ: Ἄρ οὖν οὐ καὶ τρίτον т. е. φήσομεν.

С. καὶ ἄλλα δὴ μυρία ἐπὶ μυρίοις οὕτως ἔχει.] Указавъ на фактъ, что Сократъ становится менѣе, самъ не измѣняясь, Платонъ прибавляетъ, что такихъ фактовъ встрѣтятся тысячи.

εἴπερ καὶ ταῦτα παραδεξόμεθα] т. е. хотя бы мы и приняли тѣ положенія, о которыхъ сказано выше.

ἔπει γάρ που] Гейндорфъ: ἔπη, говоря: ita correxi vulgatum εἶπέ, quo nihil absurdius. ἔπεσθαι hoc loco idem quod μανθάνειν.

μάλα γὰρ φιλοσόφου — τὸ θαυμάζειν.] Слич. Мен. 84 с. примѣч. Но и здѣсь не мѣшаетъ сказать, что причина этого удивленія, какъ источника философіи, есть метафизическая несостоятельность понятій, составляющихъ постоянную форму нашихъ опытныхъ познаній.

D. τὴν Ἴριν Θαύμαντος] Сл. Гезіодъ, Theog. 265 и 780. При чемъ не дурно замѣчаетъ Штальбаумъ (вслѣдъ за Шлейермахеромъ): in promptu est lusisse philosophum in originatione nominum Ἴρις et Θαύμας.

пότερον μανθάνεις ἤδη — λέγειν] Смысль вопроса состоитъ въ томъ: какъ все то, что говорено было доселѣ, относится къ ученію Протагора? Слова: ἐξ ὧν τὸν Πρωταγόραν φημέν λέγειν — Фицинъ а за нимъ многіе изъ комментаторовъ ставятъ въ зависимость отъ τοιούτου ἔστιν. Между тѣмъ Гейндорфъ правильно: ἀλλὰότερον μανθάνεις i. e. ἀλλὰότερον ἐκ τούτων ἃ τὸν Πρωταγόραν φημέν λέγειν μανθάνεις, διὸ (или δι'δ) etc.

ἔάν σοι ἀνδρός] т. е. Протагора.

μᾶλλον δὲ ἀνδρῶν,] т. е. Гераклита, Гомера и др., о которыхъ упомянуто выше.

E. αὐτῶν] Кэмпбелъ замѣчаетъ, что это слово можетъ быть отдѣлено по конструкціи отъ слова ἀνδρῶν. ἀνδρῶν можетъ быть разсматриваемо въ зависимости отъ διανοίας, а αὐτῶν—отъ ἐξ въ словѣ συνεξερευνήσωμαι.

οἱ οὐδὲν ἄλλο—τοῖν χεροῖν λαβέσθαι] Такъ описываются крайніе материалисты, (подъ которыми, вѣроятно, должно разумѣть послѣдователей Демокрита). Подобнымъ образомъ Платонъ изображаетъ ихъ въ Софистѣ 246^a Οἱ μὲν εἰς γῆν ἐξ οὐρανοῦ καὶ τοῦ ἀοράτου πάντα ἔλκουσι, ταῖς χερσὶν ἀτεχνῶς πέτρας καὶ δρυς περιλαμβάνοντες. τῶν γὰρ τοιούτων ἐφαπτόμενοι πάντων διςχυρίζονται τοῦτο εἶναι μόνον, ὃ παρέχει προσβολὴν καὶ ἐπαφήν τινα, ταῦτόν σῶμα καὶ οὐσίαν ὀριζόμενοι, τῶν δὲ ἄλλων εἴ τις τί φησι μὴ σῶμα ἔχον εἶναι, καταφρονοῦντες τὸ παράπαν καὶ οὐδὲν ἐθέλοντες ἄλλο ἀκούειν. далѣе 247^c. τούτων οὐδ' ἂν ἐν ἐπασχυνθείεν οἱ γε αὐτῶν σпарτοί τε καὶ αὐτόχθονες, ἀλλὰ διατείνονται ἂν πᾶν ὃ μὴ δυνατοὶ ταῖς χερσὶ συμπιέζειν εἰσὶν, ὡς ἄρα τοῦτο οὐδὲν τὸ παράπαν ἔστιν. — εἰ γὰρ καὶ μικρόν τι ἐθέλουσι τῶν ὄντων συρχωρεῖν ἀσώματων, ἔξαρκεί.

ἀπρίξ] Schol. προσπεφυκότης, ἰσχυρῶς, ὃ οὐκ οἶόν τε πρίσαι διὰ τὴν σύμφυσιν.

πράξεις] e. g. δικαία καὶ ἀδικος πράξις. Sophist. 247. Кэмпбелъ.

γενέσεις] e. g. αἰσθησις, κίνησις, ἡδονή. Кэмпбелъ.

· κληροῦς—καὶ ἀντιτύπους] Материальный смысл этих слов указанъ Платономъ въ Тимей 62. В. κληρὸν δέ, ὅσοις ἂν ἡμῶν ἡ σὰρξ ὑπέικη—τὸ δὲ ἐκ τετραγώνων ὄν βάσεων—ἀντιτυπώτατον εἶδος. Кэмпбелъ замѣчаетъ, что примѣненіе этихъ матеріальныхъ эпитетовъ къ людямъ, можетъ быть, должно принять въ смыслѣ тойже игры словъ, какая очевидна въ названіи послѣдователей Гераклита именемъ текучихъ ῥέοντες. См. 181^a.

р. 156.

А. ἄμουσοι] Хотя этимъ словомъ выражается вообще отсутствіе образованія, но здѣсь иронически, съ указаніемъ на пренебреженіе къ музамъ.

· πολὺ κομψότεροι] Такъ какъ κομψόςъ противоплагается у Платона сурфетόςъ (Нір. Мај. 288^d. οὐ κομψόςъ ἀλλὰ сурфетόςъ), то Кэмпбелъ а за нимъ и Вольрабъ полагаютъ, что здѣсь подъ ἄλλοι δὲ πολὺ κομψότεροι должно разумѣть тѣхъ учениковъ Протагора, которымъ онъ сообщалъ свое ученіе ἐν ἀπορρήτῳ, въ противоположность тѣмъ его слушателямъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ ἐν сурфетῳ. Но такъ какъ нѣтъ никакого историческаго свидѣтельства о различіи философскаго ученія Протагора на эсотерическое и эксотерическое (см. выше прим. къ 152^c), то, согласно съ духомъ всей рѣчи, эти другіе κομψότεροι, очевидно, должны быть противоплагаемы тѣмъ матеріалистамъ, о которыхъ сказано выше, и подъ ними должно разумѣть не только искреннихъ учениковъ Протагора, но и самого Протагора со всѣми тѣми философами, которые въ своемъ философскомъ міровоззрѣніи такъ или иначе тяготеютъ къ теоріи движенія (см. Рибингъ т—же, I. с. 121 прим. 239.)

μυστήρια] Штейнгартъ (Plat. Werke v. H. Müller und Steinhart. Einleit. Bd. III. с. 45) строитъ здѣсь догадку надъ догадкой; ибо полагая гадательно, что Платонъ заимствовалъ ученіе Протагора изъ его собственнаго сочиненія, онъ догадывается, что этимъ словомъ μυστήρια обозначается неясность Протагоровой рѣчи. Другіе думаютъ, что этимъ словомъ дано указаніе на то, что здѣсь именно разумѣются искренніе ученики Протагора. Не будучи согласны съ этимъ, мы подъ словомъ μυστήρια разумѣемъ внутренній смыслъ той философской теоріи, къ которой такъ или иначе относятся эти философы κομψότεροι.

ὡς τὸ πᾶν κίνησις ἦν] Гейндорфъ: Attico more pro ἔστι, nam paulo post infertur praesens γίγνεται. Но Штальбаумъ не признаетъ за этимъ ἦν никакого аттического характера и относитъ его въ предшествующему 152^d. гдѣ, по его словамъ, hujus sententiae facta est mentio. Съ этимъ объясненіемъ Штальбаума нельзя согласиться единственно по

указанію Гейндорфа т. е. по смыслу слова γίγνεται, которое, очевидно, не может здѣсь стоять вмѣстѣ съ ἦν. Но Вольрабъ говоритъ, что мысль того мѣста, на которое указываетъ Штальбаумъ 152^d. omnia motu ori-ri — et omnia semper fieri, non est idem quod universum est motus. Приведя далѣе мѣста изъ Симплиція къ Физикѣ Аристотеля объ Анаксагорѣ р. 36^b Ἀναξαγόρας λέγων ἀπ'ἀρχῆς ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, и о Демокритѣ р. 73^b καὶ ὡς Δημόκριτός φησιν ἦν ὁμοῦ πάντα δυνάμει, ἐνεργείᾳ δ'οὔ—Вольрабъ продолжаетъ: Socrates modo dixerat Protagorae ejusque sectae mysteria se enuntiaturum esse. Quare suspicor Protagoram discipulis tradidisse πᾶν ἦν κίνησις, auditoribus πάντα κινεῖται. Натяжка этого объясненія понятна сама собою: ибо въ текстѣ рѣчь идетъ о движеніи не какъ о космическомъ фактѣ, но какъ о философской теоріи изъясняющей космосъ. Кэмпбелъ называетъ наше ἦν очень хорошо извѣстнымъ идиомомъ, который чаще встрѣчается у Аристотеля, но не приводитъ изъ него ни одного мѣста. Судя потому, что онъ переводитъ это ἦν выраженіемъ реально есть (really is), можно думать, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду дѣйствительно извѣстное у Аристотеля τὸ τί ἦν εἶναι. Но въ этомъ выраженіи и въ ἦν просто, очевидно, нѣтъ тождественнаго смысла. Остается такимъ образомъ принять объясненіе Гейндорфа, которое и просто и хорошо. Срав. Cratyl. 387°. οὐκοῦν καὶ τὸ ὀνομάζειν πράξις τις ἐστίν, εἴπερ καὶ τὸ λέγειν πράξις τις ἦν περὶ τὰ πράγματα. de Leg. I. 628°. καὶ δὴ καὶ τὸ νικᾶν, ὡς ἔοικεν, αὐτὴν αὐτὴν πόλιν οὐκ ἦν τῶν ἀρίστων, ἀλλὰ τῶν ἀναγκαίων. Quibus locis, замѣчаетъ Гейндорфъ, hoc ἦν—simpliciter pro ἐστὶ adhibitum est.

ὁμιλίας τε καὶ τρίψεως] concursio[n]em rei agentis et patientis philosophus his verbis significat: р. 156^d. πλησιάζειν, ἔρχεσθαι πρὸς τι, 157^a ἢ πρὸς ἄλληλα ὁμηλία, συνελθεῖν τινι (160^a), προσπίπτειν τινί, 159^a συμμίγνυσθαι, 159° λαβεῖν τινα, ibid. D. προσελθεῖν τινι. Cf. 152^d. φορὰ τε καὶ κίνησις καὶ κρᾶσις πρὸς ἄλληλα 153^a φορὰ καὶ τρίψις. Вольрабъ.

В. καὶ ὁσφρήσεις καὶ ψύξεις] У Цицина это мѣсто читается такъ: olfactus, gustus tactusque frigidorum et calidorum. Потому Корнаръ пишетъ: ὁσφρήσεις καὶ γεύσεις καὶ θίξεις καὶ ψύξεις. А Стефанъ говоритъ уже, что будто бы эти слова читаются въ древнихъ кодексахъ. Но дѣйствительно ли такъ? На этотъ вопросъ скорѣе, кажется, должно отвѣчать отрицательно, чѣмъ утвердительно, потому что ни въ одномъ изъ существующихъ кодексовъ нѣтъ этихъ словъ. Срав. 186^d, гдѣ ощущенія перечислены въ томъ же видѣ какъ и въ нашемъ мѣстѣ.

ἡδοναὶ γέ δή] γέ δή, выражая продолженіе того-же сужденія, употреблены при переходѣ мысли въ другому порядку явленій, которыя, по су-

ществу своему, будучи не то же что ощущения, въ данномъ случаѣ исчисляются въ одномъ рядѣ съ ними.

τὸ δ' αὖ αἰσθητὸν γένος—ζυγυενῆ γιγνόμενα] Это учение о соответствіи между тѣмъ что подлежитъ тому или другому ощущенію и самими ощущениями обстоятельно раскрыто у Аристотеля, de An. L. II cap. 5 и слѣд., гдѣ Аристотель между прочимъ говоритъ, что изъ сферы всего того, что подлежитъ ощущенію, нѣчто доступно только извѣстнымъ ощущениямъ, а нѣчто подлежитъ болѣе или менѣе всѣмъ ощущениямъ. Таковы, говоритъ Аристотель, движеніе, покой, число, фигура, величина.

С. οὗτος ὁ μῦθος] Штальбаумъ въ этомъ случаѣ ссылается на свое примѣчаніе къ Федону 61^b, гдѣ по поводу того же слова μῦθος противоположнаго слову λόγος, говоритъ, что λόγος есть родовое понятіе, подъ которымъ одинаково разумѣется какъ истинная такъ и вымышленная рѣчь или повѣствованіе, но въ томъ случаѣ когда ему противопоставляется μῦθος, оно означаетъ истинную рѣчь. Отсюда очевидно, что μῦθος вообще, по мнѣнію Штальбаума, есть вымыселъ. Но это едва-ли справедливо вообще и еще менѣе справедливо въ нашемъ мѣстѣ текста. Въ смыслѣ легендарной рѣчи слово μῦθος стало употребляться впоследствии, первоначально же оно означаетъ все произнесенное устами, такимъ образомъ: слово, рѣчь, за тѣмъ разговоръ, предположеніе, теорія (см. Lexicon from Liddell and Scott's). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и должно быть понято слово μῦθος въ нашемъ мѣстѣ.

πρὸς τὰ πρότερα;] Непосредственно здѣсь имѣются въ виду тѣ вышеуказанныя положенія, которыхъ держится наше мышленіе относительно всего подлинно сущаго. См. 155^{a b}.

Ἄλλ' ἄθρει, εἰάν πως ἀποτελεσθῆ.] Срав. ниже 192 ° Ἴδὲ δὴ εἰάν τι μᾶλλον νῦν ἐπισπῆ. Въ томъ и другомъ случаѣ εἰάν хорошо передается вульгарнымъ нашимъ словомъ авось. Въ этомъ смыслѣ Бургеръ (de Theaet. Plat. dialogo c. 48) желаетъ послѣ πως вставить ἐπειδάν.

ταῦτα πάντα] т. е. αἰσθητά и αἰσθήσεις.

κινεῖται] κινεῖσθαι significat et moveri et mutari. p. 181 ° ἄρα κινεῖσθαι καλεῖς, ὅταν τι χώραν ἐκ χώρας μεταβάλλῃ ἢ καὶ ἐν τῷ αὐτῷ στρέφεται. Вольрабъ.

ἄσπον μὲν οὖν βραδύ ἐν τῷ αὐτῷ καὶ πρὸς τὰ πλησιάζοντα τὴν κίνησιν ἴσχει καὶ οὕτω δὴ γεννᾷ, τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω δὴ θάπτω ἐστί.] Такъ читается во всѣхъ кодексахъ; но Корнаръ предъ θάπτω ἐστί вставилъ слѣдующую рѣчь: βραδύτερά ἐστιν ἄσπον δὲ αὖ ταχύ πρὸς τὰ πόρρωθεν τὴν κίνησιν ἴσχει καὶ οὕτω γεννᾷ, τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω δὴ и за тѣмъ θάπτω ἐστί. Такая интерполяція принята Стефаномъ, а потомъ Гейндорфомъ и

Штальбаумомъ, изъ которыхъ первый полагаетъ однако, что Корнаръ взялъ эти слова изъ древнихъ кодексовъ, а другой признаетъ ихъ за собственную интерполяцію Корнара. Какъ ни заманчива эта интерполяція, но она ни мало не уничтожаетъ трудности нашего мѣста. Тѣ, которые пользуются ею, интерпретируютъ текстъ самымъ неяснымъ образомъ. Впрочемъ хотя Кэмбель и не допускаетъ интерполяціи Корнара, но его объясненіе мѣста уже совершенно не понятно. Между тѣмъ общая ошибка толкователей состоитъ, повидимому, въ неправономъ объясненіи какъ слова βραδύ, которое они понимаютъ въ смыслѣ βραδεία κίνησις, такъ и словъ ἴσχει и γεννά, которыя они понимаютъ какъ предикаты къ субъекту βραδύ. Но что говоритъ Платонъ? Онъ говоритъ, что вышеизложенная теорія соотвѣтствія ощущенія съ ощущаемымъ старается доказать, что все это (ταῦτα πάντα) т. е. всѣ формы ощущеній и всѣ соотвѣтствующія имъ виды ощущаемаго находятся въ движеніи, которое различно по скорости и медленности. Въ какой мѣрѣ эта теорія признаетъ движеніе за даннымъ ощущеніемъ и ощущаемымъ (ὅσον μὲν οὖν βραδύ), въ такой же мѣрѣ она утверждаетъ его и относительно того, что приходитъ въ сближеніе между собою (πρὸς τὰ πλησιάζοντα, т. е. относительно органа ощущенія и предмета ощущаемаго) и такимъ образомъ она производитъ явленія (т. е. объясняетъ происхожденіе явленій), такъ что по этой теоріи явленія подлежащія ощущенію существуютъ такъ бывающія, т. е. чрезъ такой актъ образованія (τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω). Такъ объясняя наше мѣсто, мы полагаемъ: 1), что хотя слово βραδύ означаетъ здѣсь движеніе, но не медленное движеніе въ отличіе отъ скорого, а просто лишь ту или другую степень движенія; 2) при ἐν τῷ αὐτῷ разумѣемъ μέτρον; 3) подъ πρὸς τὰ πλησιάζοντα разумѣемъ не ea quae proxima sunt въ противоположность съ ea quae procul absunt, какъ думаютъ Корнаръ и другіе, но то что подлежитъ сближенію, какъ то—органъ ощущенія и предметъ ощущаемый; наконецъ 4) τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω δὴ θάττω ἐστὶ готовы коньектировать такъ: τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω καὶ δὴ οὕτω ἐστὶ, вслѣдствіе чего получается тождественное сужденіе, съ особенною выразительностію свойственною словамъ: καὶ δὴ, именно: такъ бывающія (т. е. явленія подлежащія ощущенію) и существуютъ такъ какъ бывають, или, какъ сказано выше, существуютъ чрезъ такой актъ образованія.

D. φέρεται γὰρ καὶ—πέφυκεν] Adduntur haec, ut motus intelligatur in spatio, neu κίνησις accipiatur de mutatione. Cf. Parmenid. 138 ἢ κινούμενον ἢ φέροιτο ἢ ἀλλοιοίτο ἄν' αὐταὶ γὰρ μόναι κινήσεις. Гейндорфъ.
 — καὶ ἄλλο τὰ τῶν τούτων ἑυμέτρων] т. е. предметъ подлежащій видѣнію.

Срав. Мен. 76^d. Tim. 67^c о цвѣтѣ сказано: φλόγα τῶν σωματικῶν ἐκάστῳ ἀπορρέουσαν ὅψει ζύμμετρα μόρια ἔχουσαν πρὸς αἴσθησιν.

πλησιάσαν] Въ томъ-же значеніи какъ выше πλησιάζοντα, а не *alio sensu dictum*, какъ говоритъ Гейндорфъ.

ἐκατέρου ἐκείνων] *alterutrum*, Штальбаумъ; т. е. или глазъ, или предметъ видѣнія.

τότε μεταξύ φερομένων] т. е. въ то время какъ они, находясь въ движеніи, сходятся между собою на серединѣ. Срав. 159^{c d}.

Е. ἐγένετο καὶ ὄρα] Не оставьте безъ вниманія совмѣстнато употребленія аориста съ настоящимъ.

εἴτε ὅτιοῦν συνέβη χρῆμα] Въ болшинствѣ кодексовъ χρῶμα. Корнаръ первый χρῆμα, за нимъ Гейндорфъ и Штальбаумъ. Хотя первый говоритъ: *quamquam ne ipso quidem hoc χρῆμα opus fuerit h. l.*, а Штальбаумъ — *nisi forte σῶμα scribendum*. Это σῶμα имѣетъ мѣсто въ одномъ кодексѣ. Шанцъ (*Spec. criticum ad Platonem et Censorinum pertinens*. 1867) предлагаетъ писать сῆμα (что и дѣлаетъ Вольрабъ, пиша ὀτουοῦν, согласно съ нѣкоторыми кодексами). Оба ученые основываются въ этомъ случаѣ преимущественно на мѣстѣ изъ Менона 75^b. ἔστω γὰρ δὴ ἡμῖν τοῦτο σῆμα ὃ μόνον τῶν ὄντων τυγχάνει χρῶματι ἀεὶ ἐπόμενον. Но если изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что цвѣтъ и фигура такъ тѣсно соединены между собою, что одно безъ другаго не можетъ быть мыслимо, то едва ли эту связь между ними слѣдуетъ простирать до того, что одно безъ другаго не можетъ быть и сказано. Такъ какъ рѣчь Сократа имѣетъ въ виду здѣсь разнообразіе предметовъ непосредственно, а не фигуръ, то изъ двухъ словъ χρῆμα и сῆμα, очевидно, позволительнѣе принять первое; хотя быть можетъ конъектура Кэмбеля ὀτωοῦν съ опущеніемъ слова χρῆμα (или χρῶμα какъ пишетъ Кэмбель) была бы умѣстнѣе. Изысканно и тяжело предлагаетъ читать Фрей: ὀτουοῦν συνέβη χρῆμα χρῶσθῆναι (*Quaest. Protag. c. 83*). Веберъ, отвергая это чтеніе, хорошо замѣчаетъ, что слово ὀτουοῦν *propter falsum χρῶμα ortum esse videtur*. (*Quaest. Protag. c. 34.*)

р. 157.

А. καὶ τότε] *et ante prius*. Гейндорфъ. См. 153^e.

ἐπεὶ καὶ τὸ ποιοῦν — οὐκ εἶναι παγίως] Стефанъ, слѣдую Корнару, пишетъ: οὐκ ἔστι παγίως, что хотя противорѣчитъ кодексамъ, но желается для избѣжанія утомительности этой *orationis obliquae*. Другая конъектура Корнара, принятая также Стефаномъ οὐ τί вмѣсто αὐτῶν, равно желательна. Затрудненіе касается словъ ἐπὶ ἐνός — понимать ли ихъ

относительно случая, въ которомъ могли бы имѣть мѣсто одно или дѣятельное или страждущее, или относительно самихъ этихъ ποοὺν и πάσχοу, переводя при этомъ ἐπὶ ἐνός въ отдѣльности, порознь. Имѣя въ виду послѣдующую мысль: οὐτε γὰρ ποιοῦν κ. т. л. слѣдуетъ, повидимому, принять ἐπὶ ἐнός въ послѣднемъ смыслѣ, при чемъ конструкція словъ должна быть такова: ἐπεὶ οὐκ εἶναι παγίως νοῆσαι καὶ τὸ ποιοῦν εἶναι τι καὶ τὸ πάσχοу αὐ τι ἐπὶ ἐнός.

νοῆσαι παγίως] terminum technicum Heracliteorum fuisse O. Webe-
rus Quaest. Protag. p. 25 putat atque Heracliteos verbis ὡς φασιν signi-
ficatos esse. Ubi enim praeter hunc locum legatur apud Platonem (de
Rep. IV. 434 d. V. 479 c Tim. 49 d) et Aristotelem (Metaph. 1008 a,
1062 b, 1063 a, de coelo III. I.) de Heraclito ejusque discipulis sermo-
nem esse. Вольрабъ.

В. τὸ δ' οὐ δεῖ] Напротивъ не должно. Sexcenties, говорить Гейн-
дорфъ, ita hoc τὸ δέ usurpatur, ut contrariam praegressis sententiam
indicet. Срав. ниже 183 b, 207 b, Apol. 23 a Resp. 340 d:

οὐτε τι εὐχωρεῖν] давать мѣсто т. е. въ своемъ мышленіи.

ὅ τι ἄν ἰστίῃ] quod stácin quandam perpetuamque οὐσίαν rebus tribuat.
Гейндорфъ.

φθέγγεσθαι] idem quod ὀνομάζειν, ut Phileb. 25 c, 34 a. Гейндорфъ.
Наше: употреблять выражаніе.

κατὰ μέρος—περὶ πολλῶν ἀθροισθέντων] et de singulis rebus et de re-
rum generibus. Гейндорфъ. Объясненію Гейндорфа слѣдуютъ всѣ; ме-
жду тѣмъ Витринга основательнѣе говорить: illud κατὰ μέρος nihil ali-
ud indicare potest, nisi singulas qualitates; itaque πολλὰ ἀθροισθέντα
erunt multae qualitates, quae conjunctim spectatae ea producunt quae
variis rerum nominibus praedicamus (de Protag. vita et philosophia c. 97.)

ᾧ δὴ ἀθροίσματι — τίθενται] т. е. ὄνομα. Субъектъ же при τίθενται не-
опредѣленъ. Срав. Cratyl. 432 b.

С. ἄνθρωπόν τε — καὶ λίθον καὶ ἕκαστον ζῶόν τε καὶ εἶδος.] Асть,
Шлейермахеръ и Штальбаумъ едва-ли только не по недоразумѣнію ста-
раются исправить это мѣсто:

πότερα] Attice dictum pro πότερον, usu creberrimo. Штальбаумъ.

οὐτε ποιοῦμαι — οὐδὲν ἐμὸν] neque quidquam tanquam proprium mihi
vindico, velut dicitur ποιεῖσθαι τινα υἱόν. Гейндорфъ.

ἐπάδω] Срав. 149 c αἱ μαῖαι—ἐπάδουσαι.

ἕκαστων τῶν σοφῶν] Гейндорфъ и Штальбаумъ принимаютъ за роди-
тельный сроднаго рода. Онъ долженъ быть опредѣленъ какъ genitivus
partitivus, въ зависимости отъ ἀπογεύεσθαι.

Д. ἔξαχθέντος] т. е. τοῦ δόγματος.

ἀγαθὸν καὶ καλὸν] Гейндорфъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ здѣсь эти слова, такъ какъ впереди было говорено будтобы только о вещахъ подлежащихъ ощущенію. Но Кэмпбелъ высказываетъ при этомъ ту мысль, что какъ выше вмѣстѣ съ ощущеніями были упомянуты удовольствіе, печаль, желаніе и страхъ (156 ^b) такъ и здѣсь слова ἀγαθὸν καὶ καλὸν еще шире раздвигаютъ предѣлы теоріи постоянного измѣненія всего существующаго, съ тѣмъ чтобы болѣе убѣдиться въ ея несостоятельности.

θαυμασίως φαίνεται ὡς ἔχει λόγον] Штальбаумъ: *Jungendum θαυμασίως ὡς φαίνεται, mirum quantum videtur esse consentaneum*. Но повидимому, какъ ὡς должно быть оставлено при ἔχει λόγον, такъ равно и θαυμασίως, по мысли, должно быть отнесено къ нимъ-же: удивительно какой, кажется, все это имѣетъ смыслъ.

Ε. ἑλλείπον αὐτοῦ] т. е. ἐστίν.

λείπεται—περί] *restat, ut dicatur de somniis et morbis. Exspectaveris etiam posita esse ἐνύπνια καὶ νόσοι, sed maluit scriptor usu frequenti subjecti loco ponere περί с. gen. Ita dicitur ἐρέσθαι τι et περί τινος (147 ^a) et ἀναλαβεῖν τι (203 ^a) et περί τινος (187 ^c) Вольрабъ.*

τῶν τε ἄλλων καὶ μανίας ὅσα—λέγεται.] Какъ о другихъ болѣзняхъ, такъ и о помѣшательствѣ, которое опредѣляется и т. д.

ὅσα παρακούειν—λέγεται] i. e. ἃ λέγομεν παράκουσμα ἢ παρόραμα etc. Гейндорфъ.

р. 158.

Α. ὡς παντὸς μᾶλλον—ἐν αὐτοῖς γιγνομένως] т. е. εἶναι. Штальбаумъ: *quodniam in illo ὡς inest notio verbi putandi et statuendi, recte deinde ad usum infinitivi transiri potuit; unde Heindorfio plane assentimur pro δεῖ, quod non habet idoneam causam et rationem, δεῖν restituendum existimanti.*

πολλοῦ δεῖ] Многого недостаетъ для того чтобы.

ἀλλὰ πᾶν τοῦναντίον — εἶναι] Возраженіе противъ сенсуализма, высказанное во всей этой рѣчи Сократа, непосредственное свое значеніе имѣетъ однако при томъ предположеніи, что кажущееся больному или помѣшанному, хотя и кажется, но какъ другими, такъ иногда и имъ самимъ сознается именно такимъ т. е. только кажущимся.

τὴν αἴσθησιν ἐπιστήμην τιθεμένων] *Eodem modo quo media forma (cf. p. 172 ^a 189 ^d.) etiam activa τιθέσθαι construitur potissimum addito ad nomen participio. p. 165 ^b. εἰ τὸ ὄραν γε ἐπίστασθαι θήσεις. p. 209 ^b. θεὸς γάρ με διανοούμενον. Cf. p. 165 ^d. 190 ^a. Вольрабъ.*

ἐπέπληξας] Verbis superioribus 157 ° οὐ μνημονεύεις etc. nam ἐπιπλήττειν saepissime sic adhibetur de reprehensione lenissima. Conf. Resp. VII 528 °. de Legg. VII. 805 °. VIII 832 ° Politic. 257 °. Гейндорфъ.

В. ἀμφισβητήσαι, ὡς—οὐ ψευδῆ] Vulgo εὖ ψευδῆ, но οὐ послѣ ἀμφισβητήσαι только усиливаетъ смыслъ отрицанія въ этомъ словѣ.

πτηνοί τε] т. е. οἴωνται εἶναι.

ὡς πετόμενοι—διανοῶνται] ὡς съ причастіемъ послѣ глаголовъ sciendi et sentiendi—обычное словосочиненіе.

ἀμφισβήτημα] Стефанъ: ἀμφισβήτημα vocat quod controversandi seu dubitandi praebet occasionem.

Ὅ πολλάκις—ἐρωτῶντων] Кэмпбелъ объясняетъ это ὅ какъ appositio ко всей послѣдующей мысли.

πότερον καθεύδομεν] Срав. Арист. Met. 1011 °. τὰ δὲ τοιαῦτα ἀπορήματα ὁμοιά ἐστι τῷ ἀπορεῖν πότερον καθεύδομεν νῦν ἢ ἐγρηγόραμεν.

С. πάντα γὰρ — παρακολουθεῖ] ибо ко всему идетъ тожѣ самое (т. е. и то и другое,) какъ строфа и антистрофа.

καὶ — ὄναρ] Адвербиально, вмѣсто κατὰ τὸ ὄναρ, какъ въ Менонѣ 85 ° ὥσπερ ὄναρ ἄρτι ἀνακεκίνηνται αἱ δόξαι αὐταί.

τούτων ἐκείνοις] подъ тούτων разумѣются сновидѣнія, подъ ἐκείνοις — событія во время бодрствованія.

Ὅρας οὖν ὅτι κ. т. л.] Содержаніе мѣста: относительно сна и бодрствованія можно, повидимому, рассуждать такъ, что для души одинаково истинно то, что она чувствуетъ во снѣ, какъ и на яву.

Д. πλήθει χρόνου καὶ ὀλιγότητι] Срав. Аристот. Met. 1009 ° 2. τὸ μὲν γὰρ ἀληθές οὐ πλήθει κρίνεσθαι οἴονται προσήκειν οὐδὲ ὀλιγότητι.

Е. Ἄλλά τι ἄλλο] Vulgo: ἀλλὰ τί ἄλλο, post quae inferri debebat οὐδέν μοι δοκῶ. Гейндорфъ.

τὰ αἰεὶ δοκοῦντα—τῷ δοκοῦντι] participium duplici significato positum, говоритъ Штальбаумъ. Срав. 162 ° τὸ δοκοῦν ἐκάστῳ τοῦτο καὶ εἶναι τῷ δοκοῦντι.

καὶ μὴ ὑπολάβωμεν τῇ μὲν] ерехегесин facere apparet praegressi παντάσῃ. Гейндорфъ.

р. 159.

А. Εἰ ἄρα τι συμβαίνει ὁμοίον τῷ] τῷ вмѣсто τινί обыкновенно принимаютъ въ смыслѣ указанія на предметъ сравниваемый, хотя то, чему можетъ быть нѣчто подобно или неподобно, выражено словами εἴτε ἐαυτῷ εἴτε ἄλλῳ. Потому τῷ, повидимому, должно принять здѣсь въ смыслѣ указанія степени, или стороны сходства двухъ предметовъ.

πρόσθεν ἐλέγομεν] См. 156 ^a.

ὅτι γε ἄλλο ἄλλω] pendet ex ἐλέγομεν, quod ad καὶ μὴν ex superioribus repetendum est. Штальбаумъ.

συμμιγνύμενον] Verbum συμμιγνυσθαι ponitur hic de illa agentis et patientis concursione, quam supra significabat philosophus verbis ὁμίλια, τρίψις, πλησιάζειν, συνέρχασθαι. Штальбаумъ.

γεννήσει] Dubito, num corrigi debeat γεννήσειε, quum futurum h. l. optativi vicem explere videatur. Гейндорфъ.

C. Καὶ καθεύδοντα] Socrates postquam hominem aegrotantem diversum esse ab homine valente statuit, non in eo moratur idem cadere in hominem dormientem et vigilantem in hominem sanum et insanum Cf. 157 ^c. Etiam aliis locis in exemplorum enumeratione aliquid desideratur. P. 156 ^b Cornario videbatur deesse καὶ γεύσειс καὶ θίξειс, Heindorfio καὶ γεύσειс, 178 ^b Cornarius, Stephanus, Heindorfius, alii post λευκῶν excidisse existimaverunt μελάνων. Platoni satis visum est res quasdam significasse. Вольрабъ.

Ἐκαστον δὴ τῶν—ποιεῖν ἄλλο τι] т. е. все что по природѣ способно производить что нибудь. Нельзя не замѣтить этого столь излишне раскрытаго выраженія мысли заключающейсѣ въ словѣ ποιοῦν.

ἐφ' ἐκατέρου] Въ томъ и другомъ случаѣ.

Τί μὴν;] i. q. τί μὴν ἄλλο; h. e. quidni? Штальбаумъ.

ἐκ τῶν προημολογημένων] См. 56 ^{d e}, гдѣ была высказана теорія образования ощущеній.

D. Ὅταν δὲ αἰσθεοῦντα] т. е. ἕκαστον τῶν πεφυκότων τι ποιεῖν ἄλλο τι ὅταν δὲ αἰσθ.—λάβη, въ соотвѣтствіе съ предыдущимъ: ὅταν μὲν λάβη ὑγιαίνοντα Сωκράτη.

E. ἐγεννησάτην] Въ древникъ изданіяхъ (Ald., Bas. 1. 2.) ἐγεννησάμην. Корнаръ исправилъ въ ἐγεννησάτην, но Гейндорфъ пишетъ ἐγεννήσαμεν на томъ основаніи, что одинъ изъ производителей есть здѣсь самъ Сократъ, который и говоритъ о себѣ.

Οὐκοῦν ἐγώ τε — αἰσθανόμενος] ἐγώ — субъектъ; οὕτως αἰσθανόμενος — предикатъ, οὐδὲν ἄλλο — дополненіе къ предикату. Я никогда не буду ощущать *такъ* ничего другаго, или: никогда не будетъ другой вещи, которую я ощущалъ бы *также*, (т. е. какъ ту, которую ощущаю). При такомъ толкованіи, (которое принадлежитъ Кэмбелю) γενήσομαι непосредственно связано съ αἰσθανόμενος и есть техническое выраженіе Платона, согласное съ изложенною выше теоріею ощущенія, по которой субъектъ дѣлается ощущающимъ.

р. 160.

А. καὶ ἄλλοῖον] Обыкновенно относятъ къ αἰσθανόμενον вмѣстѣ съ ἄλλον, но, повидимому, при ἄλλοῖον должно быть мыслимо τὸ ποιοῦν, такъ что καὶ при ἄλλοῖον должно соединять все послѣдующее предложене съ предыдущимъ какъ равносильныя въ смыслѣ причины главной мысли. οὐκοῦν ἐγὼ к. т. л.

οὐτ' ἐκεῖνο τὸ ποιοῦν — τοιοῦτον γένηται] и это дѣлающее меня (т. е. такъ ощущающимъ), встрѣтившись съ другимъ, хотя произведетъ тоже (т. е. актъ ощущенія, а не тоже ощущеніе), но не будетъ такимъ же (т. е. въ актѣ ощущенія).

ἀπὸ γὰρ — ἄλλοῖον γενήσεται.] Напротивъ, во взаимодействіи съ другимъ производя иное, оно само будетъ инымъ.

Οὐδέ μὴν ἔγωγε ἐμαυτῷ к. т. л.] mihi ipsi, sine mutua illa mei, τοῦ πάσχοντος, et alterius illius, τοῦ ποιοῦντος, conjunctione. τοιοῦτος, οὕτως αἰσθανόμενος, hunc vel illum in modum affectus. τοιοῦτον, sc. γλυκὸν ἢ πικρὸν ἢ τι τοιοῦτον. Гейндорфъ.

τινὸς γίνεσθαι] т. е. γλυκύτητος, πικρότητος αἰσθανόμενον.

τινὶ γίνεσθαι] т. е. αἰσθανομένῳ.

В. εἴτ' ἐσμέν — γίνεσθαι] Говорится о томъ, что существованіе въ формѣ ли подлиннаго бытія, или въ формѣ бытія переходящаго — лица и предмета, подлежащаго его ощущенію, — дано въ актѣ взаимодействія ихъ другъ съ другомъ.

συνδεῖ] т. е. ἀλλήλοισ, при томъ οὐσίαν одного какъ дѣйствующаго и οὐσίαν другаго какъ страждущаго.

οὐδενὶ τῶν ἄλλων] т. е. ни съ чѣмъ тѣмъ, что имѣетъ бытіе внѣ этого акта между дѣйствующимъ и страждущимъ.

ἡμῖν αὐτοῖς] съ нами, каковы мы сами въ себѣ.

С. ὡς ὁ λόγος — συναίνει] Такъ на примѣрѣ ощущенія изъясняется движеніе, какъ общая форма бытія вещей, что и есть, повидимому, достаточное основаніе ученія объ относительномъ бытіи.

Д. Παγκάλως ἄρα к. т. л.] Почему однако объединяются здѣсь между собою по своему смыслу и мнѣніе Θεэтета о знаніи, и философская теорія Гераклита и теорія Протагора? Оставляя Анализу рѣшить этотъ вопросъ глубже, т. е. съ точки зрѣнія мышленія Платона, замѣтимъ здѣсь слѣдующее: изложенная теорія ощущенія утверждаетъ, что сущность всѣхъ вещей дана непосредственно въ актѣ ощущенія, а такъ какъ актъ ощущенія совершается въ формѣ движенія, то движеніе есть абсолютная форма бытія вещей — ученіе Гераклита; такъ какъ далѣе носитель этого акта есть человѣкъ, какъ субъектъ чувствующій, то че-

ловѣкъ и есть мѣра всѣхъ вещей — теорія Протагора; наконецъ если внѣ ощущенія не возможно какое либо иное отношеніе къ вещамъ, то ощущеніе есть знаніе — мнѣніе Θεэтета.

Ε. τὰ ἀμφιδρόμια αὐτοῦ] Schol. Ἡμέρα πέμπτη τοῖς βρέφεσιν ἐκ γενέσεως οὕτω κληθεῖσα παρ' ὅσων ἐν ταύτῃ καθαίρουσι τὰς χεῖρας αἱ συνεψάμεναι τῆς μαιώσεως καὶ τὸ βρέφος περὶ τὴν ἐστίαν φέρουσαι τρέχουσι κύκλῳ, καὶ τοῦνομα τίθενται τούτῳ, δῶρά τε πέμπουσι τῷ παιδί, ὡς ἐπὶ πλείστον πολυπόδας καὶ σηπίας οἱ τε φίλοι καὶ οἰκεῖοι καὶ ἀπλῶς οἱ προσήκοντες. Читатель видитъ, что наши крестины съ обрядовой стороны очень похожи на аттическія амфидроміи. См. Германъ. Griech. Privatalterth. § 32.

ὡς ἀληθῶς] какъ слѣдуетъ. Стефанъ: γενα.

р. 161.

Α. πρωτόκου] Серранъ: πρωτόκοον, согласуя съ αὐτὸ. Но Платонъ, повидимому, употребляетъ это слово въ значеніи перворождающаго, а не перворожденного. Срав. выше 151 с.

ἢ αὖ οὐχ οὕτως ἔχει;] Этими словами Θεодоръ направляетъ разговоръ на главный предметъ, — на ученіе Протагора.

Φιλόλογος] est disputandi cupidus. Eandem significationem habet φιλολογία 146 а Вольрабъ.

χρηστός] человекъ добродушный. Ниже 166 а οὗτος δὴ ὁ Σωκράτης ὁ χρηστός. Срав. Phaedr. 264 с.

ὅτι με οἶε λόγων τινὰ εἶναι θύλακον] Штальбаумъ замѣчаетъ: quasi vero sacculus ipse dici possit ex saculo expromere quae opus videantur. Nihil igitur hac sententia absurdius. Quod vitium ut totum removeatur, pro ὅτι με οἶε quantocius repone ὅτι μοι οἶε. Ita enim Socrati sacculus sermonum attribuitur, non ipse saccus vocatur. Но зная языкъ Платона, едва ли слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ выраженіяхъ промахи и заботиться объ ихъ исправленіи.

Β. τὸ δὲ γινόμενον] id quod res est, verum. Гейндорфъ. Наше: настоящее дѣло.

ὅτι οὐδεὶς τῶν λόγων—μετρίως] Классическое мѣсто къ ученію о диалектикѣ Сократа. Срав. Men. 80 с.

κάλλιον — λέγεις] Probandi haec formula saepe occurrit. Гейндорфъ. Въ древнихъ изданіяхъ эти слова приписывались Θεэтету; какъ поступилъ и Штальбаумъ. Но еще Корнаръ отнесъ ихъ къ Θεодору, что приняли Гейндорфъ, Беккеръ и др.

ὁ θαυμάζω τοῦ ἑταίρου] genitivus τοῦ ἑταίρου зависитъ отъ ὁ. Срав. Men. 95 с.

С. ἀληθείας] Такъ называетъ Платонъ сочиненіе Протагора. Срав. ниже 162 а. 166 с. 171 а. Cratyl. 386 е. Но чит. Анализъ.

ὅς] Для обозначенія несмысленности. Срав. Lach. 196: κατὰ τὴν παροιμίαν οὐκ ἂν πάσα ὅς γυνοίη.

ἵνα — ἤρξατο] Отмѣтитъ indicativus послѣ ἵνα.

αὐτὸν ὤσπερ θεὸν ἔθαυμάζομεν] Срав. Resp. 600 с. Πρωταγόρας — ὁ Ἀβδηρίτης καὶ Πρόδικος ο Κεῖος ἐπὶ ταύτῃ τῇ σοφίᾳ οὕτω σφόδρα φιλοῦνται, ὥστε μόνον οὐκ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς περιφέρουσιν αὐτοὺς οἱ ἑταῖροι.

Д. βατράχου γυρίνου] Schol. γυρίνος, τὸ ἐκ τοῦ βατράχου παιδίον. Штейнгарть спрашиваетъ, нельзя-ли подъ γυρίνος разумѣть зародыша лягушки, на который указываетъ здѣсь Сократъ какъ на экземпляръ владѣющей самою низшею степенью способности ощущенія (Т—же. Прим. 23).

λέγομεν] Во многихъ кодексахъ λεγομεν, что принято большею частію и издателями; но сослагательное здѣсь предпочтительнѣе, какъ замѣчено еще это Стефаномъ.

μόνος] Обратитъ вниманіе на это слово для уразумѣнія смысла настоящего возраженія Сократа противъ Протагора.

τί δὴ ποτε] Аподозисъ къ предшествующему протазису: εἰ γὰρ δὴ ἐκάστῳ κ. т. λ.

Πρωταγόρας μὲν σοφός] Supplendum non ἔστι, sed ἦν—замѣчаетъ Гейндорфъ, къ чему дѣйствительно побуждаетъ ἦν при φοιτητέον.

Е. δημούμενον] Schol. δημοκοπεῖν, παίζειν; εὐφραίνεσθαι. Но Штейнгарть полагаетъ, что въ значеніи этого слова должно удержать смыслъ слова δῆμος, такъ какъ демосу лестно узнать изъ ученія Протагора, что въ способности знать вещи всѣ другъ другу равны (Т—же. Прим. 26).

οἶμαι δὲ καὶ ζύμπασα] Подлежащее въ дополнительномъ предложении послѣ οἶμαι δὲ очень часто встрѣчается въ именительномъ падежѣ. Срав. ниже 207 а οἶμαι δὲ οὐδὲ σύ. Resp. 608 d.

р. 162.

А. μὲν] Срав. Men. 82 b. При чемъ Буттманъ: μὲν in interrogatione sic usurpatum affirmationem alterius exspectat: *opinor, haud dubie*. Автитезой къ этому μὲν служить вся послѣдующая рѣчь: εἰ ἀληθὴς ἡ ἀλήθεια κ. т. λ.

ἔφθέγγετο] т. е. ἡ ἀλήθεια, которая здѣсь такимъ образомъ персонифицирована.

νῦν δὲ εἶπες] См. 161 b.

παρὰ δόξαν] т. е. противъ моего мнѣнія.

εἰς Λακεδαιμόνα] Почему именно въ Лакедемонѣ? Фукидидъ замѣчаетъ, что Лакедемоняне прῶτοι ἐγυμνώθησαν καὶ ἐς τὸ φανερόν ἀποδύντες, λίπα μετὰ τοῦ γυμνάζεσθαι ἤλείψαντο. I 6.

В. ἀντεπιδεικνύναι — παραποδύμενος;] Обратите вниманіе на составъ этихъ словъ.

Ἄλλὰ τί μὴν δοκεῖς] Дополненіе заимствовать изъ предшествующей мысли: ἀξιοῖς αὐτὸς μὴ ἀντεπιδεικνύναι κ. т. л.

σκληρόν] — σκληρός dicitur is cujus membra prae senectute non amplius sunt flexibilia, sed rigida et dura. Winckelmannus, Plat. Euth. 223. Вольрабъ. Въ этомъ смыслѣ слово σκληρός противопоставляется здѣсь τῷ νεωτέρῳ καὶ ὑγροτέρῳ. Срав. 155^e примѣч.

С. σοὶ φίλον — παροιμιαζόμενοι] Schol. παροιμία ἐπὶ τῶν ἐν τισὶ συμφορομένων.

ἐπὶ τὸν σοφὸν Θεαίτητον] qui scientiam αἴσθησιν esse ponendo repente sapiens evasit. Гейндорфъ.

εἰ ἐξαίφνης — καὶ θεῶν] Это возраженіе тотчасъ устраняется какъ не имѣющее основанія въ мышленіи Протагора. Чит. Анализъ.

ἢ ἡττόν τι οἶει] Если человѣкъ есть мѣрило истинны, то не въ меньшей мѣрѣ таково и божество. Какъ прямо противоположное здѣсь можно привести слѣдующее мѣсто изъ Законовъ: ὁ δὲ θεὸς ἡμῖν πάντων χρημάτων μέτρον ἂν εἴη μάλιστα καὶ πολὺ μᾶλλον ἢ ποῦ τις, ὡς φασιν, ἄνθρωπος. (716^e.)

Д. τοῦναντίον] nunc autem res subito in contrarium vertit. Гейндорфъ. Потому τοῦναντίον здѣсь не есть субъектъ, но входитъ въ содержаніе предиката μεταπέπτωκεν.

δημηγορίας] Это слово объяснено ниже, какъ ἃ οἱ πολλοὶ ἂν ἀποδέχοιντο ἀκούοντες.

Ε. οὐς ἐγὼ — ἐξαιρῶ] Срав. Диог. Лаэр. IX. 51. Секстъ Эмпирикъ, Adv. Math. p. 329. Цицеронъ, De Natura deor. I. 12 и 23.

ἀλλὰ τῷ εἰκότι] Ab hoc loco videtur Socrates in sua, non jam Protagorae persona loqui. Стефанъ.

οὐδ' ἐνὸς μόνου] Schol. ἐκ τῆς τῶν κεβευόντων συνηθείας ἔλαβε τὸ οὐδενὸς μόνου ὅταν ἐκεῖ πέσῃ ἐν τῷ παίζειν ἐν τὸ ἐλάχιστον. На это Бонницъ: Quod in scholiis ad locum Platonicum scriptum est, id meliorem certe monstrat explicandi rationem, nec tamen satis probabilem. A talorum enim lusu cum plura sint proverbia expetita, id quod hic ponitur frustra in iis quaesiveris. Scripsisse Platonem opinor: ἄξιός οὐδενὸς λόγου ἂν εἴη. Frequentissime et omnino apud Atticos scriptores et praecipue

apud Platonem legimus λόγου ἄξιος, οὐκ ἄξιος λόγου, οὐδενὸς ἄξιος, apud Herodotum habemus οὐδενὸς λόγου ποιεῖσθαι (I, 33. al.) Ab his οὐδενὸς λόγου ἄξιον εἶναι tam prope abest, ut vel sine auctoritate exemplorum, quae inventum iri vix diffido, satis probabile videatur. (Spicilegium criticum etc. Vindobonae, 1858. p. 25.)

σκοπεῖτε οὖν — λόγους.] Платонъ вспоминаетъ въ этой рѣчи Сократа мысль Протагора о богахъ, съ тою цѣлю чтобы показать, что учение Протагора ἀνθρώπος μέτρον не можетъ быть опровергнуто чрезъ различіе истины по субъектамъ или чрезъ признаніе равенства въ отношеніи къ познанію истины между свиньей, человѣкомъ и богомъ, такъ какъ Протагоръ уклонялся говорить о богахъ, утверждая что онъ не можетъ сказать, существуютъ ли они, или нѣтъ. Но съ своей стороны Платонъ указываетъ, что допуская учение Протагора о знаніи нѣтъ никакого убѣдительнаго доказательства не считать человѣка по познанію равнымъ богу съ одной стороны, и съ другой различать его въ этомъ отношеніи отъ животныхъ. Это простое предубѣжденіе, котораго держится масса, не давая себѣ въ этомъ отчета, но стоять на которомъ не прилично такимъ людямъ, какъ Θεэтета и Θεодоръ. Такова, по нашему объясненію, здѣсь мысль Платона потому

р. 163.

А. Ἄλλ' οὐ δίκαιον — φαίμεν] должно понять въ томъ смыслѣ, что и по мнѣнію Θεэтета было бы несправедливо, принимая учение Протагора, какъ отказывать человѣку въ равенствѣ съ богомъ въ отношеніи къ знанію, такъ и предпочитать его въ этомъ отношеніи какому либо животному.

Ἄλλη δὲ σκεπτεόν] Что значить это инымъ путемъ? Такъ какъ преж-
нему пути опроверженія ученія Протагора положенъ предѣлъ съ одной стороны тѣмъ, что Протагоръ не желаетъ ничего говорить о богахъ, а съ другой стороны — тѣмъ, что общій смыслъ никакъ не можетъ отказаться отъ преимущества человѣка предъ животнымъ въ дѣлѣ познанія истины; то Платонъ переходитъ здѣсь отъ Протагорова ученія къ сенсуализму вообще.

εἰ ἄρα ἐστὶν ἐπιστήμη — ἕτερον] Обратите вниманіе на данную форму вопроса. Въ дальнѣйшемъ ходѣ мысленія она даетъ возможность отличить знаніе отъ ощущенія по его содержанію, какъ знаніе истины.

В. οἶον τῶν βαρβάρων πρὶν — δυσχurioύμεθα.] Первое доказательство того что знаніе не есть ощущеніе состоитъ въ томъ, что можно слы-

шать рѣчь чужаго языка и не знать его, можно видѣть какія либо писмена и не знать ихъ.

τῶν μὲν γὰρ τὸ σχῆμα — τῶν δέ] τῶν μὲν т. е. τῶν γραμμάτων, τῶν δέ т. е. τῶν βαρβάρων φθεγγομένων, s. τούτων ἃ οἱ βάρβαροι φθέγγονται. Гейндорфъ.

С. ἃ δὲ οἱ τε γραμματισταὶ — ἐπίσταςθαι] Такъ Θεэтеть ослабляетъ здѣсь силу возраженія Сократа.

ἵνα καὶ αὐξάνη] ut animo augeare et magis tibi confidas. Гейндорфъ. Срав. Lys. 206 а. οἱ καλοὶ, ἐπειδάν τις αὐτοὺς ἐπαινῆ καὶ αὔξη, φρονήματος ἐμπίπλανται κ. т. λ. Phaedr. 246 e. τούτοις δὲ τρέφεται τε καὶ αὔξεται μάλιστα τὸ τῆς ψυχῆς πτέρωμα.

διωσόμεθα] Срав. Thucyd. IV. 108. λογισμῶ αὐτοκράτορι διωθείσθαι. Ibid IV. 83. Demosth. De falsa Legat. 555. ἐγὼ μὲν γὰρ ἴσως διωσάμην.

εἴ τις ἔροιτο, ἄρα κ. т. λ.] Начало втораго доказательства, что знаніе и ощущение не одно и тоже. Это доказательство есть reductio ad absurdum. См. ниже.

Д. ποτε, ἔτι ἔχοντα μνήμην] Въ лучшихъ кодексахъ: ποτὲ ἐπέχοντα. Шанцъ (т—же, с. 12), отстраняя ἐπέχοντα, говоритъ: ἐπέχειν καὶ σώζεσθαι sic distinguī possunt, ut ἐπέχειν τινὸς significet memoriam alicujus rei cohibere, μνήμην σώζεσθαι autem rem quasi memoria inclusam servare.

ὁ ἰδὼν τι — ὁ εἶδε] Въ обоихъ случаяхъ въ значеніи видѣть, равно и ниже: ὁ δὴ εἶδέ τις.

Е. Ἄλλὰ δεινόν — φάναι] Указанный выше абсурдъ состоитъ въ томъ, что если ощущение есть знаніе, то не ощущение не есть знаніе; потому увидавшій что нибудь а потомъ закрывшій глаза, хотя и помнить то что видѣлъ, но уже не знаетъ, ибо не ощущаетъ.

р. 164.

А. τὸν πρόσθεν λόγον] Schol. τὸν τὴν αἴσθησιν θέμενον εἶναι ἐπιστήμην.

οἷχεται] nullus est, perit. Гейндорфъ.

В. Τὸ δὲ γε οὐχ ὄρα — ἐπίσταται ἐστίν] Срав. 152 b τὸ δὲ γε φαίνεται αἰσθάνεσθαι ἐστίν.

С. ἀλεκτρούνοσ ἀγεννοὺс — ἄδειν] Подобная мысль встрѣчается не рѣдко какъ у Платона, такъ и у другихъ писасателей. Схολіастъ къ одному мѣсту Лизіи Плат. (Lys. 205 d.) говоритъ: πρὸ τῆς νίκης ἄδειс τὸ ἐγκώμιον ἐπὶ τῶν τὰ πράγματα проλαμβανόντων.

Ἀντιλογικῶс] Платонъ различаетъ ἀντιλογικὴ τέχνη и τέχνη διαλεκτικὴ. Тέχνη ἀντιλογικὴ есть искусство спорить на обѣ стороны. Въ той или

другой степени оно было усвоено софистами, преимущественно же Горгиемъ, Евтидемомъ и др. Хотя Протагору также приписываются двѣ книги Антилогій: ἀντιλογίῳν δύο (Диог. Лаэрт. IX. 55), но искусство вести споръ за и противъ, по всей вѣроятности, было изложено имъ въ другомъ сочиненіи, названномъ у Диогена Τέχνη ἐριστικῶν. См. Анализъ. Характеръ и смыслъ антилогическаго способа мышленія, какъ понимаетъ его Платонъ, раскрыты имъ преимущественно въ Phaed. 90 с. 101 е и слѣд. также въ Республ. 453.

πρὸς τὰς τῶν ὀνομάτων — ἀνομολογησάμενοι] Какихъ словъ? не памяти и знанія, какъ полагаетъ Вольрабъ, но видѣнія, ощущенія и знанія, какъ сказано было выше самимъ Платономъ: ὅψις γὰρ καὶ αἴσθησις καὶ ἐπιστήμη ταῦτόν ὁμολόγηται. Ибо отождествленіе этихъ именно понятій есть причина того что разговаривающіе περιγεγόμενοι τοῦ λόγου (εἰοίκασι) ἀγαπᾶν.

Д. εἰ μαθὼν καὶ μνησθένος — ἀδύνατον] Смыслъ таковъ: если знаніе есть ощущеніе, то изучившій что либо (не путемъ ощущенія) и помня это, однако не знаетъ этого, или, что тоже — увидавшій что либо но закрывшій глаза, хотя помнить это, но не видитъ, слѣдовательно не знаетъ, такъ что не знающій есть вмѣстѣ и вспоминающій, что не возможно.

Е. Οὐ τι ἄν] sc. ἀπόλετο, non sane periisset. Гейндорфъ.

προπηλακίζομεν] Schol. ἀδικοῦμεν ὑβρίζομεν, διασύρομεν, ἐξουθενοῦμεν.

Καλλίας ὁ Ἰππονίκου] человекъ богатый, искренно преданный софистамъ, особенно Протагору. По словамъ Сократа въ Апологіи, онъ потратилъ на нихъ денегъ болѣе чѣмъ всѣ другіе. Apol. 20 а.

р. 165.

ἐκ τῶν φιλῶν λόγων] Въ Sympos. 215 е. φιλοὶ λόγοι изъяснено какъ λόγοι ἄνευ ὀργάνων, а въ Федръ 262 с. φιλῶς λέγειν обозначено какъ οὐκ ἔχειν ἱκανὰ παραδείγματα. Въ нашемъ мѣстѣ φιλοὶ λόγοι означаютъ философскія отвлеченности, и въ устахъ Θεодора могутъ быть понимаемы не безъ ироніи на счетъ ихъ неприложимости въ сравненіи съ геометриєю.

δεινότερα] Стефанъ: absurdiora — неправильно. Сократъ говоритъ, что онъ представитъ болѣе сильное возраженіе противъ сенсуализма, если только не обращать вниманія на нормальное употребленіе въ рѣчи утвердительныхъ и отрицательныхъ предикатовъ.

τὸ πολὺ εἰθίσμεθα — ἀπαρνεῖσθαι] Общая схема употребленія утвердительныхъ и отрицательныхъ предикатовъ та, что оба вмѣстѣ въ одно и

тоже время они не могут принадлежать одному и тому же субъекту (законъ противорѣчія). Если будемъ игнорировать это требованіе, то можемъ допустить такое сужденіе: я вижу и не вижу; а такъ какъ видѣніе какъ ощущеніе по сенсуализму есть знаніе, то выходитъ, что знающій можетъ быть въ тоже время не знающимъ.

В. δεινότατον ἐρώτημα.—ἀρα οἷόν τε τὸν αὐτὸν εἰδότα—μὴ εἰδέναι;] Страшный вопросъ, самый важный вопросъ, потому что касается той наикрѣпчайшей истины, на которой утверждается все наше познаніе, именно—положенія тождества.

ἀφύκτω ἐρωτήματι] Eutyd. 276 ε. πάντα — τοιαῦτα ἡμεῖς ἐρωτῶμεν ἀφύκτα.

ἐν φρέατι συνεχόμενος] „in puteo constrictum teneri“ apparet de iis commode dici, qui in eas angustias redacti sunt, ut extricare sese ex difficultatibus nullo modo possint. Штальбаумъ.

С. Οὐκοῦν ὄρας τε — ταῦτόν] Таково третье возроженіе противъ сенсуализма. При этомъ слѣдуетъ защитить Платона противъ Грота. Гротъ (Plato and the other companions of Socrates. Vol. II с. 388) замѣчаетъ, что заключеніе отъ того что я однимъ глазомъ вижу, а другимъ не вижу—къ тому что я вообще вижу и не вижу, есть извѣстная въ Логикѣ ошибка, опредѣляемая a dicto secundum quid ad dictum simpliciter. Замѣчаніе совершенно вѣрное; но чтоже оно значить противъ Платона? въ томъ то и дѣло, что относительно ощущеній такая fallacia возможна, а относительно знанія она не возможна; значить знаніе не есть ощущеніе, что и нужно доказать.

Д. πελταστικός] levis quasi armaturae miles. Гейндорфъ. Такъ аллегорически описываются здѣсь софисты. Тоже должно сказать и о слѣдующемъ выраженіи: μισθοφόρος ἐν λόγοις.

ἐμβαλῶν] irruens, verbum a militia ductum. Гейндорфъ. ἐμβάλλειν non raro intransitive usurpatur. Штальбаумъ.

Е. πολυάρατον] multum votis expetitur, quo usus Homerus est Odys. V 280. XIX 404. Plato tamen Ionicum πολυάρατον fortasse mutavit in πολυάρατον. Certe quidem Themistius Orat. XXII p. 325. 19. ed. Dindorf. dixit: τὸν πολυάρατον πλοῦτον τί ἂν καὶ λέγοιμεν ὁποίων ἀγωναθέτης πολέμων ἐστίν; Штальбаумъ.

δσων σοί τε — ἐδόκει] См. Protag. 328 b. ἐπειδὴν γὰρ τις παρ' ἐμοῦ μάθη, εἰ μὲν βούληται, ἀποδέδωκεν ὃ ἐγὼ πράττομαι ἀργύριον· εἰ δὲ μὴ, ἐλθὼν εἰς ἱερόν, ὁμόσας, ὅσου ἂν φῆ ἄξια εἶναι τὰ μαθήματα, τοσοῦτον κατέθηκεν. Срав. Арист. Eth. Nicom. 1164 a. 25.

Таῦτά τε δὴ πάντα] Schol. ἀπὸ κοινοῦ τὸ ἐρεῖ.

ὁμόςε—χωρήσεται] Обычное выражешіе враждебныхъ отношеній. Срав. Ил. XIII. 337. ὡς ἄρα τῶν ὁμός' ἦλθε μάχη.

р. 166.

А. οὗτος] Штальбаумъ сопоставляетъ съ выраженіемъ οὗτος ἀνὴρ, которое *cum indignatione aut contemptu usurpari solitum*.

δὴ] *ironice hoc δὴ pronuntiandum*. Гейндорфъ.

τὸν ἐμέ] *me scilicet, istum illum quem hostiliter aggressus est*. Штальбаумъ. Членъ опредѣляетъ здѣсь то положеніе, въ которомъ будучи поставленъ, Протагоръ подвергся посмѣянію.

В. αὐτίκα γὰρ δοκεῖς] „Такъ вотъ ты думадшь.“ *αὐτίκα est, ut exemplum afferam*. Штальбаумъ.

δώσειν] зависить отъ ἀποκνήσειν.

τὸν εἶναί τινα] *τινά* есть субъектъ, а τὸν — предикать. — Предложеніе зависить отъ δώσειν.

καὶ τούτους — ἀπείρους] хотя таковыя идутъ въ безпредѣльность. Рѣчь идетъ о тѣхъ измѣнчивыхъ положеніяхъ, въ которыхъ можетъ находиться человѣкъ.

ὀνομάτων — θηρεύσεις] Хорошо замѣчаетъ Кэмбелъ, что ὀνομάτων здѣсь есть *genitivus descriptivus*.

С. ὡς δὲ δὴ καὶ κυνοκεφάλους] *spectant ad illa p. 161 c sqq.* Штальбаумъ.

Д. πολλοῦ δέω τὸ μὴ φάναι] *Vulgo τῷ μὴ φάναι*. — Стефанъ τῷ μὴ φάναι. Беккеръ (безъ мотива) пишетъ τῷ μὴ φάναι, Штальбаумъ защищаетъ τό. Гейндорфъ, руководясь контекстомъ изъ *Arolog. 30 d.* πολλοῦ δέω ἐγὼ — ἀπολογεῖσθαι — пишетъ: πολλοῦ δέω ἐγὼ.

р. 167.

А. τὰ μὴ ὄντα] *nam ψευδῆ sunt nonnisi τὰ μὴ ὄντα, ea autem non possunt δοξάζεσθαι* Гейндорфъ.

πονηρὰς ψυχῆς ἔξει] Таково чтеніе кодексовъ, но издатели приняли по большей части: *πονηρὰ ψυχῆς ἔξει*. Выборъ чтенія зависить отъ пониманія слова ἔξει. (См. объ этомъ словѣ примѣчаніе къ 153 ^b). Если понимать его въ смыслѣ ἐνέργεια, то лучше читать *πονηρὰς*, если же — въ смыслѣ διάθεσις, то — *πονηρὰ*. Слѣдую высказанному выше наблюденію объ употребленіи этого слова Платономъ въ нашемъ діалогѣ, можно, повидимому, удержатъ чтеніе кодексовъ, хотя въ виду послѣдующаго χρηστή, удобнѣе, очевидно, читать *πονηρὰ*.

В. δοξάζοντας] Такъ въ лучшихъ кодексахъ. *Vulgo δοξάζοντα*, въ

соотвѣтствіе съ предшествующимъ ψευδῆ δοξάζοντά — τινα, но переходъ отъ неопредѣленнаго τινά къ множественному встрѣчается у Платона и въ др. мѣстахъ. Срав. Resp. 344 b. ἐπειδὴν δέ τις — δουλώσεται — μακάριοι κέκληνται.

ἐαυτῆς] Это чтеніе кодексовъ, (исправленное Стефаномъ въ αὐτῆς), Кэмпбелъ объясняетъ переходомъ мысли отъ лица мыслящаго къ мыслящему духу. Но едва ли это, объясненіе убѣдительно, если не держаться той мысли, что понятіе ἕξις съ дополненіемъ ψυχῆς употребляется здѣсь Платономъ вмѣсто понятія ψυχῆ, въ смыслѣ субъекта дѣйствующаго, предикаты котораго разсматриваются какъ состоянія души или какъ дѣйствія на нее возвращающіяся. Слич. 153 b. ἢ δ' ἐν τῇ ψυχῇ ἕξις — κτᾶται τε μαθήματα καὶ σώζεται καὶ γίγνεται. κ. т. л.

χρηστή] т. е. ψυχῆς ἕξις.

βατράχου λέγειν] указаніе на 161 с.

ἀντὶ πονηρῶν αἰσθήσεων] Здѣсь мы встрѣчаемся съ общимъ убѣжденіемъ древнихъ философовъ въ томъ что растенія имѣютъ способность чувствовать. См. Аристотель, περὶ φυτῶν. I. 1. 2. гдѣ онъ приводитъ мнѣнія объ этомъ Анаксагора, Эмпедокла и Платона.

C. χρηστὰς καὶ ὑγιεῖνὰς — τε καὶ ἀληθεῖς] In Platonis his verbis — perturbatus est verborum ordo. Aut scribendum καὶ ὑγιεῖνὰς τε αἰσθήσεις καὶ ἀληθεῖς, aut καὶ ὑγιεῖνὰς τε καὶ ἀληθεῖς αἰσθήσεις. Гейндорфъ. Шлейермахеръ вмѣсто ἀληθεῖς читаетъ — ἀληθείας, на томъ основаніи что Протагоръ, не различая истинныя и не истинныя ощущенія, не могъ противопоставлять болѣзненнымъ ощущеніямъ здоровыя какъ истинныя, но считая всякое ощущеніе истиннымъ, дѣлилъ ихъ только на здоровыя и болезненныя. Эту конъектуру Шлейермахера принялъ и Штальбаумъ. Но мы согласны съ Гейндорфомъ, который говоритъ: hoc ἀληθεῖς scribendum ex vulgari dicendi more, non ex Protagoreo.

D. ὁ λόγος οὗτος] Schol. ὁ λέγων μέτρον πάντων εἶναι τὸν ἄνθρωπον.

λόγῳ ἀντιδιεξελεῖν] h. e. continua oratione; opponitur enim δι' ἐρωτήσεων. Штальбаумъ.

οὐδὲ γὰρ τοῦτο φευκτέον] sc. τὸ δι' ἐρωτήσεων διεξιέναι. Штальбаумъ. Въ другомъ мѣстѣ самъ Протагоръ описывается у Платона какъ чело-вѣкъ ἱκανὸς μὲν μακροῦς λόγους εἰπεῖν, ἱκανὸς δὲ καὶ ἐρωτηθεὶς ἀποκρίνασθαι κατὰ βραχύ. Protag. 329 b.

E. μηδὲν ἄλλ' ἢ ἀδικοῦντα — διατελεῖν.] Лишь бы только отстоять свою мысль, хотя бы не справедливо.

ἐν τῷ τοιοῦτῳ] ἐν τῷ ἐρωτᾶν, ἐν λόγοις. Кэмпбелъ.

χωρὶς μὲν ὡς ἀγωνιζόμενος — χωρὶς δὲ διαλεγόμενος] In talibus locis χωρὶς non tam seiunctionem, quam oppositionem et diversitatem denotat. Штальбаумъ.

ἐν μὲν τῷ] т. е. ἀγωνίζεσθαι.

p. 168.

A. παρεκέκρουστο] слич. 154 °.

τοῦτο τὸ πράγμα] sc. τὴν σοφίαν, quod petendum ex φιλοσόφων. Γейндорфъ.

B. συγκαθεῖς] т. е. σεαυτὸν, срав. ниже 173 °. ἡ δὲ διάνοια—αὐτὴν συγκαθειῖσα.

C. ἄ — ἔλκοντες] Quid sit ἔλκεν ὀνόματα, docebunt quae leguntur 195 °. 199 °. Штальбаумъ. Срав. Soph. 229 °.

просηρξάμην] Istud просηρξάμην haud dubie corruptum est, говоритъ Гейндорфъ и приводитъ конъектуру Шнейдера просηркесάμην отъ просаркέω въ значеніи supeditavi. Verum media haec forma quum in se perquam suspecta sit, замѣчаетъ Штальбаумъ, Coraius in Prodromo Bibliothecae Hellenic. просήркеса μὲν reponendum arbitratus est. Vulgatae tamen lectionis patrociniū Buttmanus suscepit (Lexilog. T. 1. p. 103.) ubi ἀρχεσθαι et κατάρχεσθαι docuit solemniter usurpari de initiis sacrificiorum; deinde de sacrificandis primitiis; denique omnino de iis, qui quid de integra aliqua re demant, ut id alteri offerant.

νεανικῶς] ἀνδρικῶς — глосса отмѣченная у Стефана.

D. τῷ τοῦ παιδὸς φόβῳ] Припоминаются слова Протагора 166 °.

καὶ χαριεντισμὸν τινα ἀποκαλῶν] Гейндорфъ: Sensus est: idque (concertationis genus) jocum quendam appellans, (verbis illis γέλωτα δὴ τὸν ἐμὲ ἐν τοῖς λόγοις ἀπέδειξεν). При чемъ Штальбаумъ: observandum autem est ἀποκαλεῖν de more cum opprobrii, contemptus et ignominiae significatione poni. Сверхъ того должно замѣтить перемѣну конструкціи, такъ какъ вмѣсто ἀποκαλῶν требуется ἀποκαλοῦντος.

τάδε πάντα] Указаніе относится къ κωφὰ πρόσωπα, присутствіе которыхъ, очевидно, должно предполагать въ настоящемъ случаѣ.

E. παίζοντες — αὐ τοῦτον τὸν λόγον] Это чтеніе кодексовъ Гейндорфъ объясняетъ, относя αὐ къ παίζοντες. Neque enim novam quaestionem significat Socrates, sed eandem, de qua sermo fuit huc usque. Шлейермахеръ принимаетъ болѣе удобное чтеніе αὐτοῦ τὸν λόγον.

p. 169.

A. διαγραμμάτων] capiendum hoc loco de figuris geometricis seu descriptionibus. Гейндорфъ.

πρὸς τὸν Σκίρρωνα] Plut. Thes. X. Σκίρρωνα δὲ πρὸ τῆς Μεγαρικῆς ἀνεῖλε (т. е. ὁ Θεσεύς) ρίψας κατὰ τῶν πετρῶν, ὡς μὲν ὁ πολὺς λόγος ληστεύοντα τοὺς παριόντας ὡς δ' ἔνιοι λέγουσιν ὕβρει καὶ τρυφῇ προτείνοντα τῷ πόδε τοῖς ξένοις καὶ κελεύοντα νίπτειν, εἶτα λακτίζοντα καὶ ἀπωθοῦντα νίπτοντας εἰς τὴν θάλασσαν.

В. μᾶλλον τείνειν] Simile est illud ἐγγύς τι τείνειν τινός. Срав. Cratyl. 402 с. Phaed. 65 ὅ Resp. 548 ὀ. Гейндорфъ.

κατ' Ἀνταῖον] См. Schol. Plat. colleg. Ruhnkenius p. 228 (ad Legg. 796 ὅ.) Ἀνταῖος ὁ Ποσειδῶνος Λιβύης βασιλεύς, ὃ τοὺς ξένους ἀναγκάζων παλαίειν αὐτῷ ἀνήρει. Это двойное сравнение Сократа съ Скиррономъ и Антеемъ поражаетъ Шлейермахера, и онъ объясняетъ это такъ, что чрезъ Скиррона Сократу приписывается абсолютное насиліе, а чрезъ Антея это смягчается, такъ какъ Антей по преданію убивалъ пришельцевъ послѣ борьбы съ ними. Но Платонъ вообще любилъ сравнивать Сократа съ предметами и лицами самымъ рѣзкимъ образомъ выдающимися. Срав. Men. 80 ἂ и слѣд.

τὴν νόσον μου] νόσος et νοσεῖν, ut Lat. aegrotare, dicitur de vehementioribus cupiditatibus, quibus quis tanquam morbis conficitur. Штальбаумъ. Срав. Phaedr: 228 ὅ. Sympos. 207 ἂ.

Ἡρακλέες τε καὶ Θεσεέες] Schol. οἱ Θρασύμαχοι, Καλλικλείς, Διονυσόδωροι Εὐθύδημοι καὶ οἱ τοιοῦτοι, т. е. вообще софисты, съ которыми боролся Сократъ.

С. οὕτω τις ἔρωσ δεινός ἐνδέδουκε] οὕτω referas ad δεινός. Штальбаумъ. При ἐνδέδουке дополнить ме.

εἰμαρμένην — ἐπικλύσεως] Sententia significationem habet adagii illius τὴν εἰμαρμένην οὐδεὶς ἐκφεύγει. Gorg. 512 ὀ. Гейндорфъ.

ῶν προτίθεσθαι] т. е. διαγραμμάτων πέρι. См. выше.

Д. ἐποίει] Eadem ratione imperfectum usurpatum est p. 182 ὀ 193 ἂ 198 ὀ 208 с 209 ἂ. Вольрабъ.

καὶ ἡμῖν ξυνεχώρησεν] Fortasse καὶ εἰ ἡμῖν ξυνεχώρησεν, quanquam haec quoque pendere possunt a praegressis ἴδωμεν, ὀρθῶς ἢ οὐκ ὀρθῶς etc. Гейндорфъ.

περί τε τοῦ ἀμείνονος κ. т. λ.] Такъ какъ эта мысль принадлежитъ Протагору (см. 167 ὅ), то послѣ ὁ Протаγόρας должно разумѣть λέγων. Такимъ образомъ Сократъ спрашиваетъ, основательно ли мы порицаемъ то мнѣніе что каждый давлѣетъ себѣ въ мудрости, и согласится ли съ нами Протагоръ, который учитъ что и т. д.

Е. τῆς — ὁμολογίας] т. е. τὸ περί τοῦ ἀμείνονος καὶ τοῦ χειρόνος διαφέρειν τινάς, οὓς δὴ καὶ εἶναι σοφούς.

καλλιόνως] вмѣсто κάλλιον. Срав. Legg. 660 d.

р. 170.

А. καὶ φαρὲν οὐδένα ὄντινα] Post δόξας quum ita pergere vellet, ὅτι τὰ μὲν αὐτοὶ τῶν ἄλλων σοφώτεροί εἰσι, τὰ δὲ ἄλλοι ἑαυτῶν, mutatur paululum sermonis tenor, dum additur καὶ φαρὲν etc. Гейндорфъ.

χειμάζωνται] χειμάζεσθαι quum proprie de tempestatibus dicatur, tum etiam in universum significat agitari malis atque periculis. Штальбаумъ.

В. ὡσπερ πρὸς θεοὺς — ἄρχοντας] Schol. ἀντὶ τοῦ ἐκθειάζειν τοὺς ἐν ἑκάστοις ἐπιστήμονας. Alterum πρὸς post ἔχειν omissum est constanti fere Græcorum more. Гейндорфъ.

С. τῷ λόγῳ] Schol. τῷ κατασκευασθέντι ἐκ τῆς κοινῆς ἐννοίας τῶν πολλῶν. Вольрабъ непростительно относить τῷ λόγῳ къ 169 d αὐτάρκη ἑκαστον εἰς φρόνησιν εἶναι, ибо что при этомъ можетъ значить обращение къ Протагору? Другіе подъ τῷ λόγῳ разумѣютъ учение Протагора, что грамматически совершенно правильно, но не совсѣмъ удобно по связи съ послѣдующей рѣчью. Гораздо приличнѣе объясненіе Гейндорфа, который понимаетъ τῷ λόγῳ in iniversum de ea, quae tractatur, argumentatione.

ἐξ ἀμφοτέρων] Этими словами опредѣляются два ближайшія мнѣнія, а) люди всегда мыслятъ истинное, б) люди иногда мыслятъ истинное иногда ложное. Какимъ образомъ изъ втораго мнѣнія συμβαίνει μὴ αἰεὶ ἀληθῆ δοξάζειν — это ясно само собою; но какъ это же слѣдуетъ изъ перваго мнѣнія, — это лучше объяснится въ Анализѣ.

Д. πρὸς με] здѣсь ме энклитика. Срав. Men. 79 a παίζεις πρὸς με. См. Штальбаумъ, Protag. 335 a примѣч.

Е. φησὶν "Ὀμηρος] Odys. V. 121. τῷ νῦν δυσμενέες μάλα μυριοὶ εἰς' ἐνὶ οἴκῳ.

τὰ ἐξ ἀνθρώπων πράγματα] sunt ingentia, immensa negotia. Гейндорфъ. Наше: человѣческія, житейскія дѣла.

Τί δὲ αὐτῷ Πρωταγόρα;] sc. ἀνάγκη ἐστὶ; Гейндорфъ.

р. 171.

А. οἷσθ' ὅτι πρῶτον — ἢ ἐστίν;] Таковъ выводъ Платона: такъ какъ основное положеніе Протагора что чѣловѣкъ есть мѣра всего позволяетъ каждому имѣть о немъ свое мнѣніе, то слѣдуетъ, что самое положеніе Протагора не просто истинно, но лишь на столько, на сколько оно признается другими.

ἔχει] т. е. τὸ πρᾶγμα.

κομψότατον] въ томъ же смыслѣ какъ выше κομψότεροι 156 а.

В. εαυτοῖς ψεύδεσθαι;] Такъ согласно съ кодексами, исключая одного Венеціанскаго (№ 185. Sign. П.) гдѣ εαυτοῦς, и то какъ поправка εαυτοῖς. Шанцъ (Spec. critic. etc. с. 9) на основаніи цѣлаго ряда контекстовъ защищаетъ εαυτοῖς, относя его къ ζυγῶροισιν.

Ἐξ ἀπάντων ἄρα — οὐ ἂν μὴ μάθῃ] Кто не чувствуетъ потребности передѣлать эту рѣчь Сократа? потому что исправлена она можетъ быть только чрезъ передѣлку. Но обязанность передъ кодексами заставляетъ отказаться отъ всякаго поползновенія но это и ограничиться лишь стараніемъ правильно понять связь мыслей. Возможно что вмѣсто ἐξ ἀπάντων должно быть ὑφ' ἀπάντων, какъ полагаетъ Гейндорфъ, говоря istud ἐκ pro ὑπὸ Herodoteum est non Platonium. Можно думать при этомъ, что это ἐξ попало сюда изъ предшествующаго ἐξ ὧν γέγραφε. Въ пользу ὑφ' ἀπάντων говоритъ послѣдующее ἀμφισβητεῖται ὑπὸ πάντων. Далѣе, что касается до выраженія: ἀπὸ Πρωταγ. ἀρξάμενων, то въ примѣч. къ Gorg. 471 с гдѣ встрѣчается тождественное выраженіе: ἀπὸ σοῦ ἀρξάμενος — Гейндорфъ приводитъ изъ Платона нѣсколько мѣстъ подобнаго употребленія слова ἀρξάμενος, переводя его словомъ impugnis или pugnis. Согласно съ этимъ ἀπὸ Πρωταγόρου ἀρξάμενων должно значить — Протагоръ первый или съ Протагоромъ во главѣ. Но какой субъектъ долженъ быть разумѣемъ при словѣ ἀμφισβητήσεται? тотъ же ли что и при ὁμολογήσεται? Думаемъ, что при томъ и другомъ словѣ имѣеть мѣсто одинъ и тотъ же субъектъ по содержанію, или смыслу, но не въ одинаковой формѣ. Именно, какъ то что ἀμφισβητήσεται такъ и то что ὁμολογήσεται — есть одинаково ученіе Протагора о человѣкѣ какъ мѣрѣ всего, что для ἀμφισβητήσεται должно быть взято изъ отрицанія: μήτε κύνα и т. д. но въ первомъ случаѣ оно должно быть *мыслимо* въ утвердительной формѣ, а во второмъ оно изложено отрицательно. Но такъ какъ предикатъ ἀμφισβητήσεται выражаетъ отрицаніе содержанія даннаго въ субъектѣ, а предикатъ ὁμολογήσεται — утверждаетъ отрицаніе этого содержанія, то по смыслу оба эти сужденія тождественны.

ὅταν τῷ — δοξάζειν] Обозначается обстоятельство или условіе, при которомъ Протагоръ согласится съ тѣмъ что — μήτε κύνα и т. д.

τότε — ζυγῶρήσεται] Ападозисъ къ ὅταν τῷ и т. д. въ которомъ по содержанію повторяется мысль предшествующаго предложенія ὑπὸ ἐκείνου ὁμολογήσεται.

С. ἀμφισβητεῖται] безъ сомнѣнія ἢ Πρωταγόρου ἀλήθεια, а не τὸ μήτε κύνα μήτε — μέτρον εἶναι, какъ, повидимому, болѣе нравится Гейндорфу.

καταθέομεν] h. e. in amicum nostrum invehimur. Aperte comparat Heindorfius Legg. VII. 896 ^ο. τι δράσομεν, ὦ Κλεινία; τὸν ξένον ἐάσομεν τὴν Σπάρτην οὕτω καταδραμεῖν. Штальбаумъ.

D. ἀνακύψειε μέχρι τοῦ αὐχένος] Крише (Die theolog. Lehren d. Griech. Denker. с. 141) видитъ въ этомъ мѣстѣ указаніе на бѣгство Протагора изъ Аѳинъ, вслѣдствіе обвиненія его въ безбожіи, но основательнѣе, повидимому, думать, что Сократъ представляетъ здѣсь тѣнь Протагора выходящую изъ земли до плечъ, что, какъ догадывается Штейнгартъ, было принято на греческой сценѣ. См. т—же с. 26 прим. 32.

τὰ δοκοῦντα αἰ ταῦτα λέγειν] Non infrequens est τοῦτο sic post participium illatum. Infra 172 ^β. τὸ κοινῇ δόξαν τοῦτο γίγνεται ἀληθές. Штальбаумъ. Срав. также Men. 83 ^δ. Содержаніе же рѣчи не лишено, быть можетъ, нѣкоторой ироніи.

ἵστασθαι τὸν λόγον] Предложеніе зависитъ отъ предшествующаго φῶμεν

E. συχωρήσεται] Гейндорфъ а за нимъ Штальбаумъ и Вольрабъ разумѣютъ при этомъ субъектъ τις, заимствуя его отъ предшествующаго ὄντινοῦν, но можно согласиться съ Кэмбелемъ который, слѣдя очевидно Шлейермахеру, какъ при συχωρήσεται такъ и далѣе при ἐθέλησαι ὁμολογήσει и тоμήσειε разумѣть λόγος, какъ персонифицированный субъектъ.

καὶ θηρίον δὲ] καὶ — δὲ usurpantur, ubi novum quiddam magna cum vi antecedentibus additur. Вольрабъ.

р. 172.

A. καὶ περὶ πολιτικῶν] Какъ при этомъ такъ и при предшествующемъ предлагается привести на память то, что выше (167 ^α и слѣд.) влагаетъ Платонъ въ уста Протагору.

εἶναι τῇ ἀληθείᾳ — πόλεως εἶναι;] оба эти εἶναι зависятъ или отъ впереди стоящаго φῶμεν, или лучше отъ ἐθέλησαι ἂν φάναι. Знакъ вопроса, поставленный впервые Вольрабомъ въ концѣ рѣчи, необходимъ во всякомъ случаѣ.

B. ἐθέλουσιν ἰσχυρίζεσθαι] Употребленіе множественнаго объясняется тѣмъ что мысль, на которой настаиваютъ, есть мнѣніе большинства, въ противоположность тому λόγος, который οὐ τομήσειε φῆσαι. Точнѣе субъектомъ при ἐθέλουσιν можно однако разумѣть софистовъ, которые утверждаютъ что нѣтъ ничего справедливаго или честнаго самого по себѣ.

δοσι] Кто? мудрено назвать всѣхъ по именамъ но, повидимому, указывается на Аристиппа. См. Анализъ.

τὸν Πρωταγόρου λόγον λέγουσιν] Аристотель въ Метафизикѣ 1007 ^b 22 употребляетъ тоже выраженіе: τοῖς τὸν Πρωταγόρου λέγουσι λόγον (или λόγον λέγουσιν). Весьма вѣроятно, что выраженіе ὁ Πρωταγόρου λόγος специально употреблялось для обозначенія Протагорова ученія о человѣкѣ какъ о мѣрѣ всѣхъ вещей.

ὡδέ πως τὴν σοφίαν ἄγομεν] Въ такомъ направленіи мудрствуютъ. СРАВ. Мен. 80 ^e. ὁρᾷς τοῦτον ὡς ἐριστικὸν λόγον κατὰ γαίς.

С. Οὐκοῦν σχολὴν ἄγομεν] Въ дурномъ переводѣ: „вѣдь мы пользуемся досугомъ.“—Выраженіе употреблено какъ переходъ отъ одного предмета разсужденія къ другому.

ἐν ταῖς φιλοσοφίαις] Вообще, въ смыслѣ теоретическаго изслѣдованія; такъ и выше 143 ^d сказано: γεωμετρίαν ἢ τινα ἄλλην φιλοσοφίαν. Или Tim. 88 ^e. μουσικῇ καὶ πάσῃ φιλοσοφίᾳ.

πολὺν χρόνον διατρίψαντες κ. т. л.] Вольрабъ смѣло сопоставляетъ съ этими словами слѣдующее мѣсто изъ Апологіи: νῦν ἐγὼ πρῶτον ἐπὶ δικαστήριον ἀναβέβηκα, ἔτη γεγονῶς πλείω ἑβδομήκοντα· ἀτεχνῶς οὖν ζένως ἔχω τῆς ἐνθάδε λέξεως. 17 ^d. Вмѣстѣ съ этимъ, въ вышестоящемъ νῦν Вольрабъ видитъ указаніе на то время, когда Сократъ былъ уже обвиненъ. Вообще можно замѣтить, что съ содержаніемъ настоящей рѣчи Сократа очень сходятся первыя страницы Апологіи.

καὶ τοῖς τοιοῦτοῖς] Schol. οἷον ἐργαστηρίοις, ἐμπορίαις. Но Гейндорфъ: imo potius ὄχλοις, συλλόγοις, ut Gorg. 454 ^e. Cf. Theaet. 173 ^d

Д. πρὸς ἐλευθέρους] Такъ называются люди, посвятившіе себя философскимъ занятіямъ. СРАВ. Аристотель, Met. 682 ^b. 25. ὡσπερ ἄνθρωπος φάμεν ἐλεύθερος ὁ αὐτῷ ἐνεκα καὶ μὴ ἄλλου ὄν, οὕτω καὶ αὕτη μόνη ἐλευθέρα οὖσα τῶν ἐπιστημῶν. (т. е. φιλοσοφία). СРАВ. также Плат. Soph. 283 ^e гдѣ φιλοσοφία называется ἡ τῶν ἐλευθέρων ἐπιστήμη. См Gorg. 485 ^e.

τοῦτο δὲ сὺ εἶπες — σχολή] Θεодоръ говорилъ о досугѣ: οὐκοῦν σχολὴν ἄγομεν. Здѣсь Сократъ: досугъ, о которомъ ты говорилъ и т. д.

τρίτον ἤδη λόγον] Что называется здѣсь этимъ именемъ и что составляетъ первый и второй λόγος — это слѣдуетъ усмотрѣть въ Изложеніи содержанія діалога.

κάκεινοι] λόγον ἐκ λόγου μεταλαμβάνουσι.

ἀρέσῃ] съ винит. въ значеніи удовлетворять. СРАВ. ниже 202 ^e. ἀρέσκει οὖν се. Конструкція всей этой рѣчи Сократа пугаетъ своею сложностію, но при внимательномъ чтеніи не представляетъ никакого затрудненія и можетъ очень нравиться, какъ совершенно естественная разговорная рѣчь. Позволяемъ себѣ это замѣчаніе въ виду того, что нѣ-

которые дѣлали себѣ изъ этого мѣста, какъ кажется, искусственное затрудненіе, чего безъ сомнѣнія всячески должно избѣгать толкователю текста.

ῥόδωρ ῥέον] вм. κλεψύδρα, особеннымъ образомъ устроенное теченіе воды, существовавшее въ Аѳинскомъ судѣ, для опредѣленія времени, которымъ можетъ располагать говорящій на судѣ. (см. Meier и Schömann, Der attische Process. с. 713.)

Е. ἀνάγκην] intelligit fortasse ipsam clepsydram. Hesychius: Ἀνάγκη· ἢ δικαστικὴ κλεψύδρα. Pollux. VIII. 17. ἔνιοι δὲ οἴονται καὶ ἀνάγκην σκεῦος εἶναι δικαστικόν. Штальбаумъ. Но Кэмпбелъ остроумно видитъ въ этомъ выраженіи указаніе на сильную руку закона.

ὑπογραφὴν — οὐ ῥητέον] h. e. ὑπογεγραμμένα ἄττα, ἃ παραναγιγνώσκονται, ὧν ἕκτος κ. т. л. Штальбаумъ.

ἀντιωμοσίαν] ἀντιωμοσία proprie est jusjurandum vel actoris, quum jurat se justis de causis et sine calumnia litem alteri intendere; vel rei quum jurat, se esse innocentem. Deinde ita vocata est formula accusationis scripta s. libellus, qui traditur iudici ab actore. Штальбаумъ въ примѣч. къ Apolog. 19^b.

οἱ δὲ λόγοι] т. е. ῥητέοι εἰσι.

περὶ ομοδούλου πρὸς δεσπότην καθήμενον] ὁμόδουλος vocatur reus, qui defenditur; sed δεσπότης καθήμενος intelligitur iudex qui solemniter καθήται, unde οἱ καθήμενοι, iudices; v. Thucyd. V. 55. Штальбаумъ.

ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα] Въ Бодлеевскомъ спискѣ τινὰ δίκην, что принято Кэмпбелемъ и Вольрабомъ. Странно это τινὰ δίκην, это jus quoddam, или quod vulgus habet jus, какъ объясняетъ Вольрабъ. Выраженіе τὸν νόμον или τὴν δίκην ἐν χειρὶ ἔχειν очень употребительно у древнихъ для обозначенія предержавшей власти.

τὴν ἄλλως — τὴν περὶ αὐτοῦ] Въ обоихъ случаяхъ при τὴν хорошо разумѣть ὁδόν, какъ предлагаетъ Штальбаумъ; но едвали не удобнѣе подѣ τὴν αὐτοῦ понимать указательно περὶ ὁμοδούλου, а не de ipsa re, quae cum maxime agitur, какъ полагаетъ онъ же.

περὶ ψυχῆς ὁ δρόμος] т. е. θεῖ, θρέχει, чему соотвѣтствуетъ наше: дѣло идетъ о жизни и смерти. Срав. Ил. XXII. v. 161. Aristoph. Vesp. v. 376.

р. 173.

А. τὴν γὰρ αὔξην — τὸ ἐλεύθερον] Haec ut recte intelligantur, diligenter observari debet τὴν αὔξην referri ad praegressum μικροὶ τὰς ψυχὰς, τὸ εὐθὺ autem et τὸ ἐλεύθερον pertinere ad οὐκ ὀρθοί. Штальбаумъ.

πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται] ut de Resp. VI. 495 e. τὰς ψυχὰς συγκεκλασμένοι καὶ ἀποτεθρυμμένοι appellantur orifices. Гейндорфъ.

В. δεινοί τε καὶ σοφοί] Обычное выраженіе софистическаго высокомерія и гордости. Срав. 154 d также Resp. 409 e. ὁ δὲ δεινὸς ἐκεῖνος καὶ καχύποπτος ὁ πολλὰ αὐτὸς ἡδικηκῶς καὶ πανοὔργος τε καὶ σοφὸς οἰόμενος εἶναι.

С. ἀλλ' οἱ λόγοι οἱ ἡμέτεροι] Si posterius οἱ abesset, commodius hoc ἡμέτεροι referri posset ad seq. οἰκείται. Гейндорфъ.

ἀποτελεσθῆναι] неопредѣленное для выраженія цѣли дѣйствія.

οὔτε γὰρ δικαστής] Говорится о тѣхъ судьяхъ, которымъ въ Аѳинахъ обыкновенно поручаемо было присуждать награды поэтамъ, являвшимся на состязаніе съ своими произведеніями.

Д. σπουδαὶ δὲ ἑταιρειῶν — καὶ δεῖπνα καὶ — κῶμοι] Nominativi absoluti. См. Matthiae, Gram. § 311 Срав. Krüger. § 45. 2. 1. Этими словами описываются способы дѣйствія политическихъ партій и образъ ихъ общественной жизни, при чемъ подъ ἑταιρεία должно разумѣть партію или фракцію, какъ она существуетъ конкретно въ формѣ клуба или лиги.

εὖ δὲ ἢ κακῶς τι γέγονεν] Такъ въ Бодлеевскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гейндорфъ, основываясь на чтеніи Клемента Александрійскаго (Strom. V p. 249 — что подтверждается однако и многими кодексами), пишетъ: τίς γέγονεν. Это τίς защищаетъ Штальбаумъ, говоря противъ ти: si quis alius, certe philosophus scit, quid recte quid secus in republica fiat. Хотя τίς намъ меньше нравится чѣмъ ти, потому что невѣдѣніе того, кто какого происхожденія, очень мало отличаетъ философа отъ простаго смертнаго, однако слѣдуетъ, повидимому, оставить τίς, въ виду соответствія этой мысли съ послѣдующею.

ἢ τί τῷ κακόν κ. т. л.] при чемъ Гейндорфъ: in his ἢ τί τῷ scribendum fortasse τῷ.

αὐτόν] Единственное вм. множественнаго. Срав. 167 b.

θαλάττης — χόες] Schol. παροιμία ἐπὶ τοῦ πολυμαθοῦς καὶ ἐμπείρου.

Е. οὐδὲ γὰρ — τοῦ εὐδοκμεῖν χάριν] Срав. у Арист. Eth. Nic. IV. 3. изображение великодушнаго (μεγαλοψύχου) человѣка. Кэмбелъ.

κατὰ Πίνδαρον] Фрагментъ читаемъ у Клемента Александрійскаго Str. V. 707 πέταται κατὰ Πίνδαρον τὰς τε γὰς ὑπένερθεν οὐρανοῦ τε ὑπὲρ ἀστρονομῶν, καὶ πᾶσαν πάντη φύσιν ἐρευνάμενος. У Евсевія Praepar. Evang. XII 29. κατὰ Πίνδαρον τὰ τε γὰς ὑπένερθε καὶ τὰ ἐπίπερθεν γεωμετροῦσα, οὐρανοῦ τε ὑπὲρ ἀστρονομοῦσα καὶ πᾶσαν πάντη φύσιν ἐρευνημένη. Платонъ, по мнѣнію Кэмбеля, измѣнилъ πέταται въ φέρεται (хотя

πέταται написано in margine въ Бодлеевскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ), а слова: καὶ τὰ ἐπίπεδα γεωμετροῦσα вставилъ отъ себя; при этомъ Кэмбель замѣчаетъ, что Платонъ очень часто передаетъ чужую рѣчь своими словами, или вставляетъ въ нее нѣсколько своихъ словъ. τὰ τε γὰς] У Клемента τὰς τε γὰς. См. выше.

р. 174.

A. Θράττα τις ἐμμελής] Θράτταν a patria ancillam hanc dicit, ἐμμελής autem hoc loco ad leporem et venustatem in jocando trahendum docuit Rnhnken. ad Longin p. 261. Fabellam hinc fortasse duxit Laërt. I. 34. Гейндорфъ.

ταῦτόν δὲ ἀρκεῖ σκῶμμα. κ. τ. λ.] Вопросъ о достоинствѣ занятій философіею былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ вопросовъ времени. До какой степени онъ волновалъ умы, это видно какъ изъ нашего мѣста, такъ особенно изъ „Горгія“ гдѣ одинъ изъ разговаривающихъ говоритъ между прочимъ Сократу слѣдующее: когда я вижу взрослога человѣка, занимающагося философіею, то, по моему мнѣнью, его просто нужно бить. 485^d и 484.

B. ὅπερ ἀρχόμενος ἔλεγον] см. 172^c гдѣ говорится о неловкости положенія философа въ отношеніи къ δημοσίᾳ.

C. εἰς φρέατα — ἐμπίπτων] Heindorfius conferi hubet 165^b τὸ λεγόμενον, ἐν φρέατι συνεχόμενος. Mihi istud εἰς φρέατά τε interpositum videtur ob praegressam modo de Thalete narrationem. Штальбаумъ.

D. τύραννόν τε — ἐγκωμιαζόμενον] Vellem his additum ἀκούων. Гейндорфъ.

οἶον κυβώτην] Socrates tyrannum h. l. pastori comparat quamplurimos sibi fructus ex gregibus suis quaerenti: quam comparationem quo contentius proferat, non acquiescens in generali illa pastoris mentione (ἐνα τῶν νομέων) singula addit genera, κυβώτην, ποιμένα βουκόλον. Jam βδάλοντα hoc etsi proprie pertinet ad proximum βουκόλον, tamen quae in eo latet, fructuum ex gregibus percipiendorum notio, ad priora itidem illa κυβώτην et ποιμένα spectat. Бутманъ.

δυσκολώτερον — αὐτούς] αὐτούς есть субъектъ, (т. е. τύραννος и βασιλεύς), ποιμαίνειν τε καὶ βδάλειν — предикаты, ζῶον δυσκολώτερον και ἐπιβρυλότερον — дополненіе къ предикатамъ.

ἄγροικον δὲ καὶ — περιβεβλημένον] т. е. φιλόσοφος νομίζει τὸν τοιοῦτον ἄγροικον δε καὶ ἀπαίδευτον ὑπὸ ἀσχολίας ἀναγκαῖον γίνεσθαι οὐδὲν ἥττον τῶν νομέων, περιβεβλημένον τὸ τεῖχος σηκὸν ἐν ὄρει. Здѣсь σηκὸν есть appositio къ τὸ τεῖχος, какъ еслибы: τὸ τεῖχος ὡς σηκὸν ἐν ὄρει. Замѣ-

титъ должно винит. τὸ τεῖχος при περιβεβλημένον, чему Гейндорфъ указываетъ контекстъ: Symp. 216 d. τοῦτο γὰρ (τὸ σχῆμα) οὗτος ἔξωθεν περιβέβληται.

Е. τὰ δὲ δὴ γένη ὑμνοῦντων κ. т. л.] Читай: ἡγεῖται δὲ δὴ τὸν ἔπαινον ὑμνοῦντων τὰ γένη, ὡς γενναῖός τις — ἀπαφήναι ἀμβλὺ καὶ ἐπὶ μικρὸν ὀρώντων (т. е. ἔπαινον εἶναι) κ. т. л. Такимъ образомъ ὑμνοῦντων зависить непосредственно отъ ἔπαινον, съ чѣмъ согласенъ Гейндорфъ, которому однако противится Штальбаумъ.

р. 175.

А. ἐπὶ πέντε καὶ εἴκοσι καταλόγῳ] Читай: ἐπὶ καταλόγῳ πέντε καὶ εἴκοσι προγόνων.

σεμνυνομένων καὶ αναφερόντων] родительный падежъ въ зависимости отъ микрологίας. Въ дополненіе къ ἀναφερόντων можно разумѣть τὸ γένος.

ἄτοπα — τῆς микрологίας] Болѣе сильное выраженіе чѣмъ ἄτοπος ἢ микрологία. Срав. Resp. 328 e. χαλεπὸν τοῦ βίου Apol. 41 e. ἀμήχανον — εὐδαιμονίας.

В. οἷα συνέβαιεν — τύχη] idem fere est quod οἷος ἔτυχεν. Гейндорфъ.

ἀπ' αὐτοῦ] отъ кого? Гейндорфъ: ab ipso hoc stemmatis sui ostentatore. Nimirum ὁ πεντηκостὸς ἀπ' αὐτοῦ idem est manifesto, quem modo dixit τὸν ἀπ' Ἀμφитρύωνος εἰς τὸ ἄνω πεντεκαεκοστόν, ut in hoc αὐτοῦ ad singularem numerum oratio deflexerit. Штальбаумъ, полагая что при такомъ смыслѣ рѣчи должно бы было быть сказано: ὅτι δὲ ὁ ἀπ' Ἀμφитρύωνος εἰς τὸ ἄνω παντεκαεκοστός καὶ πεντηκостὸς ἀπ' αὐτοῦ τοιοῦτος ἦν κ. т. л., утверждаетъ что въ текстѣ рѣчь можетъ быть только о предкахъ Амфитрыона; Шанцъ (Spec. crit. 25.) предлагаетъ ἀπ' αὐτοῦ пзмѣнить въ αὐ τautόν. Намъ всего болѣе нравится объясненіе Штальбаума, мы желали бы только прибавить αὐ предъ ἀπ' αὐτοῦ, разумѣя подъ ἀπ' αὐτοῦ ἀπ' Амфитρύωνος. Произвольно говорить Кэмпбелъ, будто ἀπ' αὐτοῦ значить ἀπ' πεντεκαεκοστοῦ.

γινόμενα] Гейндорфъ: vera. Срав. 181 a.

С. "Ὅταν δέ γέ] Начало большаго періода, осложненнаго многими придаточными дополнительными предложениями. Протазисъ — до словъ: τὸ δὲ ἀποφυγεῖν, аподозисъ со словъ: περὶ τούτων ἀπάντων до слова ἀποδίδωσιν, къ чему, однако въ видѣ объясненія прибавлено еще сложное предложеніе, оканчивающееся словами: τραφεῖσιν ἄπασιν.

τινα αὐτός] τινα — aliquem de vulgo, τῶν πολλῶν, αὐτός refertur ad praegressum illud ὁ τοιοῦτος. Гейндорфъ. Согласно съ этимъ слѣдующее αὐτῷ Гейзде измѣнилъ въ αὐτῶν, что и принято Гейндорфомъ.

ἐκβῆναι ἐκ τοῦ Τί ἐγώ — ἢ ἐκ τοῦ Βασιλεύς κ. т. λ.] Τί ἐγώ сὲ ἀδικῶ можетъ быть приведено въ связь съ предшествующимъ ἐν δικαστηρίῳ — ἀναγκασθῆ λέγειν 174 °. ἢ сὺ ἐμέ — съ ἐν ταῖς λοιδορίαις (т—же.) и наконецъ βασιλεύς — съ τύραννον τε γὰρ ἢ βασιλέα 174 ^d (Кэмбель).

Βασιλεύς] Vulgo εἰ βασιλεύς, что принято Стефаномъ, Буттманомъ, Кэмбелемъ и Штальбаумомъ, но Штальбаумъ хорошо замѣчаетъ что рѣчь дана не ἐρωτηματικῶς, но θετικῶς, при чемъ можно думать, что все это предложеніе βασιλεύς εὐδαίμων — χρυσίον было обычнымъ изреченіемъ въ обществѣ, заимствованнымъ у какого нибудь поэта, или сложилось непосредственно по поводу слуховъ объ Архелавъ царѣ Македонскомъ. Такъ въ Горгіѣ 470 ^d и слѣд. рѣчь идетъ о томъ, должно ли считать счастливымъ этого несправедливаго царя. Діогенъ Лаэртій (VI. I. 18) приписываетъ Антисѳену сочиненіе подъ заглавіемъ Ἀρχέλαος ἢ περὶ βασιλείας.

κεκτημένος τ' αὐ πολύ] Гейзде предложилъ хорошую конъектуру κекτημένος πάνυ πολύ.

βασιλείας πέρι — ἐπὶ σκέψιν] Кодексы: ἐπίσκεψιν; Чтеніе ἐπὶ σκέψιν предложилъ Беккеръ; это ἐπὶ очень хорошо соотвѣтствуетъ предыдущему ἀπό. Что до конструкции βασιλείας πέρι etc. то Гейндорфъ велитъ сравнить 181 ^b τῆς σκέψεως κινήσεως πέρι.

ἀνθρώπου φύσει προσήκει] Срав. 174 ^b τί δέ ποτ' ἐστὶν ἄνθρωπος καὶ τί τῇ τοιαύτῃ φύσει προσήκει κ. т. λ. Штальбаумъ.

D. τὰ ἀντίτροφα ἀποδίδωσιν] Образное выраженіе, заимствованное отъ расположенія хора въ греческой драмѣ.

ὑπὸ ἀηθείας] По смыслу одинаково можетъ быть отнесено какъ къ предыдущему, такъ и къ послѣдующему, но по конструкции относится только къ предыдущему ἰλιγγίων и βλέπων. Частица τε при ἀδημονῶν соотвѣтствуетъ те при ἰλιγγίων, и онѣ такимъ образомъ дѣлятъ всю эту рѣчь на двѣ половины.

βαρβαρίζων] Нѣкоторые хотятъ конъектуру βατταρίζων, но безъ нужды, ибо выраженіемъ βαρβαρίζειν Платонъ въ Алкивіадѣ описываетъ между прочимъ положеніе рабовъ впервые пришедшихъ въ городъ. (Alc. I. 120 ^b.) Потому и здѣсь, описывая положеніе челоуѣка въ новой для него сферѣ, Платонъ очень хорошо могъ употребить слово βαρβαρίζειν, что особенно удобно, такъ какъ выше говорится, что варваризмъ рѣчи

такого человека не возбудитъ смѣха въ Эракиянкахъ и рабахъ, но въ людяхъ воспитанныхъ иначе.

Е. *θῶπας λόγους*] Schol. ἀπατηλούς. Quod vero ad *θῶπας λόγους* repetendum est ἡδῶναι, ea metaphora apud Platonem quidem tanto minus habet offensionis, quod etiam in Gorgia ars oratoria cum arte coquinaria comparatur, veluti p. 467° sqq. Штальбаумъ.

ἀναβάλλεσθαι δὲ—ἐπιδέξια ἐλευθέρως] Нѣкоторые, какъ Казавбонъ (Animadv. ad Athen. I. 21^b. ed. Schweigh.), Гейндорфъ, Шлейермахеръ, Штальбаумъ и др. думаютъ, что здѣсь въ противоположность рабу, который умѣетъ укладывать платье, говорится о философѣ, что онъ умѣетъ щегольски набрасывать плащъ на правое плечо, какъ прилично человеку свободному, такъ какъ носить плащъ на лѣвомъ плечѣ было признакомъ раба и вообще служебнаго человека, которому нужно имѣть правую руку на свободѣ. Противъ этого объясненія нельзя не замѣтить, вмѣстѣ съ Штейнгартомъ, что трудно понять, какимъ образомъ щегольское накидываніе плаща на правое плечо можетъ характеризовать философа. Но можно, повидимому, читать ἀναβάλλεσθαι ἐπὶ δεξιά, что и есть въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, и видѣть въ этомъ выраженіи указаніе на способъ пѣнія у Грековъ на торжествахъ, какъ объ этомъ сказано между прочимъ у Платона въ Sympos. 177^d λόγον εἶπεῖν ἔπαινον Ἐρωτος ἐπὶ δεξιά. Хотя при этомъ объясненіи трудно понять, какимъ образомъ, говоря объ одномъ лицѣ, Платонъ могъ употребить выраженіе, которое обозначаетъ хотя дѣйствіе одного человека, но необходимо въ обществѣ, каково — λόγον εἶπεῖν ἐπὶ δεξιά, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ, кажется, склоняться къ этому объясненію, при чемъ необходимо однако допустить, что кромѣ простаго указанія на фактъ, въ этомъ выраженіи дано еще указаніе на извѣстное значеніе этого факта, понятное, можетъ быть, впрочемъ только тѣмъ, которые непосредственно при немъ присутствовали.

р. 176.

А. *θεῶν τε καὶ ἀνδρῶν εὐδαιμόνων βίον ἀληθῆ.*] Кадансъ этихъ словъ даетъ возможность думать, что онѣ заимствованы у какого нибудь поэта.

ἀληθῆ] Штальбаумъ объясняетъ словомъ ἀληθῆς и переводитъ: *vitam talem, qualis revera est*, т. е. истинную жизнь боговъ и людей; равно Вольрабъ: *vitam veram i. e. vitam, quae revera dici possit vita*.

ὑπεναντίον — ἀνάγκη] Въ философіи Платона это положеніе не есть выводъ изъ ряда философскихъ мыслей, но простое положеніе факта. Требованіе, которое выставляетъ Платонъ на основаніи этого факта, дано ниже: *διὸ καὶ περᾶσθαι χρὴ κ. т. л.*

οὐτ' ἐν θεοῖς — τὴν δὲ θνητὴν φύσιν] Во многихъ мѣстахъ своихъ твореній Платонъ соединяетъ представленіе о злѣ съ представленіемъ о тѣлесной и смертной натурѣ. См. Politic. 270. Tim. 87.

τόνδε τὸν τρόπον] т. е. область смертной природы.

В. φυγὴ δὲ ὁμοίως θεῷ] Это требованіе убѣгать къ богу т. е. возвышаться до общаго разума, до общей воли составляетъ душу Платоновой философіи. Срав. Phaed. 107 с. Resp. 501 b. 613 a. Tim. 90 e.

μετὰ φρονήσεως] Значеніе этого понятія въ философіи Платона для понятія добродѣтели указано мною въ Анализѣ Менона стр. 119.

τὸ μὲν — τὸ δ' οὐ] τὸ μὲν т. е. πονηρίαν — τὸ δὲ т. е. ἀρετήν.

δοκῆ εἶναι] Гейндорфъ: τις.

γραῶν ἕθλος] Срав. Gorg. 527 a.

С. .περὶ τούτου] intelligendum περὶ τὸ ὅ τι δικαιοτάτον γενέσθαι καὶ ὁμοιον εἶναι θεῷ. Штальбаумъ.

ἐν μὲν πολιτικαῖς — форτικάι, ἐν δὲ τέχναις βάναισοι.] То и другое противопологается ἀρετῇ ἀληθινῇ.

Д. ἀγάλλονται] Переходъ къ множественному числу. Срав. выше 167 b.

γῆς — ἄχθη] Срав. II. XVIII. 104. ἐτώσιον ἄχθος ἀρούρης, — выраженіе, приведенное въ Apolog. 28 d. См. также Odys. XX. 379: ἀλλ' αὐτως ἄχθος ἀρούρης.

σωθησομένους] Смысль слова хорошо раскрытъ въ Apol. 32 a. οὐ γὰρ ἔστιν ὅστις ἀνθρώπων σωθήσεται οὔτε ὑμῖν οὔτε ἄλλω οὐδενὶ πλήθει γνησίως ἐναντιούμενος... ἀλλ' ἀναγκαῖόν ἐστι τῷ ὄντι μαχοῦμενον ὑπὲρ τοῦ δικαίου, εἰ μέλλει ὀλίγον χρόνον σωθήσασθαι, ἰδιωτεύειν ἀλλὰ μὴ δημοσιεύειν. Срав. также Apol. 36 b.

ῶν] pendet ab οὐδέν. Гейндорфъ.

Е. Παραδειγμάτων] Срав. Resp. 592 b. ἐν οὐρανῷ ἴσως παράδειγμα ἀνάκειται τῷ βουλομένῳ ὄραν καὶ ὄρωντι ἑαυτὸν κατοικίζειν.

τοῦ μὲν θείου — τοῦ δὲ ἀθέου] т. е. παραδείγματος. Штейнгартъ произвольно считаетъ эти формы за формы мужескаго рода и переводитъ: der Gottähnliche, der Gottlose, такъ какъ во всей предшествующей рѣчи не обозначено ни то ни другое лицо.

λανθάνουσι] sc. ἑαυτούς. Гейндорфъ.

р. 177.

А. ἐὰν δ' εἴπωμεν] Отселѣ протазисъ; аподозисъ къ нему: ταῦτα δὲ καὶ κ. т. λ.

τῶν κακῶν] πλάνης καὶ ἀνοίας καὶ φόβων καὶ ἀγρίων ἐρώτων καὶ τῶν ἄλλων κακῶν τῶν ἀνθρωπείων. Phaed. 81 a.

ὁ—καθαρὸς τόπος] Срав. Phaed. 82 b. Εἰς δέ γε θεῶν γένος μὴ φιλοσοφίσαντι καὶ παντελῶς καθαρῶ ἀπιόντι οὐ θέμις ἀφικνεῖσθαι ἄλλω ἢ τῷ φιλομαθεῖ. Срав. также 83 d.

τὴν αὐτοῖς—τῆς διαγωγῆς] τὴν αὐτοῖς ὁμοίαν διαγωγὴν τοῦ βίου. Гейндорфъ.

κακοῖς συνόντες] Neutro genere hoc κακοῖς accipiendum, ut dicitur ξυνεῖναι ἀρετῇ, κακία et similia. Гейндорфъ.

ὡς δεινοὶ καὶ—ἀνοήτων] Гейндорфъ хорошо конструируетъ: ταῦτα δὴ καὶ παντάπασιν ὡς δεινοὶ καὶ πανούργοι (ἡμῶν) ὡς ἀνοήτων τινῶν ὄντων ἀκούσονται.

В. ἰδίᾳ] въ противуположность публичности рѣчей и дѣйствӣ люде̄й практическихъ, а также и софистовъ.

λόγον δοῦναί τε καὶ δέξασθαι] Срав. ниже 202 c.

πως] Гейндорфъ πάντως, говоря: sic correxi e Ficino: eorumque rhetorica penitus evanescit. Но Штальбаумъ защищаетъ πῶς, говоря: hoc πως est—nescio quomodo, ut sexcenties. Срав. выше 144 b. οἱ τε αὖ ἐμβριθέστεροι νωθοὶ πως ἀπαντῶσι πρὸς τὰς μαθήσεις.

παίδων μηδέν—διαφέρειν] Formula παίδων οὐδέν διαφέρειν usum habet proverbialem. Phaedr. 279 a. πλέον ἢ παίδων διενέγκοι. Legg. 864 d. Alcib. 1. 122 c. Conf. Wyttenbach ad Phaed. p. 181. Similis formula est κἂν παῖς γνοίη. Ceterum his verbis quid significetur, Callichis in Gorgia exemplum docebit. Штальбаумъ.

С. τηλικῶδε ὄντι] aetate jam provector. Cf. 146 b Гейндорфъ.

που ἡμεν τοῦ λόγου] См. 172 a.

περὶ τὰ δίκαια] Взято какъ отдѣльный предметъ того, что разумѣется подъ выраженіемъ ἐν μὲν τοῖς ἄλλοις, которому соответствуетъ слѣдующее περὶ δὲ τὰγαθοῦ.

Д. ἀνδρεῖον ἔθ' οὕτως] Eodem modo οὕτως post adjectivum positum 201 a δεινοῦς τινὰς οὕτω διδασκάλους. Euthyd. 299 a σοφοῦς υἱεῖς οὕτως. Charm. 157 b πλούσιον οὕτω. Phaedr. 255 e ταῦτα τοσαῦτα—καὶ θεῖα οὕτω. Resp. 500 a χαλεπὴν οὕτω φύσιν. Нас verborum collocatione adverbii vis augeri videtur. Cf. ad 198 b. Вольрабъ.

ἃ ἂν ὠφέλιμα] Понятіе пользы употреблено здѣсь вмѣсто понятія блага, какъ совершенно тождественный съ нимъ его метафизическій предикатъ.

τὸ ὄνομα λέγοι] h. e. vocabulo tantum uteretur, missa re ipsa, s. rem ipsam non curans. Штальбаумъ.

οὐχί;] Ante οὐχί excidit fortasse ἤ. Гейндорфъ.

Е. Μὴ γὰρ λεγέτω] Particula explicat, cur τὸ ὄνομα λέγειν σκῶμμα

futurum sit, nimirum quia non nomen, sed rem memorari oporteat. К. Ф. Германнъ.

Μη γάρ.] До Гейндорфа эти слова принадлежали Сократу. Такая форма отвѣта встрѣчается ниже 205 e. Soph. 255 b. Resp. 584 b. 597 a. τοῦτο] sc. τὸ ὠφέλιμον. Гейндорфъ.

р. 178.

Α. ἢ πολλὰ καὶ διαμαρτάνει] πολλὰ est multis in rebus, καὶ autem ita in comparationibus geminatum nihil habet inusitati. Штальбаумъ.

ἀμαρτάνειν] вмѣсто διαμαρτάνειν. Германнъ приводитъ наше мѣсто въ примѣчаніи къ Euthyd. 981 e. οὐκ ἐλάττω πράττων ἐλάττω ἂν ἑξαμαρτάνοι, ἐλάττω δὲ ἀμαρτάνων ἦττον ἂν κακῶς πράττοι.

ἐνθένδε] т. е. въ томъ случаѣ εἰ περὶ παντός τις τοῦ εἶδους κ. т. λ.

περὶ παντός τις τοῦ εἶδους — ἐν ᾧ καὶ τὸ ὠφέλιμον] Такъ какъ подъ περὶ παντός εἶδους разумѣются всѣ виды полезнаго, то послѣдующее καὶ представляется излишнимъ.

ἔστι δέ] т. е. τὸ ὠφέλιμον.

τοῦτο δέ] т. е. τὸ εἶδος τοῦ ὠφελίμου.

μέλλον] т. е. τὸ ὠφέλιμον. Schol. γράφεται καί, τοῦτο δὲ μᾶλλον ὀρθῶς ἂν λέγοιμεν, что очевидно не правильно, хотя такъ читается въ бодлеевскомъ кодексѣ; въ нѣкоторыхъ другихъ еще хуже: μέλλον μᾶλλον.

Β. λευκῶν, βαρέων] Корнаръ полагаетъ, что послѣ λευκῶν выпало слово μελάνων. Гейндорфъ и Штальбаумъ расположены думать также, но это желаніе μελάνων кажется уже слишкомъ педантично.

οἷα πάσχει — οἰόμενος] т. е. αὐτὰ.

С. οἷον θερμά] Это слово въ рѣчи дано обсолютно. Гейндорфъ указываетъ въ параллель Cratyl. 393 e οἷον τὸ βῆτα, ὁρᾶς ὅτι τοῦ η καὶ του τ καὶ τοῦ α простеθέντων οὐδὲν ἐλύπησεν, ὥστε μὴ οὐχὶ τὴν ἐκείνου κ. т. λ. Euthyd. 302 a. οἷον βοῦς καὶ πρόβατον, ἄρ' ἂν ἡγοίτο ταῦτα εἶναι. Срав. также выше 173 d.

ιδιώτης] oppositus est aut πόλει (168 b 172 a) ita ut sit privatus, aut τέχνην τινὰ ἔχοντι (Soph. 221 c), ut h. l. ἰατρῶ (154 e.) Вольрабъ.

κατὰ τὴν ποτέρου δόξαν φῶμεν] Не должно забыть при φῶμεν впереди стоящее ἄρα, при чемъ Гейндорфъ: Vocabulum πότερος h. l. ἐρωτηματικῶς accipi propter praecedens illud ἄρα non potest, sed est h. l. alteruter, ut 145 a.

ἢ κατὰ τὴν ἀμφοτέρων — ἀμφότερα;] Platonis haec respexit Aristoteles Met. III. 5. ἔτι δὲ περὶ τοῦ μέλλοντος, ὥσπερ καὶ Πλάτων λέγει, οὐδὲν ποῦ ὁμοίως κυρία ἢ τοῦ ἰατροῦ δόξα καὶ ἢ τοῦ ἀγνοοῦντος, οἷον περὶ τοῦ

μέλλοντος. κ. τ. λ. Sed omnino tota ibi in Protagoram disputatio Platonicæ huic conferri debet. Гейндорфъ.

Ε. περί — ἤδη ὄντος — ἢ γεγονότος] Кэмпбелъ замѣчаетъ при этомъ, что положеніе объ истинѣ настоящихъ (текущихъ) ощущеній отвергнута въ послѣдствіи (р. 182) вмѣстѣ съ отверженіемъ теоріи движенія.

πότερον — κριτής,] Post κριτής necessario interrogationis signum ponendum est. Neque enim licet per ipsam sententiam quod proxime sequitur ἢ ad πότερον referre. Imo hoc novam orditur sententiam, ut illud πότερον omisso ἢ οὐ positum existimari debeat. Такова связывающая Платона реторика Штальбаума.

εἰς δικάστηριον] i. q. ἐν δικαστηρίῳ. Гейндорфъ.

ὦ μέλε] Schol. ὦ μέλε παρά τοῖς νεωτέροις ὑπὸ τῶν γυναικῶν λέγεται μόνον, ὡς τὸ ὦ τάλαν. παρά δὲ τοῖς παλαιοῖς καὶ ὑπ' ἀνδρῶν.

р. 179.

Α. εἰ μὴ τοὺς συνόντας — ἢ αὐτὸς αὐτῷ] Такъ во всѣхъ кодексахъ что затруднительно. Мысль Сократа безъ сомнѣнія или та, что никто не платилъ бы Протагору большихъ денегъ, еслибы онъ не убѣдилъ, что онъ знаетъ будущее и судить о немъ лучше всѣхъ другихъ, или та, что никто не платилъ бы Протагору большихъ денегъ, еслибы онъ убѣдилъ, что каждый самъ по себѣ знаетъ будущее и судить о немъ лучше всѣхъ другихъ. Въ первомъ случаѣ требуется оставить μὴ и не нужно αὐτῷ, а во второмъ — нужно αὐτῷ и не кстати μὴ. Гейндорфъ понялъ здѣсь Сократа во второмъ смыслѣ и потому измѣнилъ μὴ въ πη, что принято и Штальбаумомъ; но Шлейермахеръ, толкуя слова Сократа въ первомъ смыслѣ, оставляетъ μὴ и уничтожаетъ αὐτῷ. Такъ какъ существенный смыслъ словъ Сократа при томъ и другомъ пониманіи остается одинъ и тотъ же, и такъ какъ далѣе едвали можно указать какое либо твердое основаніе для каждаго изъ данныхъ толкованій, то мы и ограничиваемся только указаніемъ на несообразность словъ въ текстѣ, оставляя текстъ безъ исправленія, хотя и не можемъ не замѣтить, что μὴ представляется намъ здѣсь очень уместнымъ, такъ какъ проще и по связи съ предшествующимъ ἢ σύ, ὦ Протаγόρα, τό γε περί и т. д. Сократу естественнѣе говорить прямо о томъ, какъ думаетъ о себѣ Протагоръ, чѣмъ тоже самое выказывать чрезъ указаніе на то, что хотя теоретически, повидимому, должно служить условіемъ не желанія публики платить деньги Протагору, но на дѣлѣ, какъ извѣстно, было не такъ, ибо хотя Протагоръ дѣйствительно убѣждалъ другихъ въ томъ что каждый для себя есть мѣра всего, но тѣмъ не менѣе ему платили большія деньги. А ме-

жду тѣмъ въ томъ собственно, что каждый самъ по себѣ лучше другихъ знаетъ будущее, Протагоръ, на сколько извѣстно, не убѣждалъ никого, и слова Сократа, понятыя здѣсь въ этомъ смыслѣ, должны бы быть разсматриваемы какъ иронія надъ основнымъ ученіемъ Протагора о чловѣкѣ какъ о мѣрѣ всего; но эта иронія здѣсь конечно не умѣстна. Остается такимъ образомъ желать найти какое нибудь основаніе для αὐτῶ, чтобы относить его къ самому Протагору.

αἱ νομοθεσίαι καὶ τὸ ὠφέλιμον — ἐστί] Vix Graecum foret h. l. εἰςί pro ἐστί Sympos 190 c. Гейндорфъ.

B. ὡς ἄρτι με ἠνάγκαζεν — λόγος] См. 167 d. καὶ οὕτω σοφώτεροί τε εἰσιν — ἀνεκτέον ὄντι μέτρῳ.

Ἐκείνη] dativus instrumenti. Говорится о настоящемъ доказательствѣ Сократа по мотиву понятія о знаніи пользы въ будущемъ, чѣмъ будто бы сильно опровергается ученіе Протагора.

C. τό γε τοιοῦτον ἀλοίη, μὴ πᾶσαν] Дополнительное предложеніе употребляется также съ отрицаніемъ послѣ ἐλέγχειν, ἐξελέγχειν. См. выше 166 c Gorg. 467 a.

ἐξ ὧν] Отмѣтитъ множественное- относительнаго мѣстоименія послѣ существительнаго въ единственномъ. Срав. выше 147 ° τὸν μεταξὺ τούτου (т. е. ἀριθμόν) ὧν καὶ τὰ τρία.

ἴσως δὲ οὐδὲν λέγω] sed fortasse falso dixi χαλεπώτερον, quum id sit plane αδύνατον. Гейндорфъ.

ἀνάλωτοι] Schol. Ἐντεῦθεν εἰσβάλλει εἰς τοὺς κατὰ τοῦ Ηρακλείτου ἐλέγχους. εἰ γὰρ πάντα, φησί, κινεῖται συνεχῶς, καὶ ἀόριστά ἐστι καὶ ἄστατα, ἢ Προταγόρου δόξα ἀνάλογός ἐστιν.

εἰ ἔτυχον] i. e. fortasse, ut Cratyl. 439 ° τὸ δ' εἰ ἔτυχεν, οὐχ οὕτως ἔχει Гейндорфъ.

ὄντα λέγοιεν] Асть желаетъ: τὰ ὄντα. Но срав. 178 ^b ἀληθῆ τε οἶεται αὐτῶ καὶ ὄντα.

οὐκ ἄπο σκοποῦ] См. выше 143 °. Свидя: ἀπὸ σκοποῦ· μάτην, περιττῶς, ἐναντίως. Срав. Tim. 28 °. Гомеръ, Odyss. XI, 343. ὦ φίλοι, οὐ μὰν ὑμῖν ἀπὸ σκοποῦ οὐδ' ἀπὸ δόξης μυθεῖται βασιλεία περίφρων. Срав. также Ксеноф. Sympos. II. 11.

D. διακρούοντα] Accusativus διακρούοντα ex скепτέον pendet, h. e. σκέπτειν δεῖ, de qua structura v. ad Criton. 49 ^a Штальбаумъ.

εἶτε ὑγιές] Schol. ἐκ μεταφορᾶς τῶν διακωδωνούντων τὰ κεράμια, εἰ ἀκέραιά εἰσιν.

ἐπιδίδωσι πάμπολυ] Наше: дѣлаетъ большіе успѣхи.

χορηγοῦσι] См. Athen. XIV 295 ed. Schw. ἐκάλουν δὲ καὶ χαρηγούς, ὡς

φησιν ὁ Βοζάντιος Δημήτριος, οὐχ ὡς περ νῦν τοὺς μισθουμένους τοὺς χοροῦς, ἀλλὰ τοὺς κατηγουμένους τοῦ χόρου, καθάπερ τοῦνομα συμαίνει.

Ε. ὑποτείνονται] то же что ὑφηγοῦνται, или ὑπογράφουσι. Срав. выше 148 ^d Gorg. 488 ^e.

περὶ τούτων τῶν Ἡρακλειτείων — Ὀμηρείων] т. е. δογμάτων, при чемъ хорошо Кэмбелъ: περὶ τούτων к. т. л. зависить словесно частію отъ διαλεχθῆναι, частію отъ ἔμπειροι, а реально отъ мысли данной въ словахъ: μᾶλλον οἶόν τε διαλεχθῆναι.

παλαιότερων] Orpheum intelligit. Conf. Cratyl. 402 ^a. Гейндорфъ.

р. 180.

Α. ἢ τὸ μηδέν] Imo est quam si nihil insit, quod dicitur universe et ὑποθετικῶς. Штальбаумъ.

μᾶλλον δὲ ὑπερβάλλει к. т. л.] Трудно опредѣлить связь этихъ отрицаній. Штальбаумъ думаетъ, что Θεодоръ, поправляя τὸ μηδέν, говорить τὸ οὐδ' οὐδέν, ибо второе изъ двухъ этихъ отрицаній кажется ему выразительнѣе другаго. Несомнѣнно, что μᾶλλον δὲ есть такъ называемая фигура поправленія въ смыслѣ: скорѣе можно сказать. ὑπερβάλλει τὸ οὐδ' οὐδέν, какъ утверждаемое отрицаніе, въ отношеніи къ предшествующему ἦττον ἢ τὸ μηδέν, составляетъ такъ называемую climax.

πρὸς τὸ μηδὲ σμικρόν] въ значеніи σμικρότατον. Отсюда смыслъ: въ виду того что въ нихъ ни мало нѣтъ и т. д.

ἐκ φαρέτρας] Satis frequens est loquendi haec ratio, qua acute et acerbe vel acriter omnino dicta telis comparantur. Гейндорфъ. Срав. Sympos. 219 ^b. Protag. 342 ^e.

οὐδέ γε ἐκείνοι — ἀλλήλους] т. е. περαίνουσιν.

Β. αὐτό] intellige τὸ βέβαιον. Гейндорфъ.

στάσιμον] Stob. Ecl. phys. 1. 396. Ἡράκλειτος ἡρεμίαν μὲν καὶ στάσιν ἐκ τῶν ὄλων ἀνήρει.

οὐ γάρ σοι ἐταῖροί εἰσιν] Имѣется въ виду различіе Гераклитовскаго міровоззрѣнія отъ того конструктивнаго взгляда на міръ, котораго естественно держится математикъ Θεодоръ.

τὰ τοιαῦτα] т. е. εἰρηνικά или τὰ βέβαια ἐν τοῖς λόγοις.

Πόιοις μαθηταῖς] Irridentis vel indignantis haec est interrogatio Platoni frequentata. Cf. Stallbaumius ad Gorg. 490 ^d. Вольрабъ.

С. ὀπόθεν ἄν τύχη — ἐνθουσιάσας] Кэмбелъ основательно замѣчаетъ при этомъ что какъ на 172 и слѣд. мы имѣемъ изображеніе чловѣка согласное съ теоріей Протагора, такъ равно здѣсь изображается чловѣкъ теоріи Гераклита. Къ самому же Гераклиту данныя здѣсь черты

идутъ очень мало. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что въ прочитанномъ мѣстѣ Платонъ говоритъ о философской теоріи Гераклитовскаго направленія въ его позднѣйшемъ проявленіи въ тѣхъ форсированныхъ выводахъ изъ теоріи движенія, къ которымъ всегда даютъ поводъ великія ученія и которыя всегда распространяются не путемъ школы, т. е. обученія, какъ замѣчаетъ въ нашемъ мѣстѣ и Θεοδορῷ, но путемъ фантазіи, или, какъ сказано здѣсь, чрезъ энтузіазмъ.

ὅπερ ἦα ἐρώων] quod eram dicturus. Срав. Resp. 562 с. Гейндорфъ.

αὐτοὺς δὲ δεῖ παραλαβόντας] т. е. ἡμᾶς αὐτοὺς. Объектъ при παραλαβόντας есть или λόγον παρὰ τούτων т. е. παρὰ τῶν Ἡρακλειτείων δογμάτων, или просто τὰ Ἡρακλειτεῖα.

ὥσπερ πρόβλημα] Schol. γεωμετρικῶς δεῖ, φησὶν, ἐκθεμένους τὸ πρόβλημα ζητεῖν ἀποδεικτικῶς, πότερον πάντα κινεῖται ἢ οὐ.

Д. ἡ γένεσις τῶν ἄλλων — τυγχάνει] Ὠκεανός τε καὶ Τηθύς употреблено какъ appositio къ γένεσις, ρεύματα же есть предикатъ.

ἀποδεικνυμένων] Post ἀποδεικνυμένων quod statim addi debebat ὅτι πάντα κινεῖται, hujus significatio infertur in seqq. μαθόντες δὲ, ὅτι πάντα κινεῖται. Гейндорфъ.

σκυτοτόμοι] Для означенія низкой степени интеллигенціи, какъ и у насъ употребляется слово сапожникъ для той-же цѣли. Гейндорфъ велитъ сравнить здѣсь Charmid. 163 b а Штальбаумъ Resp. 456 d.

Е. οἷον ἀκίνητον τελέθειν — εἶναι] Этотъ стихъ Парменида читается у Симплиція in Arist Phys. fol. 7 a. 19 a. 31 b. Парменидъ говоритъ здѣсь, что внѣ области сущаго нѣтъ мѣста для мышленія и прибавляетъ:

οὐδὲν γὰρ ἢ ἔστιν ἢ ἔσται

ἄλλο παρὲκ τοῦ ἑόντος· ἐπεὶ τό γε μοῖρ' ἐπέδησεν

οἷον ἀκίνητόν τ' ἔμεναι, τῷ πάντ' ὄνομ' ἔστιν κ. т. л.

Впрочемъ послѣдній стихъ читается различно. Именно, въ кодексахъ въ данномъ мѣстѣ у Платона читается: οἷον ἀκίνητον τελέθει τῷ πάντι ὄνομ' εἶναι. Здѣсь οἷον очевидно не годится, потому, слѣдуя Штальбауму, мы предлагаемъ писать οἷον, но у Симплиція f. 19 a и 31 b написано οὔλον. У того-же Симплиція въ этихъ-же мѣстахъ написано τ' ἔμεναι, а въ одномъ (7 a)—τελέθει. У Платона, согласно съ конструкціей, читаемъ τελέθειν. Далѣе въ спискахъ Θεэтета дурно читается τῷ παντί (удержано Гейндорфомъ). Штальбаумъ τῷ πάντ' т. е. πάντα accus. plur. Это πάντ' у Симплиція дано одинъ разъ 19 a ὦ πανт' между тѣмъ въ двухъ другихъ мѣстахъ 7 a и 31 b или ὦ πάν, или τῷ πάν.

τούτοις] указывается на тѣхъ-же, которые разумѣются и выше въ выраженіи τάναντία τούτοις.

ὡς ἔν τε πάντα — ἐν αὐτῷ] Срав. соотвѣтствующія выраженія у Парменида: οὐδὲ διαίρετόν ἐστίν, ἐπεὶ πᾶν ἐστὶ ὁμοῖον... πᾶν δὲ πλεόν ἐστίν ἕόντος. τῷ ξυνεχὲς πᾶν ἐστίν... τούτων τ' ἐν τούτῳ τε μένον καθ' ἑωυτό τε κεῖται. (Mullachius. Fragm. phil. Graecor. I. c. 121—2.)

οὐκ ἔχον χώραν κ. τ. λ.] Arist. Phys. 213^b. Μέλισσος μὲν οὖν καὶ δείκνυσιν, ὅτι τὸ πᾶν ἀκίνητον, ἐκ τούτων. εἰ γὰρ κινήσεται, ἀνάγκη εἶναι (φησι) κενόν· τὸ δὲ κενόν οὐ τῶν ὄντων.

προϊόντες — εἰς τὸ μέσον] Schol. ἀπὸ μὲν Θεαιτήτου εἰς Ἡράκλειτον, εἶτα εἰς Παρμενίδην καὶ Μέλισσον. Выражение-же εἰς τὸ μέσον опредѣляетъ положеніе рѣшаемаго Платономъ вопроса между двумя противоположными направленіями философіи — Гераклита и Парменида.

р. 181.

А. οἱ ἐν ταῖς παλαίστραῖς — παίζοντες] Вѣроятно говорится объ игрѣ, известной подъ именемъ διελкуστίνδα и описанной Поллуксомъ IX. 112. Но см. у Шлейермахера.

τούς ρέοντας] Не безъ остроты, но безъ преднамѣренной ироніи, какъ думаетъ схолиастъ и за нимъ нѣкоторые комментаторы. Ибо подобныя прозвища философовъ, произведенныя отъ основнаго понятія въ ихъ ученіи, часто встрѣчаются какъ у Платона, такъ и у Аристотеля. Срав. тотчасъ οἱ τοῦ ὄλου στασιῶται, τῶν τὰ ἀκίνητα κινούντων. Phil. 46^a οὐς εἵπομεν δυσχερεῖς. Soph. 252^a. τῶν τὸ πᾶν κινούντων καὶ τῶν ὡς ἐν ἰστάντων. Равно Аристотель, de Coelo: οἱ γεννῶντες τὸν οὐρανόν и мног. др.

τι—λέγοντες] въ значеніи чегонибудь стоящаго вниманія, въ противоположность οὐδὲν λέγειν, или ниже μηδὲν μέτριον λέγοντες.

В. τὰ ἀκίνητα κινούντων] Schol. παροιμία καθ' ὑπερβολήν, ὅτι μὴ δεῖ ἔδη μηδε βομοῦς κινεῖν ἢ τάφους ἢ ὄρους. Пословица имѣла примѣненіе къ тому, кто похищаль священные предметы, нарушаль клятву, договоръ и т. д. Платонъ же въ нашемъ мѣстѣ, очевидно, употребляетъ это выраженіе не въ этомъ смыслѣ пословицы, но для означенія философской теоріи.

Скеπτέον ἂν εἶη] Simile asyndeton 183^a καλὸν ἂν ἡμῖν συμβαίνοι τὸ ἐπανόρθωμα. Вольрабъ.

С. ἀρχή] безъ члена, какъ предикать. Субъектомъ къ нему служить мысль, заключающаяся въ словахъ: ποῖόν τί ποτε — κινεῖσθαι.

Д. δύο δὴ λέγω — κινήσεως] Срав. Fragm. 138^c κινούμενόν γε ἢ φέροίτο ἢ ἀλλοιοῖτο ἂν· αὐταὶ γὰρ μόναι κινήσεις. Но Аристотель признаетъ три рода движенія: τρεῖς εἰσι κινήσεις, ἢ τε κατὰ τόπον καὶ κατὰ τὸ ποι-

ὄν καὶ κατὰ τὸ ποσόν. ἢ μὲν οὖν κατὰ τόπον φορά, ἢ δὲ κατὰ τὸ ποιὸν ἀλλοίωσις, ἢ δὲ κατὰ τὸ ποσὸν αὐξήσις καὶ φθίσις. Phys. 243^a.

τὴν δὲ] Впереди опущено соотвѣтствующее τὴν μὲν, чего желаетъ Стефанъ; но Гейндорфъ, противодѣйствуя Стефану, потрудился собрать много контекстовъ въ пользу чтенія безъ τὴν μὲν.

περιφοράν] Такъ какъ здѣсь должно быть дано понятие пространственнаго движенія вообще, а не одного лишь вида его, то конъектура Гейндорфа—φοράν вмѣсто περιφοράν должна быть одобрена. Срав. Parmen. 138^c κινούμενον ἢ φέροιο ἢ αλλοιοίτο ἄν. καὶ μὴν εἰ φέροιο τὸ ἐν, ἦτοι ἐν τῷ αὐτῷ ἄν περιφέροιο κύκλῳ, ἢ μεταλλάττοι χώραν ἐτάραν ἐξ ἐτέρας. Срав. также выше 156^d. и слѣд.

Е. Εἰ δέ γε μή] Faciunt haec εἰ δέ γε μή protasin quandam, subaudito φήσουσιν ἀμφοτέρως, illa κινούμενά τε etc. apodosin. Гейндорфъ.

αὐτοῖς] Vulgo ἑαυτοῖς. αὐτοῖς поправка Гейндорфа.

р. 182.

А. ἐνεῖναι] Во всѣхъ почти кодексахъ: ἐν εἶναι. Корнаръ первый далъ ἐνεῖναι.

τόδε αὐτῶν] Срав. выше 149^d. καὶ τόδε αὐτῶν ἤσθαι. Въ обоихъ случаяхъ αὐτῶν зависить отъ τόδε.

οὕτω πῶς ἐλέγομεν] См. 156^{d e}.

αἰσθητόν] Такъ какъ этимъ словомъ описывается τὸ πάσχον т. е. субъектъ ощущающій, то подъ αἰσθητόν должно разумѣть αἰθανόμενον. (Срав. Веберъ, Quaest. Protag. с. 28.)

ἀλλόκοτον] уродливо, вычурно.

ἀθρόον λεγόμενον] Симъ указывается, что слово ποιότης должно быть понятно въ смыслѣ общаго понятія качественности; при чемъ схолиастъ: ἐκ τούτων δῆλον, ὅτι τὸ τοῦ ποιότητος ὄνομα Πλάτων ἐστὶν ὁ πρῶτος θεὸς ἐν τοῖς Ἑλλήσιν.

В. ἐν τοῖς πρόσθεν] 156^e слѣд.

С. οἷα ἄττα ρεῖ τὰ φερόμενα] qualia quaedam sint, dum fluunt, quae moventur. Гейндорфъ.

Д. τὸ λευκὸν ρεῖν τὸ ρέον] должно понять какъ опредѣленіе къ предыдущему τούτο, и при томъ τὸ ρέον какъ субъектъ, а τὸ λευκὸν какъ предикатъ.

ἢ ἄλλο — τῶν τοιούτων] т. е. τῶν αἰσθητῶν. Но въ предложении нѣтъ глагола, чѣмъ затруднялись еще древніе издатели. Шанцъ ставить καλῶ и измѣняетъ ἢ въ ἦ, которое должно имѣть значеніе ὡστε (Spec. crit. 27.) Такая эмендація, давая, быть можетъ опредѣленный смыслъ мѣсту,

не имѣеть однако за собой авторитета рукописей. Во всякомъ случаѣ намъ болѣе нравится предположеніе Штальбаума, что слова: ἢ ἄλλο γέ τι — δὴ ρέον должны составить конецъ предшествующей рѣчи Сократа, а слова: Καὶ τίς μηχανή, ὦ Σώκρατες, должны быть читаемы отдѣльно, какъ отвѣтъ Θεодора.

ἀεὶ λέγοντος ὑπεξέρχεται] Срав. Cratyl. 439^d Ἄρ οὖν οἶόν τε προσειπεῖν αὐτὸ ὀρθῶς, εἰ ἀεὶ ὑπεξέρχεται, πρῶτον μὲν ὅτι ἐκεῖνό ἐστιν, ἔπειτα ὅτι τοιοῦτον, ἢ ἀνάγκη ἅμα λήμων λεγόντων ἄλλο αὐτὸ εὐθὺς γίνεσθαι καὶ ὑπεξιέναι καὶ μηκέτι οὕτως ἔχειν; (Кэмбель).

р. 183.

А. Καλὸν ἂν ἡμῖν συμβαίνοι] Подобный asyndeton встрѣчается не рѣдко при переходѣ отъ одной мысли къ другой. Срав. выше 181^b ниже 195^b 203^e. Гейндорфъ приводитъ въ параллель мѣсто изъ Республики 602^a.

ἐκείνη ἢ ἀπόκρισις] что знаніе есть ощущение.

οὕτω τ' ἔχειν — μὴ οὕτως] Ерекегезисъ къ слову ἀπόκρισις.

στήσομεν αὐτούς] т. е. ἡμᾶς αὐτούς, или вообще ἀποκρινόμενους. Но Штальбаумъ безъ достаточнаго побужденія утверждаетъ, что должно читать или αὐτό или αὐτήν (т. е. ἀπόκρισιν), такъ какъ будтобы говорится не о лицахъ, а о вещи.

οὐδὲ τοῦτο οὕτω — κινοῖτο οὕτω] Гейндорфъ и Шлейермахеръ въ томъ и другомъ случаѣ желаютъ τὸ οὕτω, но въ этомъ τὸ, очевидно, нѣтъ серьезной надобности.

В. τιν' ἄλλην φωνήν] См. выше 157^a. Срав. Арист. Met. 1008^a οὔτε γὰρ οὕτως οὐτ' οὐχ' οὕτως λέγει, ἄλλ' οὕτως τε καὶ οὐχ' οὕτως. καὶ πάλιν γε ταῦτα ἀπόφησιν ἄμφω ὅτι οὐθ' οὕτως οὔτε οὐχ' οὕτως. εἰ γὰρ μή, ἤδη ἂν εἶη τι ὠρισμένον.

τὸ οὐδ' ὅπως] Schol. ἀόριστον γὰρ πάντη τὸ οὐδ' ὅπως.

τοῦ τε σοῦ ἐταίρου] Въ соотвѣтствіе съ этимъ те, ниже сказано: ἐπιστήμην τε αἴσθησιν. Слова: καὶ οὕτω συγχωροῦμεν до τίς ἢ вставлены эпегегетически.

С. κατὰ γε τὴν τοῦ πάντα κινεῖσθαι μέθοδον.] Вниманіе читателя должно быть здѣсь сосредоточено на той связи, къ которой, путемъ теоріи движенія, приведены въ мышленіи Платона ученіе Протагора о челоуѣкѣ какъ о мѣрѣ всего и мнѣніе Θεэтета о знаніи.

κατὰ τὰς συνθήκας] т. е. ἐμὲ ἀπαλλαχθῆναί σοι ἀποκρινόμενον, ἐπειδὴ—сχοίη. Желательное въ зависимости отъ συνθήκας.

Д. τοὺς φάσκοντας] т. е. Элеатовъ.

τῶν ἐπιλοίπων] quae praeter illam Protagorae sententiam afferi possunt ad tuendum illud ἐπιστήμην εἶναι αἴσθησιν. Гейндорфъ.

Ἴππέας εἰς πεδίον] Schol. Ἴππεῖς προκαλεῖσθαι εἰς πεδίον, ἐπὶ τῶν τοὺς ἔν τι βελτίους καὶ ἐπιστημονικωτέρους αὐτῶν εἰς ἕριν προκαλουμένων. Πλάτων ἐν Θεαιτήτῳ καὶ Μένανδρος Καταψευδομένῳ. γράφεται δὲ καὶ ἵππον εἰς πεδίον προκαλεῖσθαι ἐπὶ τῶν εἰς ἃ βούλεται τις προκαλούντων.

μοὶ δοκῶ — οὐ πείσεσθαι] Гейндорфъ: non placet mihi s. non lubet — obsequi. Замѣтимъ здѣсь употребленіе infinit. futuri.

Е. Τί δὴ οὖν] Что же такъ?...

Парμενίδης — τὸ τοῦ Ὀμήρου.] См. II. III, 172. αἰδοῖός τέ μοι ἔσσι, φίλε ἔκυρέ, δεινός τε. Od. VIII. 122 δεινός τ' αἰδοῖός τε. Съ настоящимъ отзвонемъ Платона о Парменидѣ срав. Soph. 237^a, Парμενίδης ὁ μέγας.

αἰδοῖός τέ μοι εἶναι] Пишемъ εἶναι согласно только съ нѣкоторыми кодексами. Гейндорфъ, Штальбаумъ и Беккеръ опускаютъ εἶναι.

βάθος τι] т. е. διανοίας, или *allitudo ingenii*, quam etiam Latini simpliciter vocant *altitudinem*. Гейндорфъ.

р. 184.

Α. πολὺ πλέον λείπόμεθα] т. е. болѣе, чѣмъ μὴ ξυνιῶμεν. Срав. ниже 192^d. νῦν πολὺ πλείον ἀπελείφθην ἢ τότε.

τῶν ἐπεικωμαζόντων λόγων] Говорится здѣсь, полагаемъ, не столько объ обилии мыслей въ философіи Парменида, сколько о тропахъ и метафорахъ его рѣчи.

ἄλλως τε καὶ] Particula καὶ plane non pertinet ad ἄλλως τε, sed conjungenda est cum sequentibus. ἄλλως τε autem est aliterque, praetereaue, adde quod. Phaed. 87^d. ἀλλὰ γὰρ ἂν φαίη ἑκάστην τῶν ψυχῶν πολλὰ σώματα κατατρίβειν, ἄλλως τε καὶ εἰ πολλὰ ἔτη βίῃ. Вольрабъ.

δεῖ δὲ οὐδέτερα] кому кажется, что недостаетъ дополненія къ слову δεῖ, тотъ можетъ взять ποιεῖν.

Β. Ἔτι τοίνυν, ὦ Θεαίτητε] Отсюда начинается развитіе новаго доказательства противъ сенсуализма, стоящаго въ непосредственной связи съ ученіемъ объ идеяхъ.

С. Τὸ δὲ εὐχέρές τῶν ὀνομάτων — ἀναγκαῖον] Трудно дать общее-годное значеніе тому мнѣнію Платона, что свободное безъ особенной отчетности пользованіе словами и предложеніями по большей части не есть ἀγεννές, и что противное этому (т. е. отчетливое употребленіе словъ) есть будто-бы ἀνελεύθερον — трудно, говоримъ, принять это вообще, если не допустить, что Платонъ, говоря такъ, имѣлъ въ виду софистовъ и

особенно Протагора съ его ὀρθοέπεια (Phaedr. 267 b) и Продика съ его ὀνομάτων διαίρεσις. (Charm. 163 d).

Д. ἐν δουρείοις ἵπποισι.] Множественное по соответствию съ ἐν ἡμῖν, имѣется же въ виду тотъ троянскій конь, δουράτεος ἵππος, о которомъ говорится въ Одиссеѣ VIII, 493. Мысль Платона та, что еслибы чувства въ насъ не сходились въ одномъ общемъ нашемъ сознаниіи, подобно тому какъ разныя чувства лицъ сидѣвшихъ въ троянскомъ конѣ не сходились въ одномъ сознаниіи этого коня, то это было бы странно.

οἷον ὀργάνων] Весьма вѣроятно, что наше выраженіе органъ чувства впервые дано Платономъ въ настоящемъ мѣстѣ текста.

Τοῦ δέ τοι ἕνεκα — εἴ τι νη ἡμῶν] Штальбаумъ послѣ διακριβοῦμαι ставить знакъ вопроса, чѣмъ безъ сомнѣнія затрудняетъ рѣчь еще болѣе. Хорошо Фицинъ: *idcirco ista tecum diligenter perquiro, ut videamus.* Это *ut videamus* по гречески для краткости опущено.

Ε. ὑπὲρ σοῦ πολυπραγμονεῖν] *πολυπραγμονεῖν dicitur proprie, qui in rebus tractandis curiose versatur ad ipsum non pertinentibus, qui aliena tractat, suorum immemor officiorum.* v. Resp. IV. 10. τὰ αὐτοῦ πράττειν καὶ μὴ πολυπραγμονεῖν Gorg. 526 e τὰ αὐτοῦ πράξαντες καὶ οὐ πολυπραγμονήσαντες. Штальбаумъ.

θερμὰ καὶ σκληρὰ κ. τ. λ.] читай: ἄρ' οὐχ ἕκαστα, δι' ὧν αἰσθάνει θερμὰ καὶ κ. τ. λ. τίθησ τῶν σώματος;

р. 185.

Α. Εἴ τι ἄρα — αἰσθάνοι' ἄν.] Штальбаумъ послѣ οὐκ ἄν вставляетъ διανοοῖο, но можно и здѣсь разумѣть послѣдующее αἰσθάνοιο. Далѣе въ первомъ случаѣ подъ διὰ γε τοῦ ἑτέρου ὀργάνου должно разумѣть иной тѣлесный органъ чувства, отличный отъ органа зрѣнія и слуха, а во второмъ подъ διὰ τοῦ ἑτέρου разумѣется, очевидно, одинъ изъ двухъ данныхъ органовъ, потому вмѣсто περὶ ἀμφοτέρων желательнo читать τῶν ἀμφοτέρων. περὶ вмѣсто τῶν легко объясняется какъ повтореніе впереди стоящаго περὶ.

Β. τὸ κοινόν] Справ. Resp. 522 e οἷον τοῦτο τὸ κοινόν, ὧ πάσαι προσχρῶνται τέχναι τε καὶ διάνοιαι καὶ ἐπιστήμαι — τὸ ἐν τε καὶ τὰ δύο καὶ τὰ τρία διαγιγνώσκειν.

С. Τί δ' οὐ μέλλει] i. e. τί δ' οὐ μέλλει τοῦτο ἄλλο τι φαίνεσθαι, ἤγουν ἢ διὰ τῆς γλώττης δύναμις. Гейндорфъ. Справ. Resp. 566 d 605 e. διὰ τίνος] т. е. ὀργάνου.

τὸ τ' ἐπὶ πάσι κοινόν] Schol. τὸ τῶν πέντε αἰσθήσεων γενικῶς.

ἐπὶ τούτοις] т. е. τῆ φωνῇ καὶ χρόῳ. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду оощуцаемое, а не сами оощушенія.

D. Ὑπέρει] hoc uno loco apud Platonem legitur. Вольрабъ.

ἀκολουθεῖς] h. l. idem est, quod ἔπεσθαι, μανθάνειν. Гейндорфъ.

E. Καλὸς γὰρ εἶ, ὦ Θεαίτητε] Обращаемъ вниманіе на эту живость воззванія Сократа, въ которомъ очевидно увлеченіе философскаго духа не давно, можетъ быть, созрѣвшимъ въ немъ убѣжденіемъ въ объективности идей.

πρὸς δὲ τῷ καλῷ] Штальбаумъ: et praeter hoc pulchrum, quod in te laudavi. Гейндорфъ же полагаетъ что ad καλῷ ex praecedentibus mente repetendum εἶναι, quae notatu digna est ellipsis, quum post haec πρὸς δὲ τῷ καλῷ non inferatur nominativus, verbo εἶ vel addito vel subaudiendo.

p. 186.

A. τοῦτο γὰρ — ἐπὶ πάντων παρέπεται] т. е. понятіе сущности простирается на все.

Καὶ τούτων — πρὸς ἄλληλα — τὴν οὐσίαν] Hic et paullo post τὴν οὐσίαν τῆς ἐναντιότητος Plato ampliore sensu posuit, ut non sit idem quod τὸ εἶναι, sed idem quod τὸ ὄ τι ἐστίν, significat enim vim naturamque rerum. Вольрабъ. Такимъ образомъ смыслъ мѣста тотъ, что бытіе или точнѣе — конкретное содержаніе прекраснаго и безобразнаго, добраго и злаго, въ отношеніи одного къ другому постигается душою тогда, когда она сама въ себѣ обсуждаетъ прошедшее и настоящее въ отношеніи къ будущему. Между тѣмъ Штальбаумъ думаетъ, что вниманіе къ будущему можетъ имѣть мѣсто только по вопросу о добромъ и зломъ, и то — принимая эти понятія въ смыслѣ ὠφέλεμον и διαφθειρον, потому слово τούτων онъ относитъ только къ ἀγαθὸν καὶ κακόν. Однако подобныя тонкости кажутся вообще излишними, тѣмъ болѣе что въ другомъ мѣстѣ у Платона сказано: τὸ μὲν ὠφέλιμον καλόν, τὸ δὲ βλαβερὸν αἰσχρόν. Resp. 457 b.

C. ἐπὶ τὴν ψυχὴν τείνει] Phileb. 33. θεὸς τῶν περὶ τὸ σῶμα ἡμῶν ἐκάστοτε παθημάτων τὰ μὲν ἐν τῷ σώματι κατασβεννύμενα πρὶν ἐπὶ τὴν ψυχὴν διεξελθεῖν, ἀπαθῆ ἐκείνην ἔασαντα, τὰ δὲ δι' ἀμφοῖν ἰόντα καὶ τινα ὡσπερ σεισμὸν ἐντιθέντα, ἴδιόν τε καὶ κοινόν ἐκατέρῳ. Въ противоположность этому пассивному знанію далѣе словами:

τά δὲ περὶ τούτων ἀναλογίσματα — παραγίγνηται] описывается активное знаніе.

ὦ μὴδὲ οὐσίας] Dubito an Plato scripserit οὐ μὴδὲ οὐσίας etc. num

feri potest, ut quis percipiat ἀληθείαν ejus rei, cujus ne οὐσίαν quidem percipere possit? Гейндорфъ. Съ этимъ соглашается и Штальбаумъ. Иначе ᾧ можно понять въ формѣ mascul. gener. Хотя внутренній смыслъ словъ Сократа, остается въ томъ и другомъ случаѣ одинъ и тотъ же, но судя по выраженію τυχεῖν болѣе вѣроятія, что подъ ᾧ здѣсь разумѣется лице познающее. (Срав. Риббингъ, I с. 142 прим. 288.)

τούτου ἐπιστήμων] Знающій знаетъ истину, а знать истину значитъ знать сущность, сущность же постигается размышленіемъ а не ощущеніемъ; ergo знаніе и ощущение не тождественны.

Е. Οὐδ' ἄρ' ἐπιστήμης] зависитъ отъ ἄψασθαι, какъ и верхнее ἀληθείας.

р. 187.

А. ἵνα εὕρωμεν] Conjunctionus вмѣсто optativi, которое желательно здѣсь послѣ предшествующаго ἤρχόμεθα, Гейндорфъ объясняетъ тѣмъ что Socrates cum Theaeteto adhuc in hac ζητήσει versatur.

ἐν ἐκείνῳ τῷ ὀνόματι, ὃ τι ποτ' ἔχει ἡ ψυχὴ] т. е. въ такомъ понятіи, которымъ опредѣляется то состояніе души, когда и т. д.

πραγματεύηται] Срав. Арист. Analyt. poster. 96^b χρὴ δέ, ὅταν τι πραγματεύηται τις, διελεῖν τὸ γένος κ. т. л. при чемъ Тренделенбургъ замѣчаетъ: πραγματεύεσθαι rerum tractandarum viam et rationem significat justis disciplinis propriam. Elem. Log. Ar. Edit. 3 стр. 128.

В. ἐνταῦθα προελήλυθας] т. е. когда ты уже различилъ относительно души αἰσθάνεσθαι отъ δοξάζειν.

μὴ φανῆ—ᾧσπερ τὸ νῦν] Напрасно желать дополнить чѣмъ либо эту фразу, ибо она не требуетъ дополненія, ниже объясненія, но должно замѣтить, что членъ τὸ относится здѣсь къ мысли заключающейся въ словахъ φαίνεται τοῦτο или полнѣе: ἀληθὲς δόξα φαίνεται ἐπιστήμη εἶναι.

τὸ πρῶτον ᾧκνεῖς ἀποκρίνεσθαι] Breviter hoc dictum pro ἢ, ὡς τὸ πρῶτον ἐποίησας, ὁκνεῖν ἀποκρίνεσθαι. Гейндорфъ.

С. Θράττει] Сокращенная аттическая форма вм. ταράττει употреблена безлично; можно однако разумѣть τι. Срав. Phaedr. 242^c ἐμὲ γὰρ ἔθραξε μὲν τι καὶ πάλαι λέγοντα τὸν λόγον κ. т. л. Срав. также Parm. 130^d.

Д. πρὸς ἑμαυτὸν καὶ πρὸς ἄλλον] т. е. σκοποῦντα. Срав. Phaed. 85^d ἐμοὶ γὰρ — ἐπειδὴ καὶ πρὸς ἑμαυτὸν καὶ πρὸς τὸν δὲ σκοπῶ τὰ εἰρημένα, οὐ πάνυ φαίνεται ἱκανῶς εἰρησθαι.

τοῦτο τὸ πάθος] Тотчасъ объясняется, что Сократъ недоумѣваетъ о томъ что за состояніе — думать ложно.

ὀλίγον πρότερον] 183^a и дал, гдѣ было сказано, что слѣдую теорίῃ

движенія, нельзя признать ложныхъ мнѣній, но πᾶσα ἀπόκρισις ἐφάνη ὁμοίως ὁρθῇ εἶναι.

ἄρτι] См. 172 ^с и слѣд.

ἐν τοῖς τοιοῖσδε] in tali rerum condicione. Штальбаумъ. Вѣрнѣе Вольрабъ: in talibus sermonibus, quales ii sunt, quos serimus.

Е. ἴχνος μετελθεῖν] dicitur ut μετιέναι ἴχνος (Phaedr. 276 ^b) et μεταθεῖν ἴχνος (Soph. 226 ^α. Polit. 301 ^ε.) Вольрабъ.

ἐκάστοτε] въ смыслѣ всѣхъ возможныхъ случаевъ.

р. 188.

А. ἤτοι εἰδέναи ἢ μὴ εἰδέναи:] Читатель приглашается слѣдить внимательно за сопоставленіемъ понятій въ нижеслѣдующей рѣчи Сократа. Въ началѣ всего сказано, что человѣкъ относится ко всему такъ, что — или знаетъ это, или не знаетъ.

τὸν δοξάζοντα — ἢ μὴ οἶδεν:] Представляющій представляетъ или то что знаетъ, или то чего не знаетъ.

Καὶ μὴν εἰδότα—ἀδύνατον] Невозможно, чтобы знающій не зналъ того самого, что знаетъ и наоборотъ.

В. Ἄρ' οὖν ὁ τὰ ψευδῆ δοξάζων — ἀδύνατον, ὡς Σώκρατες.] Мысль: представляющій ложно то, что знаетъ, долженъ быть тотъ, кто думаетъ что это (представляемое) не то, (т. е. что онъ знаетъ какъ представляемое) но нѣчто другое изъ того что онъ знаетъ, и такимъ образомъ зная то и другое (и то, что онъ знаетъ какъ представляемое и то другое, что не есть то, что онъ знаетъ какъ представляемое) не разумѣеть ни того ни другаго. Это — не разумѣеть ни того ни другаго—ставится какъ единственный предикатъ къ субъекту: представляющій ложно то что знаетъ.

Ἄλλ' ἄρα, ἂ μὴ οἶδεν] Послѣ ἄλλ' ἄρα должно дополнить: ὁ τὰ ψευδῆ δοξάζων. Мысль: представляющій ложно то чего не знаетъ, долженъ быть тотъ кто думаетъ, что это (представляемое) есть нѣчто другое изъ сферы того, чего онъ не знаетъ; такъ, на примѣръ, не знающій ни Θεэтета ни Сократа можетъ подумать, что Сократъ — Θεэтеть, и Θεэтеть — Сократъ. Въ отвѣтѣ Θεэтеть отрицаетъ это.—И вообще, продолжаетъ Сократъ, нельзя допустить, чтобы кто нибудь знаемое имъ считалъ тождественнымъ съ незнаемымъ, и незнаемое съ знаемымъ; отсюда слѣдуетъ, что ложныя представленія не возможны.

С. ἐκτὸς γὰρ τούτων] Exhegesin quandam hujus τούτων faciunt addita haec ἐπεὶ περ πάντ' ἢ ἴσμεν ἢ οὐκ ἴσμεν. Гейндорфъ.

Ἄρ' οὖν οὐ ταύτη—κατὰ τὸ εἶναι καὶ μὴ:] Положеніе о невозможности

ложныхъ мнѣній, доселѣ раскрытое въ отношеніи къ субъекту представляющему, теперь разсматривается въ отношеніи къ объекту представляемому.

Μὴ ἀπλοῦν ἦ] Vide, ne simpliciter hoc et sine ulla exceptione statui possit, qui etc. Гейндорфъ. ἀπλοῦν значитъ просто, въ противоположность понятію различнаго. Срав. 146 ^д ἐν αἰτηθείς, πολλὰ δίδως καὶ ποικίλα ἀνθ' ἀπλοῦ.

κὰν ὅπως οὖν ἄλλως κ. т. л.] Schol. κὰν ἦ, φησὶν, ἐπιστημονικώτατος.

δ λέγεται] т. е. ὑφ' ἡμῶν, потому Буттманъ и Беккеръ конъектируютъ λέγετε.

Ε. ἀληθῆ] истинное, т. е. дѣйствительно сущее.

р. 189.

В. Οὐτ' ἄρ' οὕτως] Въ кодексахъ: οὐ γὰρ οὕτως. Гейзде исправилъ: οὐτ' ἄρ' οὕτως. Срав. 190 ^д. οὐτ' ἄρ' ἀμφοτέρων οὔτε τὸ ἕτερον δοξάζοντι ἐγχωρεῖ ἀλλοδοξεῖν. 210 ^а οὔτε ἄρα αἰσθησις — ἐπιστήμη ἂν εἴη.

ὡδε γιγνόμενον τοῦτο προσαγορεύομεν] Но не назовемъ-ли слѣдующее этимъ именемъ т. е. именемъ ложнаго мнѣнія? Штальбаумъ: nam τοῦτο προσαγορεύειν dicitur ut τοῦτο ὀνομάζειν, τοῦτο καλεῖν, hoc nomine appellare.

ἀλλοδοξίαν] иномысліе, какъ новое опредѣленіе ложнаго мнѣнія.

С. Δῆλος εἶ, ὦ Θεαίτητε] Premit Socrates Theaeteti illud ὡς ἀληθῶς vocabulo ψευδῆ adjunctum. Confidenter, inquit, locutus es, nihil me veritus. Non me putas illud tuum ἀληθῶς ψευδὲς reprehensurum, quum tamen, ut ταχύ non potest fieri βραδέως aut κοῦφον βαρέως, ita ne ψευδὲς quidem aliquid ἀληθῶς possit δοξάζεσθαι. (Nam ψευδὲς et ἀληθῶς inter se repugnant). Sed tamen, ut aliquid ex ista confidentia proficias, missum hoc faciam. Гейндорфъ.

τοῦ ἀληθῶς ψεύδους] Срав. Resp. 382 ^а οὐκ οἶσθα, ὅτι τό γε ὡς ἀληθῶς ψεύδος, εἰ οἶόντε τοῦτο εἰπεῖν.

Д. ἵνα μὴ μάτην θαρρήσης] Срав. выше 163 ^с.

ὡς ἐκεῖνο] указываетъ на первое ἕτερον.

Ε. ἦ ἐν μέρει] по очереди — въ противоположность впереди стоящему τὸ ἕτερον, которое, по мнѣнію Вольраба, есть alterutrum, какъ и ниже 190 ^д ἐατέον δὲ καὶ σοὶ τὸ ῥῆμα περὶ τοῦ ἑτέρου, ib. D. οὐτ' ἄρ' ἀμφοτέρα οὔτε τὸ ἕτερον δοξάζοντι ἐγχωρεῖ ἀλλοδοξεῖν.

Κάλλιστα.] Гейзде предложилъ очень умѣстную конъектуру: καὶ μάλιστα.

Λόγον, ὃν αὐτῇ πρὸς [αὐτὴν κ. т. л.] Этотъ взглядъ Платона на раз-

мышление, въ которомъ состоитъ истинная діалектика, развитъ нами въ Анализѣ Менона стр. 97 и слѣд.

ἰνδάλλεται] Это слово въ глоссѣ къ Тимею р. 151 объяснено какъ φαντάζεται. См. Oydss. XIX. 221. ἐρέω, ὡς μοι ἰνδάλλεται ἦτορ.

р. 190.

А. οὐκ ἄλλο τι] т. е. ποιεῖν ἢ — срав. 195^е 206^а.

В. τὸ πάντων κεφάλαιον] ut summam dicam. Гейндорфъ.

С. ἄλλον δέ τινα — ὑγιαίνοντα ἢ μαινόμενον] Гейндорфъ соображая, что помѣшанный можетъ представлять одно вмѣсто другаго, полагаетъ, что здѣсь рѣчь можетъ идти только о здоровомъ умѣ и дѣлаетъ догадку, что Платонъ писалъ: ἄλλον δέ τινα ἢ μαινόμενον и что слово ὑγιαίνοντα есть глосса.

Д. ἐατέον δέ καὶ σοὶ τὸ ῥῆμα περὶ τοῦ ἑτέρου] Во многихъ кодексахъ и при томъ лучшихъ читается: ἐατέον δέ καὶ σοὶ τὸ ῥῆμα ἐπὶ τῶν ἐν μέρει, ἐπειδὴ τὸ ῥῆμα ἕτερον τῷ ἑτέρῳ κατὰ ῥῆμα ταῦτόν ἐστι περὶ τοῦ ἑτέρου. Открыть какой нибудь смыслъ въ этомъ наборѣ словъ едва ли возможно, но не менѣе затруднительно понять и принятое чтеніе. Штальбаумъ откровенно признается, что для него оно не совсѣмъ ясно, хотя *lusus sophisticus* и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ему *in esse videtur*. Слова затрудняющія пониманіе мѣста суть περὶ τοῦ ἑτέρου — употреблены ли онѣ въ противоположность ἀμφοτέρα т. е. въ значеніи *alterutrum* какъ думаетъ Вольрабъ, который говоритъ: *postquam fieri posse negavit, ut quis ambas res cogitans unam putet esse alteram, dicendum ei est hoc loco de re alterutra*: обсудить же это Сократъ предоставляетъ одному Θεэтету; или περὶ τοῦ ἑτέρου должно понять въ отвлеченномъ смыслѣ мѣстоименія другой, какъ понимаетъ Фицинъ, который пишетъ: *mittamus verbum hoc alterum*. Судя по слѣдующимъ словамъ: λέγω γὰρ αὐτὸ τῆδε, за которыми тотчасъ слѣдуетъ примѣненіе общей мысли объ ἕτερον къ частному случаю, мы расположены понимать наше мѣсто текста въ смыслѣ данномъ Фициномъ.

Е. πειραθῶ σκοπῶν] πειράσθαι cum nominativo participii conjunctum, ita ut participium de eadem persona intellegatur, de qua verbum, Herodoto est usitatissimum (Schweighaeuserus ad Her. 1. 77), apud Platonem autem reperitur etiam Phil. 21^а οὐκοῦν ἐν σοὶ πειρώμεθα βασανίζοντες ταῦτα; (Hdf.) 60^е οὐκοῦν τῷ λόγῳ ἐπειράθημεν χωρὶς ἑκάτερον ἑκατέρου τιθέντες εἰς τὸν βίον ἑκάστων; Вольрабъ.

р. 191.

А. ὡς πασχόντων αὐτά] т. е. τὸ ἀναγκάζεσθαι ὁμολογεῖν οἷα λέγω.

ἐκτὸς τοῦ γελοίου ἐστῶτες] *epexegetis continet verborum* τότε ἤδη. Штальбаумъ.

παρέξομεν ὡς ναυτιῶντες] т. е. ἡμᾶς. Срав. *Gorg.* 475 ^d. γενναίως τῷ λόγῳ ὡς περ ἰατρῶ, παρέχων ἀποκρίνου. Виттенбахъ (*Bibl. crit.* II. 2 p. 46.) думаетъ что въ настоящемъ случаѣ Платонъ имѣлъ въ виду стихи изъ Софоклова *Аякса* г. 1142 и слѣд.

Ἦδη ποτ' εἶδον ἄνδρ' ἐγὼ γλώσση θρασύν,
Ναύτας ἐφορμήσαντα χειμῶνσς τὸ πλεῖν,
ᾠ, φθέγμ' ἄν οὐκ ἄν εὔρες ἠνίκ' ἐν κακῷ
Χειμῶνος εἶχετ' ἄλλ' ὑφ' εἵματ. с κρυβεῖς
Πατεῖν παρείχε τῷ θέλοντι ναυτίλων.

В. ἀπέστημεν αὐτοῦ] т. е. λόγου.

ἡμῖν συγχωρήσεται] т. е. то что мы намѣрены теперь сказать, частию будетъ согласно съ предшествующими нашими положеніями. Впрочемъ Буттманъ желаетъ: συγχωρήσει τις.

С. λόγου ἔνεκα] Срав. *Crit.* 46 ^d. ἄλλως ἔνεκα λόγου ἐλέγετο. *Lach.* 196 ^c ὀρώμεν μὴ Νικίας — οὐ λόγου ἔνεκα ταῦτα λέγει.

ἐκμαγεῖον] *Proclus in Cratyl.* p. 44. ed. *Boiss.* ἐκμαγεῖον δ' ὁ Πλάτων καὶ τὸ ἐκμάσσον καλεῖ καὶ τὸ ἐκμασόμενον τὸν ἄλλον τύπον. v. ad. *Tim.* p. 50 ^c 72 ^c. *Formam impressam denotat infra* 194 ^d e. Штальбаумъ. ἐκμαγεῖον въ значеніи- τὸ ἐκμασόμενον употреблено 196 ^a, αὐτὰ πέντε καὶ ἐπτὰ, ἃ φεμεν ἐκεῖ μνημεῖα ἐν τῷ ἐκμαγεῖω εἶναι. Представленіе, лежащее въ словѣ ἐκμαγεῖον, Боницъ (*Studien*, 1. с. 52.) приводитъ въ связь съ слѣдующими словами Аристотеля: ἡ μὲν αἰσθησίς ἐστι τὸ δεκτικὸν τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν ἄνευ τῆς ὕλης, οἷον ὁ κηρὸς τοῦ δακτυλίου ἄνευ τοῦ σιδήρου κ. т. λ (*De an* 424 ^a. 17.)

Д. τῆς τῶν Μουσῶν μητρὸς Μνημοσύνης] Срав. *Eutydy.* 275 ^d. καθάπερ οἱ ποιηταὶ δέομαι ἀρχόμενος τῆς διηγήσεως Μούσας τε καὶ Μνημοσύνην ἐπικαλεῖσθαι. Срав. *Aesch. Promet.* 461. μνήμην ἀπάντων μουσομήτορ' ἐργάτιν.

ὑπέχοντας] въ зависимости отъ φῶμεν. Безъ нужды затрудняютъ себя Гейндорфъ и Штальбаумъ, ставя ὑπέχοντες, между тѣмъ какъ оставляютъ ἐνσημαινομένους.

ὅταν δ' ἐξαλειφθῇ] Другое чтеніе: ὃ δ' ἄν ἐξαλειφθῇ.

Е. ἐπιστάμενος μὲν αὐτά] i. e. ἃ ὀρᾷ ἢ ἀκούει. Гейндорфъ.

p. 192.

А. διοριζομένους] какъ еслибы впереди вм. λέγεσθαι было λέγειν ἡμᾶς.

ὁ μὲν τις οἶδεν] Такъ какъ ложное мнѣніе представляется возможнымъ вообще относительно того, что подлежитъ знанію или ощущенію по-рознь, или тому и другому вмѣстѣ, то Платонъ старается здѣсь, такъ сказать, высчитать случаи возможнаго ложнаго мнѣнія: сперва отрицается возможность ложнаго мнѣнія относительно того, что подлежитъ знанію. Диссенъ (De antiquis. artis combinator. (in Theaet.) vestigiis. Programm. Göttingen 1836) удачно изображаетъ ὁ τις οἶδε какъ $\vdash A$ и ὁ τις μὴ οἶδε какъ $- A$. Изъ сопоставленія ихъ очевидно, что $\vdash A$ не можетъ быть смѣшано съ $\vdash A$, равно $\vdash A$ съ $- A$, также $- A$ съ $- A$ и наконецъ $- A$ съ $\vdash A$.

ὁ αἰσθάνεται] Въ тѣхъ-же отношеніяхъ, по вопросу о возможности ложнаго мнѣнія, разсматривается то что подлежитъ ощущенію.

οἰηθῆναι εἶναι] т. е. ἀδύνατον.

В. καὶ ἔτι γε αὖ ὦν οἶδε κ. т. л.] Здѣсь даны комбинаціи знаемаго и ощущаемаго по отношенію къ вопросу о возможности ложнаго мнѣнія. Именно, если ὁ τις οἶδε есть A , а ὁ τις αἰσθάνεται B , то $A \vdash B$ нельзя смѣшать съ $A \vdash B$, $A \vdash B$ съ A и $A \vdash B$ съ B . Omnes modos Plato hic noluit enumerare, ut antea fecit, ut in hac majori compositione inutilem verborum strepitum vitaret. Cf. Dissenius p. 5. Вольрабъ.

С. ὁ αὖ μὴ οἶδε μηδὲ αἰσθάνεται] Тѣже самые случаи отношенія знаемаго и ощущаемаго отрицательно.

τοῦ—ψευδῆ—δοξάσαι] родительный отъ ἀδυναμίᾳ или отъ ὑπερβάλλει?

Ἐν οἷς οἶδεν—ὦν οἶδεν αὖ καὶ αἰσθάνεται] Въ этихъ словахъ Сократа прелиминирована та мысль, что источникъ ложныхъ мнѣній заключается, повидимому, въ смѣшеніи ощущеній съ представленіями. Срав. ниже 193^{c d}.

Д. Ὡδε δὴ ἀναπάλιν ἄκουε κ. т. л.] Вышеизложенныя условія не возможности ложнаго мнѣнія Платонъ изъясняетъ здѣсь на примѣрѣ знакомства кого либо съ Θεодоромъ и Θεэтетомъ.

р. 193:

А. οὐκ ἄν ποτε ἐν ἑαυτῷ] Apodosin haec quandam faciunt ad praecedentia. Eodem modo p. 203^c ὅρα δὴ ἐπὶ δυοῖν, σίγμα καὶ ω. ἀμφοτέρᾳ ἐστὶν ἡ πρώτη συλλαβὴ τοῦ ἐμοῦ ὀνόματος· ἄλλο τι ὁ γινώσκων αὐτὴν τὰ ἀμφοτέρα γινώσκει; et cf. p. 159^b. Гейндорфъ.

В. ἐν ἐκείνῳ τῷ κηρίνῳ] т. е. ἐκμαγεῖω какъ 191^c, или πλάσματι, какъ 197^d и 206^b.

ὡσπερ δακτυλίω] Perperam vulgo δακτυλίω, quod non dubitanter correxi. Гейндорфъ.

С. διὰ μακροῦ] Longo intervallo s. e loquinquo. Quod cum διὰ πολλοῦ permutavit Ficinus itemque Cornarius, vertens: ex longo temporis intervallo. Nam utrumque de tempore promiscue posterioris tantum aevi scriptores usurpant. Гейндорфъ.

просарμόσαι] т. е. τὴν ὄψιν.

οἱ ἔμπαλιν ὑποδοόμενοι] Приводятся въ примѣръ тѣ которые ошибочно надѣваютъ обувь правой ноги на лѣвую и наоборотъ.

ἢ καὶ οἷα τὰ ἐν τοῖς κατόπτροις — μεταρρέουσῃς] Sensus satis perspicuus est, говоритъ Гейндорфъ, sed verba impedita, потому что μεταρρεῖν, по его мнѣнію, не употребляется въ транзитивномъ смыслѣ съ винительнымъ падежемъ. Буттманъ коньктировалъ μεταφερούσῃς. Вольрабъ ссылается однако на Лобека (ad. Ai. 40 p. 79) въ томъ что реῖν и просто и въ соединеніи съ предлогами употребляется съ винительнымъ падежемъ. Но повидимому, или должно остановиться на коньктурѣ Штальбаума, который говоритъ: praestabilius videtur scribere δεξιὰς εἰς ἀριστερὰν μεταρρέουσῃς, или δεξιὰ εἰς ἀριστερὰ принять за адвербіальное выраженіе, оставляя во всякомъ случаѣ μεταρρέουσῃς въ непереходномъ значеніи.

Д. Ἐτι τοίνουν — μὴ κατὰ τὴν αἴσθησιν ἔχω] Repetenda apud animum e praegressis apodosis haec: τότε δὴ συμβαίνει ἡ ἑτεροδοξία καὶ τὸ ψευδὴ δοξάζειν. Гейндорфъ.

ὁ ἐν τοῖς πρόσθεν — οὐκ ἐμάνθανε.] Впереди 192^в было сказано, что человѣкъ не можетъ смѣшать одинъ съ другимъ два предмета, изъ которыхъ каждый онъ знаетъ и ощущаетъ и о каждомъ имѣетъ представленіе совершенно согласное съ содержаніемъ ощущенія. Если же представленія не согласны съ ощущеніями, то возможно заблужденіе — выводъ котораго Θεэтеть οὐκ ἐμάνθανε.

Е. ὄν γινώσκει] ὄν въ лучшихъ кодекскахъ, въ др. ὄν.

р. 194.

А. ἀμφοῖν τὸ σημεῖον — ἑκάτερον ἔχειν] Другое чтеніе: ἀμφοῖν τὸ σημεῖον и т. д. Хотя первое чтеніе безъ сомнѣнія лучше втораго, но и въ немъ возбуждаетъ къ себѣ нерасположеніе слово αὐτοῦ въ данномъ отношеніи къ слову ἑκάτερον, что замѣтилъ Штальбаумъ. Болѣе хорошее чтеніе было-бы: ἀμφοῖν τὸ σημεῖον μὴ κατὰ τὴν ἑκατέρου αἴσθησιν ἔχειν.

τῷ μὲν] pertinet hoc τῷ μὲν ad seq. τῶν σημείων. Гейндорфъ.

просарμόσῃ] т. е. διάνοια.

περὶ ὧν μὲν — μὴδὲ ἤσθητο] αἰσθάνεσθαι περὶ τίνος h. l. dicitur, ut saepe apud Platonem verba εἰδέναι, ἐπαθεῖν cum περὶ et genitivo inveniuntur constructa. Cf. ad. 157^e et Stallbaumius ad Gorg. 464^d. Вольрабъ.

В. ἀποτηνώματα καὶ τύπους] ἀποτηνώματα есть отображеніе типа. Срав. 171^e πάντα ὅσα τοῦ τύπου τούτου т. е. всѣ явленія этого типа, а τύπος есть самъ образъ отображаемый.

С. φασίν] Кто? тѣ кто говорятъ. Слово сказано, очевидно, безъ всякой мысли о мыслителяхъ какого либо опредѣленнаго направленія, и еще менѣе въ какомъ нибудь мистическомъ тонѣ, какъ кажется Кэмбелю. Срав. 197^a ἀκήκοας οὖν ὁ νῦν λέγουσι τὸ ἐπίστασθαι; 201^d ἐγὼ γὰρ αὐτῶν ἐδόκειν ἀκούειν τινῶν. 208^d λόγον, ὡς φασί τινες, λήψει. Значеніе всѣхъ подобныхъ выраженій объясняется тѣмъ, что вопросъ о происхожденіи ложныхъ мнѣній, объ условіяхъ истиннаго знанія и многіе другіе философскіе вопросы были общественными вопросами, какъ въ наше время, напимѣръ, вопросъ о воспитаніи, относительно котораго и мы можемъ сказать безлично: говорятъ, разумѣя при этомъ самое мнѣніе, а не лицъ говорящихъ. Срав. Полит. Аристот. кн. IV гл. 1 прим. 1.

κέαρ, ὃ ἔφη Ὅμηρος] Neque τὸ τῆς ψυχῆς κῆρ Homerus usquam dixit, neque hoc ab eo dictum esse Socrates vult, sed ὃ pertinet tantum ad κέαρ, quod ab Homero usurpari dicit illo τοῦ κηροῦ significatu. Quamvis cur Homericum κῆρ h. l. in κέαρ mutarit Plato, non assequor, praesertim quum illud ad vocem κηρὸν propius accederet. Гейндорфъ. Штальбаумъ иллюзивно: sumpta haec sunt haud dubie ab aliquo sophista, qui altera forma usus erat, ideoque vox, quam Homerus aliter proferre solet, hic vulgari dialecto affertur.

τὰ ἰόντα διὰ τῶν αἰσθήσεων — τότε μὲν — καθαρὰ τὰ σημεῖα] τὰ σημεῖα можетъ быть разсматриваемо здѣсь какъ appositio къ подлежащему τὰ ἰόντα, которое имѣетъ при себѣ логическій предикатъ γίγνεται καθαρὰ и т. д.

Д. τῶν αἰσθήσεων] родительный отъ παραλλάττουςι, также какъ выше παραλλάξαι τοῦ σκοποῦ.

διανέμουςιν — ἐκμαγεῖα] haec sic jungenda: διανέμουςι ἕκαστα ἐπὶ τὰ αὐτῶν ἐκμαγεῖα. Гейндорфъ.

Е. λάσιόν του] Schol. τὸ λάσιον ὁ φιλόσοφος ἀντὶ τοῦ τραχὺ ἀκούει. τὸ δὲ πάνσοφος εἰσθυῖα τοῦ Σωκράτους εἰρωνεία. τὸ γὰρ λάσιον καὶ τραχὺ οὐκ ἔστιν ἐπαινετόν, ὥστε σκώπτει τὸν ἐπαινέσαντα Ὅμηρον.

λιθῶδες τι] Erexegesin haec faciunt τοῦ τραχὺ Гейндорфъ. Но Бек-

керъ, слѣдуи Фяцину, пишетъ λιθῶδέс те, что принято Штальбаумомъ и Вольрабомъ.

р. 195.

А. τὸ ψυχάριον] Срав. Resp. 519^a ὡс δριμὺ βλέπει τὸ ψυχάριον. ἀλλοτριονομοῦντες] См. Ruhnken. ad Tim Glossar. p. 25. ἀλλοτριονομοῦντες ἐναλλαγὴν ὀνομάτων ποιοῦντες ἢ ὅλως τίσι τινα μὴ προσηκόντως διανέμοντες (Гейндорфъ.)

καλοῦνται αὐ οὔτοι] Кэмбелъ удачно указываетъ отношеніе этой мысли къ предыдущей 194^d καὶ σοφοὶ δὴ οὔτοι καλοῦνται. Въ противоположность къ σοφοὶ здѣсь сказано ἀμαθεῖс, а ἐψευσμένοι τῶν ὄντωνъ есть ерехегезис.

В. Δεινόν τε]. Vulgo δεινόν γε. Но это γε не уничтожаетъ прерыва въ теченіи мыслей. Подобный asyndeton мы видѣли 183^a καλὸν ἂν ἡμῖν κ. т. л.

С. ἄνω κάτω λόγους ἔλκει] Срав. 168^c. Phil. 57^d гдѣ сказано о софистахъ, что они δεινοὶ περὶ λόγων ὀλκήν, Но должно замѣтить, что здѣсь выраженіемъ λόγους ἔλκειν описывается, повидимому, не софистическій приѣмъ, но положеніе человѣка не знающаго дѣла.

Д. φήσει] Во многихъ кодексахъ φησί, что не правильно, ибо φήσει относится къ тому кто скажетъ.

αὐ τὸν ἄνθρωπον, — ὃν αὐ οὔτε ὀρώμεν] αὐ должно усилить различіе объектовъ разсматриваемыхъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ однимъ и тѣмъ же предикатамъ.

Е. οἶεи τινὰ πῶποτε — ἐπτά] τινὰ оставлено безъ предиката, ибо слѣдующая послѣ ἐπτά рѣчь: λέγω — οὐκ εἶναι δοξάσαι есть вставочная, а за тѣмъ ταῦτα αὐτὰ εἶ τίс — сказано безъ памяти о начальной конструкции οἶеи τινὰ, какъ будто въ зависимости отъ умолченнаго глагола ἐρωτῶ. См. Энгельгардтъ Anacolut. Plat. 1. p. 36. Но Гейндорфъ таῦτα αὐτὰ εἶ τίс ставитъ въ зависимости отъ вышесказаннаго λέγω.

р. 196.

А. ἢ πάντες] Vulgo ἢ, которое оставляетъ Штальбаумъ на томъ основаніи, что ожидается отвѣтъ отрицательный.

В. μὴ τί ποτε] Гейндорфъ предлагаетъ μὴ τι τότε.

πάλιν ἀνήκει λόγους;] sc. τὸ πρᾶγμα. Гейндорфъ. Срав. 171^a 188^c.

Д. τί εἰ ἐπιχειρήσαιμεν] короткословно, вм. τί οἶеи ἂν ἦ, εἰ ἐπιχειρ. α μὴ εἰδότας ἐπιστήμην — οἶόν ἐστιν] Иначе относится Сократъ къ подобному вопросу въ Менонѣ 80^d e. и слѣд.

Ε. ἐν ᾧ] dum, quamdiu. Штальбаумъ.

р. 197.

Α. ὧν γε ὅς εἰμί] Кэмбелъ приводитъ въ параллель Phaedr. 243 e. ἕωςπερ ἂν ἦς ὅς εἶ.

τούτων τ' ἂν ἔφη] Prior structura εἰ μέντοι ἦν ἀντιλογικός, propter additum οἷος ἀνὴρ εἶ καὶ νῦν παρῆν prorsus relinquitur et apodosis alteri huic ennutiato additur, priore prorsus neglecto. Энгельгардтъ. Anacol. Pl. 1. p. 36.

ἔφη ἀπέχεσθαι] Гейндорфъ и Штальбаумъ: abstinere juberet. Но такъ какъ въ значеніи приказанія ἔφη употребляется у Аттиковъ очень рѣдко, то лучше переводить буквально: сказалъ бы что онъ воздерживается отъ этого.

Β. Ἐπιστήμης που ἔξιν] Срав. Euthyd. 277 b τὸ δ' ἐπίσταςθαι — ἄλλο τι ἢ ἔχειν ἐπιστήμην ἤδη ἔστιν; (Кэмбелъ.)

οἷον ἰμάτιον — φοροῖ] Слѣдую большинству лучшихъ кодексовъ, Штальбаумъ не допускаетъ εἰ πρῶτον ἰμάτιον хотя оно сильно напрашивается при чтеніи φοροῖ.

С. δύναμιν μὲν αὐτῷ] μὲν hoc ἀνανταπόδοτον etsi facile nasci potuit ex syllaba proxime praecedente, nolim id tamen temere tentari. Гейндорфъ. Но Штальбаумъ: videtur in talibus μὲν nihil aliud esse, quam attenuatum μὲν, quod quia post secundum demum tertiumve enuntiati vocabulum infertur, de vi sua nonnihil amisisse putare licet.

Δ. τὰς μὲν κατ' ἀγέλας] Сему роду птицъ могутъ быть уподобляемы представленія свойствъ и дѣйствій, которыя скучиваются въ нашей душѣ относительно одной какой либо реальности. Срав. πολλὰ ἀθροισθέντα 157 b.

κατ' ὀλίγας] наримѣръ, добродѣтели, искусства и пр.

ἐνίας δὲ μόνας διὰ πασῶν] наримѣръ, τὴν οὐσίαν, τοῦτο γὰρ μάλιστα ἐπὶ πάντων παρέπεται. 186 a.

р. 198.

Α. θήραν ἐπιστημῶν ἀρτίου κ. τ. λ.] Срав. Gorg. 451 b ἡ ἀριθμητικὴ τέχνη — (ἔστι) τῶν περὶ τὸ ἄρτιόν τε καὶ περιττόν, ὅσα ἂν ἐκάτερα τυγχάνη ὄντα.

Β. τῶν ἀριθμῶν ἔχει] sc. ὁ ἔχων, quod omisit Plato statim illud ὁ παραδιδούς additurus. Гейндорфъ.

С. ἢ αὐτὸς πρὸς αὐτὸν αὐτὰ] Такъ читается во всѣхъ почти кодексахъ. Корнаръ коньектировалъ αὐτὰ въ ἐντός, что принято Стефаномъ.

Но чтение αὐτὰ удобно объясняется, какъ короткословное выражение *вм. αὐτοὺς τοὺς ἀριθμοὺς* въ противоположность слѣдующему *ἄλλο τι τῶν ἔξω ὅσα ἔχει ἀριθμόν*; (см. Шлейермахеръ.)

D. ἦν ἡ θήρα] *imperfectum ἦν ideo ponitur, quia ad superiora respicitur.* Штальбаумъ.

καὶ ἠπίστατο] Замѣтить перемѣну конструкции рѣчи изъ относительной въ прямую.

ἔστι — ἀναλαμβάνοντα] См. объ употреблении ἔστι и ἔξέστι *Men. 91* а примѣчаніе.

E. Τοῦτο δὴ — ἠρώτων] Обычнѣе ταῦτα, но срав. *Resp. 377* а τοῦτο δὴ ἔλεγον ὅτι μουσικῆς πρότερον ἀπτόεν ἢ γυμναстикῆς. (Гейнд.) *Alcib. I. 129* а τοῦτο τοίνυν ἄρτι ἠρώτων εἰ ὁ χρώμενός τε καὶ ᾧ χρῆται ἀεὶ δοκεῖ ἕτερον εἶναι. (Штальб.)

р. 199.

A. φαμέν] *Potius videtur φῶμεν*, говоритъ Гейндорфъ, хотя думаетъ, что *φαμέν ferri potest* *pehnm a praegresso* ὅτι. Но такъ какъ естественнѣе читать это слово въ зависимости отъ βούλει, то φῶμεν вполнѣ желательно. Если же кодексы не должны быть нарушены, то позволительно послѣ *μανθάνειν* поставить точку и тогда рѣчь: *ἐπειδὴ δὲ ὤρις*. будетъ *oratio gesta*, и за нею *φαμέν* будетъ безспорно.

B. τοῦτον οἶόν τε] Обыкновенно читаютъ τοῦτου, или никакъ не объясняя этого слова, или какъ Вольрабъ (слѣдуя Кэмбелю): *hujus rei ad contemplandum propositae* Но какой *hujus rei*? уже никакъ не того, что кто либо знаетъ. Потому мы рѣшились писать τοῦτον, толкуя: если не возможно чтобы тотъ, кто знаетъ что либо, не зналъ этого, то ложное мнѣніе возможно такимъ путемъ, что тотъ (т. е. кто знаетъ что либо) не имѣетъ надлежащаго знанія, но другое вмѣсто него (*ἄλλ' ἕτεραν ἀντ' ἐκείνης* т. е. не надлежащее). Что подъ τὴν ἐπιστήμην должно понимать надлежащее знаніе, на это указываетъ τὴν и въ противоположность ему *ἄλλ' ἕτεραν*. Читая же τοῦτου, лучше было-бы читать просто ἐπιστήμην τοῦτου, а не τὴν. Что до οἶόν τε, то Гейндорфъ разумѣетъ при немъ εἶναι, ставя такимъ образомъ эти слова въ зависимости отъ φαμέν.

τινὰ ἀπ' αὐτοῦ ἐπιστήμην διαπετομένων] *Нос ἀπ' αὐτοῦ sive traxeris ad θερεύων, sive ad διαπετομένων, neutro modo id aptum videtur, aliterque haec legisse videtur Ficinus, quum vertit: quando aliquis nostrum unam quandam ex internis scientiis aucupans etc.* Гейндорфъ. Удовлетворительное чтение мѣста, повидимому, было-бы слѣдующее; *τινὰ τῶν αὐτοῦ ἐπιστημῶν διαπετομένων.*

ὅτε ἄρα τὰ ἕνδεκα — δώδεκα λαβῶν] Штальбаумъ не безъ основанія догадывается, что эти слова попали въ текстъ изъ мѣста глоссы.

Ἵταν δὲ γε ἦν ἐπιχειρεῖ] Слово δὲ и общая конструкція рѣчи позволяютъ ставить ее въ зависимость отъ предшествующей: βούλει οὖν λέγωμεν и разсматривать какъ второй членъ раздѣлительнаго періода, соотвѣтствующій первому. ὅτι τῶν μὲν. ὀνομάτων к. т. л.

С. ἐπίσταται] Гейндорфъ: τις. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ ἐπίστανται, что возможно какъ обыкновенный переходъ рѣчи отъ единственнаго числа ко множественному.

Εἰ ἢ τῶν ἐπιστημῶν к. т. л.] Въ этихъ словахъ продолжается рѣчь Сократа:· δεινότερον — μοι δοκεῖ, прерванная вопросомъ Θεэтета: τὸ ποῖον;

Д. τὸ τινος — ἀγνοεῖν ἔπειτα ἕτερον — δοξάζειν] Считаемъ за лучшее приводить оба эти предложенія въ связь съ предыдущимъ δεινότερον — δοκεῖ и послѣ τὸ δ' ἕτερον τοῦτο — ставить точку вверху.

р. 200.

А. ὁ γὰρ ἐλεγκτικός] quem loquentem induxerat 195 с. ἄν τις εἴρηται με· ὡ Сократес etc. Гейндорфъ.

В. ἢ οὐδετέραν αὐτοῖν] Vulgo αὐτήν. Гейндорфъ, слѣдую Стефану, пишетъ αὐταῖν, прочіе αὐτοῖν.

С. καὶ ἐάν] etiamsi. Гейндорфъ.

εἰς ταῦτόν περὶτρέχειν] Ср. 160 с. ἐν κύκλῳ περὶτρέχειν. Такое указаніе на движеніе данной мысли въ безконечность есть обычный приемъ философской критики.

Д. τὸ δὲ] т. е. ψευδῆς δόξα τί π.т' ἐστίν.

πρὶν ἄν τις ἐπιστήμην — τί ποτ' ἐστίν] Предлагаемъ при этомъ прочесть 70 стр. Анализа Менона.

οὐ γὰρ που ἀπεροῦμέν γέ πω] Такъ только въ одномъ кодексѣ (Venet. sign. П.), въ прочихъ οὐ γὰρ πω ἀπεροῦμέν γέ πω.

ἀπαγορεύσης] Vulgo ἀπαγορεύης.

Е. ἐν τῷ πρόσθεν] 187 b.

καὶ τὰ ὑπ' αὐτοῦ — ἀγαθὰ γίγνεται] Въ Менонѣ раскрыто, на какомъ основаніи правильное мнѣніе можетъ быть руководящимъ мотивомъ добродѣтельныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ познаниемъ. См. Мен. 97 с οὐδὲν ἄρα ὀρθὴ δόξα ἐπιστήμης χειρὸν οὐδέ ἦττον ὠφελίμη ἔσται εἰς τὰς πράξεις.

Ἵ τὸν ποταμόν — δείξειν αὐτό] Анекдотическій рассказъ примѣнимый вообще къ тому, что узнается только опытомъ. Схολіастъ: ἐπὶ τῶν ἐκ πείρας γινωσκομένων. κατιόντων γὰρ τινῶν εἰς ποταμόν πρὸς τὸ διαπε-

ράσαι ἤρετό τις τὸν προηγούμενον, εἰ βάθος ἔχει τὸ ὕδωρ. ὁ δὲ ἔφη, αὐτὸ δείξει. Φορμύλυ δείξει срав. Phil. 20 °. προϊὼν δ' ἔτι σαφέστερον δείξει. Hipp. Maj. 288 ^b εἰ δ' ἐπιχειρήσας — αὐτὸ δείξει.

p. 201.

Α. ἐμπόδιον γενόμενον] Штальбаумъ: *etiamsi impedimento fuerit* Но Гейндорфъ: *quod impedimento fuit*, относя эти слова къ предшествующему τούτο.

τὸ ζητούμενον] *quarto casu est positum, pendens a verbo φήνει* Гейндорфъ.

μὴ εἶναι — αὐτὸ] т. е. τὸ ἀληθῆ δοξάζειν.

τῶν μεγίστων εἰς σοφίαν] Иронически.

οὗτοι γάρ που — βούλωνται] Срав. Phaedr. 272 ^d. τὸ παράπαν γὰρ οὐδὲν ἐν τοῖς δικαστηρίοις τούτων ἀληθείας μέλει οὐδενί, ἀλλὰ τοῦ πιθανοῦ. См. также Polit. 304 ° τίни τὸ πειστικὸν οὖν ἀποδώσομεν ἐπιστήμη πλῆθους τε καὶ ὄχλου διὰ μυθολογίας ἀλλὰ μὴ διὰ διδαχῆς; φανερόν, οἶμαι, καὶ τοῦτο ῥητορικῆ δοτέον ὄν.

Β. τινές] нѣкоторые, но кто? Гейндорфъ отвѣчаетъ: *judices*. Но развѣ судьи присутствуютъ когда либо при покражѣ или обидѣ? равно и ораторы также не бывають при этомъ, кто-же эти тινές?

πρὸς ὕδωρ μικρὸν] въ короткое время теченія воды. См. выше 172 ^d.

τούτοις] *Pro τούτοις, quod pertinet ad τῶν γενομένων, vulgo scribebatur τούτους, sensu adversante*. Штальбаумъ. Гейндорфъ, ставя τούτους, говорить, что это слово относится къ предыдущему οἷς, а διδάξει *absolute adhibitum est sine quarto personae casu*.

ἀλλὰ πεῖσαι μὲν] Гейндорфъ считаетъ возможнымъ измѣнить здѣсь μὲν въ μόνον. Но срав. 197 °. Обычное δὲ при μὲν должно быть въ этихъ случаяхъ домыслено изъ цѣлой связи мыслей, какъ, на примѣръ, въ нашемъ мѣстѣ πεῖσαι μὲν, διδάξει δ' οὐ.

С. καὶ δικαστήρια] Никакое остроуміе не въ состояніи объяснить годности этого слова въ данномъ мѣстѣ текста.

Д. μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν κ. т. л.] Кэмпбелъ указываетъ при этомъ на Men. 97, 98, Resp. 506. Polit. 309. Symp. 202. Разъясненіе смысла какъ нашего мѣста такъ и соответствующихъ ему параллельныхъ принадлежитъ Анализу.

οὕτωςι καὶ ὀνομάζων] *Vocabulum ἐπιστητὸν Platonis aetate novatum fuisse, argumento est, opinor, additamentum hoc οὕτωςι καὶ ὀνομάζων. De structura hujus loci conf. simillimum locum in Gorg. 493 ^b. Гейндорфъ.*

ὄναρ ἀντὶ δνείρατος] Подобное выражение встрѣчается у Платона и въ другихъ мѣстахъ. Срав. Crat. 439^ο, гдѣ, приступая къ изложенію ученія объ идеяхъ, философъ говоритъ: σκέψαι γάρ — ὃ ἔγωγε πολλάκις δνειρώπτω. Срав. также Phil. 29^β λόγων ποτέ τινων πάλαι ἀκούσας ὄναρ ἢ καὶ ἐρηγορώς νῦν ἐννοῶ. Resp. 563^α ἐμὸν ὄναρ κ. τ. λ. 533^ο δνειρώπτουσι περὶ τὸ ὄν и др.

Ε. αὐτὸ γὰρ καθ' αὐτὸ ἕκαστον — εἶη] Optativus in his positus est pro indicativo cum ὅτι vel pro accusativo cum infinitivo, de quo loquendi genere v. ad. Charnid. 155^ο et Phaed. 86^α Штальбаумъ.

ἤδη γὰρ ἂν οὐσίαν κ. τ. λ.] alioquin enim jam οὐσίαν et μὴ οὐσίαν huic additum iri. Ita hoc ἤδη nemo tentabit praeter Stephanum absurde conjectantem εἶδει. Liquidum autem est, haec pendere ab illis ἐδόκουν ἀκούειν τινῶν, quocirca statim post scripsi δεῖν δὲ οὐδὲν προσφέρειν. Vulgo δεῖ. Гейндорфъ.

p. 202.

Α. τὸ τοῦτο] τὸ прибавилъ Гейндорфъ. Буттманъ: τὸ τό. αὐτὸ λέγεσθαι] т. е. στοιχεῖον.

ῥηθῆναι λόγῳ] dicuntur quae explicantur definitione, quod opponitur τῷ ὀνομάζεσθαι μόνον. v. ad. Crat. 399^α. Штальбаумъ.

Β. сὺ γὰρ εἶναι αὐτό] = ἀδύνατον εἶναι αὐτό.

ὀνομάτων γὰρ συμπλοκὴν — οὐσίαν] Говорится о сужденіи какъ объ основной формѣ мышленія. Срав. Soph. 262^β^ο, см. также относящіяся сюда мѣста изъ Аристотеля въ Elem. Log. Arist. §§ 1. 2. 3.

συλλαβάς] h. l. dicit omnino τὰ ἐκ στοιχείων συμπλακέντα, non litterarum comprehensiones. Гейндорфъ.

С. ταῦτα πάντα] т. е. τὸ δοῦναι τε καὶ δέξασθαι λόγον. Штальбаумъ объясняетъ эти слова какъ accusativus въ зависимости отъ δυνατόν. Но Гейндорфъ, слѣдуя Стефану, читаетъ, вмѣсто γεγονέναι, γε γινῶναι и ταῦτα πάντα разсматриваетъ какъ зависящее отъ γινῶναι прямое дополненіе. Это чтеніе болѣе удобно, но не оправдывается кодексами.

Οὕτως сὺ — ἀκήκοας] Отъ кого могъ слышать Платонъ эту теорію знанія и слышалъ ли отъ кого, и какое значеніе имѣетъ она въ планѣ всей его критики — все это долженъ разъяснить Анализъ.

Ἄρεσκεῖ] съ accus. сс. Слич. 172^α.

Δ. καὶ πολλοί] καὶ non copulat, sed intendit. Штальбаумъ.

κατεγήρασαν;] Суземиль думаетъ, что Платонъ здѣсь метитъ на Антисѳена (Genet. Entwickl. d. Plat. Phil. с. 200.) Но такъ какъ предметъ изслѣдованія, на которомъ состарѣлись многіе мудрые, есть вопросъ о

знаніи, то съ одинаковымъ правомъ это *κατεγήρασαν* слѣдуетъ относить ко всѣмъ почтеннымъ искателямъ истиннаго содержанія знанія.

Е. Ἰστέον] εἰδέναι — *noscendi, cognoscendi significatu saepe usurpatur, ubi aliis lingvis videndi notio magis est familiaris, ut in formula ἴν' εἰδῆτε, ut videatis.* Буттманъ.

р. 203.

А. τοῦτον ἔχεις λόγον τῆς συλλαβῆς;] Изъ указаннаго примѣра ясно видно, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо выраженіе λόγον ἔχειν какъ въ данномъ мѣстѣ, такъ и во всемъ подлежащемъ изслѣдованіи.

В. τό τε σῆμα κ. τ. λ.] Изъ сличенія этого мѣста съ *Cratyl.* 224^c и *Phileb.* 18^b явно, что Платонъ различалъ звуки на гласныя, согласныя и полугласныя. Гласныя называлъ *γρόμματα φωνήεντα*, согласныя — слѣдую общему употребленію—*ἄφωνα* или *ἄφθογγα*, а полугласныя — *ἡμίφωνα*, μέσα, *φωνῆς μὲν οὐ, φθόγγου δὲ μετέχοντα.*

λόγον δὲ οὐδ' ὄντινοῦν] т. е. не могутъ быть выражены въ формѣ сужденія чрезъ субъектъ и предикатъ.

ἀποδείξιμεθα] отъ *δείκνυμι*, но Гейндорфъ и Беккеръ, слѣдую нѣкоторымъ кодексамъ, пишутъ: *ἀποδέδεξιμεθα* ошибочно утверждая, что *ἀποδείξιμεθα activa potestate nusquam usurpatur.* Штальбаумъ приводитъ мѣсто изъ Ксенофонта, гдѣ *ἀποδείξιχθαι* употреблено въ значеніи активномъ: *Anab.* V. 2. 9. *οἱ γὰρ μάντιες ἀποδείξιμένοι ἦσαν, ὅτι μάχη μὲν ἔσται, τὸ δὲ τέλος καλὸν τῆς ἐξόδου.* *Lys. c. Eratosth.* 27. *γνώμην ἀποδείξιμένον.* Справ. также *Theaet.* 180^d *ἀναφανδὸν ἀποδεικνυμένων.*

С. ἄλλο τι κ. τ. λ.] См. 193^a.

Д. ἀποδεδρακῶς οἰχῆσεται] Одинаково съ этимъ выше сказано: *εἰ σώσομεν τὸν — λόγον· εἰ δὲ μή, οἰχεται.* 164^a.

Е. ἐν τι γεγονὸς εἶδος] Одно нѣчто, какъ родъ ихъ или видъ, однимъ словомъ, нѣчто такое, содержаніе чего повторяется въ той или другой формѣ въ каждомъ подчиненномъ ему видѣ.

ιδέαν μίαν αὐτὸ αὐτοῦ ἔχον] т. е. носитель одной своей идеи, чему слѣдовательно принадлежитъ трансцендентальное бытіе. Комментаторы стараются при этомъ сдѣлать различіе *εἶδος* отъ *ιδέα*, но Платонъ говоря, что *συλλαβή* есть *εἶδος ἔχον ιδέαν*, тѣмъ самымъ отличаетъ одно понятіе отъ другаго. Тотъ или другой слогъ, какъ *ἔχον ιδέαν*, самъ такимъ образомъ не есть *ιδέα*. Чтобы понять мысль Платона объ отношеніи слога къ звукамъ, не должно имѣть въ виду конкретное отношеніе на примѣръ слога *Сш* въ звукамъ *С* и *Ω*, но абстрактное. Именно если въ *Сш* повторяется *С* и *Ω*, то *Сш* должно быть мыслимо, какъ нѣчто общее

въ отношеніи къ нимъ, или какъ родъ въ отношеніи къ видамъ, или какъ видъ въ отношеніи къ индивидуамъ — и какъ общее ихъ, оно есть основаніе ихъ трансцендентальнаго бытія; трансцендетальное-же бытіе самаго слога мыслимо также только чрезъ нѣчто общее, что и есть идея слога. Такимъ образомъ слогъ не есть идея звуковъ, какъ онъ есть ихъ видъ или родъ, но будучи этимъ онъ есть носитель идеи слога, по силѣ которой онъ имѣетъ мѣсто въ мышленіи нашемъ какъ нѣчто само по себѣ ἕτερον τῶν στοιχείων. Въ заключеніе можно замѣтить что слогъ и звуки не удачно избраны Платономъ для объясненія отношенія между στοιχεῖα, συμπλοκῆ и ἰδέα.

р. 204.

А. Ἐχέτω δὴ — μία ἰδέα — γιγνομένη] Locus aperte depravatus, говоритъ Штальбаумъ. Гейндорфъ полагаетъ, что или должно писать ἔστω вм. ἔχέτω, или послѣ γιγνομένη вставить εἴη, или наконецъ вм. μία ἰδέα γιγνομένη читать μίαν ἰδέαν γιγνομένην. Кэмпбелъ (съ которымъ согласнается Вольрабъ) разсматриваетъ рѣчь μία ἰδέα и т. д. до конца, какъ *appositio* къ ὡς νῦν φαμέν и приводитъ въ параллель изъ Resp. 517^b τὰ δ' οὖν ἐμοὶ φαινόμεον οὕτω φαίνεται, ἐν τῷ γνωστῷ τελευταία, ἢ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα καὶ μόγις ὁρᾶσθαι. Но кажется, что хотя на основаніи слѣдующихъ мѣстъ Phaedr. 257^e. Soph. 227^e. Legg. 763^b, гдѣ по замѣчанію Вольраба, *participium aoristi conjunctum est cum ἔχειν*, — позволительно ἔχέτω γιγνομένη разсматривать какъ тоже что γιγνέσθω, какъ и объяснено это въ Цюрихскомъ изданіи; — однако истинное затрудненіе мѣста состоитъ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ: какимъ образомъ, если слогъ есть μίαν ἰδέαν ἔχων, какъ сказано выше, самъ названъ здѣсь μία ἰδέα и при томъ γιγνομένη ἐκ στοιχείων. Слогъ какъ слогъ дѣйстви-тельно есть γιγνομένη ἐκ στοιχείων, но если рѣчь идетъ о слогѣ, какъ объ идеѣ, то не странно-ли читать у Платона, что идея состоитъ изъ элементовъ? По истинѣ это мнѣніе до того не Платоновское, что я имѣю смѣлость предложить вмѣсто μία ἰδέα читать μία ἰδέα. Эти двѣ маленькія іоты, устанавливая чтеніе согласное съ тѣмъ, что сказано нами выше (203^e прим. Е.), могутъ, повидимому, пролить большой свѣтъ на это уродливое мѣсто текста.

μέρη αὐτῆς οὐ δεῖ εἶναι] Обратите на это вниманіе въ дополненіе къ сказанному въ предыдущемъ примѣчаніи.

В. Δεῖ δέ γε δή] т. е. καὶ τὴν ἀπόκρισιν ὀρθὴν εἶναι

τὸ ὄλον τοῦ παντός — τὰ πάντα καὶ τὸ πᾶν] Срав. Арист. Met. 1024^a. ὄδωρ γὰρ καὶ ὄσα ὑγρά καὶ ἀριθμὸς πᾶν μὲν λέγεται, ὄλος δ' ἀριθμὸς καὶ

ὅλον ὕδωρ οὐ λέγεται, ἀν μὴ μεταφορᾷ. πάντα δὲ λέγεται, ἐφ' οἷς τὸ πᾶν ὡς ἐφ' ἐνί, ἐπὶ τοῦτοις πάντα ὡς διηρημένοις· πᾶς οὗτος ἀριθμὸς, πᾶσαι αὐταὶ αἱ μονάδες. (Кэмбель).

С. καὶ δύο καὶ ἐν] Послѣ этихъ словъ Корнаръ добавилъ ἢ πέντε καὶ ἐν. Гейндорфъ и Штальбаумъ поставили ихъ въ текстѣ въ скобкахъ; но безъ нихъ можно очень хорошо обойтись, не потому однако что онѣ, какъ говоритъ Кэмбель, антиципированы выше въ перечнѣ ἐν, δύο и т. д.—тамъ же антиципированы τέτταρα, τρία, δύο и друг. но здѣсь онѣ повторены — но потому что всѣ эти числительныя приведены здѣсь лишь для примѣра, и Платонъ конечно въ выборѣ ихъ былъ вполне свободенъ.

Οὐκοῦν ἐφ' ἐκάστης λέξεως πάντα τὰ ἔξ εἰρήκαμεν;] Авторитетъ кодексовъ не позволяетъ колебать этого чтенія. Что-же? Смыслъ мѣста состоитъ въ томъ, чтобы показать отношеніе *одного и всего* къ шести— въ томъ случаѣ когда мы тѣмъ или другимъ способомъ образуемъ изъ данныхъ слагаемыхъ цѣлое шесть. Сперва Сократъ говоритъ: не говорили ли мы о шести, что оно есть все, складывая такъ или иначе данныя единицы въ шесть, т. е. не есть-ли цѣлое шесть въ отношеніи къ своимъ слагаемымъ—все? Да, отвѣчаетъ Θεэтеть. Сократъ:

πάλιν δ' οὐδὲν λέγομεν τὰ πάντα λέγοντες;] Кто отыщетъ приличное мѣсто этому *ничто* въ ряду понятій шести и всего? или все, или ничто! Цѣлое шесть должно выбрать между ними: *tertium non datur*. Однако оно можетъ быть опредѣлено какъ все и какъ одно — именно, будучи шестью, оно есть все въ отношеніи къ своимъ слагаемымъ, и будучи цѣлымъ, оно есть одно въ отношеніи къ самому себѣ. Первое высказано о шести выше, въ нашемъ-же мѣстѣ текста Сократъ говоритъ: но съ другой стороны, говоря что шесть все, не говоримъ ли мы что оно есть одно? Согласно съ этимъ, вопреки авторитету рукописей, читаемъ: *πάλιν δὲ οὐδ' ἐν* (или какъ Германнъ: *πάλιν δ' οὐχ' ἐν*) λέγομεν τὰ πάντα ἔξ λέγοντες;

Д. τό τε πᾶν προσαγορεύομεν καὶ τὰ ἅπαντα;] т. е. ко всему подлежащему числовой мѣрѣ мы можемъ придать предикатъ πᾶν — все (въ смыслѣ-суммы) и ἅπαντα — (въ смыслѣ множества частей составляющихъ эту сумму.)

ὁ τοῦ σταδίου δὴ ὡσαύτως] т. е. число единицъ составляющихъ стадію и сама стадія какъ мѣра есть одно и то же. Другими словами: о стадіи можно сказать, что она есть ἅπαντα—все множество единицъ составляющихъ эту мѣру, и πᾶν — сумма этихъ единицъ. Такъ если стадія какъ

единица равна 12, то въ смыслѣ ἅπαντα она можетъ быть изображена $\frac{12}{12}$
а въ смыслѣ πᾶν — $\frac{1}{1}$.

Е. Τὸ ὅλον ἄρ' οὐκ ἔστιν ἐκ μερῶν. πᾶν γὰρ ἂν εἴη] Выше Θεэтетъ высказалъ мнѣніе, что цѣлое не то же что все. Изслѣдованіе показало, что все въ смыслѣ суммы есть то же что всѣ части въ совокупности составляющія эту сумму; отсюда, если цѣлое также должно быть мыслимо какъ равное своимъ частямъ, то оно есть все; иначе если цѣлое не то же что все, то оно не есть что либо состоящее изъ частей.

Μέρος δ' ἔσθ' ὅτου ἄλλου — Τοῦ παντός γε. Часть, чего бы она ни была часть, какъ часть есть часть цѣлаго, говоритъ Сократъ. Часть суммы, говоритъ Θεэтетъ, отстаивая свое мнѣніе, что цѣлое и все (сумма) не одно и то же.

р. 205.

Α. τὸ πᾶν δὲ οὐχ' ὅταν κ. τ. λ.] Но сумма равна сама себѣ, доколѣ отъ нея ничего не отнято.

Ἄολον δὲ οὐ ταῦτόν κ. τ. λ.] Цѣлое есть то же что и сумма, если отъ него ничего не отнято.

οὐ δ' ἂν ἀποστατῆ] sc. τι Гейндорфъ.

ἐλέγομεν, ὅτι οὐ ἂν μέρη κ. τ. λ.] См. 204^a.

Β. τοῦτο ἵνα μὴ γένηται κ. τ. λ.] Слогъ можетъ быть изъясненъ по формѣ аналитическаго сужденія, а элементы елога не познаваемы такимъ образомъ. См. 203^a^b.

С. οὐδὲ τὸ εἶναι περὶ αὐτοῦ—οὐδὲ τὸ τοῦτο] Spectant haec ad superiora illa 202^a. Гейндорфъ.

Δ. Ἦ οὖν ἄλλη τις κ. τ. λ.] Num quid aliud in causa est (nimirum τοῦ ἀλογόν τε καὶ ἄγνωστον αὐτὸ εἶναι) nisi illud, quod aliquid simplex est et individuum? Non igitur de ea causa, cur aliquid sit simplex atque individuum. (αἰτία τοῦ μονοειδέος — εἶναι) sed cur λόγον ac proinde scientiam non admittat; nimirum si quid est simplex atque individuum, nec definiri nec sciri potest, αὕτη ἢ αἰτία (sc. διοτί αὐτὸ καθ' αὐτὸ ἕκαστον εἴη ἀσύνθετον) ἀλογόν τε καὶ ἄγνωστον αὐτὸ ποιοῖ. Боницъ, Spec. critic. Vindob. p. 25. Согласно съ этимъ Боницъ читаетъ: Ἦ οὖν ἄλλη τις ἢ αὕτη αἰτία, τὸ μονοειδέος τε καὶ ἀμέριστον αὐτὸ εἶναι;

εἶδος ἐκείνῳ] sc. τῷ τῶν πρώτων εἶδει ἐξ ὧν τὰ ἄλλα σύγκεται. Гейндорфъ. Рѣчь идетъ объ элементахъ слога.

Εἰ μὲν ἄρα πολλὰ στοιχεῖα ἢ συλλαβὴ ἐστὶ κ. τ. λ.] Если слогъ есть цѣ-
лое, состоящее изъ своихъ элементовъ какъ изъ частей, то слоги и
элементы ихъ (звуки) должны быть одинаково познаваемы.

Ε. Εἰ δέ γε ἓν τε καὶ ἀμερές] Если-же слогъ есть нѣчто одно и
недѣлимое, то онъ также какъ и элементы его не можетъ быть познавъ.
ὅς ἂν λέγη] h. e. εἰάν τις λέγη. Буттманъ.

р. 206.

Α. τοῦναντίον λέγοντος — ἀποδέξαιο] Frequens est ἀποδέχεσθαι pro-
bandi vi et significatione sic cum genitivo participii conjunctum. Шталь-
баумъ. См. выше 160 с.

Ἐν δὲ καθαριστοῦ] Замѣтить это выражение. Срав. Protag. 326 с ἐκ
διδασκάλων, 325 d εἰς διδασκάλων, 326 b εἰς παιδοτρίβου. Штальбаумъ пред-
лагаетъ разумѣть въ этомъ мѣстѣ οἴκω.

С. τί ποτε βούλεται τὸν λόγον — συμαίνειν] Предлагается разумѣть
субъектъ ὁ τοῦτο λέγων, или смѣло вмѣсто τὸν λόγον читать ὁ λόγος.

D. τὸ ἐνδείξασθαι τί δοκεῖ] Appositio къ τοῦτο.

Ε. καταγιγνώσκωμεν τὸ μηδὲν — τὸν ἀποφηνάμενον] Quum καταγιγ-
νώσκωμεν ita usurpari soleat, ut nunc rei nunc personae commemoratio
supprimatur, facile est ad intelligendum, nunc rei tantummodo men-
tionem fieri, accusativum autem τὸν ἀποφηνάμενον pertinere ad infini-
tivum εἰρηκέναι Штальбаумъ.

р. 207.

Α. Ἠσιόδос] Oper. et Dies v. 454. νήπιος, οὐδὲ τὸ γ' οἶδ' ἑκατὸν δέ
τε δούραθ' ἀμάξης.

οἶμαι δὲ οὐδὲ σύ] cave se requiras. Штальбаумъ.

Ἄο δέ γε ἴσως οἴοιτ' ἂν] Coartata est oratio, ita fere exdedienda: ὁ δέ
γε ἴσως οἴοιτ' ἂν ἢ ἄς γελοίους εἶναι ταῦτα μόνον εἰπόντας, ὡσπερ ἂν γε-
λοῖοι εἶημεν ἐρωτηθέντες τὸ σὸν ὄνομα καὶ ἀποκρινάμενοι κατὰ συλλαβήν.
Sed ipse Plato haec paullo post explicat verbis illis: οὕτω τοίνυν καὶ
περὶ ἀμάξης etc. Cf. Hip. mai 303 b. Гейндорфъ.

Β. γελοίους εἶναι — ἐρρήθη] Мысль та, что смѣшно конечно думать,
что кто правильно произноситъ по складамъ имя Θεэтета, тотъ и по-

нимаешь его грамматически научно, хотя съ другой стороны ничего нельзя знать научно, не зная элементов.

С. λόγον τε προσειληφέναι τῇ ἀληθείῃ δόξῃ κ. τ. λ.] На примѣрѣ повозки указывается, что подлинное знаніе и техническое ея пониманіе бываетъ въ томъ случаѣ, когда къ правильному представленію ея элементовъ присоединяется пониманіе ея сущности—λόγος τῆς οὐσίας ἐπιστήμη.

εὖ δοκεῖ σοί, ὦ Σώκρατες] Гейндорфъ велить дополнить: οἶσθα, а Штальбаумъ — λέγεσθαι ταῦτα.

Εἰ σοί] In his particula εἰ pendet a verbis post illatis τοῦτό μοι λέγε. Гейндорфъ.

Д. Πότερον ἡγούμενος — δοξάζῃ] Замѣтить отсутствіе ἢ οὐ, чего желаетъ Гейндорфъ.

ὅτε μὲν — τότε δέ] Rarissime inveniuntur sic posita. Similiter 192 d. ἀπτομαί ποτ' αὐτῶν τότε δ' οὐ. Phaed. 59 a. ὅτε μὲν γελῶντες, ἐνίοτε δὲ δακρῦοντες. Plerumque sibi respondent τότε μὲν — τότε δέ (191 e 199 e) vel ποτέ μὲν — ποτέ δέ (170 e). Вольрабъ.

р. 208.

В. Ὅν αρ — ἐπλουτήσαμεν] Lys. 218 e κινδυνέουμεν ὄναρ πεπλουτηκέναι. Гейндорфъ.

С. αὐτόν] т. е. λόγον ἐπιστήμης.

Е. ὥσπερ σκιαγραφήματος] σκιαγραφία, quae admodum cognota est σκηνογραφία, a Platone (Parm. 165 e. Soph. 235 e. Phaed. 69 b. Resp. 602 d.) vituperatur, quod homines decipiat. Nimirum in tabulis ita pictis luminum et umbrarum ratio erat ea, ut, si e longinquo spectarentur, placerent, displicerent, si e propinquo. Вольрабъ.

р. 209.

А. διαφορότης] вμ διαφορά. Платонъ, повидимому, особенно любилъ окончаніе на οτης, для выраженія абстрактныхъ понятій. Такъ выше 182 a онъ пишетъ ποιότης, 208 d κοινότης. Срав. Protag. 331 b δικαιοότης.

ὦ — τούτων] ὦ относится къ τούτων безъ согласованія. Срав. 147 e.

В. τῶν λεγόμενων Μυσῶν] Срав. Цицеронъ pro Flacco 27. quid in Graeco sermone tam tritum et celebratum est, quam si quis despiciatū ducitur, ut Mysorum ultimus esse dicatur. Чтение τῶν λεγόμενων вопреки кодексамъ было измѣнено издателями въ τὸ λεγόμενον, но Кэмпбелъ въ подтвержденіе λεγόμενων приводитъ удачный контекстъ: οἱ τῆς θαλάττης λεγόμενοι χόες.

С. ἢ ἐμὲ καὶ] Штальбаумъ (вслѣдъ за Гейндорфомъ) объясняетъ это ἢ какъ анаколутію, quātm proprie δ debuerit dici, nimirum τὸ μνημεῖον. Гейндорфъ же говоритъ: ἢ negligentius positum, tamquam in praecedentibus scripsisset: πρὶν ἂν ἡ σιμότης αὕτη ὡς διάφορός τις οὔσα ἐν ἐμοὶ ἐνσεσημασμένη ἦ.

Д. καὶ ἡ ὀρθὴ δόξα] etiam recta opinio, non tantum λόγος ille, ὡν τις τῆς διαφορότητος ἐρμηνεία 209^a. Гейндорфъ.

λέγει] Ad λέγει subaudiendus est ex proxime praegressis verbis nominativus τοῦτο, τὸ προσλαβεῖν λόγον τῇ ὀρθῇ δόξῃ. Гейндорфъ.

σκυτάλης — перитропῇ] σκυτάλη значитъ скалка. Здѣсь говорится о той скалкѣ, которая употреблялась въ Спартѣ для слѣдующей цѣли: когда правительству Спартанскому было нужно послать секретное распоряженіе какому либо полководцу, тогда брали извѣстнаго размѣра скалку, одинаковая съ которой находилась у полководца, и наvertѣвъ на нее полосу пергамента, писали на немъ секретное распоряженіе, за тѣмъ пергаментъ сматывали со скалки и посылали полководцу, онъ наматывалъ его вновь на скалку и читалъ. Срав. Aul. Gell. XVII. 9. 6—15.

Ε. ὑπέρου] Shol. ὑπέρου перитροπῇ (λέγεται) ἐπὶ τῶν τὰ αὐτὰ ποιούντων παλλάκис καὶ μηδὲν ἀνυόντων, ἢ ἐπὶ τῶν ταχέως τι πραττόντων. μέμνηται δὲ αὐτῆς Φιλήμων ἐν Ἠρωσι καὶ ἐνταῦθα Πλάτων.

οὐδὲν ἂν λέγοι.] nihil ad illam valeat, i. e. comparari cum hac ἐπιτάξει non possit, quae multo etiam absurdior fuerit et inutilior. Гейндорфъ τὸ λόγον προσλαβεῖν] есть субъектъ къ κелеύει.

ἡδὺ χρῆμα ἂν εἶη] i. e. εὐήθης ἂν εἶη ὁ κάλλιστος τῶν περὶ ἐπιστήμης λόγος. Per vulgatum hoc loquendi genus τὸ χρῆμα τοῦ λόγου pro ὁ λόγος. Гейндорфъ.

p. 210.

Α. ἐρωτηθεῖς — ἀποκρινεῖται] sc. ὁ περὶ ἐπιστήμης λόγος, nisi malis subaudire τις. Гейндорфъ.

θαυμάσιοι] Гейндорфъ предлагаетъ θαυμαστοί, однако то и другое сло-

во употребляется Платономъ повидимому совершенно тождественно. СРАВ. Sympos. 213 ^d θαυμαστά ἐργάζεται. Apol. 35 ^a θαυμάσια ἐργαζομένου. См. также Euthyd. 283 ^a.

Д. εἰς τὴν τοῦ βασιλέως στοάν] СРАВ. Euthyphr. 2 ^a Τί νεώτερον, ὦ Σώκρατες, γέγονεν, ὅτι σὺ τὰς ἐν Λυκείῳ καταλιπὼν διατριβάς, ἐνθάδε νῦν διατρίβεις περὶ τὴν τοῦ βασιλέως στοάν; Βασιλεύς, о которомъ здѣсь говорится, есть ἄρχων βασιλεύς, rex sacrorum — судья, которому подлежали дѣла касающіяся религіи. По идеѣ своей это лицо есть выразитель религіознаго значенія древней царской власти, ибо царь въ древности, какъ извѣстно, разсматривался между прочимъ какъ хранитель религіи въ своей странѣ. См. Meier und. Schömann. Der Attische Process. стр. 47 и слѣд.

АНАЛИЗЪ

ДИАЛОГА „ӨЕӨТЕТЪ“

The opinion that true knowledge consists in sensation, which had been asserted by Protagoras and others, is refuted in the Theaetetus: and we may add so victoriously refuted, that the arguments there put forth have ever since exercised a strong influence upon the speculative world.

WHEWELL.

ПЛАТОНЪ О ЗНАНІИ

ВЪ БОРЬБѢ

СЪ СЕНСУАЛИЗМОМЪ И РАЗСУДОЧНЫМЪ
ЭМПИРИЗМОМЪ.

Со времени Локка и особенно Канта вопросъ о предѣлахъ, законахъ и объ истинномъ содержаніи нашего знанія составляетъ особую философскую науку, изученіе которой разсматривается въ наше время какъ существенная задача философскаго образованія. Но вопросъ этотъ былъ поставленъ еще въ древнее время, и діалогъ Платона *Теэтетъ* или о знаніи (*Θεαίτητος ἢ περὶ ἐπιστήμης*) непосредственно открываетъ предъ нами тѣ пути, по которымъ умозрительная мысль классическихъ философовъ искала рѣшенія означеннаго вопроса. Вслѣдствіе этого нашъ діалогъ принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Платона, которыя должны быть наичаще употребляемы для чтенія въ университетскихъ аудиторіяхъ.

Но при всемъ томъ нельзя похвалиться обиліемъ ученыхъ исследованийъ, посвященныхъ нашему діалогу. Вообще надо замѣтить, что при всей популярности имени Платона не только въ кругу ученыхъ, но и въ обществѣ сколько-нибудь образованномъ, сочиненія его не только не вполне

еще поняты, но и не достаточно студированы. Самыя изданія Платоновыхъ діалоговъ — всѣ наперечетъ, и по достоинству критическаго аппарата стоятъ несравненно ниже изданій, напримѣръ, сочиненій Цицерона и даже Демосфена. Текстъ его твореній доселѣ еще мало исправленъ, хотя бы и не въ смыслѣ возстановленія *manus scriptoris*; напротивъ, доселѣ еще продолжаютъ нерѣдко печатать мѣста въ его діалогахъ, которыя не могутъ быть поняты, потому что онѣ или искажены невѣжественными переписчиками, или изуродованы бессмысленными вставками какого-нибудь глоссатора. Что же касается до критики произведеній Платона въ философскомъ отношеніи, то эта работа только начата въ наше время, и конечно еще много труда будетъ положено на это въ будущемъ.

Незабвенная заслуга Шлейермахера въ обработкѣ произведеній Платона состоитъ собственно въ томъ, что онъ, можно сказать, возсоздалъ его діалоги въ нѣмецкой рѣчи. Но Шлейермахеръ, къ которому примыкаютъ Астъ, Сохеръ, Штальбаумъ и Германнъ, обработывалъ діалоги Платона болѣе исторически, нежели критически. Собственно критическая обработка философіи Платона послѣ Аристотеля принадлежитъ, какъ сказано, прямо новому времени и доселѣ дана намъ въ сочиненіяхъ Суземпля, Мунка, Штейнгарта, Ибервега, Боница, Риббинга и Грота.

Туже судьбу пережилъ и нашъ діалогъ. До Шлейермахера мы не имѣемъ ни одного сочиненія, посвященнаго Θεэтету, которое заслуживало бы вниманія современной критики. Нѣсколько страницъ Шлейермахера о Θεэтетѣ (*Platons Werke v. F. Schleiermacher II. Th. 1 Bd. Berlin. 1805 c. 171—186*), посвящены указаніямъ на значеніе этого діалога въ ряду другихъ и на историческое достоинство его, какъ источника классической философіи. Подобное значеніе, хотя не въ одинаковой степени, въ отношеніи въ Θεэтету имѣютъ и слѣдующія сочиненія: Фридриха Аста, *Platons*

Leben und Schriften. Leipzig 1816. с. 167 — 193. Жозефа Сохера, Ueber Platons Schriften. München 1820. с. 248—258. Готфрида Штальбаума, De argumento et artificio Theaeteti Platonici ex temporum rationibus judicando. Lipsiae MDCCCXXXVIII. Карла Фридриха Германа, Geschichte und System. d. Plat. philosophie. Heidelberg 1839. с. 496 — 499. При всемъ различіи мнѣній, высказанныхъ этими учеными о времени написанія Платономъ *Θεαίητα*, объ отношеніи его къ другимъ діалогамъ и проч., они сходятся между собою въ одномъ общемъ направленіи своихъ трудовъ. Именно, въ планъ ихъ сочиненій, повидимому, вовсе не входила критическая оцѣнка философскихъ мыслей Платона и тѣхъ другихъ философовъ, мысли которыхъ онъ высказываетъ въ нашемъ діалогѣ. Напередъ зная, что у Платона все глубоко-мысленно, мудро, возвышенно, витіевато, они скромно ограничивали свои труды лишь тѣмъ, чтобы выяснитъ діалогъ, какъ литературное произведеніе въ цѣломъ и въ частяхъ—и много, если вмѣстѣ съ этимъ задавались задачей опредѣлить степень историческаго значенія тѣхъ мыслей, которыя Платонъ сообщаетъ въ діалогѣ, какъ мысли, напримѣръ, Протагора, Гераклита и другихъ историческихъ лицъ. За тѣмъ, хотя не въ равной мѣрѣ, но обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ можно замѣтить, что онѣ писаны подъ болѣе или менѣе безотчетнымъ увлеченіемъ драматизмомъ Платоновой рѣчи. Всего болѣе этотъ кажущійся драматизмъ діалога повредилъ Асту. Не столько изъясняя діалогъ по внутреннему смыслу заключающихся въ немъ философскихъ ученій, сколько изображая сценически положеніе разговаривающихъ въ немъ лицъ, усматривая всюду каррикатуры, иронію, насмѣшку, Астъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ то, что сочиненіе его остается теперь почти совершенно въ тѣни за новыми, болѣе критическими трудами ученыхъ.

Рядъ этихъ новыхъ трудовъ, какъ касательно всѣхъ діалоговъ Платона вообще, такъ и относительно нашего діалога, открывается новымъ переводомъ сочиненій Платона на нѣмецкій языкъ, сдѣланнымъ Геронимомъ Мюллеромъ съ предисловіями къ каждому діалогу, написанными Карломъ Штейнгартомъ. Третій томъ, въ которомъ помѣщенъ *Θεэтетъ*, изданъ въ 1852 году: *Platon's sämtliche Werke, übersetzt von Hieronimus Müller mit Einleitungen begleitet von Karl Steinhart. Dritter Band. Leipzig 1852. с. 3 — 100.* Нѣмецкая критика отнеслась не совсѣмъ благосклонно къ новому переводу Мюллера. Всего менѣе, повидимому, критика могла помириться съ отсутствіемъ въ переводѣ Мюллера той характеристической окраски, которая придаетъ такое достоинство переводу Шлейермахера. Но и помимо этого, въ переводѣ Мюллера есть не мало неточностей, какъ случилось недѣдко замѣчать намъ самимъ, или встрѣчать указанія у другихъ. Но предисловія къ діалогамъ Платона, написанныя Штейнгартомъ, суть очевидно плоды продолжительнаго занятія и глубокаго вниканія въ сочиненія Платона. Авторъ не довольствовался при этомъ задачею прежнихъ писателей—прослѣдить развитіе мысли въ діалогѣ и указать на художественное построеніе его частей, описать разговаривающія лица и обстоятельства того времени, къ которому относится какъ самый діалогъ, такъ и написаніе его Платономъ; онъ не только слѣдитъ за отношеніемъ даннаго діалога по его содержанію къ другимъ, но и старается раскрыть читателю ту внутреннюю задачу философскаго мышленія Платона, какъ она выступаетъ въ діалогѣ, и тотъ смыслъ, въ какомъ она рѣшена въ немъ. Это естественно условливало собою то, что въ указанныхъ трудахъ Штейнгарта мы встрѣчаемъ гораздо болѣе критическаго элемента, чѣмъ въ трудахъ упомянутыхъ прежде ученыхъ. Такъ, касательно *Θεэтета*, Штейнгартъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, внесъ въ изслѣдованіе этого діалога со-

вершенно новую мысль, которая, хотя потомъ была многими и отвергаема, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно имѣетъ за собою достоинство критической мысли.

Почти одновременно съ изданіемъ перевода Платоновыхъ діалоговъ Мюллеромъ и Штейнгартомъ, вышла въ свѣтъ первая часть сочиненія Франца Суземиля: *Die genetische Entwicklung der Platonischen Philosophie, 1 Theil. Leipzig 1855. (II. Th. въ 1860 г.)*. Характеристическая особенность изслѣдованія Суземиля діалоговъ Платона, общая впрочемъ съ трудами Штайнгарта и со многими другими послѣдующими сочиненіями о философіи Платона, — состоитъ въ стремленіи къ раскрытію объективнаго значенія произведеній философа. Такъ Суземиль, изъясняя послѣдовательно ~~одинъ діалогъ за другимъ~~, относится къ нимъ не столько какъ къ историческимъ памятникамъ Платоновой философіи, сколько какъ къ органу его философскаго мышленія, т.-е. онъ не ограничивается историческимъ обзорѣніемъ содержанія діалоговъ, но старается изъяснить его съ точки зрѣнія той задачи, которая имѣетъ въ немъ мѣсто какъ задача философіи вообще. Вслѣдствіе этого, въ изложеніи Суземиля всюду чувствуется присутствіе критическаго элемента мысли. Выраженіемъ этого критическаго элемента служитъ между прочимъ представленная имъ новая группировка діалоговъ Платона. Шлейермахеръ усматривалъ во всѣхъ діалогахъ Платона единство основной философской мысли, и потому старался вытянуть ихъ въ непрерывномъ рядѣ, такъ чтобы каждый изъ нихъ представлялъ собою не только нѣчто цѣлое, но и часть всего ряда, при чемъ конецъ предшествующаго діалога долженъ быть началомъ и основаніемъ послѣдующаго. Но еще К. Ф. Германъ (т—же, с. 368 — 71 и слѣд. Срав. Ибервегъ, *Ueber die Echtheit und Zeitfolge d. Platon. Schriften* с. 50 — 52), въ противоположность этому взгляду Шлейермахера, высказалъ то убѣжденіе, что въ рядѣ діалоговъ Платона можно наблюдать существенныя измѣне-

нія его философскаго воззрѣнія, происходящія, какъ утверждалъ Германнъ, вслѣдствіе вліянія на Платона той или другой философской школы его времени. Это убѣжденіе послужило Германну основаніемъ представить діалоги Платона въ особомъ порядкѣ, по плану историческаго развитія философскихъ идей Платона. Къ этому же плану обработки діалоговъ Платона примыкаетъ и трудъ Суземиля. Но между тѣмъ какъ Германнъ ограничился только историческою критикою произведеній Платона, Суземиль не уклоняется и отъ философской критики. Такъ въ изъясненіи *Θεэтета* мы встрѣтимся съ нѣкоторыми мнѣніями Суземиля о достоинствѣ той или другой мысли Платона, высказанной имъ въ діалогѣ. Всего же болѣе критическое настроеніе автора выступаетъ въ томъ, что, объясняя то или другое произведеніе Платона, онъ старается понять его въ цѣломъ, какъ определенное философское ученіе объ извѣстномъ предметѣ. Такимъ образомъ у Суземиля, болѣе чѣмъ у предшествующихъ писателей, выступаетъ на видъ общее, такъ сказать, абсолютное значеніе произведеній Платона. Но это самое, быть можетъ, съ другой стороны, было причиною одного недостатка Суземиля, на который было въ свое время указано критикою, вскорѣ послѣ появленія его сочиненія. Именно, увѣренный въ правильномъ пониманіи сочиненій Платона, Суземиль позволяетъ себѣ нерѣдко высказывать, что думалъ и чувствовалъ Платонъ при написаніи того или другаго діалога, какія мысли тѣснились въ его головѣ, и чего онъ не могъ высказать. Это между прочимъ напоминаетъ Аста, который, видя въ *Θεэтетѣ* всюду иронію и *Persiflage*, говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы не можемъ даже и понять, въ чемъ состоитъ иронія... (т — же, с. 191). Боницъ, у котораго мы заимствуемъ замѣчаніе о Суземилѣ, простираетъ его равно и на Штейнгарта, но у послѣдняго, какъ видно это между прочимъ и изъ мѣстъ, на которыя ссылается Боницъ, подобныя явленія, по види-

тому, суть не что иное какъ фразы, которыя въ каждомъ данномъ случаѣ легко могутъ быть замѣнены другими; между тѣмъ какъ Суземиль высказываетъ часто указанныя выше мнѣнія категорически, какъ свои положенія.

Переходимъ къ Боницу, о сочиненіи котораго упомянуто было выше и которое прежде всего должно быть упомянуто здѣсь, какъ сочиненіе, имѣющее непосредственное значеніе для Θεэтета. Это его *Platonische Studien* I. 1858 и II. 1860 (Aus dem Aprilhefte des Jahrganges 1858 der Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften [XXVII Bd. s. 241] besonders abgedruckt). Своими студіями о Платонѣ Боницъ оказалъ большую услугу всѣмъ любителямъ произведеній Платона. Нельзя не пожалѣть, что предметомъ его студій были только нѣкоторые діалоги; за то избранные имъ, и между ними Θεэтеть, представлены въ изложеніи совершенно удовлетворяющемъ цѣли — объяснить тотъ ходъ мыслей Платона, по которому располагается діалогическая его рѣчь. Навыкъ овладѣвать рѣчью классическаго писателя, умѣнье прочесть классическое произведеніе за одинъ разъ условливаютъ собою ту простоту и ясность изложенія, которыми отличаются студіи Боница. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его студіяхъ есть нѣсколько совершенно правильныхъ замѣчаній относительно разныхъ вопросовъ, поднятыхъ предшествующею критикою. Не мало также ученаго значенія для философіи Платона представляетъ другое сочиненіе Боница, написанное имъ гораздо ранѣе студій: *Disputationes Platonicae duae*. Dresdae et Lipsiae. MDCCCXXXVII.

Высокое ученое достоинство въ глазахъ всякаго, занимающагося классической философіей, имѣютъ безъ сомнѣнія сочиненія Целлера. Еще въ 1839 году Целлеръ издалъ свои *Platonische Studien*. Tübingen. Здѣсь особенно интересно третье отдѣленіе: *Die Darstellung der Platonischen Philosophie bei Aristoteles*—статья, которая въ извлеченіи вошла

въ составъ его большаго сочиненія: *Philosophie der Griechen*. 2-te Aufl. Tübingen. 1856. 3-te 1870). Какъ весь этотъ трудъ, такъ и та часть его, которая занята изложеніемъ философіи Платона, запечатлены большею начитанностію и тщательною обработкою вопросовъ, хотя вообще можно сказать, что его исторія философіи оставляетъ нерѣдко желать болѣе глубокаго анализа, столь необходимаго при рѣшеніи многихъ вопросовъ въ области классической философіи.

Въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество сочиненія Брандиса: *Geschichte der Entwicklung der Griechischen Philosophie*, Berlin 1862—64. и *Handbuch der Geschichte der Griechisch-Römischen Philosophie*. Berlin 1835 — 44. Этотъ почтенный ученый, основательный знатокъ философіи Аристотеля, не остался въ долгу и у Платона; напротивъ всякій, кто хочетъ серьезно изучать философію Платона, не долженъ обойти сочиненія Брандиса: *De perditis Aristotelis libris de ideis et de bono sive philosophia*. Bonnae 1823.

Литература по философіи Платона имѣетъ хорошее приобрѣтеніе въ сочиненіи Эдуарда Мунка: *Die natürliche Ordnung der Platonischen Schriften*. Berlin 1857. Боницъ въ своихъ студіяхъ не основательно, кажется, упрекаетъ Мунка въ произвольности сдѣланнаго имъ натурального порядка сочиненій Платона. Выраженія Мунка, на которыя ссылается въ настоящемъ случаѣ Боницъ, по нашему мнѣнію, скорѣе говорятъ о увѣренности и рѣшительности автора, чѣмъ о произвольности. Можетъ быть, планъ натурального порядка діалоговъ, представленный Мункомъ, не во всѣхъ подробностяхъ основателенъ, но задача изъяснить сочиненія Платона въ томъ порядкѣ, въ которомъ философія его можетъ быть понята по возможности какъ цѣльная система, есть безъ сомнѣнія большая услуга со стороны Мунка, и притомъ услуга, имѣющая достоинство въ критическомъ отношеніи. Кромѣ того, въ книгѣ Мунка, какъ мы увидимъ:

это въ своемъ мѣстѣ, высказано очень много значительныхъ мыслей, въ чемъ не отказываетъ Мунку и Боницъ. Вообще, по нашему мнѣнію, сочиненіе Мунка сдѣлало большой шагъ впередъ на пути критическаго изученія сочиненій Платона. Этотъ элементъ критики, непрерываемый относительно самой задачи изслѣдованія поставленной Мункомъ, имѣетъ мѣсто на многихъ страницахъ его изслѣдованія, выражаясь въ отсутствіи той аффектаціи, которой въ большей или меньшей мѣрѣ подвержена была прежняя критика, и въ той трезвости мысли, которая, очевидно, хорошо понимаетъ предѣлы и условія возможной интерпретаціи философскаго ученія Платона.

Большимъ и вполне заслуженнымъ почетомъ пользуется въ ученой литературѣ сочиненіе Фридриха Ибервега: *Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge der Platonischen Schriften und über die Hauptmomente aus Platon's Leben. Wien 1861.* Но это сочиненіе, какъ показываетъ самое его заглавіе, мало послужило дѣлу съ той стороны, съ которой мы разсматриваемъ литературу по философіи Платона, т.-е. со стороны критическаго обсужденія діалоговъ Платона. Ученое достоинство сочиненія Ибервега состоитъ въ другомъ, именно въ томъ, что онъ обсудилъ и взвѣсилъ всѣ историческія преданія о философской дѣятельности Платона и подвергъ строгой критикѣ тѣ формы генезиса Платоновой философіи, которыя были созданы предшествующими учеными. Трудъ Ибервега, по нашему мнѣнію, не столько важенъ по тѣмъ результатамъ, къ которымъ пришелъ самъ авторъ по вопросу о генетическомъ строѣ діалоговъ, сколько по тому убѣжденію о не плодотворности самой задачи и о несбыточности ея рѣшенія, къ которому приводитъ критическое изслѣдованіе имъ этого вопроса.

Вся сила этого убѣжденія наилучшимъ образомъ выразилась въ сочиненіи Зигурда Риббинга: *Genetische Darstellung der Platonischen Ideenlehre. Leipzig. I. Th. 1863. II. Th. 1864.*

По заглавію книги можно было бы думать, что Риббингъ имѣлъ въ виду представить генетическую конструкцію діалоговъ Платона, какъ фактовъ его личной дѣятельности; но на самомъ дѣлѣ задача Риббинга, какъ онъ самъ говоритъ, состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ сознаніе идей и того міровоззрѣнія, которое въ убѣжденіи о сверхчувственной дѣйствительности идей имѣетъ свой центральный пунктъ, какъ это сознаніе выступаетъ въ сочиненіяхъ Платона послѣдовательно и въ порядкѣ обусловленномъ сократовскою исходною точкою Платоновой философіи, и какъ это сознаніе развивалось все съ большею ясностію, опредѣленностію и совершенствомъ. Эта задача, продолжаетъ Риббингъ (всегда нѣсколько трудно выражающій свои мысли), антропологически-научная, а не антропологически-хронологическая; напротивъ хронологическія и другія историческія соображенія занимаютъ здѣсь второе мѣсто, и распредѣленіе діалоговъ Платона по мѣстамъ въ отношеніи одного къ другому естественно не можетъ быть существенною частію задачи генетическаго развитія идеалогіи Платона (II. с. 97—8). На задачу сочиненія Риббинга мы можемъ смотрѣть какъ на очищенную и осмысленную задачу прежней критики. Именно, вмѣсто несбыточной проблемы раскрыть по сочиненіямъ Платона исторію его личной философской жизни, Риббингъ задается задачей изъяснить внутренній строй его идеальнаго ученія, какъ сложилось оно изъ элементовъ предшествующей философіи и какъ раскрылось съ разныхъ сторонъ въ философскихъ произведеніяхъ Платона и въ какомъ видѣ сохранилось далѣе въ исторіи классической философіи. Это, очевидно, не исторія философской жизни и дѣятельности Платона — постоянная въ разныхъ видахъ задача прежней критики, но исторія одного философскаго міровоззрѣнія — задача, которой и постановка и самое рѣшеніе не столько зависятъ отъ подбора историческихъ преданій и отъ вычисленія по нимъ разныхъ историческихъ

вѣроятностей, сколько отъ внутренняго пониманія самого смысла этого міровоззрѣнія по его сущности, по его основной идеѣ. Оттого Риббингъ въ своемъ сочиненіи оставилъ прежній темный путь гипотезы и индуктивной вѣроятности, а подошелъ къ философіи Платона, вакъ онъ понимаетъ ее, прямо съ вопросами философской критики. На сколько правильно раскрылъ онъ въ отвѣтъ на эти вопросы философію Платона по его діалогамъ; или что тоже—на сколько правильно оцѣнилъ онъ смыслъ и значеніе того или другаго діалога Платона—это вопросъ критики о достоинствѣ сочиненія по выполненію его задачи. Но несомнѣнно то, что Риббингъ совершенно правильно понялъ истинную задачу критики Платоновой философіи, такъ что можно утверждать со всею рѣшительностію, что въ этомъ отношеніи сочиненіе его есть наилучшее въ литературѣ по философіи Платона какъ сравнительно съ прежде бывшими, такъ и съ тѣми, которыя вышли послѣ него.

Въ 1865 году вышло въ Лондонѣ сочиненіе Георга Грота: *Plato and the other companions of Socrates, in three volumes.* (Второе изданіе тогоже въ 1870.) Въ свое время я далъ краткій отчетъ объ этомъ сочиненіи, изложивъ въ немъ взглядъ Грота какъ на классическую философію вообще, такъ и на философію Платона въ частности (Журналь Министер. Нар. Просв. 1866 г. Августъ, стр. 215 и слѣд.). Вспомниая то впечатлѣніе, какое произвело тогда это сочиненіе Грота на нѣкоторыхъ ученыхъ въ Германіи, я не могу сказать, чтобы оно было не въ пользу и не къ чести автора. Рядъ новыхъ мыслей, разсѣянныхъ авторомъ въ этомъ сочиненіи — мыслей революціонныхъ въ глазахъ клира прежней критики Платона, быстро разнесся по ученому міру Германіи и повторялся на кафедрахъ и въ семинаріяхъ, при чемъ критика референтовъ Грота всегда, какъ мнѣ казалось, отличалась какою-то осторожностію, чуть не робостію или предъ новостію взгляда, или предъ авторите-

томъ автора. Да и доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, въ нѣмецкой литературѣ не было подробнаго разбора сочиненія Грота, а лишь однѣ реферации, какъ на примѣръ въ *Göttingische gelehrte Anzeigen*. Между тѣмъ ни въ чемъ иномъ, быть можетъ, не вступаетъ такъ ясно диссентерскій взглядъ Грота на философію Платона, какъ въ разборѣ *Θεэтета*. Многолѣтняя начитанность, искусство вести плавную рѣчь, не останавливаясь на трудностяхъ, склонность къ упрощенію и любовь къ осязательному пониманію вопросовъ философской критики—все это вмѣстѣ дѣлаетъ статью Грота о *Θεэтетѣ* Платона очень интересною. Читая Грота нельзя не чувствовать во всей силѣ того огромнаго разстоянія, которое, повидимому, все болѣе и болѣе увеличиваясь, отдѣляетъ отъ нашего пониманія древнее міровоззрѣніе Платона....

Впрочемъ въ самой Англіи Гротъ встрѣтилъ строгихъ возражателей. Такъ въ *Edinburgh Review* (April, 1866) была помѣщена очень хорошая критическая статья объ означенномъ выше сочиненіи Грота о Платонѣ. Статья напечатана безъ подписи автора, но здѣсь можно повторить общій тогда слухъ, что она принадлежитъ Миллю. Въ томъ же 1866 году одинъ изъ членовъ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ Е. М. Копъ читалъ въ философскомъ обществѣ свою записку по поводу критической оцѣнки Гротомъ *Θεэтета*, напечатанную имъ подъ заглавіемъ: *Plato's Theaetetus and Mr. Grote's Criticisms. Cambridge 1866.*

Послѣ характеристики капитальныхъ какъ по объему, такъ и по содержанію, сочиненій о философіи Платона вообще, остается осмотрѣть, конечно въ болѣе краткомъ изложеніи, тѣ монографіи и разсужденія, которыя я перечитывалъ, или потому что онѣ посвящены непосредственно нашему діалогу, или потому что по содержанію своему каса-

ются тѣхъ вопросовъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло въ своемъ изслѣдованіи. Считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь это обзорѣніе для того, чтобы дать желающимъ возможность удобнѣе ориентироваться въ томъ матеріалѣ, который относится къ предмету нашего изслѣдованія, а частію ѱνα, какъ говоритъ Платонъ въ Θεэтетѣ (143^ο), ἐν τῇ γραφῇ μὴ παρέχοιεν πράγματα αἱ μεταξὺ τῶν λόγων διηγήσεις о томъ или другомъ сочиненіи, на которое будетъ нужно указывать, такъ какъ настоящее обзорѣніе дастъ намъ возможность ограничиться въ послѣдствіи только обозначеніемъ кратко имени автора и страницы его сочиненія.

Сперва сочиненія о Протагорѣ:

Iacob Geel, *Historia critica sophistarum, qui Socratis aetate Athenis floruerunt. Nova acta Societatis Rheno-Trajectinae* II. 1823 с. 68—82.

L. F. Herbst, *Des Protagoras Leben und, Sophistik aus den Quellen zusammengestellt. Philosophisch-historische Studien.* ed. Petersen 1832 с. 88 и слѣд.

Оба эти сочиненія я не могъ приобрѣсть, то тѣмъ не менѣе достаточно ознакомился съ ними чрезъ слѣдующія сочиненія Фрея и Вебера. Именно:

Ioannes Frei, *Quaestiones Protagoreae. Bonnae MDCCLXLV.* Это сочиненіе раздѣлено на четыре книги; лучшая изъ нихъ первая, въ которой авторъ разсматриваетъ жизнь Протагора и историческую его судьбу. Здѣсь вопросъ о времени жизни Протагора и спорный прежде вопросъ о связи его съ Демокритомъ рѣшенъ авторомъ, повидимому, совершенно удовлетворительно. Что же касается до другихъ книгъ, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ фрагменты философіи Протагора, то существенный недостатокъ ихъ состоитъ въ неудовлетворительной критикѣ источниковъ и въ происходящей отсюда неясности и неопредѣленности представленія о подлинномъ содержаніи философскаго ученія Протагора. Равнымъ образомъ собственно философская интерпретація

положеній Протагора и та критика, съ которою относится къ нимъ авторъ, оставляють желать еще очень многого. Указанные нами недостатки сочиненія Фрея частію были замѣчены Веберомъ и переданы имъ въ статьѣ:

Ueber Protagoras (Programm.) Marburg 1849. Затѣмъ въ 1850 году Веберъ написалъ отдѣльное изслѣдованіе подъ заглавіемъ также: Quaestiones Protagorae. Marburgi MDCCCL и защищалъ его какъ диссертацию. Въ этомъ сочиненіи авторъ обратилъ болѣе строгое вниманіе на источники, но къ сожалѣнію интерпретировалъ ихъ часто съ большою смѣлостію и оригинальностію. Хотя критика Вебера несомнѣнно выше критики Фрея, но ученіе Протагора осталось и у него мало обработаннымъ со стороны философскаго его значенія.

Послѣдняя по времени монографія о Протагорѣ написана Витрингой: Disquisitio de Protagorae vita et philosophia. Groningae MDCCCLII. Въ ученomъ отношеніи сочиненіе это стоитъ ниже двухъ предшествующихъ.

Въ болѣе новое время появились два небольшихъ, но хорошихъ сочиненія о Софистахъ, въ которыхъ не мало страницъ посвящено и Протагору. Это — Die Sophisten und die Sophistik nach den Angaben Plato's v. R. Wecklein. Würzburg 1866.

Beiträge zur vorsokratischen Philosophie aus Plato I Heft. v. Martin Schanz. Göttingen. 1867.

Довольно трудный вопросъ объ исторической достовѣрности тѣхъ изображеній, въ которыхъ Платонъ рисуетъ Протагора какъ въ нѣкоторыхъ другихъ діалогахъ, такъ особенно въ діалогѣ его имени, вызвалъ въ свѣтъ нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ изслѣдованій. Изъ нихъ укажемъ на слѣдующія: Ueber Platons Protagoras v. Richard Schöne. Leipzig 1862. — Zu Platons Protagoras v. P. H. Jessen. Glückstadt 1863. (Programm). — Wie ist Platons Protagoras aufzufassen? v. Meinardus 1865. (Programm). Здѣсь же мо-

жетъ быть упомянуто старое но довольно хорошее сочинение: Reesema, Parmenidis, Anaxagorae, Protagorae principia et Platonis de iis iudicium. 1840.

Изъ монографій, посвященныхъ Θεэкету, упомянемъ здѣсь слѣдующія: God. Stallbaum, (кромѣ упомянутаго въ своемъ мѣстѣ: De argumento et artificio Theaeteti), Prolegomena ad Theaetetum (предъ текстомъ діалога). Gothae et Erfordiae MDCCCXXXIX.

L. Campbell, Introduction (предъ текстомъ діалога). Oxford MDCCCLXI.

Martinus Wohlrab, Prolegomena (предъ текстомъ діалога). Lipsiae MDCCCLXIX.

D. Burger iunior, Prolegomena et annotatio in Theaetetum, Platonis dialogum. Lugduni Batavorum MDCCCXLIII.

Theodorus Lenz, Commentatio argumentum Theaeteti ita exponens, ut inde appareat quatenam Platonis de scientia sit sententia et quibus rationibus opposita philosophorum placita refellat? Lovan. 1844.

G. Fehmer, Theaeteti Platonici enarratio (Programm). Zeitz 1855.

Eduard Alberti, Zur Dialektik des Platon. Vom Theaetet bis zum Parmenides. Leipzig 1855.

Maximilianus Schneidewin, Disquisitionum philosopharum de Platonis Theaeteti parte priori specimen. Gottingae MDCCCLXV.

R. A. R. Kleinpaul, Der Begriff der Erkenntniss in Plato's Theaetet. Gotha 1867.

Schubart, Ueber den zweiten und dritten Hauptabschnitt des Platonischen Theaetet. (Programm.) Weimar 1869.

Изъ сочиненій, имѣющихъ то или другое отношеніе къ задачѣ нашего изслѣдованія, укажемъ, какъ на существенныя, слѣдующія:

Meiners, Die Geschichte d. Ursprungs, Fortgangs und Ver-

falls der Wissenschaften in Griechenland und Rom. 2 Bde. 1781—2 (I. Geschichte d. alten Sophisten.)

Ferdinand Lassalle; Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos. 2 Bde. Berlin 1858.

Ludwig Strümpell, Die Geschichte der theoretischen Philosophie der Griechen. Leipzig 1854.

Frieder. Ferdin. Kampe, Die Erkenntnistheorie des Aristoteles. Leipzig 1870.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть еще нѣсколько мелкихъ сочиненій:

Ferdinandus Deycks, De Megaricorum doctrina ejusque apud Platonem et Aristotelem vestigiis. Bonnae MDCCCXXVII.

Fr. Ebben, de Platonis idearum doctrina. dissertatio. Bonnae MDCCCXLIX.

Ad. Müller, De Antisthenis Cynici vita et scriptis (Programm) Dresden. 1860.

Hölzer, Grundzüge der Erkenntnisslehre in Platons Staate. Cottbus 1861.

Ed. Alberti, Die Frage über Geist und Ordnung der Platonischen Schriften erleuchtet aus Aristoteles. Leipzig 1864.

Joseph Steger, Platonische Studien. Innsbruck I. 1869. II. 1870.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть съ уваженіемъ о трудѣ Августа Муллаха: *Fragmenta philosophorum graecorum*. 2 Vol. Parisiis.

Задача изъяснить отношеніе философіи Платона къ сенсуализму и эмпиризму существенно можетъ быть исполнена только путемъ анализа Платонова діалога «Теэтеть». Вотъ почему я нашель нужнымъ дать Анализу этого діалога особое заглавіе, выражающее ту основную задачу, которая должна быть рѣшена въ немъ.

Названный противникъ, съ которымъ борится Платонъ по вопросу о знаніи въ нашемъ діалогѣ, есть Протагоръ. Но если для Платоновой теоріи знанія мы имѣемъ его собственные произведенія, то отъ Протагора до насъ дошло только нѣсколько скудныхъ словъ, записанныхъ Платономъ преимущественно въ *Θεэтетъ*. Что касается до другихъ источниковъ философіи Протагора, то сравнительная критическая ихъ оцѣнка приводитъ къ тому убѣжденію, что изъ всѣхъ ихъ только Аристотель и Секстъ Эмпирикъ могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи поставлены на ряду съ Платономъ, а другіе позднѣйшіе писатели не должны идти въ счетъ на ряду съ тѣми, потому что все почти, что они передаютъ намъ о философіи Протагора, очевидно, заимствовано ими у тѣхъ.

Здѣсь я представляю алфавитный списокъ классическихъ писателей, съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ въ ихъ сочиненіяхъ, которыя, хотя въ разной степени достоинства, служатъ для насъ источниками философіи Протагора.

Аристокль у Евсевія, *Præparatio Evangelica*. Lib. XIV, cap. 20. Lib. X, cap. 3 и 14.

Аристофанъ, *Nubes*. v. 113 и схолія.

Аристотель, (ed. Acad. Borus). *Metaph.* 998^a 3. 1007^b 22.
1009^a 6. 1047^a 6. 1053^a 35. 1062^b 12.

Eth. Nicom. 1164^a 24.

Poetic. 1456^b 15.

Rhetoric. 1402^a 25. 1407^b 7.

Soph. Elecnh. 173^b 19.

Аѳеней, *Deipnosophistae*. Lib. V, cap. LIX. Lib. VIII, cap. L.

Геллій (Авлъ), *Noctes atticae*. Lib. V, cap. 3, 10.

Галенъ (Клавдій), *De philos. hist.* cap. II, VIII.

Диогенъ Лаэртій. Lib. IX. cap. 8.

Клементъ Александрійскій. *Stromat.* Lib. I, cap. XIV. Lib. VI, cap. III.

Платонъ, *Θεэтеть*: pp. 152—180. *Кратиль*: pp. 383—386.
p. 391 и др. *Протагоръ*: большинство страниц.
Софистъ: 232 и др.

Свида, *Sub v. Πρωταγόρας*.

Секстъ Эмпирикъ, *Adversus Mathematicos Lib. VII, IX.*
Pyrrhon. Hypotipos. Lib. I. cap. 32.

Сенека, *Epistola LXXXVIII.*

Филостратъ, *Vitae sophistarum p. 494. Protagoras.*

Цицеронъ. *De natura deorum. Lib. I. 12, 23, 42. Quaestio. Academ. Lib. II. cap. 46.*

Элианъ (Клавдій). *Varia historia. Lib. I. cap. 23. Lib. IV. cap. 20.*

Сюда же должны быть отнесены нѣкоторыя мѣста изъ комментарія къ разнымъ сочиненіямъ Аристотеля, писаннаго Аммоніемъ, Симплиціемъ, Филономъ и нѣкоторыми другими. См. *Scholia in Aristot. collegit Chr. Aug. Brandis 1836.*

Другіе писатели, о которыхъ можетъ быть упомянуто въ нашемъ изслѣдованіи, не могутъ считаться источниками философіи Протагора. Отрывочныя указанія на то или другое философское положеніе Протагора, которыя могутъ быть заимствованы изъ ихъ сочиненій, должны служить лишь подтвержденіемъ того смысла, въ которомъ мы трактуемъ давнее положеніе Протагора. Но и въ числѣ пересчитанныхъ нами писателей не всѣ, какъ уже сказано, суть одинаковаго достоинства. Одни излагаютъ философское ученіе Протагора въ извѣстной связи мыслей, какъ цѣльное систематическое ученіе, при чемъ изъясняютъ и обсуждаютъ его критически. Другіе приводятъ то или другое слово, ту или другую мысль изъ философіи Протагора, какъ она приходится въ ряду или ихъ собственныхъ философскихъ мыслей, или излагаемыхъ ими мыслей другихъ, по связи содержанія однѣхъ съ другими. И они источники, но источники второстепенные, или потому что изъ нихъ однихъ мы никогда

не постигли бы философію Протагора, или потому что передаваемые ими слова и мысли Протагора, очевидно, заимствованы ими у другихъ. Такъ Филостратъ хотя излагаетъ философское ученіе Протогора въ связномъ видѣ, но этому изложенію не достаётъ достоинства первичнаго источника.

Основные и главные источники классической философіи до Платона, по нашему мнѣнію, суть собственно три: Платонъ, Аристотель и Секстъ Эмпирикъ. Затѣмъ Цицеронъ и Діогенъ Лаэртій, необходимые какъ источники для всей классической философіи, оказываются полезными однако въ рукахъ только осторожной критики.

Осторожность критики по отношенію къ Цицерону и Діогену Лаэртію требуется особенно потому, что оба эти писателя, сами далеко не философы по складу своего міровоззрѣнія, излагаютъ въ своихъ сочиненіяхъ мысли греческой спекулятивной философіи, часто не разумѣя ихъ какъ должно, т.-е. во всей чистотѣ ихъ спекулятивности. Это послѣднее должно помнить особенно относительно Цицерона. При всемъ уваженіи къ нему какъ къ историческому дѣятелю, нельзя не признать, что голова его не была создана такъ, чтобы могла хорошо вмѣстить въ себѣ міръ философскихъ идей греческихъ мыслителей. Недостатокъ въ немъ естественнаго философскаго глубокомыслія не скрывается отъ критики ни за тою не ясностію или туманностію мыслей, которая не рѣдко происходитъ отъ полупониманія того что онъ излагаетъ, ни за тою живою, часто восторженною рѣчью, къ какой онъ пріучилъ свое перо, пиша имъ политическія рѣчи. Дѣйствительно, нельзя отказать Цицерону въ мѣткости и экспрессивности его словъ, когда онъ передаетъ мысли Платона, Аристотеля и другихъ древнихъ, но тѣмъ болѣе опасно повторять ихъ безъ строгой критики, какъ нѣчто почерпнутое изъ чистаго источ-

ника, что подлинныя слова, напримѣръ, Платона и другихъ, при сравненіи ихъ съ выраженіями Цицерона, нерѣдко даны совершенно въ иномъ рядѣ мыслей, нежели въ какомъ передаетъ ихъ Цицеронъ.

Что же касается до Діогена Лаэртія, то мы должны высоко цѣнить тѣ десять книгъ, въ которыхъ онъ описалъ жизнь и placita многихъ древнихъ философовъ. По истинѣ мы потеряли бы очень много, если бы книги Діогена были утрачены. Но Діогенъ, любившій очевидно читать и составлять по прочитанному свои трактаты, былъ не разборчивъ въ средствахъ, которыми онъ для нихъ пользовался. Не будучи, какъ и Цицеронъ, философомъ по настроенію своего мышленія, онъ въ то же время совершенно не владѣлъ никакимъ критическимъ приѣмомъ. Онъ наполнилъ свои книги о философахъ всѣмъ что только читалъ о нихъ у кого-нибудь, не обращая вниманія на то, что писатели, у которыхъ онъ заимствуетъ свѣдѣнія объ извѣстномъ философѣ, смотрѣли часто на его философію совсѣмъ разными глазами, и не умѣя при этомъ еще отдѣлить собственныхъ положеній древнихъ философовъ отъ интерпретацій, сдѣланныхъ этими писателями. Вотъ почему, какъ сказано, пользованіе Діогеномъ, какъ источникомъ древней философіи, должно быть особенно осторожно, хотя къ чести Діогена должно сказать, что до нѣкоторой степени онъ самъ даетъ себя въ руки критикѣ, добросовѣстно цитую тѣхъ писателей, у которыхъ заимствуетъ показанія о философахъ.

Но не только относительно Цицерона и Діогена Лаэртія, осторожность должно имѣть и относительно тѣхъ основныхъ источниковъ, на которые мы указали выше, и между ними наиболѣе всего должно быть осторожнымъ съ главнѣйшимъ изъ нихъ—съ Платономъ. Что до Аристотеля, то этотъ почтенный философъ и первый ученый, отецъ исторіи философіи, безъ сомнѣнія, есть самый достовѣрный источникъ классической философіи. Это мы желаемъ утвер-

ждать съ особенною настойчивостію противъ того довольно распространеннаго мнѣнія въ позднѣйшей литературѣ, что будто бы Аристотель не объективно представляетъ ученія своихъ предшественниковъ. Тѣ, которые рассуждаютъ такимъ образомъ, (напримѣръ Шweglerъ), не отдѣляютъ, по видимому, приѣма исторической критики Аристотеля отъ внутренняго качества самого его критическаго мышленія. Аристотель, какъ извѣстно, кромѣ отдѣльныхъ историческихъ монографій, напримѣръ: *περὶ τῶν Πυθαγορείων*, *περὶ τῆς Ἀρχύτου φιλοσοφίας* и др. которыя однако не дошли до насъ, а сохранились лишь въ отрывкахъ у его комментаторовъ, не написалъ особой исторіи философіи, но обсуждалъ философскія ученія своихъ предшественниковъ какъ вообще почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, такъ преимущественно въ *Метафизикѣ*. Здѣсь, особенно въ первой ея книгѣ, выставивъ основныя четыре начала своего философскаго міровоззрѣнія, Аристотель обращается къ философскому міровоззрѣнію древнихъ, изъясняя его по смыслу указанныхъ имъ четырехъ философскихъ началъ. Этотъ приѣмъ—поставить философскую проблему и изъяснить ее послѣдовательно въ историческомъ рядѣ философскихъ ученій—есть наилучшій приѣмъ изученія исторіи философіи, и ради объ успѣхахъ философскаго образованія, можно только пожалѣть о томъ, что этотъ приѣмъ не получилъ достаточнаго развитія въ историко-философской литературѣ и особенно въ курсахъ исторіи философіи, читаемыхъ въ университетахъ. Не стѣсня изслѣдователя всею массою содержанія, входящаго въ то или другое философское ученіе, этотъ приѣмъ ни мало не условливаетъ собою субъективнаго отношенія къ ученію извѣстнаго философа, и съ другой стороны историко-хронологическое изложеніе философскихъ ученій не ручается за его объективность. Это значитъ, что объективность изложенія вовсе не зависитъ отъ способа отношенія къ предмету: объективность есть качество, есть

сила самого мышления, которая одинаково может быть присуща ему при томъ или другомъ приѣмѣ, съ которымъ онъ обращается къ подлежащему его критикѣ матеріалу. Никто, по нашему мнѣнію, лучше не доказалъ этого, какъ именно Аристотель тѣми страницами своей Метафизики, на которыхъ онъ, по плану своихъ четырехъ философскихъ началъ, разбираетъ философскія ученія древнихъ. Способность наблюдать, склонность останавливаться на мелочахъ и изучать ихъ — эти общія качества, въ которыхъ никто знающій Аристотеля не откажетъ его мышленію, — обуславливаютъ собою ту натуральную объективность его критики древнихъ философовъ, по силѣ которой онъ всегда будетъ главнѣйшимъ и чистѣйшимъ источникомъ классической философіи. Впрочемъ относительно Протагорова ученія нужно замѣтить, что Аристотель нигдѣ не останавливается на немъ такъ долго, какъ мы того желали бы, по вниманію къ его авторитету. Изъ всего видно, что въ глазахъ Аристотеля ученіе Протагора само по себѣ было побѣжденное ученіе и одиноко стоящее, безъ школы, безъ особеннаго значенія въ развитіи философскаго знанія. За то о тѣхъ сторонахъ философскаго ученія Протагора, которыми оно повторяется въ разныхъ другихъ ученіяхъ, психологическихъ и собственно философскихъ, мы можемъ очень хорошо знать мнѣніе Аристотеля, или изъ критики его этихъ ученій, или изъ его собственнаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, объясненію которыхъ онъ посвящены.

На ряду съ Платономъ и Аристотелемъ, какъ основной источникъ философіи до Платона, мы признаемъ Секста Эмпирика. Въ ученой литературѣ этотъ почтенный писатель нашей эры стоитъ какъ-то въ тѣни, отнесенный ею къ числу такъ называемыхъ позднѣйшихъ скептиковъ, каковы Энесидемъ, Агриппа, Фаворинъ и др., но онъ несомнѣнно далеко превосходитъ ихъ и въ ерудиціи и въ логикѣ мышленія. По специальности своей Секстъ былъ врачъ,

но въ ученой литературѣ онъ извѣстенъ просто подъ именемъ Секста Эмпирика, хотя онъ самъ называетъ себя методическимъ врачомъ (Нур. Pyrrh. I. 236. Adv. Mathem. VIII. 327); и это имя безъ сомнѣнія несравненно точнѣе означаетъ его историческое значеніе въ ряду писателей той эпохи, нежели общее названіе эмпирика. Эмпиризмъ Секста вовсе не есть тотъ эмпиризмъ, которымъ обозначается извѣстное направленіе философскаго мышленія во всѣ эпохи. Эмпиризмъ Секста есть эмпиризмъ научнаго характера: это то направленіе мышленія, которое, въ противоположность непосредственному догматическому отношенію къ истинѣ, утверждаетъ, что до извѣстной степени она можетъ быть постигнута чрезъ изученіе явленій, при руководствѣ извѣстными логическими правилами и при условіи строгой методы мышленія. Скептицизмъ, который еще задолго до Секста овладѣлъ умами, имѣетъ значеніе относительно нашего писателя не на столько, на сколько онъ выражается въ убѣжденіи въ невозможности знать истину, а на сколько онъ побуждаетъ его не довѣрять догматизму разсудка и не идти по пути конструкціи воображенія, но искать возможно истиннаго знанія путемъ анализа явленій, путемъ критическаго отношенія къ нимъ, по указанію раціональной методы. Правда, Секстъ вмѣстѣ съ другими скептиками раздѣляетъ мнѣніе о невозможности доказательствъ, а равно о непознаваемости того, что лежитъ за предѣлами наблюденія, но онъ поддерживааетъ эти положенія на столько, на сколько онѣ противорѣчатъ противному мнѣнію догматиковъ. Оттого скептицизмъ Секста не приводитъ его къ мысли о безразличіи истиннаго отъ ложнаго, и эмпиризмъ его не граничитъ съ отрицаніемъ всякаго научнаго знанія. Напротивъ онъ ревниво оберегаетъ знаніе и отъ догматизма и отъ сенсуализма, усматривая во всѣхъ этихъ путяхъ недостатки критической методы. И хотя Секстъ не развилъ самостоятельнаго ученія о ме-

тодѣ, однако потребность методы столь ясно сознавая имъ возвышаетъ его надъ массой тѣхъ, которые въ то время были преданы скептицизму просто и безотчетно, вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ предшествующихъ философскихъ ученій. Стоики, Эпикурейцы, Новоакадемики — все вмѣстѣ потрясли прежнія основы знанія и разрушили вѣру въ тѣ пути, по которымъ люди думали доходить до самой истины. Сексту принадлежитъ честь понять необходимость критической обработки вопроса о формахъ и условіяхъ знанія истины. Онъ чувствовалъ, что достоинство знанія какъ такого всего болѣе зависитъ отъ методы — и эта-то мысль о методѣ знанія руководила тою солидною критикою, съ которою онъ выступилъ въ своихъ сочиненіяхъ πρὸς μαθηματικούς, πρὸς λογικούς, πρὸς φυσικούς и въ другихъ.

Мы сказали все это о Секстѣ Эмпирикѣ съ тою между прочимъ цѣлю, чтобы оправдать то значеніе, которое даемъ ему какъ источнику для изслѣдованія философіи Протагора. Хотя Секстъ посвятилъ не много страницъ философскому ученію Протагора, но въ общемъ планѣ той критики, которой онъ подвергаетъ мнѣнія разныхъ философовъ о критеріѣ знанія, онъ, очевидно, считалъ совершенно достаточнымъ то, что онъ высказалъ о Протогорѣ. Если такимъ образомъ Секстъ по внутреннему достоинству своего мышленія заслуживаетъ болѣе вниманія со стороны исторической критики, нежели на сколько заслуживаютъ его писатели просто скептического направленія, то показанія Секста о Протогорѣ и та интерпретація, въ какой онъ передаетъ его философское ученіе, должны имѣть въ нашихъ глазахъ наиболѣе значенія, чѣмъ на сколько обыкновенно принято это въ ученой литературѣ, по предубѣжденію въ скептицизмѣ Секста.

Поддерживать эту высказанную здѣсь точку взгляда на Секста, какъ на источникъ при изслѣдованіи философіи Протагора, мы имѣемъ особенный интересъ вслѣдствіе того, что

несомнѣнно главный источникъ философіи Протагора, Платонъ, и собственно нашъ діалогъ *Θεэтетъ*, можетъ поставить насъ не рѣдко въ очень большія затрудненія при возстановленіи по немъ историческаго смысла философскаго ученія Протагора. Еще Фрей (т — же, с. 78) основательно замѣтилъ, что, изъясняя Протагора по *Θεэтету*, должно остерегаться, *ne ulterius progressi Protagorea dicamus, quae Socrates, ut sophistam perstringat, ex suo arbitrato atque ratione interdum haud ita sincera ex placitis vere Protagoreis consectaria facit.* Въ этомъ отношеніи о нашемъ діалогѣ Гротъ сдѣлалъ нѣсколько очень основательныхъ замѣчаній, и мы не можемъ не пожалѣть вмѣстѣ съ нимъ о томъ, что до насъ не дошли подлинныя сочиненія Протагора.

Затрудненіе, въ которомъ находится критика, будучи принуждена черпать изъ Платона, какъ изъ главнѣйшаго источника, многія философскія положенія какъ другихъ философовъ, такъ въ особенности Протагора, поражается не тѣмъ, что Платонъ, какъ говоритъ Веберъ, излагалъ *placita Protagora sua sentiendi dicendique forma* (*Quaest. Prot. c. 22*). Какъ критикъ, Платонъ и не могъ поступать иначе: истинное затрудненіе здѣсь выступаетъ вслѣдствіе того, что критика доселѣ недостаточно еще измѣрила достоинство діалоговъ Платона, какъ историческихъ документовъ. И если это замѣчаніе должно имѣть силу относительно всѣхъ вообще философскихъ ученій предшествовавшихъ Платону, то тѣмъ въ большія недоумѣнія должна впасть критика по вопросу объ исторической достовѣрности Протагора у Платона. То лицо дѣ діалоговъ Платона, которое называется именемъ Протагора, есть ли образъ историческаго Протагора? Имѣлъ ли Платонъ серьезныя побужденія, выставляя въ своихъ діалоговъ то или другое историческое лицо, стараться особенно о томъ, чтобы оно

было исторически вѣрно? Нѣтъ ли напротивъ основанія думать, что Платонъ вовсе не хотѣлъ и вообще не могъ заботиться въ этихъ случаяхъ объ исторической правдѣ? Ученіе, которое влагаетъ Платонъ въ уста Протагору и которое послѣдній защищаетъ на страницахъ его діалоговъ, есть ли подлинное ученіе Протагора? Имѣлъ ли Платонъ въ виду излагать подлинно и строго ученія своихъ предшественниковъ въ систематическомъ планѣ ихъ собственнаго мышленія, какъ историкъ или какъ критикъ въ современной ученой литературѣ? Не въ иномъ ли положеніи мы должны представлять себѣ нашего философа въ отношеніи къ прежней философій, чѣмъ въ какомъ находимся мы къ ней? Не обязана ли ей чѣмъ-нибудь сама философія Платона, и нѣтъ ли особенной внутренней связи между имъ и Протагоромъ? Общій смыслъ всѣхъ этихъ вопросовъ выражается однимъ вопросомъ — именно: въ какой степени за историческимъ содержаніемъ діалоговъ Платона можетъ быть признанъ авторитетъ исторической достовѣрности? Ограничивая смыслъ этого вопроса однимъ историческимъ лицомъ — Протагоромъ и его философскимъ ученіемъ, мы спрашиваемъ: въ какой мѣрѣ мы можемъ основываться на діалогахъ Платона, желая возсоздать философское ученіе Протагора въ его исторической достовѣрности, или, что тоже — въ планѣ собственнаго мышленія Протагора? То или другое положеніе Протагора въ діалогахъ Платона съ одной стороны могло зависеть отъ личнаго отношенія Платона къ философій Протагора; съ другой же стороны оно, очевидно, не можетъ быть изъято отъ вліянія тѣхъ общихъ условій, которыми опредѣляется положеніе всѣхъ вообще историческихъ лицъ въ діалогахъ Платона. Потому прежде всего обратимъ вниманіе на эти общія условія.

Здѣсь естественно мы непосредственно касаемся вопроса о литературномъ значеніи философскихъ произведеній Платона. Два раза («Протагоръ,» діалогъ Платона. Жур. М. Н.

Просв. 1866 г. Октябрь. Менонъ, діалогъ Плат. Анализъ (1868 г.) я имѣлъ уже случай высказать по этому вопросу мое мнѣніе и указать на тѣ неизбѣжныя, какъ я думаю, недоразумѣнія, въ которыя не рѣдко впадала критика при объясненіи діалоговъ Платона, вслѣдствіе того что на произведенія Платона смотрѣла вообще какъ на «драмы рожаемыя жизнію.» Въ означенныхъ сочиненіяхъ я раскрывалъ ту мысль, что при всемъ высокомъ художественномъ достоинствѣ рѣчи Платона, въ произведеніяхъ его нѣтъ элементовъ подлинно драматическихъ, что діалоги Платона только кажутся драммами, и что этотъ кажущійся драматизмъ ихъ легко объясняется тѣмъ діалектическимъ ходомъ философскаго мышленія Платона, вслѣдствіе котораго оно одинаково отлично какъ отъ мышленія строяющаго и воспроизводящаго, каково оно въ поэзіи, такъ и отъ мышленія изучающаго, каково оно въ наукахъ. Платоново мышленіе есть по преимуществу разсуждающее, и какъ такое оно, по меткому выраженію самого Платона, есть то состояніе души, когда душа разговариваетъ сама съ собою, сама себя вопрошая и сама себѣ отвѣчая (Theaet 190^a). Въ настоящемъ случаѣ я удерживаю этотъ взглядъ на сочиненія Платона во всей его силѣ, прибавлю только то, что въ изложенномъ взглядѣ на источникъ кажущагося драматизма діалоговъ Платона мы можемъ найти, какъ кажется, совершенно вѣрную руководящую мысль для рѣшенія вопроса о степени исторической достовѣрности изложенныхъ Платономъ въ діалогахъ философскихъ ученій его предшественниковъ.

Если драматичность діалоговъ Платона дана непосредственно въ самомъ его мышленіи, если драматическая коллизія разговаривающихъ въ діалогахъ лицъ есть только выраженіе драматизма самого мышленія, вслѣдствіе его діалекческаго настроенія, то очевидно, что лица, между которыми раздѣлены мысли Платона, вообще говоря, суть

служебныя дѣятели въ мышленіи философа, пассивные носители идей и представлений, которыя поражаются въ его мышленіи въ путяхъ его діалектическаго хода. Если же, наоборотъ, лица въ діалогахъ Платона активны въ своихъ мнѣніяхъ, т.-е. если здѣсь, на страницахъ его сочиненій, они повторяютъ то, что они высказывали въ дѣйствительности, что имъ принадлежитъ такимъ образомъ исторически; то мышленіе самого Платона въ его діалогахъ должно быть пассивно въ отношеніи къ нимъ, и мы, повидимому, не имѣемъ уже въ этомъ случаѣ права видѣть собственныя мысли Платона и въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказываетъ въ его діалогахъ Сократъ; потому что и Сократъ, какъ историческое лицо, при всей можетъ быть близости его воззрѣній къ философскимъ воззрѣніямъ Платона, отвѣчаетъ предъ нами только самъ за себя; или лучше — если Платонъ въ своихъ діалогахъ передаетъ только мысли другихъ лицъ, то должно утверждать, что онъ столько же объективенъ въ отношеніи къ Сократу, сколько и къ другимъ историческимъ лицамъ. Но гдѣ же тогда философія самого Платона? Отсюда естественно выступаетъ задача критики — опредѣлить ту мѣру, до которой можно черпать изъ діалоговъ Платона подлинное философское ученіе его предшественниковъ. Вникнемъ же теперь глубже въ характеръ и настроеніе философскаго мышленія Платона, какъ мы можемъ знать его въ его произведеніяхъ.

Какъ обозначить собственное содержаніе діалоговъ Платона? Цицеронъ отозвался о Платонѣ такимъ образомъ: *vagius et multiplex et copiosus*. Гротъ согласно съ этимъ утверждаетъ, что едвали можно найти одинъ предикатъ равно примѣнимый ко всѣмъ произведеніямъ Платона. Едва ли возможно, продолжаетъ онъ чрезъ страницу, всѣ различныя проявленія Платонова духа понять въ какомъ-нибудь одномъ высшемъ единствѣ, или относительно Платона, какъ интеллектуальной личности, высказать что-либо такое, что

одинаково было бы приложимо къ его Протагору, Горгію, Пармениду, Федру, Республикѣ, Тимею и Законамъ. Платонъ былъ скептикъ, догматикъ, религіозный мистикъ и изслѣдователь, математикъ, философъ, поэтъ (эротическій равно какъ и сатирический), риторъ, художникъ — все вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ все послѣдовательно одно за другимъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ его философской жизни. (Vol. I. с. 212—14.) Этими словами Гротъ высказалъ, хотя и справедливое, но не болѣе какъ только видимое. Дѣйстви-тельно Платонъ очень разнообразенъ въ своихъ твореніяхъ и повидимому не поддается никакому предикату, неизмѣн-ному и тождественному для него во всѣхъ его діалогахъ. Еще древніе не узнавали Платона какъ одну и ту же лич-ность во всѣхъ его произведеніяхъ. Такъ Плутархъ, напри-мѣръ (*Symposiac.* VIII. 2 р. 719^b), находитъ въ Платонѣ Сократа и Ликурга, соединенными вмѣстѣ, платоникъ Немезій (*Euseb. Praer. Evang.* XIV. 5—7—8) видитъ въ немъ нѣчто среднее между Пизагоромъ и Сократомъ. Нѣтъ надобности замѣчать здѣсь о существенномъ различіи этихъ историче-скихъ лицъ, которыя въ глазахъ древнихъ рисуются однако въ лицѣ одного Платона. Но вся эта игра лучей, освѣща-ющихъ такъ разнообразно авторскую личность Платона, не исключаетъ однако возможности оставаться ему до крайно-сти тождественнымъ себѣ, по настроенію своего мышленія. Напротивъ, признавая всю справедливость вышеуказанныхъ замѣчаній о разнообразіи авторской личности Платона, я однако съ тѣмъ болѣею настойчивостію повторяю здѣсь сказанное въ Анализѣ Менона (с. 103), — что «мышленіе Платона по задачѣ своей скучно однообразно почти во всѣхъ его сочиненіяхъ; занятое собою, оно при всякомъ содержаніи формируется одинаково.» Прибавлю здѣсь то, что указанное разнообразіе и даже противорѣчіе тамъ и здѣсь авторскихъ сужденій Платона существенно зависитъ отъ того однообразнаго хода, по которому идетъ почти

всегда его мышление, что бы оно ни обсуждало. Действительно, на что бы ни обращал Платонъ свои умственные взоры, что бы ни касалось его мысли—все одинаково располагается въ его мышлении и одинаково подвергается тѣмъ же самымъ операциямъ діалектики. Всѣ феномены ощущенія, всѣ понятія опыта — все бываетъ содержаніемъ мышления Платона не непосредственно какъ оно есть, но какъ оно отражается въ немъ самомъ, какъ въ зеркалѣ. Ни одно явленіе опыта не обогащаетъ собою его мышления какъ капиталъ, напротивъ оно скорѣе обременяетъ его собою какъ тяжесть, потому что ничто не должно расширять предѣловъ того мышления и увеличивать его содержаніе, для котораго знаніе есть только воспоминаніе истины, лежащей въ немъ прежде всякаго опыта. Оно ничему не учится у него, оно, какъ машина, какъ автоматъ, довлѣетъ одними своими силами, и принимая въ себя все, что угодно, только пропускаетъ чрезъ себя все, какъ чрезъ горнило очищенія отъ «грязи опыта.» Подъ вліяніемъ совершенно особаго тяготѣнія къ идеямъ, мышление Платона разъ навсегда разсчиталось съ міромъ опыта какъ съ міромъ тѣней, и въ этомъ убѣжденіи оно не направляется къ опыту, не ищетъ въ немъ своихъ силъ и своего содержанія, но оно отражаетъ его въ себѣ и знаетъ его только въ этомъ отраженіи, или, что тоже—*διὰ τὴν ἐν τοῖς λόγοις σκέψιν*, какъ говоритъ о немъ Аристотель (*Met.* 987^b 31).

Легко понять, какимъ образомъ Платонъ, при всемъ однообразіи своего діалектическаго мышления, какъ авторъ можетъ казаться столь разнообразнымъ въ своихъ сочиненіяхъ, по своимъ въ нихъ сужденіямъ. Однообразіе авторскаго мнѣнія условливается одинаковымъ матеріаломъ и тѣмъ еще, что избранный матеріалъ авторской дѣятельности разсматривается имъ какъ предметъ изученія, какъ собраніе случаевъ и явленій, которые должны быть сравнены, уяснены въ ихъ исторической послѣдовательности и взаимномъ от-

вошенія. Все это чуждо мышленію Платона: оно не связано матеріаломъ, оно не отдѣляетъ предметъ отъ предмета по спеціальнымъ средствамъ ихъ изученія; у него всему мѣра одна: это—оно само. Что не противорѣчитъ его основнымъ нормамъ, что не возмущаетъ внутренняго строя этого автомата, что мыслимо, то и дѣйствительно есть или то должно быть—будетъ ли то мистическая мысль о цѣли Деміурга, какъ въ Тимеѣ, или поэтическая фантазія объ эротической горячности, простирающейся одинаково на красивыхъ юношей и на философскія понятія, или скептическая мысль о возможности знанія истины, или даже не согласныя, повидимому, одна съ другою эѳическія точки взгляда, какъ въ Протагорѣ и Горгіѣ. Ибо истинное значеніе у Платона всѣхъ этихъ мистическихъ, эротическихъ, скептическихъ, эѳическихъ и политическихъ мыслей во всѣхъ его діалогахъ не есть ни то ни другое ни третье, но всегда одно—логически-метафизическое, т.-е. всѣ эти мысли имѣютъ мѣсто въ твореніяхъ Платона со стороны положенія ихъ въ совершенно абстрактномъ мышленіи, а не со стороны отношенія выражаемаго ими содержанія къ моральному, эстетическому или религіозному смыслу человѣка. Вотъ между прочимъ, по нашему мнѣнію, истинная точка зрѣнія, способная объяснить намъ столь странное политическое ученіе Платона въ его Республикѣ.

Какъ въ этомъ мышленіи, которое занято только самимъ собою, попадаютъ чужія мнѣнія, какъ соединяются онѣ съ нимъ и какую долю содержанія его составляютъ — все это легко понять, если не упустимъ изъ виду того, что это мышленіе, идя путемъ діалектики, по преимуществу есть мышленіе разсуждающее, а не изучающее. Всѣ возможныя мнѣнія прежнихъ философовъ, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Платона, или попадаютъ въ путяхъ его мышленія какъ согласныя или какъ несогласныя съ его собственными, или первично и непосредственно служатъ исходнымъ пунктомъ ді-

алектического процесса его мышления; во всякомъ же случаѣ въ его мышленіи онѣ суть случайныя явленія—въ томъ смыслѣ, что оно не направляется къ нимъ съ цѣлю изученія, но прямо встрѣчается съ ними въ пути своего собственного діалектического хода. Оттого ни одно чужое мнѣніе не развито у Платона въ планѣ мышленія того, кому принадлежитъ оно исторически, но пущенное въ ходъ его собственного діалектического движенія, оно обрабатывается въ немъ не какъ чужое исторически, но какъ свое собственное, какъ случай мышленія вообще — діалектически, что конечно есть нѣчто больше, нежели *sua sentiendi dicendi que forma* Платона, какъ характеризуетъ это Веберъ. Та же самая внутренняя характеристическая особенность мышленія Платона, которою существенно условливается діалогическая форма его рѣчи, т.-е. діалектичность мышленія, должна, какъ это было замѣчено выше, опредѣлить намъ степень исторической достовѣрности тѣхъ философскихъ мнѣній, которыя или отъ своего лица или чрезъ другихъ лицъ высказываютъ въ его діалогахъ предшествующіе ему греческіе философы. Въ этомъ отношеніи прежде всего должно замѣтить, что Платонъ, высказывая въ своихъ произведеніяхъ мнѣнія современныхъ ему философовъ, никогда почти не обозначаетъ лицъ, которымъ онѣ принадлежатъ, и тѣмъ менѣе выводитъ ихъ разговаривающими въ діалогѣ. Такъ, напримѣръ, ни Аристиппъ, ни Аптисѣенъ, какъ въ другихъ діалогахъ, такъ и въ нашемъ не названы по именамъ, хотя мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что нѣкоторыя изъ мыслей, встрѣчающихся въ діалогѣ, принадлежатъ имъ, и читающая публика времени Платона также могла знать это очень хорошо. Въ этомъ умалчиваніи именъ современниковъ нельзя конечно видѣть какую-то деликатность со стороны Платона, потому что назвать автора по имени нѣтъ вообще ничего не деликатнаго; этимъ умалчиваніемъ Платонъ сознательно или безсознательно даетъ

намъ понять отношеніе свое къ чужимъ мнѣніямъ, т.-е.— что онѣ встрѣчаются въ его мышленіи какъ общіе случаи мышленія, какъ возможные вообще, но что онѣ не изучаетъ ихъ какъ факты историческіе, въ планѣ ихъ историческаго образованія и развитія. Что же касается до тѣхъ мнѣній, которыя онѣ передаетъ съ именемъ ихъ авторовъ, или отъ ихъ лицъ или чрезъ другихъ, то въ этомъ отношеніи можно, кажется, сказать, какъ общее, слѣдующее: относительно основныхъ философскихъ положеній того или другаго историческаго лица, какъ онѣ переданы у Платона, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ томъ, что какое-либо изъ нихъ не принадлежитъ тому, подъ чьимъ именемъ встрѣчается у Платона; но въ то же время всегда позволительно сомнѣваться въ томъ, на сколько интерпретація даннаго философскаго положенія соотвѣтствуетъ тому плану, въ какомъ оно имѣло мѣсто въ мышленіи извѣстнаго историческаго лица, потому что всѣ почти встрѣчаемыя у Платона философскія положенія его предшественниковъ, въ силу діалектическаго настроенія его мышленія, прежде всего непосредственно принадлежатъ ему самому, какъ возможные, какъ общіе случаи мышленія, такъ что имя, подъ которымъ, или отъ лица котораго встрѣчается у Платона то или другое философское мнѣніе, есть совершенно случайная вещь въ планѣ развитія его собственнаго мышленія; ибо данное мнѣніе имѣетъ въ немъ мѣсто не столько потому, что оно существуетъ исторически, высказанное кѣмъ-либо до Платона, сколько потому, что motu proprio самого мышленія порождается въ немъ, какъ одна изъ фазъ его діалектическаго процесса, и въ большинствѣ случаевъ оно имѣло бы въ немъ мѣсто, если бы исторически никому не принадлежало. Вотъ почему Платонъ, высказывая то или другое философское ученіе подъ именемъ или отъ имени какого-либо историческаго лица, мало интересуется систематическимъ положеніемъ его среди другихъ мнѣній того же лица и тѣми

предѣлами и условіями, въ которыхъ оно было изъясняемо, но оперируетъ съ нимъ въ своемъ мышленіи, каково оно по своей абсолютной сущности, какъ одно изъ возможныхъ мнѣній въ ряду другихъ, встрѣчающихся въ его діалектическомъ ходѣ, и взвѣшиваетъ его безусловное достоинство, *безъ если*, какъ сказано у Платона въ Протагорѣ (331 °). Вотъ почему далѣе, выставляя извѣстное мнѣніе подъ чьимъ либо именемъ, Платонъ, какъ увидимъ это ниже относительно ученія Гераклита, продолжаетъ связывать съ этимъ именемъ и такія мнѣнія, которыя исторически принадлежатъ не этому лицу, а его ученикамъ или послѣдователямъ, т.-е. ученію. Такимъ образомъ Платонъ, говоря вообще, высказывая то или другое философское мнѣніе предшествующаго ему мыслителя, имѣетъ съ нимъ дѣло не исторически, не въ планѣ мышленія того, кому оно принадлежитъ, но критически, относясь къ нему, какъ къ извѣстному направлению философскаго мышленія, какъ къ опредѣленному тяготѣнію философствующаго разума вообще. Отсюда легко понять все затрудненіе критики при обращеніи ея къ Платону, какъ къ источнику древней философіи. Чѣмъ выше его философскій авторитетъ среди другихъ источниковъ, чѣмъ ближе онъ стоитъ къ своимъ предшественникамъ, тѣмъ менѣе степень достовѣрности его показаній можетъ быть опредѣлена какими-нибудь внѣшними средствами исторической критики и тѣмъ болѣе зависитъ отъ пониманія его собственной философіи. Нужно понимать философію Платона, нужно владѣть его собственнымъ философскимъ мышленіемъ, для того чтобы умѣть пользоваться имъ, какъ источникомъ предшествующей ему философіи. И если конечно трудно до такой степени знать философію болѣе новаго мыслителя, чтобы вполнѣ владѣть его философскимъ мышленіемъ; то безъ сомнѣнія это еще болѣе трудно относительно Платона, потому что критика доселѣ не владѣетъ основательными условіями для этого, т.-е. знаніемъ источ-

никовъ и прецедентовъ идеальнаго его философскаго міровоззрѣнія. Ибо кто, рассуждая строго, не повторитъ и теперь вмѣстѣ съ Дейксомъ, что *de Platonis ideis sane parum scimus?* (*De Megar. doct.* с. 43. Срав. Брандисъ, *De perd. Ar. libr.* с. 32 и слѣд.).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ доселѣ общихъ условій, которыя должно имѣть въ виду при пользованіи свидѣтельствомъ Платона о философскомъ ученіи его предшественниковъ, можетъ быть, есть особенное условіе, которое должно наблюдать при вопросѣ объ отношеніи мышленія Платона къ философіи Протагора. Это условіе дѣйствительно есть, и оно состоитъ въ діаметральной противоположности основнаго тезиса философіи Протагора зерну всей философской системы Платона. Но смыслъ этой противоположности для философскаго мышленія Платона состоитъ въ томъ, что она внутренно принадлежитъ ему, т.-е. мышленію, по силѣ его діалектическаго характера. Для мышленія Платона тезисъ Протагора есть не случайное явленіе, но существенный моментъ его внутренняго развитія, на пути діалектической обработки имъ вопроса о знаніи, подъ угломъ основнаго его философскаго міровоззрѣнія, такъ что, если относительно кого-либо изъ предшествующихъ Платону философовъ можно сказать, что имя его какъ историческаго лица встрѣчается въ его сочиненіяхъ совершенно случайно, т.-е. не вслѣдствіе намѣренія Платона изучить и изъяснить его философію, то именно должно это, сказать относительно Протагора. Протагоръ, какъ историческое лицо, совершенно случаенъ для Платона. Платонъ только нашелъ у него то, что составляетъ непосредственное содержаніе его собственнаго мышленія, такъ что не будь Протагора, Платонъ самъ создалъ бы Протагоровскую теорію знанія, какъ создалъ онъ другія теоріи, съ которыми также боролся. Противуположность, которую теорія Протагора представляетъ въ отношеніи къ теоріи Платона, мышленіе послѣдняго совершенно

органически развило изъ самого себя, или встрѣтило въ себѣ самомъ, въ путяхъ своего собственного діалектическаго процесса, ибо только борьбою съ этою теорією и нѣкоторыми другими питалось и зрѣло зерно всей философской системы Платона. Дѣйствительно, если представленіе *идеи* было господствующимъ и центральнымъ представленіемъ въ философскомъ мышленіи Платона, то теорія Протагора была для него необходима въ путяхъ его діалектическаго хода по вопросу о знаніи.

Такое-то особенное отношеніе Платона къ философіи Протагора, (смысль котораго впрочемъ можетъ быть вполне раскрытъ только чрезъ все дальнѣйшее наше изслѣдованіе), безъ сомнѣнія не должно быть ни на минуту забываемо критикою при анализѣ настоящаго произведенія Платона. Должно помнить, что самъ Протагоръ какъ историческое лицо, высказавшее по вопросу о знаніи извѣстное философское воззрѣніе, для Платона есть нѣчто совершенно случайное, что не только дальнѣйшее развитіе этого воззрѣнія, но и само оно по своей сущности есть для него не историческое явленіе, но органическое въ діалектическихъ путяхъ его собственнаго мышленія. Это, очевидно, должно особенно побуждать критику наблюдать въ сочиненіи Платона предѣлы между мыслями историческаго Протагора, в тѣмъ для которыхъ его имя есть только знакъ извѣстнаго направленія, извѣстнаго тяготѣнія философскаго мышленія вообще.

Выяснивъ такимъ образомъ нашу точку взгляда на Платона, какъ на источникъ классической философіи вообще и философіи Протагора въ частности, и оцѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ другіе источники, и указавъ на тѣ литературныя средства, которыми мы можемъ располагать при изслѣдованіи нашей задачи, обратимся теперь непосредственно къ *Феэтету*.

Содержанію діалога предшествуетъ небольшое вступленіе, въ которомъ рассказывается о происхожденіи этого литературнаго произведенія.

По смыслу этого вступленія, исторія нашего діалога такова. Незадолго до своей смерти Сократъ встрѣтился съ Θεэтетомъ и имѣлъ съ нимъ одну изъ тѣхъ бесѣдъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, прошла большая половина его жизни. Увидавшись (надо думать, вскорѣ послѣ этого) съ Евклидомъ, (пбо Евклидъ, какъ мы знаемъ исторически, очень часто посѣщаль Сократа), онъ сообщилъ ему то пріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на него Θεэтеть, и тѣ надежды, которыя возбудилъ онъ въ немъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему самый разговоръ свой съ нимъ. Горячій приверженецъ Сократа, Евклидъ, пришедши домой, тотчасъ записалъ этотъ разговоръ себѣ на память, а потомъ переписалъ его, на досугѣ припомнивъ подробности, а чего не могъ припомнить, о томъ спрашивалъ у Сократа нѣсколько разъ, какъ только приходилось ему быть въ Аѣинахъ. Такимъ образомъ, заключаетъ Евклидъ, у меня записанъ почти что весь разговоръ.

Спрашивается, въ какомъ отношеніи нашъ діалогъ, какъ произведеніе Платона, стоитъ къ рукописи Евклида? Никто конечно не подумаетъ, чтобы приписываемый Платону діалогъ былъ не что иное, какъ только изданная имъ рукопись Евклида; но можно думать, что въ основѣ Платонова діалога лежитъ записанный Евклидомъ дѣйствительный разговоръ Сократа съ Θεэтетомъ, что Платонъ, составляя свое произведеніе, дѣйствительно имѣлъ предъ собою упоминаемую имъ рукопись Евклида. Ясно, что степень вѣроятности каждаго возможнаго здѣсь мнѣнія очень много зависитъ отъ того, признавать ли что изложенное выше вступленіе въ діалогъ написано самимъ Платономъ, или считать его позднѣйшей придѣлкой къ нему.

Въ литературѣ по Платону, сколько мнѣ извѣстно, одинъ

только Шёне высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого вступленія (т—же, с. 6). Оригинальная затѣя этого автора состоитъ въ томъ, чтобы вопросъ о подлинности и о послѣдовательности діалоговъ Платона рѣшить съ точки зрѣнія ихъ стиля, подобно тому какъ знатоки рѣшаютъ вопросъ о томъ, кѣмъ и когда написана какая-нибудь картина, по ея колориту, по характеру линій, т.-е. также по стилю. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что ученая критика ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основана на столь субъективныхъ данныхъ. Въ противномъ случаѣ она лишитъ свои мнѣнія всякой провѣрки и вмѣсто объективныхъ аргументовъ будетъ повторять только свои субъективныя впечатлѣнія, что и дѣлаетъ Шёне, говоря, что стиль вступленія въ *Θεэтетъ* кажется ему совершенно не платоновскимъ, притомъ оно не относится вмѣстѣ къ *Софисту* и *Политику* — діалогамъ, которые, по его мнѣнію, составляютъ продолженіе *Θεэтета*. Въ подтвержденіе такого субъективнаго мнѣнія Шёне, критика не можетъ представить никакого серьезнаго доказательства неподлинности вступленія въ нашъ діалогъ, хотя есть, повидимому, нѣкоторыя, впрочемъ очень слабыя, побужденія считать его за позднѣйшую придѣлку къ сочиненію Платона. Одно изъ этихъ побужденій состоитъ въ томъ, что во вступленіи говорится о рукописи. Хотя подобныя вступленія находятся и при другихъ діалогахъ Платона, на примѣръ: при *Парменидѣ*, *Симпозиумѣ* и *Федонѣ*; но въ этихъ вступленіяхъ вовсе не говорится о рукописяхъ, напротивъ одно лицо передаетъ здѣсь другому разговоръ Сократа съ извѣстными людьми, или какъ только слышанный имъ отъ кого-либо (такъ въ *Парменидѣ* и *Симпозиумѣ*), или какъ такой, при которомъ онъ самъ лично присутствовалъ и даже принималъ въ немъ участіе (такъ въ *Федонѣ*). Поэтому означенные діалоги, вопреки мнѣнію Мунка (т — же, с. 398), строго говоря, не могутъ въ этомъ отношеніи идти въ параллель съ *Θεэтетомъ*. Упомянутое о рукописи, кото-

рую читаетъ слуга Евклида,—нѣмое лицо во всемъ діалогѣ, а разговаривающіе во вступленіи лица только слушаютъ его—есть въ нашемъ діалогѣ нѣчто такое, что можно назвать ἄπαξ λεγόμενον у Платона. Другое также ἄπαξ λεγόμενον, что въ свою очередь можетъ возбудить подозрѣніе въ подлинности нашего вступленія, есть то замѣчаніе Евклида, что рукопись его составлена не такъ, какъ передавалъ ему свой разговоръ Сократъ, т.-е. со вставками, въ родѣ того, какъ — я призналъ, я сказалъ, онъ согласился и т. д., но безъ вставокъ—такъ, какъ Сократъ дѣйствительно разговаривалъ съ Θεэтотомъ и Θεодоромъ (143^{b c}). Побужденіе, которое можетъ давать это замѣчаніе Евклида къ подозрѣнію въ томъ, что все вступленіе въ діалогѣ есть позднѣйшая къ нему придѣлка, основывается собственно на томъ, что вставки, которыхъ избѣгалъ Платонъ въ Θεэтетѣ, встрѣчаются въ другихъ его діалогахъ, которые, очевидно, написаны послѣ Θεэтета, какъ, на примѣръ, въ Фѣдонѣ и даже въ Республикѣ. Впрочемъ не всѣ одинаково обратили вниманіе на это замѣчаніе Евклида. Штальбаумъ, на примѣръ, проходитъ его вовсе молчаніемъ и рассуждаетъ только о томъ, что можно вывести для нашего діалога изъ вступленія вообще. Очевидно однако, что замѣчаніе Евклида объ опущеніи вставокъ должно быть отдѣляемо отъ упоминанія о рукописи, какъ обстоятельство, могущее служить особымъ мотивомъ для критики. И дѣйствительно, прежде всего, можетъ быть, можно вывести изъ этого замѣчанія Евклида то заключеніе, что всѣ діалоги, въ которыхъ встрѣчаются подобныя вставки, написаны Платономъ ранѣе Θεэтета. Такъ еще Сохеръ (т—же, с. 251) замѣтилъ, что Платонъ по всей вѣроятности нарочно выставилъ въ Θεэтетѣ на видъ то, какъ онъ избѣгнулъ въ немъ тѣ непріятныя повторенія: я сказалъ, онъ сказалъ, которыя встрѣчались въ его прежнихъ діалогахъ и за которыя упрекала его современная критика. Того же держатся Шлейермахеръ (т — жа, II. I.

с. 489), Штейнгарть (т — же, с. 28), Суземиль (т — же, с. 178) и Мункъ (т — же, с. 402). Но такъ какъ это предположеніе трудно оправдывается фактами, то критикъ пришлось быть уклончивой. Такъ Штейнгарть, считая Парменида позднѣе Θεэтета, утверждаетъ, что Платонъ имѣлъ особыя серьезныя основанія возвратиться въ этомъ діалогѣ къ прежней формѣ. Но Шлейермахеръ былъ послѣдовательнѣе: между прочими основаніями въ пользу того, что Парменидъ предшествуетъ Θεэтету, онъ указываетъ и на эти въ немъ вставки, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что «изъ замѣчанія Евклида нельзя однако вывести того общаго слѣдствія, что будто бы всѣ діалоги, написанные въ повѣствовательной формѣ, позднѣе Θεэтета и что Платонъ послѣ Θεэтета совершенно не употреблялъ этой формы. Напротивъ она, по его мнѣнію, была ему иногда необходима для того, чтобы дать мѣсто въ своемъ произведеніи той мимикѣ, которая часто была его лучшимъ украшеніемъ и нерѣдко стояла въ самой тѣсной связи съ его настоящею цѣлію.» Но какъ бы то ни было, дѣйствительно никто, кажется, серьезно не воспользовался повѣствовательной формой Республики какъ признакомъ того, что она есть раннее произведеніе Платона. Мункъ, который ставитъ Республику прежде Θεэтета (особенно первая ея книги), мало опирается въ этомъ случаѣ на ея повѣствовательную форму (см. с. 284). И хотя онъ не сомнѣвается въ томъ, что замѣчаніе Евклида о выпущеніи вставокъ должно толковать въ томъ смыслѣ, что Платонъ или по указанію другихъ, или самъ по себѣ обратилъ вниманіе на неудобную форму, однако замѣчаетъ, что въ Федонѣ, который, по Мункову порядку діалоговъ, долженъ стоять послѣ Θεэтета, ея нельзя было избѣжать, вслѣдствіе мимической отдѣлки этого діалога.

Этихъ указаній совершенно достаточно, чтобы понять несостоятельность того мнѣнія критики, что упоминаніе Евклида объ опущеніи въ діалогъ извѣстныхъ вставокъ есть

будто бы признакъ того, что всѣ діалоги въ повѣствовательной формѣ написаны Платономъ прежде *Θεэтета*. Имѣя въ виду то, что ни въ одномъ изъ Платоновыхъ діалоговъ, изложенныхъ имъ въ видѣ разсказа какого-либо лица, не упоминается объ опущеніи подобныхъ вставокъ, и что эта повѣствовательная форма принадлежитъ даже діалогамъ, написаннымъ несомнѣнно послѣ *Θεэтета*, скорѣе можно заключить, что вступленіе въ *Θεэтетѣ* написано не Платономъ, что и дѣлаетъ Шёне, говоря, что «способъ передачи разговора со вниманіемъ къ балласту повѣствовательныхъ формъ кажется ему не платоновскимъ.» Но очевидно однако, что этотъ признакъ столь бѣденъ, что за него одного критика держаться не можетъ; ей по видимому остается только отмѣтить это мѣсто во вступленіи просто какъ ἀπὸξ λεγόμενον.

Что же касается до рукописи Евклида упоминаемой во вступленіи, то это обстоятельство, давая, какъ сказано, лишь слабое побужденіе къ подозрѣнію въ неподлинности всего вступленія, въ этомъ значеніи никогда не было трактуемо критикою, но въ то же время критика не вывела изъ него никакого положительнаго мнѣнія по вопросу объ историческомъ происхожденіи нашего діалога. Штальбаумъ, не находя никакой связи между вступленіемъ и содержаніемъ діалога, утверждаетъ, что оно *propter fortuitam aliquam temporum rerumque conditionem additum esse*, и думаетъ, что Платонъ этимъ вступленіемъ хотѣлъ показать, что изслѣдованіе о знаніи было предпринято имъ впервые въ Мегарѣ (*Proleg. ad. Theaet. c. 9*). Суземль, поправляя Штальбаума, утверждаетъ (т—же, с. 177), что этимъ вступленіемъ Платонъ даетъ понять, что онъ не признаетъ Мегарейцевъ предшественниками себѣ въ томъ направленіи, которое онъ началъ прокладывать въ этомъ произведеніи (т.-е. *Θεэтетѣ*). Въ связи съ этими мнѣніями находится то мнѣніе, что все вступленіе есть нечто иное какъ посвяще-

ніе Платономъ діалога своимъ Мегарейскимъ друзьямъ. Я высказалъ свой взглядъ на это мнѣніе въ Предварительныхъ Объясненіяхъ къ чтенію діалога и думаю, что подобныя мнѣнія, какъ совершенно субъективныя предположенія, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣютъ достоинства критическихъ мнѣній, которыя всегда должны быть болѣе или менѣе сильны какимъ-либо объективнымъ аргументомъ. Какъ простыя догадки о психическихъ мотивахъ личной исторіи философа, въ предѣлахъ строгой ученой критики, онѣ конечно не должны бы имѣть мѣста. Впрочемъ Суземиль замѣчаетъ еще, что чтеніе болѣе идетъ къ содерженію діалога, чѣмъ передача его въ повѣствовательной формѣ. Но такъ какъ это замѣчаніе касается непосредственно формы передачи разговора Евклидомъ, а не рукописи, то очевидно, что въ настоящемъ случаѣ онъ смѣшиваетъ два обстоятельства, которыя мы различаемъ — самую рукопись и форму изложенія въ ней разговора, ибо тотъ же самый разговоръ могъ быть записанъ Евклидомъ и въ повѣствовательной формѣ. Штейн-гартъ въ упоминаніи о рукописи видитъ такой смыслъ, что Платонъ этимъ будто бы хотѣлъ дать убѣдительное завѣреніе въ томъ, что онъ не вымышляетъ тѣхъ разговоровъ, которые выдаетъ подъ именемъ Сократа, въ чемъ, быть можетъ, упрекали его нѣкоторые, и что *Θεэтетъ* есть разговоръ чисто Сократовскаго характера, какъ по формѣ, такъ и по содержанію (т—же, с. 29—30). Мункъ не соглашается съ этимъ, находя, что если Платонъ въ своемъ *Θεэтетѣ* передаетъ только то, что было въ рукописи Евкида, то отвѣтственность за достовѣрность діалога падаетъ не на него, а на Евклида. Если же Платонъ передѣлалъ рукопись Евклида, то указаніемъ на рукопись подлиннаго разговора онъ долженъ былъ дать оружіе тѣмъ, которые укоряли его въ произвольномъ изложеніи Сократовыхъ бесѣдъ. Мункъ признаетъ вообще, что всѣ подобныя вступленія къ діалогамъ (гдѣ онѣ встрѣчаются) написаны Платономъ для того,

чтобы чрезъ это указаніе источника придать разговору значеніе историческаго факта (т — же, с. 398 — 399). Къ этому мнѣнію приближается замѣтка Шлейермахера, который говоритъ, что въ указаніи на рукопись нельзя не признать намѣренія засвидѣтельствовать подлинность діалога (т — же, 489). Что же касается до Мунка, то онъ прибавляетъ, что причина, почему Платонъ заставляетъ Евклида передать Θεэтета по рукописи, заключается въ томъ, что въ ближайшей связи съ Θεэтетомъ стоятъ слѣдующіе діалоги: Софистъ, Политикъ и Философъ (если бы онъ былъ написанъ). Нельзя было Платону заставить одного кого-либо повторить на память всю эту массу разговоровъ (с. 450). Это мнѣніе, собственно говоря, есть мнѣніе Штальбаума, съ тѣмъ только различіемъ, что по плану діалоговъ Платона у Штальбаума, рассматриваемое нами вступленіе, полное воспоминаній о жизни философа въ Мегарѣ, соединяетъ Θεэтета съ Софистомъ и Парменидомъ, *qui libri propius attingunt Megaricorum philosophorum de natura ejus, quod esse dicimus, opiniones* (Proleg. с. 9). Всѣ эти мнѣнія, очевидно, очень шатки и для критики произведенія Платона не могутъ послужить ничѣмъ, такъ какъ изъ нихъ нельзя ничего вывести для анализа діалога и на нихъ не возможно построить ни одной гипотезы, которая бы разъясняла болѣе или менѣе удовлетворительно связь мыслей и происхожденіе нѣкоторыхъ частей въ діалогѣ. Идя по этому пути субъективныхъ ощущеній, Вольрабъ, одинъ изъ послѣднихъ толкователей Θεэтета, изъясняетъ нашъ вопросъ о рукописи Евклида самымъ причудливымъ образомъ. Противъ замѣченнаго выше мнѣнія Суземиля, которое раздѣляетъ также и Штейнгартъ (т — же, с. 28), что содержаніе діалога могло лучше быть передано въ чтеніи, чѣмъ въ повѣствованіи, Вольрабъ хотя основательно замѣчаетъ, это тотъ самый разговоръ былъ же однако рассказанъ Сократомъ Евклиду: однако самъ полагаетъ, что Сократъ, *qui hanc rem mag-*

nam habebat exercitationem, facile potuit referre Euclidi, Euclides vero Socrati hac in re impar idem facere non potuit (т — же, с. 2). Но не странно ли, что Вольрабъ такъ мало думаетъ о философѣ Евклидѣ, между тѣмъ какъ Платонъ въ Парменидѣ нашель возможнымъ поручить совершенно неизвѣстному въ философiи Антифону передать отъ себя столь трудную бесѣду Сократа въ этомъ діалогѣ?

Нѣтъ сомнѣній, что та критика, которая на томъ основанiи, что упоминанiе во вступленiи къ Θεэтетѣ о рукописи Евклида есть ἀπαξ λεγόμενον у Платона, отвергла бы самое вступленiе, какъ не принадлежащее Платону, высказала бы болѣе достойное мнѣнiе, чѣмъ всѣ вышеприведенныя нами доселѣ. Но мы съ своей стороны не считаемъ возможнымъ опираться на такiя случайныя явленiя въ серьезномъ дѣлѣ отверженiя подлинности. Мы признаемъ, что рассматриваемое нами вступленiе въ діалогѣ написано Платономъ и думаемъ, что при написанiи Θεэтета Платонъ или имѣлъ предъ собой или вспоминалъ ту рукопись Евклида, въ которой былъ записанъ имъ разговоръ Сократа съ Θεэтетомъ. Иначе должно думать, что Платонъ приводитъ вымышленный, не существующiй документъ и указываетъ на свидѣтелей, которые не въ состоянiи подтвердить его словъ. Что могло бы понудить его къ этому? Едва ли серьезно рассуждаетъ въ этомъ случаѣ Мункъ, когда говоритъ, что не должно слишкомъ серьезно принимать указанiя на устные и письменныя преданiя у такiхъ писателей, которые историческiе факты одѣвали покрываломъ вымысла, и приводитъ въ примѣръ Сервантеса, который исторiю своего Донъ-Кихота рассказываетъ по мнимой арабской рукописи (т — же, с. 399).

На сколько мы понимаемъ произведенiе Платона, позволимъ себѣ высказать здѣсь наше мнѣнiе по вопросу объ историческомъ отношенiи къ нему этой рукописи и вообще объ историческомъ происхожденiи нашего діалога. За недостаткомъ какихъ-либо историческихъ указанiй, наше мнѣ-

ніе, конечно, можетъ быть только гипотетическимъ, но мы думаемъ, что эта гипотеза можетъ быть оправдана тѣми соображеніями, къ которымъ приведетъ насъ въ послѣдствіи Анализъ самого діалога.

Нѣтъ ничего не правдоподобнаго въ томъ, что Евклидъ, какъ горячій приверженецъ Сократа, слышалъ отъ него разговоръ его съ Θεэтетомъ. Сократъ тѣмъ болѣе охотно могъ повторить ему свою бесѣду, что онъ увлекся талантливостію и любознательностію юноши. Весьма вѣроятно также, что Евклидъ записалъ эту бесѣду и потомъ, исправивъ ее по указаніямъ Сократа, переписалъ рукопись на чисто и хранилъ ее у себя. Относящееся сюда замѣчаніе Грота (Plato. Vol. II. с. 320), что способъ составленія Евклидомъ рукописи, какъ рассказано объ этомъ у Платона, требуетъ болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ какое протекло между обвиненіемъ Сократа и судомъ надъ нимъ,—едва ли въ силахъ поколебать историческую вѣроятность того показанія Евклида въ діалогѣ, что самъ Сократъ помогаль ему воспроизвести въ рукописи по возможности точно разговоръ свой съ Θεэтетомъ. Потому что съ одной стороны замѣчаніе Евклида *δοκεῖ γάρ μοι ὀλίγον πρὸ τοῦ θανάτου ἐν-
τυχεῖν αὐτῷ μερακίῳ ὄντι* (142^c) — не опредѣляетъ точно, за сколько именно времени до смерти Сократа былъ этотъ разговоръ, равно какъ послѣднія слова Сократа: *νῦν μὲν οὖν
ἀπαντητέον μοι εἰς τὴν τοῦ βασιλέως στοάν ἐπὶ τὴν Μελήτου
γραφὴν* (210^d), если онѣ и были въ рукописи Евклида — также не значать того, чтобы онъ долженъ былъ предстать на судъ непосредственно по окончаніи бесѣды своей съ Θεэтетомъ; съ другой же стороны достаточно было Евклиду видѣться съ Сократомъ два три раза послѣ того какъ онъ передалъ ему свой разговоръ съ Θεэтетомъ, хотя бы даже и въ темницѣ (что между прочимъ вполнѣ согласно съ исто-

рическими данными. См. въ Исторической Замѣткѣ — объ Евклидѣ), для того чтобы Евклидъ имѣлъ возможность исправить и дополнить по указанію Сократа то или другое мѣсто въ своей рукописи. Далѣе, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что нѣкто Терпсионъ, житель селенія не далеко отъ города Мегары (142^a 144^a), человѣкъ близко знакомый съ Евклидомъ и вмѣстѣ съ нимъ приверженный къ Сократу, знавшій также Θεэтета, интересовался узнать въ подробности тотъ разговоръ съ нимъ Сократа, съ которымъ Евклидъ, какъ оказывается изъ словъ Терпсиона (143^a), уже прежде ознакомилъ его вообще. Хотя далѣе нѣтъ никакого историческаго препятствія предполагать, что Платонъ, который, какъ извѣстно, по смерти Сократа пользовался гостепріимствомъ Евклида въ Мегарѣ, присутствовалъ при чтеніи рукописи, но въ то же время, имѣя въ виду, что Платонъ не упоминаетъ здѣсь о себѣ рядомъ съ Терпсиономъ, ближе, повидимому, къ истинѣ будетъ утверждать, что онъ только слышалъ въ послѣдствіи отъ Евклида о чтеніи имъ Терпсиону рукописи. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Платонъ самъ не читалъ никогда этой рукописи; напротивъ, нельзя предположить, чтобы Евклидъ ни разу не показалъ ея своему другу въ то время, когда Платонъ жилъ въ Мегарѣ. Какъ же иначе могли они проводить здѣсь время, если не разсуждали о философскихъ вопросахъ, не вспоминали какъ можно часто о Сократѣ и не читали тѣхъ записокъ, въ которыхъ сберегались и для нихъ и для потомства слова ихъ уважаемаго учителя? Впрочемъ, что касается до содержанія Евклидовой рукописи, то мудрено думать, чтобы Платонъ не былъ знакомъ съ нимъ еще въ Афинахъ. Каково же было это содержаніе?

Изъ того, что рукопись Евклида, о которой говоритъ Платонъ, мы признаемъ дѣйствительнымъ историческимъ документомъ, существованіе котораго Платонъ зналъ очень хорошо, не слѣдуетъ конечно, чтобы діалогъ Θεэтеть, ко-

горый считается произведеніемъ Платона, былъ на самомъ дѣлѣ только копіею съ этой не дошедшей до насъ рукописи Евклида. Такое мнѣніе не только противорѣчило бы твердому историческому преданію о томъ, что *Θεэтетъ* есть самостоятельное произведеніе Платона, но и было бы несогласно съ самымъ содержаніемъ этого діалога. Большая его часть, именно критика Протагоровой философіи и сопредѣльныхъ съ нею ученій прежнихъ философовъ, со всѣми вставками и эпизодами, несомнѣнно принадлежитъ лично Платону. Ибо если это не Платона, то нѣтъ философіи Платона, или въ философской системѣ Платона нѣтъ существенной страницы, которую онъ долженъ былъ написать по силѣ принципа своего философскаго міровоззрѣнія. Сократъ, на сколько онъ извѣстенъ намъ исторически какъ философъ, никогда не пускался въ изъясненіе цѣльныхъ философскихъ міровоззрѣній, никогда не велъ счетовъ съ системами, онъ боролся съ отдѣльными мнѣніями, съ общимъ смысломъ, встрѣчалъ ли его въ не обработанномъ видѣ въ головахъ юношей, или въ обработанномъ—въ философіи софистовъ: онъ старался очищать понятія, уяснять смыслъ сущности каждаго изъ нихъ, потому сравнивалъ ихъ, противуполагалъ, редуцировалъ изъ нихъ *ad absurdum*, и никогда, кажется, не простиралъ своей критики на цѣлыя философскія системы, никогда не комбинировалъ ихъ по плану опредѣленной философской критики, опирающейся на одно какое-либо цѣльное философское міровоззрѣніе, какія имѣли Платонъ или Аристотель. Ни одинъ изъ тѣхъ разговоровъ Сократа, которые записаны Ксенофонтомъ въ его *Достопамятностяхъ*, не походитъ ни по плану ни по задачѣ на тѣ страницы нашего діалога, на которыхъ критикуются Протагоръ и Гераклитъ и подкапываются самыя основанія сенсуализма и эмпиризма. Но нѣкоторыя страницы діалога, дѣйствительно, очень напоминаютъ тѣ простыя бесѣды Сократа, которыя мы читаемъ у Ксенофонта и въ которыхъ

критическая его мысль, какъ лучъ свѣта, пробирается по лабиринту понятій общаго смысла, то освѣщая ихъ, то сама теряясь въ ихъ мракѣ. Руководясь этимъ сходствомъ, мы думаемъ, что содержаніемъ рукописи Евклида была только нѣкоторая часть нашего діалога. Какая именно часть діалога по содержанію своему могла быть взята Платономъ изъ рукописи Евклида, это должно быть выяснено чрезъ все изслѣдованіе діалога. Но нельзя, конечно, и думать восстановить по Θεэтету рукопись Евклида, какъ историческій памятникъ, и указать, какія именно слова въ діалогѣ заимствованы Платономъ изъ этой рукописи. Несомнѣнно, что весь діалогъ написанъ Платономъ, и всѣ заимствованія, откуда бы онѣ ни были, вошли въ діалогъ въ такой литературной отдѣлкѣ, которая свойственна и стилю Платоновой рѣчи и его личному плану изслѣдованія вопроса. Но признавая, что рукопись Евклида дѣйствительно существовала, какъ упоминаетъ о ней Платонъ, мы можемъ въ извѣстной степени вѣроятности утверждать, что изъ діалога Платона должно быть признано за содержаніе этого документа.

Но обратимся къ другому источнику нашего діалога.

Обращаясь къ историческимъ свидѣтельствамъ, мы находимъ, что Платонъ изъ Мегары отъ Евклида отправился въ Кирену къ Θεодору. Никто, конечно, серьезно не откажетъ намъ въ правѣ сдѣлать здѣсь очень естественное предположеніе, что Платонъ въ это свиданіе съ Θεодоромъ велъ съ нимъ между прочимъ бесѣду о томъ же самомъ, о чемъ разсуждалъ Сократъ съ Θεэтетомъ въ рукописи Евклида. Предоставимъ дальнѣйшему изложенію опредѣлить степень достовѣрности этого предположенія. Θεодоръ, какъ оказывается это изъ самого діалога, былъ въ свое время близокъ съ Протагоромъ и держался, повидимому, его философіи. Тѣмъ естественнѣе такимъ образомъ разговоръ ме-

жду ними могъ коснуться ученія Протагора о знаніи, хотя оно конечно и само собою тяготило философскую мысль Платона. Здѣть-то, въ этой бесѣдѣ Платона съ Θεодоромъ, думаемъ, изощрилась противъ Протагора діалектическая критика Платона. Сюда въ Кирену носитель идей принесъ свою задушевную мысль..... Да не за тѣмъ ли онъ и прибылъ къ Θεодору, чтобы поговорить поподробнѣе съ знатокомъ и сторонникомъ того ученія, которое шло въ разрѣзъ съ завпавшимъ въ его душу образомъ міра идей?... Во всякомъ случаѣ, бесѣдуя съ Θεодоромъ, онъ дѣйствительно могъ уяснить себѣ противное ученіе и, расширивъ свой критическій кругозоръ на всю область философскаго эмпиризма, построить планъ той богатой критической комбинаціи философскихъ ученій, которую мы находимъ теперь въ его діалогѣ. Здѣсь, наконецъ, въ этой бесѣдѣ съ Θεодоромъ, ревнуя къ идеальному міру и соотвѣтствующему ему плану философской жизни, Платонъ могъ набросать картину истинно философской личности въ контрасть съ личностію изъ сферы практической, негоціальной жизни. Но Θεодоръ, какъ это осталось ясно замѣтно въ діалогѣ, не охотно шелъ за своимъ собесѣдникомъ по всѣмъ тѣмъ діалектическимъ тонкостямъ, на которыя изощрился возбужденный умъ Платона. Онъ просилъ Платона освободить его отъ непривычнаго для него изслѣдованія, когда тотъ открылся ему въ томъ, что онъ мучится съ вопросомъ о знаніи, говоря: τοῦτ' αὐτὸ τοίνυν ἐστὶν ὃ ἀπορῶ καὶ οὐ δύναμαι λαβεῖν ἱκανῶς παρ' ἑμαυτῶ, ἐπιστήμη ὅ τί ποτε τυγχάνει ὄν (145^ε). Можетъ быть онъ на самомъ дѣлѣ предлагалъ ему взять къ себѣ въ сообщники τῶν μερακίων τι, указывая на бывшихъ тутъ своихъ учениковъ, а о себѣ говорилъ: ἐγὼ μὲν γὰρ ἀήθης τῆς τοιαύτης διαλέκτου, καὶ οὐδ' αὖ συνέθίζεσθαι ἠλικίαν ἔχω (146^β). Это-то замѣчаніе Θεодора мотивировало, быть можетъ, для Платона въ послѣдствіи тотъ планъ изложенія, по которому послѣдующее за тѣмъ развитіе своихъ мыслей (146^ε 161^α)

онъ передалъ въ формѣ разговора Сократа съ Θεэтетомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, исторически разговоръ между Платономъ и Θεодоромъ шелъ такимъ образомъ, что послѣ просьбы Θεодора освободить его отъ діалектическихъ преній, Платонъ сталъ уговаривать его не оставлять его безъ помощи своимъ словомъ, высказывая ту мысль, которая находится на 161^b именно, что онъ не мѣшокъ мыслей, что напротивъ всякая въ немъ мысль — не отъ него самого, а отъ того, кто съ нимъ разговариваетъ: φιλόλογος γ'εἰ ἀτεχνῶς καὶ χρηστός, ὡ Θεόδωρε, ὅτι με οἶε λόγων τινὰ εἶναι θύλακον..... τὸ δὲ γιγνώμενον οὐκ ἐννοεῖς ὅτι οὐδεὶς τῶν λόγων ἐξέρχεται παρ'ἐμοῦ ἀλλ'ἀεὶ παρὰ τοῦ ἐμοὶ προσδιαλεγομένου. Хотя эта особенность усвоена исторически какъ черта интеллектуальной личности Сократа, и въ данномъ мѣстѣ у Платона именно Сократъ говоритъ о себѣ эти слова, но въ то же время она есть имманентная черта діалектическаго мышленія вообще, слѣдовательно и мышленія Платона. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что, бесѣдуя съ Θεодоромъ, Платонъ, среди совершенно личнаго разговора, который не могъ потомъ имѣть въ его глазахъ никакого литературнаго значенія, высказалъ ему между прочимъ подобное замѣчаніе о себѣ самомъ въ отвѣтъ на его предложеніе уволить его отъ діалектическихъ изысканій. Это-то замѣчаніе, сказанное имъ здѣсь ad rem, дало ему, можетъ быть, поводъ углубиться въ послѣдствіи въ сущность и значеніе тѣхъ психологическихъ явленій, которыя имѣютъ мѣсто вслѣдствіе взаимнаго обмѣна людей мыслями и легло въ основаніе того безсмертнаго изображенія діалектической жизни души, которое такимъ мастерскимъ образомъ дано въ діалогѣ въ отдѣльной картинѣ развитія и очищенія изъ мрака общаго смысла, въ который погруженъ былъ Θεэтеть, общихъ и ясныхъ понятій, по требованію основныхъ законовъ мышленія, повивальною логикою Сократа. Такимъ образомъ, по нашей идеѣ, содержаніе этихъ страницъ діалога (146 ° 161 °) не

входило въ составъ той бесѣды, которую въ дѣйствительности велъ Платонъ съ Θεодоромъ. Въ дѣйствительности Платону достаточно было такъ или иначе высказать мнѣніе о томъ, что онъ надѣется лучше выяснитъ себѣ вопросъ о знаніи, если онъ будетъ разговаривать съ нимъ объ этомъ, чтобы Θεодоръ отвѣчалъ ему въ родѣ того какъ сказано у Платона: *Σὺ κάλλιον, ὦ Σώκρατες, λέγεις· καὶ ποίει οὕτως* (161^b). Тогда Платонъ обратился къ нему съ такою рѣчью: *Οἴσθ' οὖν, ὦ Θεόδωρε, ὃ θαυμάζω τοῦ ἑταίρου σου, Πρωταγόρου;* и когда вслѣдъ затѣмъ раскрылъ предъ нимъ слабыя стороны ученія Протогора о знаніи, то Θεодоръ могъ естественно снова замѣтить ему, что *οὐκ ἂν δεξαίμην δι' ἐμοῦ ὁμολογοῦντος ἐλέγχεσθαι Πρωταγόραν— φίλον ἄνδρα — οὐδ' αὖ σοὶ παρὰ δόξαν ἀντιτείνειν* (162^a). Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что подобную рѣчь Платонъ могъ вложить въ уста Θεодору, только заподлинно зная отношеніе его къ Протагору и его философіи. Если же мы исторически знаемъ, что Платонъ былъ у Θεодора прямо отъ Евклида, у котораго онъ видѣлъ и читалъ записанный имъ разговоръ Сократа съ Θεэтетомъ по вопросу о знаніи, если въ то же время, на сколько мы понимаемъ философію Платона, мы критически убѣждены въ томъ, что Платонъ непременно долженъ былъ интересоваться Протагоровымъ ученіемъ о знаніи; то спрашивается, далеко ли мы отъ истины, когда утверждаемъ, что Платонъ именно въ это свиданіе съ Θεодоромъ говорилъ съ нимъ о философіи Протагора, и не принуждены ли мы, читая у Платона такія выраженія Θεодора, которыя, какъ сказано, могли быть приписаны ему Платономъ только по сознанію ихъ исторической правдивости, не принуждены ли мы утверждать, что именно эти или совершенно подобныя имъ выраженія были дѣйствительно сказаны Θεодоромъ въ этотъ разговоръ его съ Платономъ? Но если такъ много исторической правды въ словахъ Θεодора у Платона, то не меньшею дѣйствительностію дышатъ и тѣ слова самого Платона, съ кото-

рыми онъ, въ лицѣ Сократа, обращается въ діалогъ къ Теодору—разъ съ мучающимъ его вопросомъ, въ чемъ состоитъ знаніе (145^е) и другой разъ — съ просьбою принять участіе въ разрѣшеніи тяготящей его идеальной философскій духъ Протагоровой теоріи знанія (161^{в е}). Если Платонъ говорилъ съ Теодоромъ обо всемъ этомъ, то говорилъ именно такъ, какъ говоритъ у него въ діалогъ Сократъ—тономъ глубокаго умственнаго затрудненія и искренности, какими звучатъ его слова въ двухъ вышесказанныхъ мѣстахъ. Нужно ли при этомъ повторять, что Платонъ дѣйствительно говорилъ съ Теодоромъ?

Но понятно однако, что для критики вовсе не можетъ быть интересно само по себѣ то или другое слово, сказанное въ дѣйствительности Теодоромъ и Платономъ; не слово дорого для критики, но то, что то или другое слово служить для нея признакомъ того, что въ основѣ нашего діалога лежитъ между прочимъ дѣйствительный разговоръ Платона съ Теодоромъ. Хотя исторія вещей не объясняетъ ихъ смысла, но несомнѣнно, она ставитъ мышленіе при изученіи ихъ въ нормальные предѣлы. Такъ и въ нашемъ случаѣ, зная исторію происхожденія произведенія Платона, нельзя уже, напримѣръ, вмѣстѣ съ Штейнгартомъ мотивировать разговаривающія въ діалогѣ лица Θεэтета и Теодора такъ, что они суть представители двухъ разныхъ характеровъ умозрѣнія (т — же, с. 20. и слѣд.); или утверждать вмѣстѣ съ Мункомъ, что въ Θεететѣ Платонъ изобразилъ идеаль юноши, имѣющаго призваніе къ философіи, или идеаль ученика (т — же, с. 404, 405); напротивъ можно быть рѣшительно убѣжденнымъ въ томъ, что эти два лица исторически были тѣсно связаны въ воображеніи Платона съ тѣми рѣчами, которыя мы привели доселѣ изъ его діалога.

Перечитывая внимательно діалогъ нѣсколько разъ, легко замѣтитъ, что роли собесѣдниковъ Сократа, Θεэтета и Теодора, раздѣлены между ними по содержанію, притомъ такъ

что Теодоръ, какъ сказали мы это въ Замѣткѣ о лицахъ въ діалогѣ, говоритъ какъ будто нѣхотя, то ссылаясь на свои лѣта и непривычку вести такія рѣчи, то прямо говоря, что мы (т.-е. онъ и нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ Протагора) ἐκ τῶν ψιλῶν λόγων πρὸς τὴν γεωμετρίαν ἀπενεύσαμεν (165^a), Шлейермахеръ давно задалъ критикѣ вопросъ: «почему Теодоръ здѣсь (т.-е. выведенъ Платономъ въ діалогѣ) и почему Сократъ такъ пристаётъ къ нему, чтобы онъ велъ съ нимъ разговоръ?» (Т—же, с. 180). Отъ глубокомысленнаго критика не ускользнула эта особенность положенія Теодора въ діалогѣ, но онъ оставилъ вопросъ не разрѣшеннымъ; или ограничился только субъективнымъ предположеніемъ для объясненія этого, какъ онъ говоритъ, «удивительнаго стремленія Сократа втянуть Теодора въ разговоръ» (т — же, с. 306); не разрѣшила его и послѣдующая критика, потому что съ ея основной точки зрѣнія на діалоги Платона, мотивируемой идеею ихъ драматизма, этотъ вопросъ не разрѣшается. Рѣшеніе его, повидимому, можетъ быть дано съ точки зрѣнія на историческое происхожденіе діалога, какъ литературнаго произведенія. Смотри на дѣло съ этой точки, мы не можемъ забывать, что Платонъ, какъ авторъ, имѣлъ полную возможность ввести въ разговоръ лицо заинтересованное даннымъ вопросомъ съ начала до конца, а не относящееся къ нему какъ къ ψιλῶι λόγοι. Если же Теодоръ, какъ замѣчено, говоритъ въ діалогѣ какъ будто нѣхотя, то это нѣхотя мы въ правѣ, кажется, отнести къ самому автору. Значитъ, самъ авторъ былъ чѣмъ-нибудь принужденъ ввести въ свой діалогъ лицо, которое однако не хотеть принимать въ немъ участія. Какое же могло быть въ этомъ случаѣ для Платона иное принужденіе, если не то, что онъ дѣйствительно разговаривалъ съ Теодоромъ по вопросу, составляющему содержаніе діалога, и тотъ дѣйствительно уклонялся отъ разговора? Что же въ самомъ дѣлѣ мы видимъ въ діалогѣ? Теодоръ отказывается вести

бесѣду, но Сократъ убѣждаетъ его принять участіе всегда, какъ только заходитъ рѣчь о Протагорѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ — при изслѣдованіи теоріи движенія, какъ общей формы бытія вещей, теоріи сенсуализма съ ея формальной стороны и др., Θεодоръ не принимаетъ ни малѣйшаго участія, а коль скоро критическая мысль автора обращается къ теоріи Протагора, то Сократъ прямо обращается къ нему, и онъ дѣйствительно принимаетъ наконецъ участіе, но за то ни слова не дано ему Планомъ во второй части діалога, гдѣ также ни слова не говорится о Протагорѣ. Что за фатализмъ этого лица въ мышленіи Платона, что оно должно вести съ Сократомъ рѣчь только о Протагорѣ, если это не есть историческій фатализмъ?

То обстоятельство, что роль Θεодора въ діалогѣ опредѣляется извѣстною частію его содержанія, есть, по нашему мнѣнію, общій признакъ того, что въ основѣ нашего діалога лежитъ между прочимъ бывшій разговоръ Платона съ Θεодоромъ о Протагорѣ. При этомъ замѣтимъ однако, что чѣмъ болѣе вѣроятія въ томъ, что многія мысли и даже цѣлыя выраженія въ діалогѣ дѣйствительно и исторически принадлежатъ Θεодору, а неизмышленны Платономъ въ виду какихъ-нибудь драматическихъ цѣлей, тѣмъ менѣе можетъ быть дѣломъ критики отыскивать ихъ на страницахъ діалога. Потому что критика должна твердо помнить, что на всемъ изложеніи Платона лежитъ печать его собственной литературной отдѣлки. Вслѣдствіе этого было бы совершенно праздною попытка возстановить разговоръ Платона съ Θεодоромъ и дать всѣмъ встрѣчающимся въ діалогѣ рѣчамъ Θεодора ихъ историческое мѣсто въ разговорѣ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти рѣчи (162^b, 165^a, 168^c °), въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой связи разговора были произнесены Θεодоромъ; но признакъ того, что въ памяти Платона, при написаніи имъ Θεэтета, лежалъ собственный разговоръ его съ Θεодоромъ, заключается ко-

нечто не въ частностяхъ, не въ отдѣльныхъ словахъ Теодора, (хотя и это будетъ указано ниже), но въ цѣломъ планѣ построения діалога. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что мѣсто, съ котораго въ діалогѣ начнется вновь бесѣда Сократа съ Теодоромъ (169^a), по содержанию своему, совершенно тождественно съ тѣми мыслями, которыя высказалъ Платонъ выше, выставляя слабыя стороны ученія Протагора. Но здѣсь, послѣ того какъ Теодоръ уклонился отвѣчать что либо на эти возраженія, Платонъ перевелъ критику тезиса Протагора на изслѣдованіе положенія вообще сенсуализма, что знаніе есть ощущеніе, говоря: "Ἀλλῆ δὴ σκεπτέον—τῇ δὲ—εἰ ἄρα ἐστὶν ἐπιστήμη τε καὶ αἴσθησις ταῦτόν ἢ ἕτερον; и въ продолжительной бесѣдѣ Сократа съ Теэтетомъ (163^a — 163^e), происхожденіе которой мы постараемся объяснить въ послѣдствіи, доказываетъ, что знаніе не то же что ощущеніе. Когда такимъ образомъ эта общая мысль, въ связи съ которой стоитъ тезисъ Протагора, была отвергнута, Сократъ отъ лица Протагора изясняетъ собственный смыслъ Протагорова тезиса и, приступая теперь къ изслѣдованію его, обращается снова къ Теодору и начинаетъ, какъ сказано, съ той самой мысли, которую онъ высказалъ предъ нимъ выше: ὀλίγον ἐπιστοῦ, μέχρι τούτου αὐτοῦ, ἕως ἄν εἰδῶμεν, εἴτε ἄρα σὲ δεῖ διαγράμματων περὶ μέτρον εἶναι, εἴτε πάντες ὁμοίως σοὶ ἱκανοὶ εἰαυτοῖς εἰς τε ἀστρονομίαν καὶ τᾶλλα, ὧν σὺ περὶ αἰτίαν ἔχεις διαφέρειν (169^a срав. 161^c "e). Нельзя ли думать, что въ дѣйствительности разговоръ Платона съ Теодоромъ, который, какъ мы думаемъ, лежитъ въ основѣ его произведенія, шелъ именно такъ, что выставивъ предъ Теодоромъ слабыя стороны ученія Протагора, Платонъ мало по малу втянулъ его въ разговоръ, развѣвивъ предъ нимъ внутренній смыслъ философскаго ученія Протагора (166^a, 168^c)?

Впрочемъ въ самомъ разговорѣ, который отселѣ ведется между Сократомъ и Теодоромъ о философіи Протагора,

есть нѣсколько признаковъ того, что при написаніи его въ памяти Платона былъ дѣйствительный разговоръ его съ Теодоромъ. Отмѣтимъ эти признаки.

На усиленную просьбу Сократа Теодоръ, соглашаясь наконецъ вести съ нимъ рѣчь о философіи Протагора, прибавляетъ однако: οὐ μέντοι περαιτέρω γε ὦν προτίθεσσι οἷός τ' ἔσομαι παρασχεῖν ἑμαυτόν σοι (169 °). Съ этихъ поръ, какъ уже замѣчено, разговоръ ведется исключительно между Сократомъ и Теодоромъ безъ всякаго участія Теэтета—до 183 стр. включительно; между тѣмъ какъ во всей остальной части діалога—до 216 стр. Теодоръ, напротивъ, остается нѣмымъ лицомъ. Спрашивается, можно ли подобное распределеніе рѣчей между разговаривающими въ діалогѣ объяснить литературнымъ или собственно драматическимъ требованіемъ произведенія? Ясно, что условія драматическаго развитія разговора требовали бы совершенно иного распределенія рѣчей между разговаривающими. Съ другой стороны, причину такого порядка ихъ нельзя найти въ путяхъ и критическаго мышленія автора. Еще же менѣе можно связать съ критическимъ путемъ мысли Платона то явленіе, что одинъ изъ участниковъ на этомъ пути появляется всегда съ такимъ принужденіемъ и только въ извѣстномъ мѣстѣ. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ ограниченіемъ, которое, какъ условіе своего участія въ бесѣдѣ, выставилъ Теодоръ выше, оканчивая ее, онъ напоминаетъ Сократу, что предметъ, о которомъ онъ рѣшился съ нимъ бесѣдовать, исчерпанъ и потому по уговору онъ устраняется отъ дальнѣйшаго собесѣдованія: τοῦτων γὰρ περανθέντων καὶ ἐμὲ δεῖ ἀπηλλάχθαι σοὶ ἀποκρινόμενον κατὰ τὰς συνθήκας, ἐπεὶ δὴ τὸ περὶ τοῦ Πρωταγόρου λόγου τέλος σχοίη (183 °). Нельзя, повторяемъ, повѣсть, какія условія могли быть въ критическомъ мышленіи Платона, или въ планѣ драматическаго построенія имъ діалога, которыя бы могли заставить его дать Теодору слово въ бесѣдѣ съ Сократомъ только по уговору,

если не утверждать, что въ этихъ, ничѣмъ не объяснимыхъ ни литературно ни критически, явленіяхъ сказалась у Платона память о той бесѣдѣ, которую онъ самъ на самомъ дѣлѣ велъ когда-то съ Θεοδωρῷ. Но далѣе, развивая мысль о человѣкѣ, какъ о мѣрѣ всего сущаго, какъ она примѣняется или не примѣняется въ дѣйствительности, Сократъ замѣчаетъ: Λόγος δὲ ἡμᾶς, ὦ Θεόδωρε, ἐκ λόγου, μεῖζων ἐξ ἐλάττωνος καταλαμβάνει. Αὐτοῦ Θεόδωρος: Οὐκοῦν σχολὴν ἄγομεν, ὦ Σώκρατες (172^b). У кого столь слабо историческое воображеніе, что онъ не услышитъ въ этихъ словахъ Сократа нѣкотораго извиненія, которое естественно могъ высказать Платонъ, когда, послѣ долгихъ уговоровъ расположивъ Θεοδωρὸν къ бесѣдѣ, онъ замѣтилъ, что рѣчь его все растетъ и растетъ и что онъ такимъ образомъ, можетъ быть, злоупотребляетъ любезностію своего собесѣдника? И кто откажетъ отвѣтнымъ словамъ Θεοδωροῦ въ томъ, что онѣ были сказаны въ смыслѣ поощренія? Но остановимся еще на одномъ мѣстѣ, въ которомъ также усматривается историческое, а не вымышленное происхожденіе этой части діалога. Мы говоримъ о замѣчаніи Θεοδωροῦ (179^b) относительно втораго аргумента Сократа противъ Протагорова положенія *homo mensura*, заключающагося въ той мысли, что не всякій въ равной степени есть мѣрило будущаго, а только тотъ, кто отъ условій настоящаго можетъ заключать къ необходимости будущаго. Ἐκεῖνη, говоритъ Θεόδωρος, μοι δοκεῖ, ὦ Σώκρατες, μάλιστα ἀλίσκεσθαι ὁ λόγος ἀλίσκεμενος καὶ ταύτη ἢ τὰς τῶν ἄλλων δόξας κυρίας ποιεῖ, αὐταὶ δὲ ἐφάνησαν τοὺς ἐκείνου λόγους οὐδαμῆ ἀληθεῖς ἠγούμεναι. Этотъ первый аргументъ противъ Протагора находится на 171^a и читается: Οὐκοῦν τὴν (т.-е. οἴησιν) αὐτοῦ ἂν ψευδῆ ζυγῶροι, εἰ τὴν τῶν ἠγούμενων αὐτὸν ψεύδεσθαι ὁμολογεῖ ἀληθῆ εἶναι; Какъ будетъ раскрыто въ послѣдствіи, кажущаяся Θεοδωρῷ недостаточность этого аргумента противъ Протагора, по мнѣнію его, состоитъ конечно въ отсутствіи допол-

невія при словѣ ψευδῆ, т.-е. τοῖς ἠγούμενοις αὐτὸν ψεύδεσθαι. Спрашивается, разумно ли допустить, чтобы Платонъ, если бы признавалъ самъ недостаточность этого своего аргумента противъ Протагора, оставилъ его безъ исправленія, или вовсе не уничтожилъ, а ограничился лишь тѣмъ, что заставилъ Θεодора замѣтить, что этотъ аргументъ не настолько силенъ какъ другой? Не правдоподобнѣе ли думать, что это замѣчаніе Θεодора дѣйствительно было сказано имъ, когда Платонъ развивалъ предъ нимъ свои аргументы противъ Протагора, и вошло потомъ въ сочиненіе Платона по памяти, между тѣмъ какъ ему самому не казалось и не могло казаться, что этотъ аргументъ фальшивъ и что онъ потеряетъ свою силу, если къ слову ψευδῆ присоединить означенное дополненіе.

Итакъ, вотъ, по нашему мнѣнію, признаки историческаго происхожденія по своей основѣ той части діалога, въ которой подвергнуть критикѣ знаменитый тезисъ Протагора: ἀνθρώπος μέτρον πάντων. Эта часть, начинаясь на 161 стр. продолжается до 163 и съ 166 до 183. На этихъ двадцати двухъ страницахъ по Стефану, за исключеніемъ нѣкоторыхъ тамъ и сямъ вошедшихъ сюда мѣстъ, быть можетъ, изъ рукописи Евклида, Платонъ, полагаемъ мы, изложилъ по памяти въ лицѣ Сократа свой собственный разговоръ съ Θεодоромъ въ Мегарѣ, передѣлавъ его по требованію литературнаго стиля, опустивъ не литературныя выраженія и размѣстивъ его части по плану всего содержанія, входящаго въ составъ діалога.

Но ко всему, что сказано нами доселѣ въ доказательство такого нашего мнѣнія, мы прибавимъ здѣсь еще слѣдующее. Та неотступная просьба, съ которой Сократъ въ діалогѣ обращается къ Θεодору, склоняя его къ бесѣдѣ съ собою о философіи Протагора, не оправдываясь ни занятіемъ Θεодора вообще философіею, ни тѣми мыслями, которыя онъ высказалъ о ней въ діалогѣ, и во всякомъ слу-

чаѣ, будучи въ литературномъ отношеніи бременемъ діалога, какъ литературнаго произведенія, получаетъ весь свой смыслъ, когда мы въ историческомъ своемъ воображеніи представимъ себѣ, что всѣ эти просьбы и уговариванья дѣйствительно были произнесены самимъ Платономъ предъ Θεодоромъ. Смыслъ этого балласта словъ въ литературномъ произведеніи лежитъ глубоко въ натурѣ діалектическаго мышленія Платона. Діалектическое мышленіе, какъ опредѣляетъ его самъ Платонъ, состоитъ въ разговорѣ души самой съ собою (190^a). Оно слагается изъ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ замѣчаній, возраженій и мнѣній, которыя рождаются въ немъ вслѣдствіе того особеннаго состоянія разума, которое древніе называли ἀπορία, т.-е. затрудненіе, происходящаго отъ сознанія противорѣчія явленій и мнѣній или выводовъ изъ нихъ—съ основными законами мышленія. Въ такой-то апоріи стояло, должно было стоять мышленіе Платона въ отношеніи къ философскому ученію Протагора. Въ діалектическомъ ходѣ мышленія эта апорія его должна была разрѣшиться на множество вопросовъ, недоумѣній, отвѣтовъ и соображеній. На сколько психологически раціональна такъ называемая сократическая метода обсужденія и изученія умственныхъ вопросовъ, на столько вѣроятно то предположеніе, что Платонъ, философскій духъ котораго былъ полонъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, въ которомъ философское ученіе Протагора породило тяжелую умственную апорію, искалъ и добивался бесѣды—тѣмъ болѣе съ тѣмъ, кто, будучи когда-то преданъ философіи Протагора, могъ, казалось ему, лучше другаго вызвать въ его душѣ живую мысль, возбудить въ ней рядъ новыхъ понятій, которыя безъ того не выступили бы къ сознанію, будучи подавлены въ душѣ массою иныхъ мыслей и иныхъ понятій. Обмѣнъ мыслей въ разговорѣ важенъ не потому, что разговаривающіе получаютъ другъ отъ друга новыя мысли, но потому что каждый уясняетъ себѣ свои собствен-

ныя и овладѣваетъ такимъ образомъ мало по малу всѣмъ содержаніемъ своего духа. Эта тайна дѣйствія разговора, болѣе или менѣе знакомая всякому изъ насъ, сколько-нибудь наблюдавшему надъ собой, безъ сомнѣнія была хорошо извѣстна Платону. «Я не мѣшокъ мыслей, говоритъ Сократъ за Платона, но всѣ мои мысли отъ того, кто разговариваетъ со мною.» Убѣжденіе въ животворномъ дѣйствіи разгара для порожденія и уясненія мыслей въ умахъ разговаривающихъ не было для Платона только результатомъ простаго психологическаго наблюденія, но было тѣсно связано съ самымъ основнымъ его психологическимъ убѣжденіемъ, что душа изначала присуще знаніе всего, которое она потомъ забыла, и вмѣстѣ съ тѣмъ опиралось на глубокое метафизическое ученіе его о воспоминаніи. Если все это справедливо, то гдѣ искать подлиннаго смысла всѣмъ тѣмъ словамъ просьбы, съ которыми столько разъ обращается въ діалогѣ Сократъ къ Θεодору, склоняя его къ разговору съ собою, — въ условіяхъ ли литературнаго, драматическаго стилия самого произведенія, для котораго однако, по самой простой реторикѣ, всѣ эти слова суть только балластъ, или въ требованіяхъ діалектическаго настроенія мышленія Платона, поставленнаго въ апорію, обремененнаго вопросами и сомнѣніями, что исторически переживалъ Платонъ въ то время, когда видѣлся съ Θεодоромъ и что онъ потомъ фотографически перенесъ на страницы своего произведенія, мало заботясь о томъ, что всѣ эти, хотя совершенно искреннія, выраженія затрудненнаго состоянія его мышленія, всѣ эти просьбы къ Θεодору помочь ему выдти изъ умственной апоріи, вредятъ литературному достоинству его произведенія, обременяя его своею замедляющею тяжестію? Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, діалектическое настроеніе мышленія Платона, будучи истиннымъ объясненіемъ діалогической формы и драматическаго вида его произведеній, какъ было это раскрыто нами въ другомъ мѣстѣ

(см. Анализъ Менона), въ то же время есть источникъ тѣхъ въ литературномъ отношеніи ничѣмъ не оправдываемыхъ явленій въ его сочиненіяхъ, каковы въ данномъ случаѣ излишество словъ замедляющихъ ходъ мысли... Да не видать ли въ этихъ просьбахъ Сократа къ Θεодору, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, въявь того, какъ естественно, само собою выливалось діалектическое мышленіе Платона въ діалогическую форму рѣчи и окрашивалось въ драматическій колоритъ?

Еще одна черта въ личности Θεодора, которая должна подтвердить приписываемое ему нами значеніе въ настоящемъ діалогѣ Платона. Это разговаривающее здѣсь съ Сократомъ историческое лицо поставлено совершенно оригинально въ отношеніи къ тому, что составляетъ предметъ ихъ разговора. Между тѣмъ какъ въ большинствѣ другихъ діалоговъ Платона разговаривающія съ Сократомъ лица суть выразители одного изъ мнѣній, возможныхъ по данному вопросу, Θεодоръ въ Θεэтетѣ не только не защищаетъ предъ Сократомъ какого-либо особаго мнѣнія, напротивъ, произнося вообще мало словъ, если и высказываетъ отъ себя мнѣнія, то совершенно согласныя съ личными мнѣніями Сократа, какъ, напримѣръ, о Гераклитейцахъ (179^а, 180^{а в с}). Историческое лицо, съ мнѣніями котораго ведетъ счетъ Сократъ въ разговорѣ съ Θεодоромъ, есть Протагоръ, а Θεодоръ есть просто собесѣдникъ Сократа, къ которому онъ и былъ въ дѣйствительности по отношенію къ Платону. Потому онъ и выступаетъ въ нашемъ діалогѣ такимъ активнымъ, такимъ жизненнымъ лицомъ, съ собственными словами, повторяя здѣсь то, что онъ высказывалъ въ дѣйствительности, когда бесѣдовалъ съ Платономъ, что принадлежитъ такимъ образомъ ему исторически. Отсюда отношеніе къ нему Платона какъ автора пассивно. Платонъ только воспроизвелъ въ своемъ діалогѣ его историческую рѣчь. А такъ какъ Θεодоръ велъ эту рѣчь, какъ мы это раскрыли выше, по

просьбѣ Платона, чтобы дать ему возможность уяснить себѣ его собственные мнѣнія, то данное сочиненіе Платона не есть просто реферация чужихъ мнѣній, изъ которой мы не можемъ узнать мнѣній самого автора, напротивъ, болѣе всего оно полно собственными его мнѣніями и всего менѣе мнѣніями Θεодора. Впрочемъ таково же, по отношенію къ оригинальности мнѣній, положеніе и другаго разговаривающаго лица въ діалогѣ—Θεэтета, какъ мы увидимъ это немедленно. Такимъ образомъ нашъ діалогъ, болѣе чѣмъ всякій другой, есть не столько источникъ ученій, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ его содержаніе, сколько источникъ собственныхъ философскихъ мнѣній Платона объ этихъ ученіяхъ. Поэтому очевидно, сколь предусмотрительна должна быть критика, принужденная черпать изъ нашего діалога, какъ почти изъ единственнаго источника, философское ученіе Протагора!

Если Θεодоръ имѣетъ мѣсто въ нашемъ діалогѣ просто по памяти Платона о дѣйствительно бывшемъ у него съ нимъ разговорѣ, а не какъ выразитель какого-либо опредѣленнаго философскаго ученія; то Θεэтеть въ свою очередь появляется здѣсь не какъ историческое лицо, защищавшее извѣстное философское ученіе, но какъ лишь олицетворенный голосъ тѣхъ мнѣній, которыя непосредственно лежали на пути діалектическаго хода мышленія самого Платона. Изъ самого діалога мы знаемъ тотъ историческій фактъ, что Сократъ бесѣдовалъ однажды съ Θεэтетомъ о томъ же самомъ предметѣ, который Платонъ изслѣдуетъ въ настоящемъ діалогѣ. Это историческое событіе, записанное, какъ мы знаемъ, Евклидомъ и безъ сомнѣнія извѣстное Платону, достаточно объясняетъ то, почему Платонъ въ настоящемъ діалогѣ избралъ въ собесѣдники Сократу Θεэтета. Если бы не было упомянутаго историческаго событія, то возможно,

что на мѣстѣ Θεэтета стояло бы въ діалогѣ другое лицо, или если бы мы не знали объ этомъ событіи какъ историческомъ фактѣ, то мы должны были бы искать иного объясненія появленію Θεэтета, или пришлось бы сказать въ этомъ случаѣ тоже самое, что сказано нами о Менонѣ въ діалогѣ его имени; именно—что несомнѣнно для насъ одно, что Платону во время обсужденія вопроса трактуемаго въ діалогѣ предносился образъ Θεэтета, но по какому мотиву избралъ онъ именно этотъ образъ, и въ какомъ видѣ онъ предносился ему—все это едва ли можетъ быть объяснено исторически. Но такъ какъ по отношенію къ Θεэкету мы находимся напротивъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ по отношенію къ Менону, то и пользуемся имъ, указывая историческую причину, по которой жребій палъ въ нашемъ діалогѣ на Θεэтета. При этомъ мы не хотимъ уклоняться отъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ ведетъ принятое нами объясненіе присутствія Θεэтета въ данномъ діалогѣ Платона. Весь смыслъ этихъ послѣдствій состоитъ въ томъ, что Θεэтеть, какъ онъ является въ діалогѣ, вовсе не есть живое лицо съ какимъ-либо опредѣленнымъ мнѣніемъ, по вопросу составляющему содержаніе діалога; напротивъ, отъ историческаго Θεэтета въ діалогѣ осталось только одно имя, носитель котораго высказываетъ самыя разнообразныя мнѣнія, какія только имѣлись на пути діалектическаго мышленія самаго Платона. Этотъ взглядъ, въ основѣ котораго лежитъ общее наше убѣжденіе въ томъ, что лица, являющіяся въ діалогахъ Платона, говорятъ въ нихъ не по типу ихъ драматическаго положенія, а по нуждамъ одного философствующаго разума Платона, расходится съ господствующимъ въ критикѣ мнѣніемъ, по которому, какъ было указано выше, Θεэтеть есть идеаль юноши одареннаго философскимъ соображеніемъ (Мункъ), который самъ (*spronte sua*) видитъ свои ошибки и поправляется (Штальбаумъ). Такъ какъ мы, кажется, съ достаточною убѣдительностію защищали свой

взглядъ на положеніе лицъ въ діалогахъ Платона въ Анализѣ Менона, то въ настоящемъ случаѣ не будемъ болѣе разсуждать объ этомъ, надѣясь что анализъ мнѣній Θεэтета покажетъ между прочимъ, до какой степени онѣ случайны для него и не оригинальны.

Существенный вопросъ нашъ теперь по отношенію къ рѣчамъ Θεэтета въ діалогѣ можетъ состоять въ томъ: что изъ діалога должно было быть содержаніемъ рукописи Евклида? Или, какія рѣчи Θεэтета и Сократа занесены Платономъ въ его діалогъ изъ этой рукописи? Согласно съ предшествующимъ мы думаемъ, что въ рукопись Евклида не входило ничего такого, что составляетъ содержаніе бесѣды Сократа съ Θεодоромъ, т.-е. изслѣдованіе Протогороваго теоріи знанія и сопредѣльныхъ съ нею философскихъ ученій. Но можно ли допустить, чтобы въ разговорѣ Сократа съ Θεэтетомъ, записанномъ Евклидомъ, былъ помѣщенъ и Θεодоръ? Рѣшеніе этого вопроса можетъ способствовать болѣе правильному извлеченію изъ діалога содержанія рукописи Евклида. Въ діалогѣ изображается, что Θεэтеть былъ представленъ Сократу Θεодоромъ (144^a d). Но между тѣмъ какъ въ предисловіи Евклидъ говоритъ, что въ записанномъ имъ разговорѣ Сократъ разговариваетъ съ Θεодоромъ и съ Θεэтетомъ, на самомъ дѣлѣ вся бесѣда Сократа съ Θεэтетомъ, содержаніе которой можетъ быть извлечено изъ нашего діалога, ведется вовсе безъ участія Θεодора. Отсюда уже является склонность предположить, что въ рукописи Евклида былъ записанъ разговоръ только Сократа съ Θεэтетомъ. Это предположеніе усиливается слѣдующими соображеніями. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что Евклидъ упоминаетъ объ участіи Θεодора въ бесѣдѣ Сократа съ Θεэтетомъ только въ одномъ мѣстѣ, именно когда онъ говоритъ о томъ, что въ его рукописи разговоръ записанъ безъ замедляющихъ ходъ изложенія вставокъ: οὐκ ἐμοὶ Σωκράτην διηροῦμενον ὡς διηγεῖτο,

ἀλλὰ διαλεγόμενον οἷς ἔφη διαλεχθῆναι—ἔφη δὲ τῷ τε γεωμέτρῃ Θεοδώρῳ καὶ τῷ Θεαιτήτῳ (143^b). Между тѣмъ нѣсколько выше, рассказывая о самомъ фактѣ встрѣчи и разговора Сократа съ Θεэтетомъ, Евклидъ говоритъ: καὶ μοι ἐλθόντι Ἀθήναζε τοὺς τε λόγους, οὓς διέλέχθη αὐτῷ, διηγήσατο (142^c). Эти два разныхъ дополненія къ одному и тому же дѣйствию, выраженному въ томъ и другомъ случаѣ однимъ и тѣмъ же глаголомъ, побуждаютъ къ тому, чтобы въ историческомъ отношеніи было избрано изъ нихъ какое-либо одно. Такъ какъ въ самомъ содержаніи разговора Сократа съ Θεэтетомъ Θεодоръ не принималъ участія (ибо вся его бесѣда съ Сократомъ въ діалогѣ основывается, по нашему мнѣнію, на историческомъ разговорѣ его съ самимъ Платономъ), то мы думаемъ, что выраженіе: οἷς ἔφη διαλεχθῆναι—τῷ τε γεωμέτρῃ Θεοδώρῳ, καὶ τῷ Θεαιτήτῳ—принадлежитъ Платону, а не Евклиду, что Платонъ ввелъ его въ данномъ мѣстѣ въ рѣчь Евклида только въ литературномъ интересѣ единства дѣйствія, такъ какъ въ литературномъ его произведеніи, разросшемся на почвѣ историческаго разговора Сократа съ Θεэтетомъ и составленномъ по памяти его собственной бесѣды съ Θεодоромъ, послѣдній долженъ былъ имѣть мѣсто.

Что же касается до рекомендательныхъ рѣчей Θεодора, которыми начинается бесѣда Сократа съ Θεэтетомъ, то позволительно думать, что онѣ также сочинены Платономъ, а не были записаны Евклидомъ по рассказу Сократа. Хотя нѣтъ вообще ничего невозможнаго въ томъ, что Θεодоръ былъ въ Аѳинахъ въ то время, къ которому, по свидѣтельству Евклида, относится бесѣда Сократа къ Θεэтетомъ, но нельзя не замѣтить, что нашъ діалогъ есть единственный источникъ, на который мы можемъ сослаться въ настоящемъ случаѣ; и такъ какъ вообще всѣ скудныя извѣстія объ этомъ древнемъ геометрѣ, которыя встрѣчаются у позднѣйшихъ, очевидно, построены на одномъ этомъ источникѣ, то

мы не знаемъ ничего вѣрнаго ни объ отношеніи его къ Сократу и Протагору, ни о его школѣ, ни о какихъ либо обстоятельствахъ его жизни. Протагоръ, говоритъ Германнъ, называется его ἑταῖρος 161^b, что конечно должно быть понято не въ смыслѣ, какъ думаетъ Асть (т — же, с. 190), философской зависимости, а скорѣе согласно съ 164^e и 168^c въ смыслѣ ихъ личнаго дружественнаго отношенія, вслѣдствіе чего Θεодоръ вмѣстѣ съ Калліемъ вступилъ въ управленіе оставшимся послѣ Протагора имуществомъ. (Hermann, Geschichte und System etc. с. 658. Прим. 487). Изъ достопамятностей Ксенофонта и изъ діалоговъ Платона мы не можемъ вывести никакого опредѣленнаго представленія объ отношеніи Θεодора къ Сократу. Впрочемъ на основаніи словъ самого Θεодора у Платона (165^a), что онъ отъ пустыхъ разсужденій (т.-е. философіи) обратился къ геометріи, мы не противимся предполагать, что онъ лично зналъ Сократа какъ и другихъ современныхъ философовъ. Но, какъ мы замѣтили еще въ Исторической Замѣткѣ, указанію, данному въ нашемъ діалогѣ, по которому Θεодоръ еще при жизни Сократа является лицомъ, имѣющимъ въ Аѣинахъ учениковъ, противорѣчитъ, кажется, свидѣтельство Діогена Лаэртія (III, 6. II, 103), что Платонъ вскорѣ по смерти Сократа былъ у Θεодора въ Киренѣ, гдѣ онъ также имѣлъ учениковъ. Ибо трудно допустить, чтобы Θεодоръ, имѣя конечно большую педагогическую практику въ Аѣинахъ, оставилъ этотъ городъ и искалъ себѣ дѣятельности въ Киренѣ. Съ другой же стороны мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы какія нибудь иныя побужденія въ родѣ тѣхъ, которыя заставили многихъ сократиковъ—заставили бы и Θεодора удалиться изъ Аѣинъ. Но хотя и при всемъ этомъ нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ, чтобы Θεодоръ, какъ говоритъ Евклидъ, незадолго до смерти Сократа былъ въ Аѣинахъ и представилъ ему Θεэтета, однако со всею рѣшительностію можно, кажется,

утверждать, что этот почтенный и серьезный человек не могъ говорить Сократу такъ тривіально, какъ говоритъ онъ въ діалогѣ. Такія слова какъ: μή καί τῷ δόξῳ ἐν ἐπιθυμίᾳ αὐτοῦ (т.-е. Θεэтета) εἶναι — οὐκ ἔστι καλός, προσέοικε δὲ σοὶ τήν τε σίμωτητα καὶ τὸ ἔξῳ τῶν ὀμμάτων — недостойны умнаго педагога и вообще вовсе не идутъ къ человеку такого хорошаго общества, къ которому принадлежалъ Θεодоръ, другъ Каллія, въ домѣ котораго, какъ описываетъ это Платонъ въ Протагорѣ, порядочные люди того времени говорили вообще болѣе деликатно. Потому мы думаемъ, что рассматриваемое нами мѣсто въ діалогѣ сочинено Платономъ для того, чтобы съ самаго начала связать разговаривающія лица, Θεодора и Θεэтета, какъ одно-временныхъ собесѣдниковъ Сократа, и не находилось въ рукописи Евклида. Даже если и сочтемъ за фактъ то, что Θεодоръ представилъ Θεэтета Сократу, слѣдуетъ думать, что онъ (Теодоръ) не былъ помѣщенъ въ рукописи Евклида, потому что тѣ мѣста діалога, въ которыхъ онъ разговариваетъ съ Сократомъ, не были, какъ мы доказывали это выше, помѣщены въ рукописи, а имѣютъ для себя иной историческій источникъ; собственно же въ бесѣдѣ Сократа съ Θεэтетомъ, какъ слѣды ея могутъ быть найдены въ нашемъ діалогѣ, Θεодоръ не участвуетъ. Евклидъ, который такъ заботился о литературной отдѣлкѣ своей рукописи, противорѣчилъ бы самъ себѣ, если бы сталъ записывать въ нее сообщенное ему Сократомъ извѣстіе о томъ, что Θεодоръ представилъ ему Θεэтета, тѣмъ болѣе что это представленіе, какъ мы утверждали это тотчасъ, было сдѣлано не въ той формѣ, какъ написано оно у Платона, и Сократъ безъ сомнѣнія передалъ его Евклиду въ какой нибудь парѣ словъ.

Согласно съ предшествующимъ мы полагаемъ, что первая, такъ сказать вступительная бесѣда Сократа съ Θεэтетомъ (144 ° — 145 °) написана непосредственно Платономъ, а въ рукописи Евклида не было ничего подобнаго. Руко-

пись Евклида, 'если допустимъ тотъ фактъ, что Θεодоръ представилъ Сократу Θεэтета, очень удобно могла начинаться слѣдующими словами Сократа, обращенными къ Θεэтету (145^с): Μανθάνεις που παρὰ Θεοδώρου γεωμετρίας ἄττα; Θεαι. "Εγώ γε. Σω. Καὶ τῶν περὶ ἀστρονομίαν τε καὶ ἁρμονίας καὶ λογισμοῦς; Θεαι. Προθυμοῦμαι γέ δή. Въ живомъ, дѣйстви- тельномъ разговорѣ этихъ словъ было совершенно доста- точно для знакомства Сократа съ Θεэтетомъ и для того, чтобы тотчасъ послѣ этого Сократъ заговорилъ о дѣлѣ. Именно, вслѣдъ за симъ Сократъ говорить, что онъ самъ хотя и разумѣетъ тоже кое-что въ разныхъ наукахъ, но недоумѣваетъ относительно одного, о чемъ и хочетъ погово- рить теперь. Καὶ μοι λέγε, продолжаетъ Сократъ, ἄρ' οὐ τὸ μανθάνειν ἐστὶ τὸ σοφώτερον γίνεσθαι περὶ ὃ μανθάνει τις. Если мы вообще допускаемъ, что въ діалогѣ Платона сохрани- лось что нибудь изъ подлинныхъ рѣчей Сократа, то эта рѣчь, и по формѣ своей и по содержанию, прежде всего должна быть приписана Сократу. По содержанию, она есть опредѣленіе понятія чрезъ сравненіе одного съ другимъ — способъ мышленія, которымъ, по свидѣтельству Аристоте- ля, Сократъ пользовался по преимуществу (Met. 1078^в 20. Срав. Ксеноф. Мемор. IV, V, 12, VI. 1). По формѣ, это краткій вопросъ обыкновенной разговорной рѣчи. Въ та- комъ же отношеніи, какъ Сократъ къ понятію μανθάνειν, выступаетъ тотчасъ въ діалогѣ самъ его авторъ по отно- шенію къ понятію ἐπιστήμη (145^с — 146^а)—но какая раз- ница! Тамъ прѣстая, обыденная рѣчь, здѣсь развитая, от- дѣланная вполне литературно. Что же касается до содер- жанія, то хотя вопросъ, что есть вѣчто? — дѣйствительно былъ вопросомъ Сократа, однако въ данномъ случаѣ, если бы даже Сократъ и поставилъ вопросъ о томъ, что́ есть ἐπιστήμη, въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей по этому вопро- су, онъ конечно не отставалъ бы и отъ понятія μανθάνειν, изъ котораго онъ вышелъ, и отъ понятія σοφία, которое

только что было признано имъ тождественнымъ съ понятіемъ ἐπιστήμη. Σω. Ταῦτόν ἄρα ἐπιστήμη καὶ σοφία; Θεαι. Ναί (145 °)
Съ другой стороны то обстоятельство, что на вопросъ: ἐπιστήμη, ὃ τί ποτε τυγχάνει ὄν; — отвѣчаетъ Θεодоръ, который, по нашему мнѣнію, не былъ помѣщенъ какъ разговаривающее лицо въ рукописи Евклида, уже и прежде опредѣлило наше мнѣніе относительно разсматриваемаго мѣста, что оно принадлежитъ непосредственно Платону, и въ той или другой формѣ содержаніе его дѣйствительно было высказано имъ въ разговорѣ съ Θεодоромъ, а не находилось въ рукописи Евклида. Итакъ то, что, по нашему мнѣнію, изъ разсматриваемаго текста діалога могло быть въ рукописи Евклида, мы принимаемъ только отъ слова μανθάνεις 145 ° до слова ναί 145 ° .

Замѣтимъ здѣсь вновь, что извлекая изъ текста діалога текстъ рукописи Евклида, мы совершенно далеки отъ той мысли, что мы можемъ возстановить этотъ текстъ дословно. Ибо, очевидно, мы не владѣемъ для этой цѣли необходимыми средствами, т.-е. никакимъ признакомъ того, что то или другое мѣсто въ діалогѣ все цѣликомъ находилось въ рукописи. Мы напротивъ твердо убѣждены въ томъ, что Платонъ вовсе не ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ лишь свои прибавленія къ рукописи Евклида, оставивъ ея текстъ безъ измѣненія; ничуть — весь діалогъ написанъ непосредственно имъ, такъ что, говоря вообще, вынуть изъ него разговоръ Сократа съ Θεэтетомъ, какъ онъ былъ записанъ Евклидомъ, — дѣло рѣшительно невозможное. Но и при полной утратѣ для насъ этой рукописи, если самъ Платонъ говоритъ намъ, что въ основѣ его произведенія лежитъ между прочимъ она какъ историческій документъ, то мы, какъ было доказано, не имѣя основанія не вѣрить его словамъ или считать ихъ подложными, можемъ въ извѣстной мѣрѣ опредѣлить, какія именно мысли изъ діалога должны были быть въ рукописи Евклида. Итакъ только въ

этомъ смыслѣ, очевидно, можетъ быть возстановленъ потерянный документъ.

Вопросъ о томъ, что есть знаніе, какъ онъ высказанъ въ діалогѣ въ первый разъ (145°), поставленъ безразлично къ тому или другому способу его изслѣдованія. Но соображаясь съ литературнымъ планомъ его изслѣдованія, Платонъ чрезъ Сократа повторяетъ его еще разъ въ формѣ, которая даетъ возможность сказать напередъ, съ какой точки зрѣнія будетъ рѣшенъ здѣсь этотъ вопросъ. Именно Сократъ спрашиваетъ у Θεэтета: τί σοι δοκεῖ εἶναι ἐπιστήμη; Θεэтеть отвѣчаетъ: δοκεῖ τοίνυν μοι καὶ ἄ παρὰ Θεοδώρου ἄν τις μάθοι ἐπιστήμαι εἶναι, γεωμετρία τε καὶ ἄς νῦν δὴ сὺ διήλθες, καὶ αὖ σκυτοτομική τε καὶ αἱ τῶν ἄλλων διουουργῶν τέχναι, πᾶσαι τε καὶ ἐκάστη τούτων οὐκ ἄλλο τι ἢ ἐπιστήμη εἶναι (146^{o d}). При самомъ маломъ соображеніи нельзя признать, чтобы эти слова были историческими словами Θεэтета и чтобы такимъ образомъ онѣ были записаны въ рукописи Евклида. Та критика, которая не отдѣляла собственнаго литературнаго произведенія Платона отъ того историческаго матеріала, который лежитъ въ его основѣ, и не старалась постигать внутреннее діалектическое движеніе критической мысли Платона, для которой діалоги Платона суть драматическія произведенія, гдѣ разговаривающія лица высказываютъ мнѣнія согласныя съ типомъ ихъ драматическаго положенія, а не съ требованіемъ философскаго разума Платона, — эта критика разсуждаетъ о нашемъ мѣстѣ такимъ образомъ. Vides, говоритъ Штальбаумъ, Theaetetum in scientia definienda eodem modo peccare quo alibi Sophistae eorumque discipuli peccare arguuntur (Proleg. с. 53. Nota D). Еще въ Анализѣ Менона (с. 112 и слѣд.) мы коснулись разбѣраемаго мѣста въ параллель съ первымъ отвѣтомъ Менона на вопросъ Сократа о томъ, что

есть добродѣтель; мы назвали тогда это мнѣніе Θεэтета о знаніи наивностію и объяснили его какъ воззрѣніе общаго смысла, на которомъ на минуту останавливается Платонъ въ началѣ своего философскаго анализа понятія знанія. Здѣсь мы совершенно удерживаемъ этотъ взглядъ, и въ подтвержденіе его укажемъ на выраженіе докеі, которое ставитъ Платонъ здѣсь какъ въ вопросѣ Сократа, такъ и въ отвѣтѣ Θεэтета. Это докеі опредѣляетъ точку взгляда, съ которой мы должны смотрѣть на данное мнѣніе Θεэтета о знаніи: именно, оно есть опредѣленіе даннаго понятія съ той стороны, съ которой оно *кажется*, т.-е. какъ оно дано въ явленіяхъ, подлежащихъ видѣнію, слѣдовательно оно есть мнѣніе доксы, общаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что, кажется тебѣ, есть знаніе?—спрашиваемъ мы у общаго смысла, т.-е. у человѣка, котораго мысль ни мало не знаетъ философской критики понятій;—что иное можемъ получить въ отвѣтъ какъ не перечень явленій знанія? Потому что общій смыслъ тѣмъ и отличается отъ философскаго критическаго смысла, что онъ не постигаетъ явленій въ единствѣ ихъ абстрактнаго понятія. Платонъ тотчасъ очень просто и ясно даетъ понять различіе абстрактнаго понятія отъ понятій обозначающихъ явленія, въ которыхъ оно выступаетъ: онъ говоритъ, что всѣ понятія, которыми обозначаются разныя знанія, опредѣляютъ только то, относительно чего знаніе, а не само знаніе (146^{d e}). На это замѣчаніе Сократа Θεэтеть отвѣчалъ: *да*—и съ этимъ *да* унесенъ Платонъ на иной путь его мышленія, путь подлинно философскаго мышленія, на которомъ, какъ мы увидимъ, ему дано высказать вѣсколько философскихъ воззрѣній на знаніе. Настоящее же наивное воззрѣніе Θεэтета на знаніе, въ общемъ теченіи философскаго мышленія Платона, есть начало и исходный пунктъ его — такое воззрѣніе, изъ котораго, по древнему выраженію, чрезъ удивленіе должна выступить въ мышленіи подлинная философская апорія. Воззрѣніе об-

щаго смысла, какъ начало философской критики, есть постоянный приемъ мышления Платона. Мы находимъ его въ Менононѣ, при изслѣдованіи понятія ἀρετή (71^e); въ Гиппіѣ (Н. Мајог) при изслѣдованіи понятія τὸ καλόν (287^e), въ Евтифронѣ, относительно понятія δσιότης (5^d, 6^d), въ Лакхесѣ, относительно понятія ἀνδρεία (190^e). Замѣчательно при этомъ, что переходъ отъ явленій, въ которыхъ знаетъ данное понятіе общій смыслъ, къ единству содержанія самого понятія тамъ и здѣсь у Платона одинъ и тотъ же: онъ совершается обыкновенно чрезъ указаніе тождества явленій въ силу единства выражаемаго имъ понятія. Такимъ образомъ мы утверждаемъ, что рассматриваемое нами мѣсто, какъ совершенно нормальное начало критическаго мышленія Платона, принадлежитъ ему непосредственно, какъ автору діалога, и не могло быть въ рукописи Евклида, такъ какъ по смыслу своему оно совершенно тождественно повторяется и въ другихъ его діалогахъ и такъ какъ оно во все не согласно съ достоинствомъ ученика Θεодора столь восхваленнаго своимъ учителемъ.

Объясняя, что понятіе знанія не опредѣляется перечнемъ разныхъ предметовъ знанія, Платонъ замѣчаетъ далѣе, что нельзя понять названія чего нибудь, не зная что есть это; такъ нельзя понять, что такое глина, употребляемая для подѣлки куколь, или чего нибудь другаго, если не извѣстно, что такое глина вообще; такъ равно не знающій что есть знаніе не пойметъ, что есть знаніе сапожнаго дѣла и т. д. (147^{a b}). Это положеніе выставлено Платономъ какъ логическое основаніе того, что изъ перечня явленій даннаго понятія нельзя понять самого понятія. Хотя это послѣднее положеніе совершенно вѣрно, однако позволительно затрудняться относительно правильности его основанія. Кажется, что не потому чрезъ перечень явленій нельзя овладѣть самымъ понятіемъ ихъ, что нельзя понять, какъ говоритъ Платонъ, ὄνομα τίς, если неизвѣстно τί ἔστιν. Шлейермахеръ совер-

шенно вѣрно замѣтилъ, что этими словами недостаточно точно вообще обозначена прежняя ошибка (т.-е. опредѣленіе понятія чрезъ перечень его явленій), потому послѣдующее οὐδ' ἄρα ἐπιστήμην ὑποδημάτων συνίσιν ὁ ἐπιστήμην μὴ εἰδώς не можетъ быть непосредственно отнесено къ предшествующей ошибкѣ (т.—же, с. 490). Дѣйствительно, и не понимая что есть знаніе вообще, можно имѣть очень ясное понятіе, напримѣръ, о сапожномъ мастерствѣ. Въ дѣйствительности всегда такъ и бываетъ, и притомъ не только въ обыденномъ мышленіи, но и въ научномъ (срав. Анализъ Менона, с. 70); хотя въ то же время справедливо, что сколько бы мы ни знали явленій знанія, чрезъ это еще не становится намъ яснымъ понятіе знанія вообще. Отдѣльное явленіе или рядъ явленій даннаго понятія могутъ быть познаны безъ повторенія въ мышленіи въ каждомъ данномъ случаѣ всего содержанія этого понятія; для этого достаточно знать только нѣкоторые признаки понятія, наиболѣе же — условія происхожденія самого явленія. Такъ химикъ владѣеть очень хорошо знаніемъ какого нибудь газа, если онъ знаетъ условія его образованія, имѣя, можетъ быть, въ то же время самое не ясное представленіе о матеріи какъ о понятіи по его абстрактному содержанію. Съ другой стороны, владѣя метафизическимъ опредѣленіемъ понятія въ его абстрактномъ содержаніи, можно вовсе не знать цѣлаго ряда его явленій, если не извѣстны конкретные ихъ признаки и условія происхожденія этихъ явленій. Итакъ, какъ отъ знанія явленій понятія нельзя заключать къ знанію самого понятія, такъ равно отъ знанія понятія нельзя заключать къ знанію явленій его. Потому положеніе Платона, что, не понимая что есть знаніе само въ себѣ, нельзя понимать знанія, напримѣръ, сапожнаго дѣла, будучи не правильно само по себѣ, въ то же время вовсе не есть логическое основаніе того положенія, что чрезъ перечень явленій знанія не дается понятія о самомъ знаніи. Причина

этого иная: если бы мы перечислили всѣ явленія знанія и знали бы конкретные признаки и условія ихъ происхожденія, то и тогда понятіе о томъ что есть знаніе само въ себѣ могло бы остаться для насъ неизвѣстнымъ. Для этой послѣдней цѣли требуется совершенно иная операція мышленія, чѣмъ та, посредствомъ которой мы составляемъ себѣ понятіе о томъ или другомъ явленіи. Та *reductio ad absurdum* εἰ οἷεἰ τίς τι συνίησί τινος ὄνομα ὃ μὴ οἶδε τί ἐστίν; — которою пользуется здѣсь Платонъ, есть только кажущееся слѣдствіе того положенія, что въ рядѣ явленій не дается понятія ихъ, ибо это положеніе имѣетъ весь свой смыслъ въ отношеніи къ метафизическому содержанию понятія, между тѣмъ какъ метафизическое содержаніе понятія вовсе не имѣетъ мѣста при пониманіи конкретнаго явленія въ условіяхъ и вообще въ исторіи его образованія. У Платона же въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ исканія смысла понятія, (срав. Мен. 79 ° ἀλλ' οἷεἰ τινὰ εἰδέναί μοῖρον ἀρετῆς ὃ τι ἐστίν αὐτήν μὴ εἰδόντα;) смѣшаны два различные смысла — метафизическій и историческій. Историческій смыслъ принадлежитъ пониманію явленій и выясняется очень хорошо при доксальномъ лишь употребленіи логическихъ законовъ мышленія, а метафизическій смыслъ касается понятій въ ихъ абстрактномъ содержаніи. Эти два пути мышленія — логически-историческій и логически-метафизическій вообще мало различаетъ Платонъ въ своемъ собственномъ мышленіи. Причина этого совершенно простая. Ни до Платона, ни самимъ Платономъ не были выдѣлены общія формы и законы нашего мышленія отъ тѣхъ спекулятивныхъ его операцій, которыя мы разсматриваемъ теперь какъ дѣло собственно метафизическаго мышленія. Аристотель первый старался уловить различія въ строѣ нашего мышленія и тѣмъ открылъ пути къ образованію отдѣльныхъ наукъ о человѣческомъ духѣ. Но лишь позднѣйшей философской критикѣ нашего времени принадлежитъ болѣе ясное

сознаніе различія задачъ логически-историческаго и логически-метафизическаго мышленія. Какъ мышленіе діалектическое, мышленіе Платона во всѣхъ своихъ операціяхъ является болѣе метафизическимъ, чѣмъ историческимъ. Потому вопросы, долженствующіе имѣть мѣсто въ историческомъ мышленіи, трактуются имъ не рѣдко по нормамъ метафизическимъ. Такъ въ нашемъ мѣстѣ вопросъ о томъ, какъ можно, не зная что есть знаніе вообще, знать, на примѣръ, что такое знаніе сапожнаго дѣла, приведенъ къ нормѣ метафизическаго положенія, что не зная содержанія понятія нельзя его ни въ чемъ понимать. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ было показано выше, достаточно знать только нѣкоторые признаки понятія, т.-е. нѣкоторую долю его содержанія, чтобы знать то или другое его явленіе, ибо для знанія явленія нужно знать собственно конкретные признаки его какъ явленія и условія его образованія. Такимъ образомъ еще разъ: неуловимость чрезъ рядъ явленій даннаго понятія его абстрактнаго, тождественнаго себѣ содержанія зависитъ отъ того, что для этой послѣдней цѣли нужно мыслить его метафизически, т.-е. совершенно иначе, нежели какъ мы помѣщаемъ его въ своемъ мышленіи при представленіи конкретныхъ его явленій.

Значеніе задачи, которую предлагаетъ Сократъ Феэтету—опредѣлить понятіе знанія, Платонъ объясняетъ теперь на примѣрѣ соизмѣримости квадратныхъ корней (147^a, 148^b). Фактическій смыслъ этого, довольно впрочемъ труднаго, мѣста состоитъ въ томъ, что при всемъ различіи квадратныхъ корней ихъ можно подвести подъ нѣкоторыя общія представленія. Въ этомъ смыслѣ наше мѣсто понято всѣми но не всѣ одинаково понимаютъ историческое и философское значеніе его въ діалогѣ. Особенно часто повторяющееся мнѣніе критики состоитъ въ томъ, что подлежащее

нашему разсмотрѣнію мѣсто діалога имѣетъ литературно-драматическое значеніе, какъ характеристика Θεэтета и его математическаго образованія. Такъ Штальбаумъ говоритъ: Θεэтеть de fraude admonitus, ut habet ingenium ad philosophiae subtilitatem idoneum, ultro ipse suspicatur, quale sit, quod Socrates desideraverit... quod quidem exemplo quodam geometrico declarare studet... sponle vidit generalius quiddam ad scientiae definitionem requiri (т—же, с. 14). Это же мнѣніе во всей его силѣ раздѣляетъ Суземиль (т—же, с. 180) и Мункъ (т—же, 406). Оно же повторено Вольрабомъ почти буквально со Штальбаумомъ (Prolog. с. 4). Особенно рельефно передано это мнѣніе у Мунка. Θεэтеть, говоритъ онъ, руководимый математикой, самъ собою доходитъ до того, къ чему Сократъ долженъ былъ вести Менона. Такъ оправдывается, продолжаетъ онъ, то положеніе Платона въ Республикѣ (521), что математика есть путь для души отъ бывающаго къ сущему какъ къ истинѣ. Идея такого мнѣнія критики о нашемъ мѣстѣ не новость: это все таже идея драматизма, съ точки зрѣнія которой произведенія Платона суть произведенія драматургіи, а не философствующаго, разсуждающаго разума. Въ нихъ, по этому взгляду, разговаривающія лица суть сами дѣятели, а не носители мыслей Платона. Какъ герои драмы они вѣрны своему типу, и Платонъ въ раздаваемыхъ имъ рѣчахъ выдерживаетъ ихъ драматическія роли. Подъ угломъ такого взгляда образовалось и вышеприведенное мнѣніе критики о разсматриваемомъ мѣстѣ. Смыслъ этого мнѣнія тотъ, что въ историческомъ отношеніи это математическое мѣсто въ діалогѣ есть характеристика Θεэтета какъ историческаго лица, а въ философскомъ отношеніи оно есть наглядное доказательство того значенія, какое математика имѣетъ для философіи.

Въ примѣчаніяхъ къ нашему мѣсту текста было замѣчено, въ какой мѣрѣ вопросъ о корняхъ можетъ быть парал-

деленъ въ путяхъ мышленія съ вопросомъ о знаніи. Въ вопросѣ о знаніи ищется несомнѣнно то внутреннее тождество всѣхъ явленій знанія, которое заключается въ единствѣ самого понятія; между тѣмъ данный вопросъ о корняхъ рѣшается чрезъ обобщеніе видовъ корней, не выходя изъ предѣловъ ихъ эмпирическаго разнообразія. Различіе такимъ образомъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ требуется опредѣлить содержаніе понятія въ его метафизическомъ единствѣ, а во второмъ — подвести разнообразіе числовыхъ корней къ нѣкоторымъ общимъ видамъ. Хотя между этими двумя задачами, какъ задачами, есть сходство, но со стороны тѣхъ операций мышленія, которыми онѣ могутъ быть выполнены, онѣ такъ далеко отстоятъ одна отъ другой, какъ анализъ отъ синтеза. Ибо вторая задача выполняется путемъ конструкціи синтезирующаго воображенія, а первая — путемъ аналитическаго раскрытія содержанія понятія. Это два совершенно разные пути мышленія, такъ что отъ одного никогда нельзя было бы перейти къ другому, если бы оба они въ тоже время не были актами одной и той же души. И только это психологическое основаніе можетъ оправдывать то педагогическое положеніе, что синтетическій путь мышленія въ сферѣ математики есть наилучшій прецедентъ для развитія силы анализа въ сферѣ метафизики и вообще философіи. А отдѣльно взятая сама по себѣ, какая бы то ни была математическая конструкція, ничего не даетъ для рѣшенія метафизической задачи, и мудро думать, чтобы Платонъ, выставивъ въ своемъ діалогѣ какъ примѣръ наше математическое мѣсто, хотѣлъ развить въ мышленіи читателя тотъ путь, по которому онъ долженъ идти, чтобы рѣшить метафизическую задачу о знаніи: Θε-этеть, который излагаетъ данную математическую теорію, когда вопросъ опять касается понятія знанія, говоритъ, что онъ хотя много и часто разсуждалъ объ этомъ, но ни къ чему еще не пришелъ и ничего не можетъ сказать въ от-

вѣтъ на вопросъ о томъ, что есть знаніе (148^о). Прямая и ближайшая цѣль автора въ данномъ мѣстѣ могла быть только та, чтобы дать понятіе о задачѣ чрезъ указаніе другой подобной; но едва ли при этомъ можно допустить, чтобы математическая задача была избрана имъ въ виду значенія именно математическаго мышленія для рѣшенія задачъ метафизическихъ. Въ отношеніи къ самому дѣлу наше математическое мѣсто въ діалогѣ должно быть понято просто какъ случайный примѣръ, объясняющій въ извѣстной мѣрѣ то, въ чемъ состоитъ данная задача о знаніи; хотя Платонъ, какъ было замѣчено въ примѣчаніи, имѣлъ особенное основаніе обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ математическимъ понятіямъ какъ наиболѣе простымъ по своему содержанію и потому, такъ сказать, наиболѣе прозрачнымъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Что же касается до историческаго значенія этого мѣста, то съ мыслию о случайности его какъ примѣра, разъясняющаго вопросъ о знаніи, естественно, не можетъ быть соединена мысль объ исключительномъ и преднамѣренномъ со стороны Платона примѣненіи его къ исторической личности Θεэтета. Единственное основаніе, которое можетъ привести критика въ пользу такого взгляда, состоитъ только въ томъ, что это мѣсто передано у Платона устами Θεэтета. Но мы уже разъ на всегда рѣшили вопросъ о томъ, какъ пассивны въ своихъ рѣчахъ герои діалоговъ Платона, и какъ осторожно и только при достаточныхъ историческихъ основаніяхъ позволительно отдѣлять изъ общей рѣчи Платона рѣчь того или другаго лица, или какъ его подлинную историческую рѣчь, или какъ идущую къ нему по его личнымъ условіямъ. Конечно къ Θεэтету, сколько мы знаемъ его исторически, можетъ идти это мѣсто діалога какъ его собственная рѣчь; но гдѣ хотя бы малѣйшій признакъ того, что Платонъ вложилъ эту рѣчь въ его уста именно для характеристики его философской натуры? Платонъ напротивъ

пользуется даннымъ математическимъ ученіемъ просто какъ примѣромъ: περὶ μιμούμενος, говоритъ далѣе Сократъ Θεэтету, τὴν περὶ τῶν δυνάμεων ἀπόκρισιν ὡσπερ ταύτας πολλὰς οὕσας ἐνὶ εἴδει περιέλαβες, οὕτω καὶ τὰς πολλὰς ἐπιστήμας ἐνὶ λόγῳ προσειπεῖν (148^a). Въ смыслѣ примѣра или образца задачи это мѣсто, очевидно, одинаковымъ образомъ могло бы быть вложено Платономъ въ уста Сократу, какъ вложено теперь въ уста Θεэтету. Ибо Сократъ и Θεэтеть въ тождественныхъ выраженіяхъ относятся у Платона къ вопросу о знаніи. Такъ Сократъ говоритъ: οὐ δύναμαι λαβεῖν ἱκανῶς παρ'ἑμαυτῷ ἐπιστήμη ὅ τί ποτε τυγχάνει ὄν. (145°) и Θεэтеть: οὐτ' αὐτὸς δύναμαι πεῖσαι ἑμαυτὸν ὡς ἱκανῶς τι λέγω (т.-е. περὶ ἐπιστήμης. 148° срав. выше 148°). Дѣло въ томъ, что ни Сократъ, ни Θεэтеть и большая часть лицъ въ діалогахъ Платона не имѣютъ того драматическаго опредѣленія, въ которомъ хотятъ удержать ихъ нѣкоторые критики. Всѣ они суть только кажущіяся личности, безъ красокъ, безъ жизни, безъ драматическаго очертанія, безъ движенія. Только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ мы можемъ усматривать въ діалогахъ Платона повтореніе историческихъ словъ того или другаго лица. Эти случаи опредѣляются достаточно ясными историческими указаніями, какъ, на примѣръ, въ нашемъ діалогѣ большая часть рѣчей Θεодора. Что же касается до нашего математическаго мѣста, то въ исторіи мы не имѣемъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы данное математическое ученіе исторически принадлежало Θεэтету. Шлейермахеръ, останавливаясь на этомъ мѣстѣ, говоритъ: чтó говоритъ здѣсь Θεэтеть о квадратныхъ корняхъ, то, повидимому, было тогда чѣмъ-то новымъ, но найдено ли это самимъ Θεэтетомъ или Платономъ, который только украшаетъ здѣсь этимъ своего ученика, я не могу этого рѣшить (т—же, с. 186). По всей справедливости, можно имѣть только такое нерѣшительное мнѣніе объ историческомъ значеніи разсматриваемаго мѣста. Ибо какъ нѣтъ

указаній на то, чтобы данное въ немъ ученіе о квадратныхъ корняхъ принадлежало Θεэтету, такъ равно вѣтъ указаній и на то, чтобы оно было ученіемъ Платона. Такимъ образомъ вопросъ объ источникѣ этой теоріи квадратныхъ корней не можетъ быть рѣшенъ со всею точностію. Во всякомъ случаѣ однако нельзя думать, чтобы это мѣсто діалога, хотя бы въ иныхъ словахъ, находилось въ рукописи Евклида. Это уже и потому, что, какъ сказано, мы не имѣемъ основанія приписывать настоящаго математическаго ученія лично Θεэтету, но мудрено также думать, чтобы Сократъ развилъ его когда либо въ разгорорѣ съ своимъ собесѣдникомъ. Ибо для Сократа эта математическая теорія тяжела: Сократъ въ дѣйствительности никогда не былъ математикомъ. (Срав. Ксеноф. Мемораб. IV. 7). Притомъ и въ изложеніи разсматриваемаго мѣста діалога слишкомъ много, какъ говорятъ художники, плановъ, чтобы считать его умѣстнымъ въ не искусственной и простой бесѣдѣ Сократа съ Θεэтетомъ, какъ она была записана Евклидомъ. Самое вѣроятное объясненіе источника нашего мѣста получится такимъ образомъ, повидимому, тогда, когда мы примемъ, что въ школѣ Θεодора практиковалось это новое тогда математическое ученіе о квадратныхъ корняхъ и что Θεодоръ сообщилъ когда нибудь Платону о той легкости, съ какою понялъ это ученіе Θεэтеть, а равно, можетъ быть, и другіе ученики его, какъ, на примѣръ, младшій Сократъ, извѣстный школьникъ того времени, о которомъ вспоминаетъ здѣсь Θεэтеть. Такимъ образомъ можно думать, что Платонъ воспользовался этимъ ученіемъ, какъ объяснительнымъ примѣромъ своей философской задачи, не безъ исторической правды и въ отношеніи къ Θεэтету.

Какъ бы ни былъ однако сообразителенъ Θεэтеть въ рѣшеніи давней математической задачи, однако, повидимому, это ни мало не помогло ему въ рѣшеніи того вопроса, который предложилъ Сократъ, ибо вслѣдъ за объясненіемъ

ученія о квадратныхъ корняхъ онъ говоритъ Сократу: ὁ γὰρ ἐρωτᾷς περὶ ἐπιστήμης, οὐκ ἂν δυναίμην ἀποκρίνασθαι ὡσπερ περὶ τοῦ μήκουσ καὶ τῆς δυνάμεωσ, καίτοι σύ γέ μοι δοκεῖс τοιοῦτόν τι ζητεῖν (148^b). Но если математика не помогла Θεэтету въ рѣшеніи философскаго вопроса, то она дала ему возможность перейти относительно его изъ области общаго смысла въ сферу подлинно философскаго мышленія. Она произвела въ немъ, выражаясь языкомъ Платона и Аристотеля, то состояніе удивленія, въ которомъ безразличная по своему смыслу задача о знаніи стала опредѣленною философскою апорією. Сократъ привѣтствуетъ эту апорію въ душѣ Θεэтета какъ зародышъ въ утробѣ матери и называетъ его состояніе удивленія состояніемъ беременности. Ὡδίνεис, ὦ φίλε Θεαίτητε, διὰ τὸ μὴ κενὸс ἀλλ'ἐγκύμων εἶναι, говоритъ онъ Θεэтету (148^e). Съ этихъ словъ начинается то классическое мѣсто въ нашемъ діалогѣ о повивальномъ искусствѣ Сократа, которымъ оканчивается вступленіе діалога и за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ подлинно философскихъ ученій о знаніи.

Эпизодъ въ діалогѣ о повивальномъ искусствѣ Сократа большею частію разсматривается какъ классическое мѣсто для характеристики самого Сократа. Дѣйствительно, роль повивателя чужихъ мыслей была историческою ролю Сократа; его мѣевтика, какъ способъ, посредствомъ котораго онъ вызывалъ къ жизни мысли, блуждающія въ головахъ его собесѣдниковъ, на всегда осталась нераздѣльно съ его именемъ, нося и доселѣ названіе сократическаго способа изслѣдованія. Однако эта дѣятельность не имѣла въ глазахъ Сократа только одно педагогическое значеніе, въ какомъ большею частію практикуется теперь сократическій способъ изслѣдованія; для Сократа напротивъ бесѣда съ другими была необходимымъ условіемъ развитія въ немъ его соб-

ственныхъ мыслей. Κοινῆ βουλευέσθαι κοινῆ σκέπτεσθαι κοινῆ ζητεῖν, συζητεῖν,—таковы постоянныя выраженія Сократа объ употребляемомъ имъ приѣмѣ для развитія своихъ мыслей (см. Ксеноф. Memor. IV, 5; 12. Плат. Protag. 330^b. Gorg. 505°. Cratyl. 384^b. Men. 89°. Theaet. 151°). Какъ не случайный или, точнѣе сказать, не искусственный приѣмъ его умственной работы, онъ имѣетъ очень глубокое основаніе въ той мысли, которую мы можемъ разсматривать какъ главное содержаніе мыслящей головы Сократа и которую Платонъ какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, уловилъ и передалъ совершенно вѣрно. Мы говоримъ о незнаніи Сократа. Такъ въ нашемъ мѣстѣ Сократъ рѣшительно говоритъ о себѣ: ἄγονός εἰμι σοφίας καὶ ὅπερ ἤδη πολλοί μοι ὠνειδίσαν ὡς τοὺς μὲν ἄλλους ἐρωτῶ, αὐτὸς δὲ οὐδὲν ἀποκρίνομαι περὶ οὐδενός διὰ τὸ μηδὲν ἔχειν σοφόν, ἀληθὲς ὠνειδίζουσι 150^o. (Срав. Men. 80^{c d}. Sympos. 216^d. Apol. 21^{b d}. 23^d. Resp. 337^e, 394^d). Целеръ, изъясняя эти признанія Сократа въ незнаніи, справедливо говоритъ: Сократъ дѣйствительно не зналъ ничего, т.-е. онъ не имѣлъ никакой развитой теоріи, никакого положительнаго догматическаго ученія (Phil. d. Griech. II. I. с. 85). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основательно замѣчаетъ, что эта черта незнанія, какъ она встрѣчается на Сократѣ у Платона, принадлежитъ историческому Сократу, потому что Платоновскій Сократъ вовсе не представляется такимъ незнающимъ (т—же, примѣч.). Такъ просто и ясно устанавливается фактическая сторона разсматриваемаго нами мѣста въ діалогѣ: чтó въ немъ говорится о Сократѣ, таковъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Но слѣдуетъ ли однако отсюда, что въ этомъ мѣстѣ мы ничего не имѣемъ для Платона? Можно ли думать, что оно есть только классическое мѣсто для характеристики Сократа и ни мало не характеризуетъ самого Платона? Хотя Платонъ не былъ сыномъ повивальной бабки, хотя выраженіе: ἐγὼ εἰμι υἱὸς μαίας относится только къ одному Со-

крату и, очень можетъ быть, было употребляемо имъ самимъ въ веселомъ расположеніи духа (срав. Кембелль, прим. къ этому мѣсту текста), однако принадлежитъ ли философское повиваніе Сократа ему какъ сыну повивухи и есть ли черта его жизненнаго характера, или это черта и характеръ его философскаго мышленія? Конечно, нѣтъ нужды ни въ какихъ доказательствахъ того, что повивальное искусство Сократа принадлежитъ ему не какъ дѣйствительному сыну повивухи, но какъ философу съ опредѣленнымъ центральнымъ философскимъ убѣжденіемъ. Это центральное философское убѣжденіе Сократа, какъ мы видѣли, было убѣжденіемъ въ незнаніи. Что жъ такое это незнаніе Сократа? Оно конечно ни мало не похоже на незнаніе ученикомъ своего урока, или на незнаніе человѣка не изучившаго чего либо. Незнаніе Сократа, какъ его основное философское убѣжденіе, само уже есть знаніе. Содержаніе его есть мысль о томъ, что міръ вещей, какъ онъ существуетъ для чувствъ, не говоритъ ничего объ истинѣ, не есть выразитель ихъ истиннаго бытія. Убѣжденіе Сократа въ незнаніи такимъ образомъ совершенно тождественно съ общимъ для всякой философіи убѣжденіемъ въ томъ, что познаніе вещей, какъ мы ихъ знаемъ, — посредствомъ чувствъ, не есть знаніе истинныхъ вещей. Какъ общее для всякой философіи, оно одинаково есть одно изъ основныхъ философскихъ убѣжденій и Платона. Но между тѣмъ какъ съ одной стороны вообще въ философіи это убѣжденіе не оканчивается обыкновенно Сократовскимъ положеніемъ: я знаю только то, что ничего не знаю; напротивъ переходитъ въ ту или другую теорію знанія, за которой его часто вовсе не видно; такъ съ другой стороны и въ философіи Платона это убѣжденіе дѣйствительно стоитъ въ непосредственной связи съ его ученіемъ объ условіяхъ возможности познанія истины, какъ это тотчасъ будетъ раскрыто.

Сократъ рассуждалъ просто: вещи, какъ мы знаемъ ихъ,

существуютъ такими только въ нашихъ чувствахъ; и такъ какъ мы не знаемъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, то мы не знаемъ подлиннаго бытія вещей. Вся мудрость человѣческая, по мнѣнію Сократа, состоитъ именно въ сознаніи этого незнанія, какъ выразительно говоритъ онъ это въ Апологіи (21^d). Строго говоря, мыслительная дѣятельность Сократа была посвящена только доказательству того, что мы дѣйствительно ничего не знаемъ. Ибо къ чему иному вели его вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что такое красота, что такое справедливость, когда заходила дѣчь о красивомъ предметѣ, или о справедливомъ поступкѣ? Ни собесѣдники Сократа ни самъ онъ не умѣли отвѣчать на эти вопросы. А если мы не знаемъ, что такое красота, замѣчалъ тогда Сократъ, то какъ мы говоримъ о красивой вещи? Мы не знаемъ какова она.... Далѣе этого не шла критическая мысль Сократа. Чтобы создать какую нибудь теорію знанія, ему не доставало мысли объ условіяхъ достоинства нашего знанія, ибо кромѣ абсолютнаго положенія, вещи имѣютъ предѣльное положеніе среди вещей. Вниманіе къ этому предѣльному бытію вещей, или что то же—мысль о предѣлахъ знанія, что лежитъ въ основѣ всякой теоріи знанія, исключая развѣ только теорію Платона—вотъ чего не доставало мышленію Сократа, для того чтобы оно не остановилось на убѣжденіи въ незнаніи, но построило бы ту или другую теорію знанія. Однако Платонъ, который, какъ замѣчено, въ основу своей теоріи знанія не положилъ мысли о предѣлахъ знанія, могъ создать эту единственную въ исторіи гигантскую теорію, благодаря только своему оригинальному ученію объ условіяхъ возможности истиннаго знанія. По силѣ этого ученія, теорія знанія Платона есть теорія абсолютнаго знанія, и въ нашемъ мѣстѣ незнающій Сократъ высказываетъ у Платона именно эту теорію абсолютнаго знанія. Особенная прелесть этого мѣста открывається глубокомыслию читателя, когда онъ усматриваетъ въ немъ эту

комбинацію убѣжденія въ незнаніи съ убѣжденіемъ въ возможности совершеннаго знанія. Такъ съ одной стороны Сократъ говоритъ здѣсь: ἄγονός εἰμι σοφίας, — εἰμί αὐτὸς μὲν οὐ πᾶντι σοφός, съ другой стороны онъ заявляетъ, что своимъ повивальнымъ искусствомъ можетъ различить πότερον εἶδωλον καὶ ψεῦδος ἀποτίκτει τοῦ νέου ἢ διάνοια ἢ γόνιμόν τε καὶ ἀληθές (150 °) и, оканчивая свою рѣчь, торжественно говоритъ, что ему ψεῦδος τε ζυγῶσθαι καὶ ἀληθές ἀφανίσαι οὐδαμῶς θέμις (151 °). Первая рѣчь можетъ принадлежать историческому Сократу, а вторая только Сократу Платона. Ибо кто самъ отказывается производить истинныя мысли, то какъ онъ будетъ различать истину отъ лжи въ мысляхъ другихъ? Способность различать истину отъ лжи необходимо предполагаетъ знаніе нормы истины. Платонъ съ своей стороны и утверждаетъ, что норма истины дана въ идеяхъ, и что понять идею вещи значитъ понять истинное бытіе вещи. Потому съ этой стороны Платону только а не Сократу οὐδαμῶς θέμις различать истину отъ лжи, Платону собственно а не Сократу прилично повиваніе чужихъ мыслей. По силѣ своего основнаго убѣжденія въ незнаніи, Сократъ могъ повивать только εἶδωλον καὶ ψεῦδος. Таково дѣйствительно и было исторически повиновеніе Сократа, какъ мы показали это выше на примѣрѣ красивой вещи. Потому въ нашемъ мѣстѣ Сократъ говоритъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ изъ его философскаго принципа. Такимъ образомъ наше мѣсто, повидимому, должно болѣе служить для характеристики Платона, чѣмъ Сократа. Ибо повиваніе Сократомъ чужихъ мыслей, какъ оно изображено въ нашемъ мѣстѣ у Платона, получаетъ свой истинный Платоновскій смыслъ только при ученіи Платона о воспоминаніи, какъ объ условіи возможности истиннаго знанія. Сократъ только практиковалъ повиваніе, но осмыслилъ, теоризовалъ это дѣло Платонъ чрезъ ученіе о воспоминаніи. По крайней мѣрѣ трудно сказать, какъ справедливо замѣчаетъ Кембель,

(т—же, с. 28 примѣч.), на сколько мысль Платона, что учить не значитъ вкладывать что либо въ духъ, напротивъ, развивать изъ него самого—была понимаема Сократомъ въ смыслѣ Платона. Мысль о воспоминаніи, на которой только и можетъ держаться метафизическій смыслъ этой педагогической практики повиванія, если и имѣла мѣсто въ мышленіи Сократа, то все же не какъ мысль объ условіи возможности истиннаго знанія. Такое значеніе она получила только въ мышленіи Платона и, какъ было замѣчено, обусловила собою его теорію идеальнаго или абсолютнаго знанія.

Однако есть писатели, которые, какъ, напримѣръ, Штейнгартъ, отрицаютъ связь между описаннымъ въ *Θεαίτητος* повивальнымъ искусствомъ и ученіемъ о воспоминаніи, думая, что въ повиваніи изображается только психическій процессъ образованія и развитія понятій, представленіе о которомъ можетъ имѣть мѣсто въ мышленіи внѣ представленія о предсуществованіи души, какъ основаніи ученія о воспоминаніи (Шлейнгартъ IV. с. 384). Дѣйствительно, Платонъ въ нашемъ мѣстѣ не говоритъ о воспоминаніи, но легко однако понять, что воспоминаніе есть метафизическое основаніе самой возможности сократовскаго искусства повиванія. Ибо что такое воспоминаніе у Платона? Тоуто, говоритъ Сократъ въ *Μένωνος* (т.-е. αἰτίας λογισμός) ἐστίν, ὃ Μένων ἐταίρε, ἀνάμνησις (98^a). А разумѣть причину вещи по Платону значитъ разумѣть идею вещи, или, что то же—имѣть истинное знаніе о вещи. Если же повивальное искусство, по мысли Платона, должно быть обращено на то, чтобы изъ массы мыслей, блуждающихъ въ головѣ, вывести на свѣтъ сознанія истинную мысль, истинное представленіе, то въ чемъ иномъ можетъ состоять повиваніе какъ не въ пробужденіи идеи или причины вещей, что и есть, говоритъ Платонъ, воспоминаніе. Внѣ мысли о воспоминаніи повиваніе возможно какъ простая практика безразличная къ результату, чѣмъ

оно и было для Сократа; только мысль о воспоминаніи, только эта метафизическая мысль Платона даетъ повивальному искусству Сократа значеніе методы для познанія истины. Въ этомъ смыслѣ мысль о знаніи какъ о собственномъ порожденіи души встрѣчается во многихъ діалогахъ Платона (срав. *Sympos* 206^{b c}, *Phaedr.* 276°, *Resp.* 490^b, 518^{b d}, *Phaed.* 73^{a b}, *Men.* 81 и слѣд.). Потому не правы тѣ писатели (Штальбаумъ, Германнъ, Вольрабъ), которые, интерпретируя разсматриваемое нами мѣсто въ діалогѣ въ смыслѣ характеристики его только для личности Сократа, приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія слова Плутарха, который говоритъ: οὐδὲν ἐδίδασκε Σωκράτης, ἀλλὰ ἐνδίδους ἀρχὰς ἀποριῶν, ὥσπερ ὠδίνων τοῖς νέοις ἐπήγειρε καὶ ἀνεκίνει καὶ συνεξήγε τὰς συμφύτους νοήσεις. καὶ τοῦτο μαιευτικὴν τέχνην ὠνόμαζεν οὐκ ἐντιθεῖσαν ἕξωθεν, ὥσπερ ἕτεροι προσεποιοῦντο, νοῦν τοῖς ἐντυγχάνουσιν, ἀλλ' ἔχοντας οἰκεῖον ἐν ἑαυτοῖς, ἀτελῆ δὲ καὶ συκεχυμένον καὶ δεόμενον τοῦ τρέφοντος καὶ βεβαιοῦντος ἐπιδεικνύουσαν (*Quaest. Platon.* I. p. 1000°). Ибо Плутархъ изображаетъ здѣсь Сократа буквально по діалогамъ Платона и преимущественно, очевидно, имѣетъ въ виду наше мѣсто въ *Θεэтетῷ* (хотя слова: οὐκ ἐντιθεῖσαν ἕξωθεν, ὥσπερ ἕτεροι προσεποιοῦντο к. т. л. суть, быть можетъ, перифразъ словъ Платона въ *Республ.* 518° φασὶ δὲ (τινες) οὐκ ἐνούσης ἐν τῇ ψυχῇ ἐπιστήμης σφεῖς ἐντιθέναι, οἷον τυφλοῖς οφθαλμοῖς ὄψιν ἐντιθέντες к. т. л.). Ошибка упомянутыхъ писателей состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что на мѣстѣ *declarans* они ставятъ *declarandum*, не замѣчая того. Что же касается до того мнѣнія Штейнгарта, что изображенное въ *Θεэтетῷ* повиваніе Сократа не должно быть приводимо въ связь съ ученіемъ Платона о воспоминаніи, потому будто бы, что ученіе о воспоминаніи основывается на мысли о предсуществованіи души, которая вовсе не есть необходимый коррелятъ ученія о повиваніи, то хотя мысль о воспоминаніи и опирается на мысль о предсуществованіи, однако едва ли

это можетъ значить, что предсуществованіе души въ самомъ мышленіи Платона служитъ основаніемъ ученія его о воспоминаніи. Ученіе о воспоминаніи есть въ его мышленіи метафизическое ученіе, между тѣмъ какъ мысль о предсуществованіи души осталась у него на всегда легендарною мыслию, которая только до нѣкоторой степени оправдывается ученіемъ о воспоминаніи, такъ какъ воспоминаніе, какъ справедливо говоритъ самъ Платонъ въ Менонѣ (86^a), предполагаетъ забвеніе чего-то прежде бывшаго, т.-е. знанія, бывшаго въ душѣ прежде соединенія ея съ тѣломъ, такимъ образомъ предполагаетъ предсуществованіе ея.

Понятіе предсуществованія такимъ образомъ только счастливо связывалось въ его мышленіи съ анализомъ знанія, но никогда не было выводимо имъ логически. Платонъ въ этомъ случаѣ рассуждалъ такимъ образомъ: такъ какъ непостоянство и противорѣчіе чувственныхъ явленій исчезаетъ только въ идеѣ ихъ, то содержаніемъ истиннаго знанія, которое должно быть знаніемъ постояннаго и себѣ тождественнаго, можетъ быть не что иное какъ идея. Если далѣе идея вещи не дана въ мірѣ чувственномъ, то она должна принадлежать духу непосредственно, и постиженіе ея должно быть ничѣмъ инымъ для духа, какъ только воспоминаніемъ. Теорія воспоминанія тѣмъ болѣе возможна, рассуждалъ Платонъ (срав. Мен. 81), что есть распространенное древнее ученіе ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν σοφῶν о томъ, что душа прежде соединенія ея съ тѣломъ все видѣла и знала.... Въ этомъ изображеніи хода мыслей Платона должно быть ясно какъ мысль о предсуществованіи души привязывалась какъ бы совершенно случайно, но кстати, къ теоріи воспоминанія изъ иной сферы, и въ мышленіи Платона вовсе не служила ея метафизическимъ основаніемъ. Хотя понятіе предсуществованія, какъ было замѣчено выше, предполагается воспоминаніемъ, однако Платонъ, по крайней мѣрѣ согласно съ его собственнымъ признаніемъ въ Менонѣ, очевидно, на-

шелъ его не этимъ путемъ, а имѣлъ въ своемъ мышленіи какъ готовое понятіе—*по преданію*. Если бы мысль о-пред-существованія была въ мышленіи Платона, по происхожде-нію своему, выведеною мыслию, то изображеніе ея не было бы столь мистическимъ, какимъ оно теперь есть въ Федонѣ (75^a, 76^{a d}), въ Республикѣ (621^a) и въ Тимей (44^{a b}).

Но хотя и мысль о воспоминаніи, по происхожденію сво-ему, есть у Платона вѣроятно также легендарная мысль, однако несомнѣнно, что въ метафизическомъ его мышленіи она есть единственное объясненіе возможности истиннаго знанія. Потому наше мѣсто въ діалогѣ объ искусствѣ пови-ванія, какъ о способѣ развитія истинныхъ мнѣній, должно быть объясняемо именно въ смыслѣ ученія Платона о вос-поминаніи. Если такъ, то какое значеніе имѣетъ наше мѣ-сто въ діалогѣ какъ въ произведеніи Платона? Можно ли думать, что оно есть только повтореніе того, что говорилъ самъ Сократъ о себѣ лично, и что такимъ образомъ могло быть записано со словъ его Евклидомъ, или оно непосред-ственно написано Платономъ? Если повиваніе, какъ рас-крыто это доселѣ, имѣетъ свой истинный смыслъ только при ученіи о воспоминаніи, которое принадлежитъ Плато-ну, то и обмѣнъ мыслей, чрезъ который совершается это повиваніе, какъ непосредственная форма діалектическаго мышленія вообще, также свойственъ Платону, какъ Сокра-ту. Итакъ, если по ученію, которое скрыто въ нашемъ мѣ-стѣ, оно не можетъ принадлежать Сократу, то и по не по-средственному своему содержанию оно равно принадлежитъ Платону, какъ и ему. Отсюда мы заключаемъ, что оно не-посредственно написано самимъ Платономъ и не заимство-вано имъ ни откуда. Очень возможно, что это—одно изъ классическихъ, по своему Платоновскому смыслу, мѣстъ на-ходится именно въ нашемъ діалогѣ, вслѣдствіе указанныхъ въ своемъ мѣстѣ прецедентовъ въ личномъ разговорѣ Пла-тона съ Теодоромъ. Во всякомъ случаѣ это мѣсто, предо-

предѣляя внутренній смыслъ убѣжденія Платона въ подлинномъ содержаніи знанія, какъ оно выступаетъ въ дальнейшей части діалога, здѣсь, какъ отдѣльный эпизодъ, очень хорошо оканчивается вступленіе въ діалогъ и открываетъ собою ту критику мнѣній объ истинномъ знаніи и истинномъ бытіи, къ которому приступаетъ теперь Платонъ.

Не разъ вѣроятно пожалѣемъ мы о томъ, что до насъ не дошли подлинныя сочиненія Протагора; но въ настоящемъ случаѣ пусть жалѣютъ объ этихъ только тѣ, которые въ увлеченіи драматизмомъ Платоновыхъ діалоговъ, любятъ видѣть въ рѣчахъ разговаривающихъ у него лицъ типическія и собственныя мысли ихъ самихъ. - Потому что въ какомъ-либо сочиненіи Протагора, можетъ быть, нашлось бы положеніе: οὐκ ἄλλο τί ἐστὶν ἐπιστήμη ἢ αἴσθησις, которое высказываетъ теперь Θεэтеть (151°) на повторенный Сократомъ вопросъ: ὅ τι ποτ' ἐστὶν ἐπιστήμη; (151^a) и тогда можно бы было, пожалуй, допустить, что Θεэтеть, который, какъ сказано у Платона, часто читалъ Протагора (152^a) могъ сказать такое положеніе о знаніи. Легко сказать: знаніе есть ощущеніе, но кто говоритъ это какъ свое мнѣніе, кто сознательно сводитъ здѣсь субъектъ съ предикатомъ, тотъ не можетъ не быть глубокомысленнымъ философомъ. Θεэтеть по всему не былъ таковъ. Мы не можемъ сказать со всею точностію, кому изъ древнихъ принадлежитъ это мнѣніе. Аристотель считаетъ его общимъ для всѣхъ древнихъ (De An. III. 3). Ниже мы увидимъ, въ какой мѣрѣ эта формула сенсуализма можетъ быть приписана Протагору (срав. Штейнгартъ, т—же, с. 10. 45). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно требуется тонкій и развитой умъ, чтобы привязать понятіе ощущенія къ понятію знанія, какъ предикатъ опредѣляющій субъектъ, и нуженъ былъ гигантскій умъ Платона, чтобы распаять эту связь.

Такъ смотря на подлежащее намъ здѣсь опредѣленіе, что знаніе есть ощущеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что это мѣсто нашего діалога не заимствовано Платономъ изъ рукописи Евклида. Напротивъ это мѣсто открываетъ собою цѣлый рядъ критическихъ мнѣній, которыя принадлежатъ никому иному, какъ одному Платону, по плану его собственнаго критическаго изслѣдованія вопроса о знаніи. Сюда относится опредѣленіе сенсуалистическаго смысла метафизической теоріи Протагора, указаніе на связь ея съ теоріею Гераклита и съ другими философскими ученіями; здѣсь мы находимъ также совершенно Платоновское изъясненіе теоріи движенія, какъ общей формы бытія вещей. Самому Платону также несомнѣнно принадлежитъ раскрытіе этой теоріи въ смыслѣ онтологическаго основанія сенсуализма и наконецъ, непосредственно за симъ, объясненіе сенсуалистической теоріи познанія съ психологической стороны, чрезъ теорію движенія. Всѣ эти страницы, безъ сомнѣнія, суть плодъ глубокомысленныхъ размышленій Платона. Ни Θεэтеть, ниже Сократъ не были въ состояніи обнять всѣ эти разнообразныя, повидимому, философскія положенія, съ которыми онъ имѣетъ здѣсь дѣло, и свести ихъ вмѣстѣ, какъ положенія взаимно себя объясняющія. Только Платонъ, своимъ возвышеннымъ, архитектурическимъ умомъ, могъ построить изъ данныхъ мнѣній сенсуализма, изъ положеній теоріи движенія и изъ указаній общаго смысла — стройную и цѣльную систему сенсуалистическаго міровоззрѣнія, въ которой сенсуалистическое ученіе проведено, можетъ быть, строже и осязательнѣе, чѣмъ во многихъ сочиненіяхъ древнихъ и новыхъ его адептовъ. По нашему мнѣнію, эти страницы составляютъ одну изъ лучшихъ частей всего діалога, какъ по глубинѣ мышленія, такъ и по обширности его концепціи. Въ нихъ, между прочимъ, мы, можетъ быть, имѣемъ и образецъ того, какъ Платонъ обсуждалъ въ своей Академіи философскія ученія своихъ пред-

шественниковъ. Однако изъ всей справедливости того, что указанные страницы діалога написаны непосредственно Платономъ, не слѣдуетъ, чтобы Сократъ, рассуждая съ Θεэтетомъ о знаніи, не рассуждалъ между прочимъ и объ отношеніи знанія къ ощущенію. Напротивъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Даже очень возможно, что Сократъ, говоря съ Θεэтетомъ объ отношеніи знанія къ ощущенію, коснулся и ученія Протагора, хотя рассужденіе Сократа о Протагорѣ, если и входило въ составъ рукописи Евклида, по всей вѣроятности, какъ увидимъ это яснѣе ниже, имѣло иной видъ сравнительно съ тѣмъ, что говорится о Протагорѣ у Платона въ нашемъ діалогѣ.

Какъ однако мы ни были рѣшительны въ своемъ приговорѣ надъ Θεэтетомъ, когда выше замѣтили, что высказанный имъ въ діалогѣ сенсуалистическій тезисъ не принадлежитъ ему исторически, но теперь, приступая къ анализу сенсуалистическаго ученія, какъ оно изложено у Платона въ діалогѣ, мы должны быть особенно осторожны предъ Протагоромъ, въ виду тѣхъ защитниковъ его, которые укоряютъ Платона за произвольно будто бы сдѣланное имъ отождествленіе его ученія съ сенсуализмомъ. Мы обратимся ниже къ этой современной апологіи протагоризма, а теперь предъ нами пока рѣчь самого Платона, у котораго Сократъ дѣйствительно говоритъ только такимъ образомъ:

Сенсуалистическое положеніе, высказанное Θεэтетомъ (ἐπιτήμη — αἰσθησις) пожалуй что (κινδυνεύεις) тождественно съ тѣмъ, что говоритъ Протагоръ; но только онъ говоритъ это другимъ образомъ (τρόπον δὲ τινὰ ἄλλον), именно онъ утверждаетъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, существующихъ—что существуютъ и не существующихъ—что не существуютъ. Такимъ образомъ онъ какъ бы такъ говоритъ: какъ что мнѣ кажется, такъ оно и есть для меня

и какъ что тебѣ кажется, такъ оно и есть для тебя, ибо ты человекъ и я человекъ (152^a). Остальная часть этой страницы діалога (до 153^a) занята объясненіемъ этого мнѣнія Протагора и сближеніемъ его съ древнимъ ученіемъ о движеніи. Серранъ нашелъ на этой страницѣ четыре аппробаціи мнѣнія Протагора, и тѣмъ различилъ мысли, входящія здѣсь въ рѣчь Платона,—что конечно очень полезно для читателя діалога, потому мы и привели слова Серрана въ нашихъ примѣчаніяхъ. Но истинный смыслъ этой страницы діалога открывается чрезъ сравненіе съ дальнѣйшимъ. Читая діалогъ далѣе, мы ясно видимъ, что на нашей страницѣ дана программа всего послѣдующаго разсужденія Платона о Протагорѣ и сенсуализмѣ, по основному плану изъясненія и критики его чрезъ мысль о движеніи. Эта мысль и есть тотъ οὐ φαῦλος λόγος, который, по словамъ Платона, лежитъ въ основѣ міровоззрѣнія многихъ мудрыхъ людей—Протагора, Гераклита, Эмпедокла, поэтовъ — Эпихарма и Гомера (152°). И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Платонъ, не есть ли движеніе общая форма подлиннаго бытія вещей? Все сущее и бывающее обдержится движеніемъ, а гдѣ покой, тамъ ничего нѣтъ. Огонь, который раждаетъ и образуетъ все другое, самъ бываетъ чрезъ движеніе. Движеніе же есть условіе существованія живыхъ существъ. Тѣлесныя и душевныя свойства вырабатываются и сохраняются также путемъ движенія. Но далѣе: такія вещи какъ, наприкладъ, цвѣтъ развѣ есть что нибудь само по себѣ существующее? Напротивъ, цвѣтъ есть явленіе движенія идущаго съ двухъ сторонъ—отъ предмета созерцаемаго и отъ глаза созерцающаго. Оттого одинъ и тотъ же предметъ въ глазахъ разныхъ людей имѣетъ различный цвѣтъ; даже въ глазахъ одного и того же человека цвѣтъ предмета нерѣдко мѣняется. Еще: если бы предметы измѣряемые были сами въ себѣ такими, какими мы усматриваемъ ихъ въ измѣреніи, то, не измѣняясь сами, они оставались бы для насъ всегда

одни и тѣ же. А на самомъ дѣлѣ то, что было прежде для насъ бѣло, тепло, вдругъ, вслѣдствіе только сопоставленія его съ другимъ болѣе бѣлымъ, болѣе теплымъ, является уже сѣрымъ и холоднымъ. Такъ, одно и тоже шесть въ полтора раза болѣе четырехъ и на половину менѣе двѣнадцати. Доселѣ (154) Платонъ изъяснилъ движеніе въ смыслѣ общей формы бытія вещей. Въ этомъ же смыслѣ мы комментировали эти страницы діалога въ нашихъ примѣчаніяхъ и надѣемся, что справедливость сдѣланной нами интерпретаціи въ послѣдствіи будетъ совершенно ясна для читателя. Однако читатель долженъ быть предупрежденъ, что изъ справедливости нашей интерпретаціи не слѣдуетъ, чтобы Платонъ самъ держался того мнѣнія, что движеніе есть общая форма подлиннаго бытія вещей. Напротивъ, Платонъ не преминулъ замѣтить уже и здѣсь, что утверждая, на примѣръ, что Сократъ, не увеличиваясь и не уменьшаясь, сперва больше юноши Θεэтета, а потомъ меньше его—мы становимся въ разладъ съ нѣкоторыми основными нашими убѣжденіями, отъ которыхъ никакъ не можемъ отказаться (155^{a b}).

Но не останавливаясь на этомъ замѣчаніи Платона, обратимся прямо къ другой его задачѣ — изъяснить движеніе какъ онтологическое основаніе теоріи Протагора и сенсуализма вообще. Понимаешь ли, спрашиваетъ далѣе Сократъ у Θεэтета, какъ высказанное доселѣ о движеніи относится къ тому, что говоритъ Протагоръ? (155^d) и затѣмъ продолжаетъ такимъ образомъ: оставлю въ сторонѣ тѣхъ грубыхъ матеріалистовъ, которые признаютъ бытіе только за тѣмъ, что они могутъ крѣпко взять руками; я скажу тебѣ внутренній смыслъ того міровоззрѣнія, котораго держатся болѣе возвышенные философы. Въ принципѣ этого міровоззрѣнія лежитъ мысль о движеніи, которое есть общая форма бытія всего, такъ что внѣ движенія нѣтъ ничего. Но должно различать двоякое движеніе: активное и пас-

сивное; изъ столкновенія ихъ другъ съ другомъ происходятъ явленія, которыя (какъ объекты знанія) должны быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: со стороны ощущаемости и со стороны ощущенія. Ощущеній много, и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ нѣчто отдѣльное изъ сферы ощущаемаго. Такъ явленіе цвѣта происходитъ путемъ движенія съ ~~одной стороны~~ предмета, а съ другой — глаза; въ актѣ этого движенія образуется на сторонѣ предмета, напримѣръ, бѣлый цвѣтъ, какъ явленіе его ощущаемости, а на сторонѣ глаза — зрѣніе, какъ его ощущеніе. Такъ происходитъ то, что глазъ видитъ бѣлый или другой какой-либо предметъ. Само же по себѣ бѣлое или что нибудь другое вовсе не существуетъ, напротивъ, все какъ предметъ знанія дано въ актѣ сближенія субъекта познающаго съ объектомъ познаваемымъ, и такимъ образомъ все разнообразіе, въ которомъ мы знаемъ міръ, условливается движеніемъ. Итакъ — что сказано было и прежде — нѣтъ ничего что было бы само по себѣ, напротивъ все только бываетъ въ отношеніи къ чему-либо, потому понятіе бытія должно быть совершенно изъято изъ мышленія; слѣдуетъ говорить только о бывающемъ, о содѣлывающемся, исчезающемъ, измѣняющемся, и не употреблять выраженій, означающихъ устойчивое существованіе (156—157^e). Таково онтологическое основаніе сенсуализма. Именно, если ничто не существуетъ непреложно, напротивъ все только бываетъ такъ или иначе въ моментахъ непрерывнаго космическаго движенія, то невозможно искать какого-либо объективнаго критерія истины, напротивъ, что какъ кому кажется, то такъ и существуетъ для него.

Между тѣмъ раскрытіе теоріи движенія въ смыслѣ онтологическаго основанія сенсуализма прерывается въ діалогѣ сперва замѣчаніемъ, что, согласно съ абсолютнымъ смысломъ теоріи движенія, о благѣ и о красотѣ нельзя также сказать, что онѣ непреложно существуютъ, но только бываютъ, потомъ возраженіемъ, что во снѣ и въ нѣкоторыхъ

болѣзняхъ многое кажется такимъ, какимъ оно дакеко не таково на самомъ дѣлѣ (158^{d c}). Но между тѣмъ какъ первое замѣчаніе оставлено безъ развитія, возраженіе о ложныхъ ощущеніяхъ во снѣ и въ болѣзни послужило потомъ къ яснѣйшему и такъ сказать осязательному изъясненію теоріи движенія въ смыслѣ онтологическаго основанія сенсуализма.

Возможно, что Сократъ, бесѣдуя съ Θεэтетомъ о сенсуализмѣ, указывалъ между прочимъ на то, что съ точки зрѣнія сенсуализма благо и красота должны быть признаны также за преходящіе моменты, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ красивая вещь и добрый поступокъ, рассуждалъ Сократъ, сами, очевидно, потому таковы, что въ вещи есть красота, а въ поступкѣ — благо. Но для Платона этотъ аргументъ противъ сенсуализма не могъ имѣть того смысла, какъ для Сократа, ибо для Сократа только понятія истины, блага и красоты стояли отдѣльно, какъ понятія, а въ метафизическомъ мышленіи Платона, какъ раскрыли мы это въ Анализѣ Менона, всѣ эти понятія отождествлялись по своему метафизическому содержанію. Потому нельзя, въ защиту объективности истины противъ сенсуализма, говорить о томъ, что отрицая объективность истины сенсуализмъ долженъ отрицать и объективность блага: по мысли Платона онъ уже дѣлаетъ это *eo ipso*, и нельзя надѣяться защитить предъ нимъ объективность блага и красоты, уступивъ ему въ вопросѣ объ объективности истины. Поэтому Платонъ хотя и говоритъ въ нашемъ мѣстѣ діалога о томъ, что сенсуализмъ долженъ благо и красоту не считать за нѣчто существующее, но лишь мимоходомъ, повторяя, быть можетъ, только мысль Сократа, встрѣченную имъ въ рукописи Евклида. Что же касается до мысли о ложныхъ ощущеніяхъ во снѣ и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, то Сократъ также могъ придавать силу этому факту и выставить его какъ возраженіе противъ сенсуализма, потому что

щающимъ. Тоже должно сказать и обо всемъ другомъ, или иначе: ни о чемъ нельзя говорить какъ о самомъ по себѣ. Субъектъ ощущающій непременно ощущаетъ что нибудь, и это что нибудь, какъ предикатъ ощущаемаго предмета, таково только для субъекта въ актѣ его ощущенія. А такъ какъ ощущеніе субъекта есть ощущеніе его субстанціи, то для него оно истинно; и такъ какъ внѣ того нѣтъ, онъ ощущаетъ, для него въ каждомъ данномъ случаѣ нѣтъ ничего другаго, то вотъ какъ оправдывается мысль Протагора, что я судья для себя существующаго, что оно есть и не существующаго, что оно не есть (158—160 °).

Такъ, заключаетъ Платонъ, сводятся къ одному и тому же (εἰς ταῦτόν συμπέπτωκε) ученіе Гомера и Гераклита что все движется какъ рѣка, ученіе Протагора что человекъ есть мѣра всѣхъ вещей, и мысль, высказанная Θεэтетомъ, что знаніе есть ощущеніе (160 °). Вотъ въ какой широкой концепціи обнялъ Платонъ краткое изреченіе Протагора и какъ широко раздвинулъ предѣлы его смысла. Гдѣ же однако тотъ фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются пути мышленія Гомера, Гераклита, Протагора и Θεэтега какъ автора даннаго мнѣнія о знаніи? Что есть то ταῦτόν, въ которое все это συμπέπτωκεν?

Имѣя въ виду этотъ вопросъ, рассмотримъ тѣ философскія воззрѣнія, которыя преимущественно сближаетъ Платонъ въ своемъ изслѣдованіи.

Мы принуждены однако оставить здѣсь Гомера въ статѣ за то, что вопросъ о томъ, на какомъ основаніи онъ на-
ря, быть можетъ, представителемъ трагедіи и какимъ обра-
въ рукописи Евклида. Чтобъ нѣю онъ можетъ быть сближенъ
ныхъ ощущеніяхъ во снѣ и въ бы для своего изслѣдованія
Сократъ также могъ придавать силъ тексту въ данномъ мѣ-
лять его какъ возраженіе противъ себѣ и движеніи во вся-

комъ случаѣ не должно было быть такъ сильно въ умѣ Гомера, какъ оно было сильно въ умѣ Гераклита; но при всемъ томъ мы не можемъ согласиться съ Суземилемъ, который видитъ въ нашемъ мѣстѣ діалога только сатиру со стороны Платона ~~на любимый~~ софистами обычай пользоваться изреченіями* поэтовъ для своихъ цѣлей и не ~~возводитъ~~ возводитъ свое ученіе къ Гомеру, какъ къ его истинному началу (т — же, с. 184). Платонъ напротивъ очень серьезно говоритъ тоже о Гомерѣ ниже на 180^{c—d} и въ Кратилѣ 402^{a—c}. Мы хорошо знаемъ, что мысль о первоначальномъ космическомъ теченіи или движеніи дѣйствительно есть очень древняя мысль; она имѣетъ мѣсто во всѣхъ космогоніяхъ, и особенно въ орфической, на что очень правильно указалъ Ленцъ, излагая наше мѣсто діалога (Theod. Lenz, Commentatio etc. с. 12). Равно и Гельмгольцъ вполне основательно замѣчаетъ, что современная наука находится по данному вопросу въ тѣсномъ согласіи съ древними сагами человечества, съ мечтаніями поэтической фантазіи, каковы космогоніи древнихъ народовъ (Populäre wissenschaftliche Vorträge. Zw. Hft. с. 122—3).

Въ литературѣ доселѣ существуютъ два различныхъ мнѣнія по вопросу объ историческомъ происхожденіи философіи Протагора, при чемъ вопросъ этотъ большею частію отождествляется съ вопросомъ о томъ, кто былъ учитель Протагора (см. Витринга: Epilogus. De fonte philosophiae Protagorae, sive de magistro Protagorae с. 188); внутренній же смыслъ самого ученія Протагора, такъ называемыя placita философа приводятся только въ подтвержденіе какого-либо мнѣнія о личномъ отношеніи его къ тому или другому современному философу. Эти философы, съ которыми критики сближаютъ лично Протагора, суть Демокритъ и Гераклитъ. Авлъ Геллій въ Аттическихъ Ночахъ (V, 3) раз-

сказываетъ, что Протагоръ въ молодости былъ ἀχθοφόρος, (по латыни bajulus), т.-е. нанимался переносить тяжести. Однажды философъ Демокритъ, также какъ и Протагоръ родомъ изъ Абдеры, встрѣтилъ его со связкою дровъ и будучи удивленъ, съ какимъ искусствомъ (ratione quadam quasi geometrica) были связаны дрова, пригласилъ его слѣдовать за собою и сдѣлалъ своимъ ученикомъ, et eum esse (т.-е. fecit) заключаетъ Галлій, quantus postea fuit. По свидѣтельству Диогена Лаэртія (IX, 53), ~~этотъ же~~ рассказъ о Протагорѣ передавалъ и Эпикуръ. Его находимъ мы также у Аѳенея (VIII, 50. 353°). Но еще Мейнерсъ въ известномъ своемъ сочиненіи: *Geschichte der Ursprung etc.* II. с. 174 и слѣд. указалъ на фабулезность этого разсказа, доказывая, что Протагоръ былъ много старше Демокрита. Это мнѣніе поддерживали Тидеманнъ (*Geist d. specul. Philosophie* Tom. I. с. 351) и Теннеманнъ (*Geschichte d. Phil. herausg. von Wendt.* I. с. 495). Муллахъ въ своихъ *Fragmenta philosophor. graecor.* (с. LXVII) также не придаетъ никакого историческаго значенія приведенному разсказу Авла Геллія, замѣчая, что отъ искусства Протагора вязать дрова странно было Демокриту заключать о способности его къ философіи. Съ особенною же силою возсталъ противъ этого преданія Фрей въ своихъ *Quaestiones Protagoraeae* (с. 9 и слѣд. также 103 и слѣд.) Фрей подробно Мейнерсу доказываетъ, что Протагоръ былъ на 21 годъ старше Демокрита. Съ Фреемъ совершенно согласенъ и Веберъ, говоря, что онъ вполне убѣдительно доказалъ невозможность сблизать Протагора съ Демокритомъ, какъ на основаніи хронологическихъ данныхъ, такъ и по смыслу ихъ философскаго ученія (*Ueber Prot.* с. 21). Но при всей дѣйствительно убѣдительности доказательствъ Фрея, Витринга, сочиненіе котораго *De Protag. vita et philosophia*, есть, если не ошибаемся, послѣдняя по времени монографія о Протагорѣ, съ большою энергіею поддерживаетъ историческую достовѣрность разсказа Гел-

лія и вмѣстѣ съ тѣмъ сближаетъ placita Протагора и Демокрита. Въ этомъ последнемъ отношеніи Витринга, хотя, быть можетъ, съ большею энергію, повторяетъ только Германа и нѣкоторыхъ другихъ (см. Германъ Gesch. u. System etc. I. с. 190). Что касается до личнаго отношенія Протагора къ Демокриту, то вопросъ этотъ едва ли можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно. Хотя мы склоняемся къ мнѣнію Фрея и другихъ, но не столько убѣжденные его доказательствами старшинства Протагора, сколько потому, что ни Платонъ ни Аристотель и никто изъ ближайшихъ по времени писателей не говоритъ объ описываемой Гелліемъ встрѣчѣ и личномъ сближеніи Демокрита съ Протагоромъ.

Вообще должно замѣтить, что при всей громкости имени Протагора въ древнемъ мірѣ личность его едва ли можетъ быть воспроизведена нами исторически вѣрно, или по недостатку, или по противорѣчію историческихъ свидѣтельствъ. Такъ, между прочимъ, хотя одно изъ сочиненій Платона носитъ имя Протагора и дѣйствительно посвящено изображенію личности софиста въ періодъ его славы въ Аѣнахъ, однако мы не можемъ пользоваться этимъ сочиненіемъ какъ источникомъ вполне достовѣрнымъ. Еще Аѣней (V, 59) указалъ на многія хронологическія неточности Платона въ этомъ діалогѣ. Въ послѣдствіи это замѣчаніе Аѣнея стало общимъ убѣжденіемъ. Но если наблюденіе историческихъ неточностей въ означенномъ діалогѣ Платона и даетъ право видѣть въ немъ, подобно Веклейну, не столько характеристику Протагора, сколько изображеніе софиста вообще и описаніе способа софистическаго обученія юношей въ противоположность способу Сократа (Wecklein, т—же, с. 8. Срав. Jessen, zu Plat. Protagoras); то въ то же время нельзя не замѣтить, что не случайно, конечно, поставлено имя Протагора въ заглавіи того произведенія Платона, которое изображаетъ греческаго софиста. Всѣ свидѣ-

тельства, которыя мы имѣемъ объ этомъ человѣкѣ, убѣждаютъ въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ представителемъ этого класса людей. Онъ первый, по свидѣтельству Платона, назвалъ себя софистомъ и объяснилъ это имя въ значеніи человѣка, знающаго мудрыя вещи τὸν τῶν σοφῶν ἐπιστήμονα (Protag. 312 °, срав. 311 ° и 317). Какъ человѣкъ мудрый, Протагоръ пользовался у современниковъ большимъ уваженіемъ. Самъ Платонъ называетъ его софώ-татос τῶν γε νῦν (Prot. 309 °), ~~человѣкомъ, δὲ ὤσπερ θεὸν θαυμάζομεν~~ (Theaet. 161 °) и знаменитымъ во всей Греціи (Men. 91^{d e}). Эліанъ говоритъ, что жители Абдеры именовали Протагора λόγος (Var. Hist. IV. 20). Тоже свидѣтельствуется схолиастъ къ X книгѣ Респуб. Платона (600 °) и Свида подъ словомъ Πρωταγόρας. По свидѣтельству же Фаворина у Діогена Лаэръція (IX, 50), Протагора называли также именемъ σοφία. Но такъ какъ, по свидѣтельству другихъ писателей (Эліана IV, 20. Свида подъ словомъ Δημό-критос, Клемента Александрійскаго Strom. VI, p. 631^d), этимъ именемъ называли Демокрита, то слѣдуетъ думать, что или Фаворинъ (а можетъ быть и самъ Діогенъ Лаэръцій) смѣшалъ прозвища Демокрита и Протагора, или имя σοφία одинаково было усвоено за Протагоромъ какъ и за Демокритомъ.

Какъ бы то ни было, популярность и достоинство Протагора во всей Греціи есть фактъ исторически непреложный. Сфера его дѣятельности была очень обширна. Есть даже преданіе, записанное, какъ говоритъ Діогенъ Лаэръцій, Гераклидомъ Понтійскимъ ἐν τῷ περὶ νόμων, ὅς (т.-е. Гераклидъ), καὶ Θουρίοις νόμοις γράψαι φησὶν αὐτόν (IX, 50). Хотя это преданіе подлежитъ большому сомнѣнію и во всякомъ случаѣ можетъ быть объяснено различно, однако не сомнѣнно, что Протагоръ изъ всѣхъ софистовъ былъ особенно способенъ къ государственной дѣятельности. Въ числѣ сочиненій Протагора Діогенъ упоминаетъ одно περὶ πολιτείας

(IX, 55) и свидѣтельствуеть, что Критонъ одно изъ своихъ сочиненій прямо называлъ Πρωταγόρας ἢ Πολιτικός (II, 121), и въ другомъ мѣстѣ (III, 37 и 57) передаетъ довольно странное свидѣтельство Аристоксена и Фаворина, что будто бы почти вся Платонова Πολιτεία ἐν τοῖς Πρωταγόρου γέγραφαί Ἀντιλοχικοῖς. Что касается до ученой дѣятельности Протагора, то его умъ былъ занятъ всѣми современными вопросами изъ области грамматики, реторики, стилистики и проч. Не останавливаясь здѣсь на этихъ отрасляхъ его ученой дѣятельности, замѣтимъ нѣсколько лишь о педагогической дѣятельности.

Вся задача педагогической дѣятельности Протагора въ Греціи, какъ онъ самъ говоритъ у Платона въ діалогѣ, состояла въ томъ, чтобы βελτίους ποιεῖν или παιδεύειν τοὺς ἀνθρώπους (Prot. 317^b, 318^a). Потому сфера его дѣятельности опредѣлена у Платона какъ τέχνη πολιτική (319^a) являющаяся съ одной стороны какъ εὐβουλία περὶ τε τῶν οἰκείων ὅπως ἀν' ἀρίστα τὴν αὐτοῦ οἰκίαν διοικῆ, и съ другой стороны какъ εὐβουλία περὶ τῶν τῆς πόλεως ὅπως τὰ τῆς πόλεως δυνατότατος ἀν' εἶη καὶ πράττειν καὶ λέγειν (318°).

Педагогическая метода Протагора была, повидимому, очень развита. Утверждая, (свидѣтельство Стобея, Sermon. XXIX. 206), μηδὲν εἶναι μήτε τέχνην ἄνευ μελέτης μήτε μελέτην ἄνευ τέχνης, Протагоръ старался возбудить въ своихъ ученикахъ самостоятельность, и для этой цѣли предлагалъ имъ тезисы на обсужденіе. Свидѣ подѣ словомъ Πρωταγόρας говорить: Πρώτος δὲ οὗτος τοὺς ἐριστικούς λόγους εὖρε καὶ ἀγῶνα λόγων ἐποίησατο (срав. Диог. Лаэр. IX, 52 и 53. Схол. къ Респуб. Платона X, 600°). Достоинство этой методы засвидѣтельствовано Цицерономъ и Квинтилианомъ (Ep. ad. Att. IX, 4. Institut. X, 5). Эти писатели противопоставляютъ тезисы (θέσεις) гипотезамъ (ὑποθέσεις) и отличаютъ одно отъ другаго какъ propositum отъ causa. Quaestionum duo sunt genera, говоритъ Цицеронъ, alterum infinitum, definitum al-

terum. Definitum est quod ὑπόθεσις Graeci, nos causam: infinitum, quod θέσις illi appellant, nos propositum possumus nominare. Causa certis personis, locis, temporibus, actionibus, negotiis cernitur aut in omnibus, aut in plerisque eorum. propositum autem in aliquo eorum aut in pluribus nec tamen in maximis (Top. cap. XXI). Квинтилианъ, объясняя примѣромъ говорить: infinita est (т.-е. quaestio), an uxor ducenda, finita, an Catoni ducenda (III, 5). Цицеронъ свидѣтельствуесть, что Протагоромъ были составлены rerum illustrium disputationes, quae nunc communes appellantur loci (Brut. cap. 12). Эти общія мѣста суть также тезисы, но назначенныя не для экзерцицій, а для употребленія ихъ въ рѣчи преимущественно ораторами, какъ готовыхъ положеній, выражающихъ какую-либо общую мысль о порокахъ, о добродѣтели, или вообще формулирующихъ какое-либо явленіе изъ сферы практической жизни (см. Квинтилианъ II, cap. 1. 4).

Диогенъ Лаэртій (IX, 55) упоминаетъ о сочиненіи Протагора: Τέχνη ἐριστικῶν. Содержаніемъ этого сочиненія безъ сомнѣнія было ученіе о томъ, что обо всемъ можно разсуждать за и противъ. Тотъ же Диогенъ говоритъ: πρῶτος ἔφη, δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοισι. Тоже Клементъ Александрійскій (Strom. VI. 674^a): Καὶ ἐπειδὴ Ἕλληνες φασὶ Πρωταγόρου προκατάρξαντος, παντὶ λόγῳ λόγον ἀντεκειμένον παρασκευάσθαι. Срав. Сенека, Ер. LXXXVIII. Этою методой обработки подлежащихъ вопросовъ Протагоръ достигалъ того искусства краснорѣчія, о которомъ говорятъ древніе—τὸ τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν (Аристотель, Rhetor. 1402^a 24. Авль Теллій Nos. att. V. 3. Схولیастъ къ Облакамъ Аристофана, iv. 113). У Платона однако мы не находимъ яснаго указанія на то, чтобы Протагоръ практиковалъ эту задачу. Потому нѣкоторые и думаютъ, что въ этомъ случаѣ на него какъ на представителя софитовъ перенесено то, что принадлежитъ собственно другимъ. Употребленіе же двухъ противоположныхъ предл-

катовъ было практиковано и другими софистами, какъ-то: Продикомъ, Гиппиемъ, Горгиемъ и Эразимахомъ (см. Цицеронъ, Brut. VIII, 30).

Обращаемся къ философіи Протагора. Въ историческихъ источникахъ мы имѣемъ только одно философское положеніе Протагора, формулированное вездѣ почти тождественно. Это — πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος ἐστὶ τῶν μὲν ὄντων ὡς ἐστὶ, τῶν δὲ οὐκ ὄντων ὡς οὐκ ἐστίν. Вотъ главные мѣста изъ всѣхъ тѣхъ писателей, у которыхъ оно встрѣчается: у Платона Theaet. 152^a, 160^{c d} и др. Cratyl. 385^e. у Аристотеля, Metaph. 1007^b 22. 1053^a 35. 1062^b 12. у Секста Эмпирика: Advers. Mathem. VII, 60. Pyrrhon. Hypot. I, 32. у Диогена Лаэртія IX, 51. у Евсевія, Praepar. Evang. (слова Аристокла) XIV, 19. 20.

Писатели, занимавшіеся изслѣдованіемъ философіи Протагора, обыкновенно утверждаютъ, что указанный выше философскій тезисъ Протагора былъ трактованъ имъ въ сочиненіи озаглавленномъ: Ἀλήθεια (Фрей, т—же, с. 178. Веберъ, т—же, с. 43. Витринга, т—же, с. 113). Это мнѣніе основывается единственно на словахъ Платона въ Θεэтетѣ 161^c τὴν δ' ἀρχὴν τοῦ λόγου τεθαύμακα, ὅτι οὐκ εἶπεν ἀρχόμενος τῆς ἀληθείας, ὅτι πάντων χρημάτων κ. т. л. При чемъ схолиастъ: τὸ τοῦ Πρωταγόρου σύγγραμμα ἐν ᾧ ταῦτα δοξάζει, ἀλήθεια ἐκαλεῖτο ὑπὸ Πρωταγόρου. Срав. 162^a, 166^c, 170^e. Но странно, что Диогенъ, который (IX, 55) пересчитываетъ до двѣнадцати сочиненій Протагора, не упоминаетъ объ Ἀλήθεια — сочиненіи, которое, судя по Платону, должно признать важнѣйшимъ изъ всѣхъ другихъ. Еще болѣе странно, что Секстъ Эмпирикъ, приводя тезисъ Протагора, упоминаетъ при этомъ иное сочиненіе, въ которомъ онъ былъ трактованъ. Секстъ говоритъ: ἐναρχόμενος νοῦν τῶν Καταβαλλόντων ἀνεφόνησε Πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος (Adv. Mathem. VII. 60). Не

менѣе странно далѣе и то, что Порфирій у Евсевія (Pгаер. Evang. X. 3) говоритъ, что онъ читалъ сочиненіе Протагора: Περὶ τοῦ ὄντος. Хотя при этомъ у Евсевія не упоминають тезисъ Протагора, однако несомнѣнно, что въ этомъ сочиненіи должно быть раскрыто основное его философское ученіе. Наконецъ, нельзя не остановиться съ изумленіемъ на томъ, что Діогенъ, не упоминая ни объ Ἀλήθεια, ни о Περὶ τοῦ ὄντος, ни о Καταβάλλοντες, говоритъ о двухъ книгахъ Протагора: Ἀντιλογίῳν (δύο), — сочиненіи, которое, по содержанию своему, очевидно, должно стоять также въ ближайшей связи съ философскимъ тезисомъ Протагора. Нельзя допустить, чтобы Діогенъ, который, какъ извѣстно, всѣ свои рассказы заимствовалъ изъ разнообразнаго литературнаго матеріала, не нашелъ въ немъ упоминанія ни объ одномъ изъ тѣхъ сочиненій Протагора, о которыхъ говорятъ Платонъ, Порфирій и Секстъ, еслибы онѣ существовали. Въ силу этого соображенія должно думать, что всѣ означенныя выше наименованія принадлежатъ одному и тому же сочиненію Протагора. Это мнѣніе уже принято критикою. (См. Бернайсъ, Die καταβάλλοντες des Protogoras. Rhein. Museum für Philol. 1830. Drittes Heft. с. 464.) Но трудно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ Бернайса и другихъ, что всѣ означенныя наименованія имѣютъ одинаковое отношеніе къ сочиненію Протагора, соединяясь между собою чрезъ или—или. Мы думаемъ напротивъ, что наименованіе у Діогена единственно есть историческое наименованіе того сочиненія Протагора, въ которомъ развито его философское ученіе, а другія суть только прозвища его. Такъ, что касается до наименованія Порфиріемъ Περὶ τοῦ ὄντος, то справедливо замѣчаетъ Веберъ противъ Фрея, который думаетъ, что сочиненіе Протогора было заглавлено: Ἀλήθεια ἢ περὶ τοῦ ὄντος, ту странность, что Протагоръ назвалъ свое сочиненіе Περὶ τοῦ ὄντος, между тѣмъ какъ все ученіе его состояло въ томъ, что нѣтъ τὸ ὄν, а есть только τὸ γινόμενον (Ве-

беръ, т—же, с. 45). Что же касается до имени Ἀλήθεια у Платона, то ~~нельзя не~~ обратить вниманія на то, что вездѣ, гдѣ встрѣчается это наименованіе у Платона: Theaet. 152^a, 155°. Cratyl. 386°, 391°), онъ говоритъ о Протагоровомъ ученіи вообще, такъ что можно думать, что именемъ «Истины» онъ пронизуетъ то значеніе, которое послѣдователи Протагора давали его сочиненію, т.-е. употребляетъ понятіе «Истины» для означенія даннаго сочиненія и отличія его отъ другихъ, тогда какъ они употребляли его какъ предикатъ, выражающій его внутреннее значеніе. Такое ироническое пользованіе словомъ ἀλήθεια тѣмъ болѣе могло быть удачно въ устахъ Платона, что современникъ его Антисѳенъ, лично не дружелюбный къ Платону, заглавилъ свое сочиненіе именемъ Ἀλήθεια (Диог. Лаэр. VI, 1), желая, быть можетъ, усвоить ему то значеніе, которое послѣдователи Протагора придавали его сочиненію. Что далѣе до имени καταβάλλοντες у Секста, то справедливо замѣтилъ Бернайсъ (т—же, с. 467), что въ этомъ имени метафорически дана, очевидно, таже идея, что и въ имени Ἀντιλογία у Диогена. Но изъ двухъ тождественныхъ по смыслу названій, названіе у Секста скорѣе есть позднѣйшее прозвище сочиненія Протагора, а названіе у Диогена его подлинное историческое названіе. Ибо Диогенъ не такъ какъ Секстъ, только по поводу мнѣнія Протагора называетъ его сочиненіе этимъ именемъ, но упоминаетъ это названіе въ общемъ перечнѣ сочиненій Протагора.

Здѣсь, говоря о достоинствѣ свидѣтельства Диогена, уместно однако замѣтить, что Диогенъ задалъ критикѣ едва ли разрѣшимуую задачу, передавъ два свидѣтельства (на которыя было указано выше)—Аристоксена и Фаворина о томъ, что будто бы Платонъ заимствовалъ свою политику изъ Антилогій Протагора: ἢν Πολιτείαν Ἀριστόξενός φησι πᾶσαν σχεδὸν ἐν τοῖς Πρωταγόρου γέγραφθαι Ἀντιολοικοῖς (III, 37) или ἢν (т.-е. Политику Платона) καὶ εὐρίσκεσθαι σχεδὸν ὅλην παρὰ

Πρωταγόρα ἐν τοῖς Ἀντιλογικοῖς φησὶ Φαβορίνος ἐν παντοδαπῆς ἱστορίας δευτέρῳ (срав. также Евсев. Ргаер. Evang. X, 3). Критика обыкновенно обходитъ то затрудненіе, въ которое ставитъ ее Діогенъ этимъ свидѣтельствомъ; только Фреу разрѣшаетъ его однимъ почеркомъ пера, утверждая прямо, что Платонъ, можетъ быть, пользовался при написаніи своей Политики другимъ сочиненіемъ Протагора, которое называлось Περὶ πολιτείας (Фрей, т — же, 188). Однако Политика Платона, какъ извѣстно, половиною еодержанія примыкаетъ къ разряду такихъ сочиненій, какимъ, по содержанию своему, должны были быть Антилогіи Протагора. Потому Платонъ одинаково могъ заимствовать содержание своей Политики изъ этого сочиненія Протагора, какъ и изъ его Περὶ πολιτείας. Такимъ образомъ со стороны содержания Политики Платона препятствіе заимствованія ея у Протагора легко устранивается. Истинное затрудненіе въ этомъ случаѣ представляетъ различіе философскаго міровоззрѣнія Платона и Протагора, въ виду чего едва ли даже можно разрѣшить означенное затрудненіе. Но во всякомъ случаѣ критика источниковъ философіи Платона должна обратить на это особенное вниманіе.

Но какъ бы не называлось то сочиненіе, въ которомъ Протагоръ развивалъ свое философское ученіе, изъ него уцѣлѣло для насъ только одно основное положеніе: ἀνθρώπος μέτρον πάντων. Платонъ, который въ нашемъ діалогѣ борится въ лицѣ Протагора вообще съ сенсуализмомъ, хотя и заставляеть Сократа высказать отъ его лица нѣсколько другихъ изъясняющихъ мнѣній, но мы выше выяснили уже причины, по которымъ мы не имѣемъ непосредственнаго права принимать ихъ за историческія мнѣнія Протагора, имъ самимъ высказанныя; и здѣсь не можемъ не удивляться тѣмъ спеціальнымъ изслѣдователямъ философіи Протагора (Фрею, Витрингъ, отчасти и Веберу, не говоря уже о писателяхъ общихъ курсовъ исторіи классической философіи),

которые, желая собрать его мысли, прямо выписывают ихъ изъ тѣхъ страницъ нашего діалога, на которыхъ Сократъ у Платона говоритъ отъ лица Протагора, или въ защиту его ученія, или въ опроверженіе сдѣланныхъ противъ него возраженій. Особенно странно въ этомъ случаѣ то, что не обращая вниманія на предупрежденіе Сократа, что онъ намеренъ сообщить Θεэтету внутренній смыслъ ученія — не Протагора только но и другихъ философовъ, которые, по мнѣнію Платона, сближаются между собою ($\omega\nu$, т.-е. κομψότερων, въ противоположность ἀμούσων, μέλλω σοι τὰ μυστήρια λέγειν 156^d), упомянутые писатели прямо съ этой страницы берутъ текстъ: τὸ πᾶν κίνησις ἦν καὶ ἄλλο παρὰ τοῦτο οὐδέν—и ставятъ его какъ собственную мысль Протагора въ главѣ всѣхъ его философскихъ мыслей.

Въ изложеніи содержанія разсматриваемой части діалога было указано, что въ этомъ мѣстѣ Платонъ изъясняетъ теорію движенія, какъ онтологическое основаніе ученія Протагора и сенсуализма вообще. Потому изъ этого мѣста едва ли можно взять какое нибудь положеніе, какъ положеніе исторически принадлежащее Протагору. Однако несомнѣнно, что мысль о движеніи должна была входить въ составъ философскихъ мыслей Протагора, ибо безъ нея, очевидно, онъ не могъ практиковать въ своемъ мышленіи и своего основнаго положенія о человѣкѣ, какъ о мѣрѣ истины. Но вопросъ состоитъ въ томъ, въ какомъ смыслѣ практиковалъ Протагоръ въ своемъ мышленіи мысль о движеніи: въ смыслѣ ли онтологическаго основанія своей философской теоріи, въ какомъ пользуется ею Платонъ, или въ смыслѣ указанія на движеніе какъ на явленіе? Секстъ Эмпирикъ свидѣтельствуетъ въ этомъ случаѣ о Протагорѣ слѣдующее: φησὶν οὖν ὁ ἀνὴρ, τὴν ὕλην ρευστὴν εἶναι, ρεούσης δὲ αὐτῆς συνεχῶς προσθέσεισιν ἀντὶ τῶν ἀποφορήσεων γίνεσθαι (Purr. hypot. I, 32). Хотя Фрей совершенно правильно перифразируетъ выраженіе Секста: ἡ ὕλη ρευστή ἐστὶν въ выра-

женіе: ἡ ὕλη ρεῖ (т—же, с. 94), однако едва ли въ этомъ второмъ видѣ свидѣтельство Секста можетъ быть принято за тождественное съ словами Платона: τὸ πᾶν κίνησις καὶ ἄλλο παρὰ τοῦτο οὐδέν. Веберъ, который, какъ было сказано, подвергъ новой критикѣ весь матеріалъ нужный для обработки философіи Протагора, основательно замѣчаетъ, что между понятіемъ абсолютнаго движенія и понятіемъ о вещахъ находящихся въ движеніи есть большое различіе; однако ни въ какомъ случаѣ нельзя раздѣлять того его мнѣнія, что послѣднее понятіе *doctrinae Protogoreae fundamentum esse* (т—же, с. 25). Веберъ понималъ, повидимому, что изъ Платона нельзя какъ изъ источника непосредственно черпать философію Протагора. Но онъ неправильно опредѣляетъ положеніе для насъ Платона въ отношеніи къ Протагору, когда говоритъ, что для правильнаго пониманія ученія Протагора должно обращать вниманіе не на то, что Платонъ говоритъ, а на то, что онъ хотѣлъ сказать (с. 34). Потому онъ и утверждаетъ, что *mera motio* Платона есть его *mera fictio*, не имѣющая мѣста въ мышленіи Протагора. Мы напротивъ думаемъ, что Платонъ хотѣлъ сказать о Протагорѣ именно то, что сказалъ и не сказалъ ничего фиктивного. Винавать Веберъ и другіе, когда ищутъ у Платона мнѣній Протагора тамъ, гдѣ онъ говоритъ о философскомъ основаніи сенсуализма вообще какъ теоріи и къ тому же предупреждаетъ ихъ въ этомъ. Ни изъ чего не видно, чтобы Протагоръ также смотрѣлъ на движеніе какъ на теорію, долженствующую изъяснить его взглядъ на человѣка какъ на мѣрило истины всего сущаго. Напротивъ, онъ, повидимому, практиковалъ въ своемъ мышленіи движеніе просто какъ явленіе, какъ физическій фактъ; теоретически же его мысль занята была другимъ содержаніемъ. Но обратимся къ источникамъ.

Этотъ человѣкъ, говоритъ Секстъ, утверждаетъ, что матерія текуча и вслѣдствіе ея постояннаго теченія, въ замѣнѣ

того, что уносится, бываетъ постоянное прибавленіе. Ощущенія въ человѣкѣ, говоритъ далѣе Секстъ, продолжая мысль Протагора, мѣняются подѣ вліяніемъ возраста и другихъ состояній тѣла. Καὶ διὰ τοῦτο, заключаетъ онъ, τίθησι (т.-е. ὁ Πρωταγόρας) τὰ φαινόμενα ἐκάστῳ μόνῳ καὶ οὕτως εἰσάγει τὸ πρὸς τι (Pyrgh. Nurot. I, 32). Также изъясняетъ Секстъ ученіе Протагора и въ другомъ мѣстѣ, adv. Mathem. VII. 60. Καὶ τὸ πρὸς τι εἶναι τὴν ἀλήθειαν διὰ τὸ πᾶν τὸ φανέν ἢ δόξαν τινὶ εὐθέως πρὸς ἐκεῖνον ὑπάρχειν. Это совершенно согласно съ тѣмъ объясненіемъ, какое далъ и Платонъ въ нашемъ діалогѣ тезису Протагора: οὕτω πως λέγει, ὡς οἷα μὲν ἐκαστῶ ἐμοὶ φαίνεται, τοιαῦτα μὲν ἐστὶν ἐμοί, οἷα δὲ σοί, τοιαῦτα δὲ αὐτῷ σοί. (152^a. См. также 170^a, гдѣ таже мысль передана очевидно, подлинными словами Протагора. Срав. Cratyl. 386^a). Въ томъ же смыслѣ объясняетъ тезисъ Протагора и Аристотель: ἐκεῖνος ἔφη πάντων χρημάτων εἶναι μέτρον ἀνθρώπων, οὐθὲν ἕτερον λέγων ἢ τὸ δοκοῦν ἐκάστῳ τοῦτο καὶ εἶναι παγίως (Met. XI, 6). Изъ примѣровъ приведенныхъ у Платона, которые, можетъ быть, были приводимы самимъ Протагоромъ въ его философскомъ сочиненіи, особенно ясно видно, что Платонъ трактовалъ философское ученіе Протагора въ смыслѣ ученія объ относительности какъ подлинной формы бытія вещей. Согласно съ этимъ, Аммоній къ Категоріямъ Аристотеля (Scholia colleg. Brandis p. 60) говоритъ, что по ученію Протагора никакая вещь не имѣетъ ὠρισμένην φύσιν, но существуютъ ἐν τῇ πρὸς ἡμᾶς σχέσει. Другой схолиастъ къ тому же мѣсту изъ Аристотеля говоритъ: Πρωταγόρας μὲν ὁ σοφιστὴς πάντα τὰ ὄντα πρὸς τι εἶπε. Но возвратимся вновь къ Сексту Эмпирику. Этотъ писатель хорошо руководитъ насъ въ пониманіи ученія Протагора объ относительности, когда говоритъ: λέγει δὲ (ὁ Πρωταγόρας) καὶ τοὺς λόγους πάντων τῶν φαινομένων ὑποκεῖσθαι ἐν τῇ ὕλῃ, ὡς δύνασθαι τὴν ὕλην ὅσον ἐφ' ἑαυτῇ πάντα εἶναι ὅσα πᾶσι φαίνεται (Pyrgh. Nurot. I, 32). Удивляться должно, что Ве-

беръ, изъясняя это мѣсто, находитъ, что Сократъ лучше выразилъ бы мысль Протагора, если бы сказалъ: οὐχ ὑποκείσθαι ἐν τῇ ὕλῃ. Къ такому смѣлому, но совершенно не нужному исправленію Секста Веберъ, повидимому, пришелъ вслѣдствіе того, что выраженіе λόγοι онъ вмѣстѣ съ Фреемъ понялъ въ значеніи причины (causae) самого содержанія явленій, между тѣмъ какъ si res externae, замѣчаетъ онъ, nullam per se habent qualitatem, causae τῶν φαινομένων in hominum sensibus quaerendae sunt (т — же, с. 37). Но не то говоритъ Секстъ о Протагорѣ. Онъ свидѣтельствуеъ, что по ученію Протагора смыслъ всѣхъ явленій заключается въ матеріи, такъ какъ матерія можетъ быть всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она всѣмъ кажется. Это значитъ, что по ученію Протагора нѣтъ никакого абсолютнаго или постояннаго содержанія вещей, что весь смыслъ вещей исчерпывается тою формою подлежательнаго бытія, въ какой бываетъ ихъ матерія въ процессѣ своего постояннаго измѣненія. Согласно съ этимъ Секстъ непосредственно продолжаетъ: τοὺς δὲ ἀνθρώπους ἄλλοτε ἄλλων ἀντιλαμβάνεσθαι παρὰ τὰς διαφοροὺς αὐτῶν διαθέσεις (т.-е. λέγει ὁ Πρωταγόρας).

Итакъ, слѣдую свидѣтельствамъ о философіи Протагора, мы можемъ различать въ ней три мысли: о текучести матеріи, о томъ, что смыслъ вещей замыкается подлежательнымъ бытіемъ матеріи въ ея постоянномъ измѣненіи, и наконецъ мысль объ относительности какъ о подлинной формѣ бытія вещей. Спрашивается, какая изъ этихъ трехъ мыслей есть теорія Протагора и душа всего его философскаго міровоззрѣнія? Секстъ, изложивъ ученіе Протагора, говоритъ, что по вопросу о текучести матеріи и о томъ, что смыслъ всего подлежитъ въ матеріи, Протагоръ разсуждалъ догматически (Pugg. Nurot. I, 32). Слѣдовательно только мысль объ относительности какъ подлинной формы бытія вещей, есть, по взгляду Секста, критическая мысль Протагора. Если примемъ къ свѣдѣнію это замѣчаніе Секста,

то должны будемъ разсуждать такъ, что ни къ мысли о вѣчномъ измѣненіи матеріи, ни къ той мысли, что внѣ формы этой текучей матеріи для насъ нѣтъ иного смысла вещей—Протагоръ не относился критически, не обсуждалъ, не изслѣдовалъ этихъ положеній, но принялъ ихъ какъ нѣчто данное, или въ явленіи или во мнѣніи общаго смысла. Философская теорія Протагора построена на этихъ данныхъ и существенно заключается только въ ученіи объ относительности какъ о подлинной формѣ бытія вещей. Логическая конструкція этой теоріи очень проста: если вещи постоянно измѣняются и если притомъ онѣ доступны нашему пониманію только такъ, какъ являются намъ въ своихъ измѣненіяхъ, то подлинная форма, въ которой вещи сами существуютъ какъ такія, есть форма относительности.

Эта послѣдняя мысль и есть собственно та теоретическая мысль Протагора, противъ которой ратуетъ Платонъ. Всякому понятно, какъ въ самомъ дѣлѣ противоположна она идеальной теоріи Платона и какъ нуждался Платонъ въ побѣдѣ этой мысли, чтобы поставить свою теорію идей, какъ непреложныхъ безотносительныхъ объектовъ нашего знанія. Платонъ, разумѣется, безпрекословно согласился бы съ тѣмъ, что ὅλη ρευστή ἐστίν, но признать относительность за подлинную форму бытія вещей — это значило для Платона подорвать въ самомъ корнѣ свое собственное философское ученіе. Ἀνθρώπος μέτρον Протагора возмущалъ Платона не тѣмъ, что въ немъ Протагоръ, какъ думаетъ Витринга, *hominem spectat non ingenio praeditum sed unice corpore constantem* (т — же, с. 78), но тѣмъ собственно, что въ глубинѣ этого тезиса лежитъ метафизическая мысль объ относительности какъ подлинной формы бытія вещей. Съ этой точки зрѣнія должно различать въ матеріалѣ философіи Протагора, какъ мы имѣемъ его въ нашемъ діалогѣ, тѣ положенія, которыя собственно принадлежатъ Протагору,

отъ другихъ, которыя суть положенія частію вообще сенсуализма, частію Гераклита и его послѣдователей. Въ критическомъ взглядѣ Платона и мысль о движеніи и мысль о томъ, что знаніе есть ощущеніе и ученіе объ относительности *συμπέτωκε εἰς ταύτόν*. Это концепція Платона. Протагоръ же хотя практиковалъ ученіе и Гераклита и сенсуализма, однако въ его собственной теоріи господствуетъ только мысль объ относительномъ бытіи, другія же мысли входятъ въ нее, какъ говоритъ Секстъ, догматически. Согласно съ этимъ выраженія, въ которыхъ должно ловить смыслъ Протагорова афоризма: "Ἀνθρώπος μέτρον и такимъ образомъ смыслъ всего его философскаго ученія, суть не τὸ πᾶν κίνησις ἦν и другія подобныя но: ἐν μὲν αὐτὸ καθ' αὐτὸ οὐδέν ἐστιν и далѣе: ἔστι οὐδέποτε οὐδέν, ἀεὶ δὲ γίγνεται (152^d). Сюда же: οὐδέν εἶναι ἐν αὐτὸ καθ' αὐτό, ἀλλὰ τι ἀεὶ γίνεσθαι (т.-е. ἐλέγομεν 157^a). Или: εἴτε τις εἶναι τι ὀνομάζει, τινὶ εἶναι ἢ τινὸς ἢ πρὸς τι ῥητέον αὐτῷ, εἴτε γίνεσθαι. Αὐτὸ δὲ ἐφ' αὐτοῦ τι ἢ ὄν ἢ γιγνόμεν οὔτε αὐτῷ λεκτέον οὔτ' ἄλλου λέγοντος ἀποδεκτέον (160^a).

Съ указанной точки зрѣнія на ученіе Протагора, мы легко понимаемъ, какимъ образомъ критическая мысль Платона отождествила его съ сенсуализмомъ и оперла ихъ вмѣстѣ на великую теорію Гераклита—теорію всеобщаго космическаго движенія, какъ истинной формы бытія вещей. Посмотримъ однако, какъ произошло въ мышленіи Платона это сближеніе Протагора съ сенсуализмомъ съ одной стороны и съ гераклитизмомъ съ другой.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ наблюденіемъ Грота, что отождествленіе Протагорова положенія съ сенсуализмомъ есть дѣло Платона и что еслибы въ сочиненіи Протагора было болѣе выразительно высказано сенсуалистическое ученіе, что знаніе есть ощущеніе (чувственное воспріятіе sen-

sible perception); то Платонъ вѣроятно привелъ бы его въ діалогъ (Plato etc. Vol. II, с. 323. Прим. К). Между тѣмъ въ діалогъ, какъ мы знаемъ, Платонъ утверждаетъ, что Протагоръ высказалъ тоже (т. е. сенсуалистическое) ученіе, τρόπον δὲ τινὰ ἄλλον. Гротъ однако не довольствуется этимъ наблюденіемъ, онъ дѣлаетъ изъ него выводы, путемъ которыхъ приходитъ наконецъ къ взгляду на ученіе Протагора, совершенно противоположному тому смыслу, въ которомъ трактовалъ его Платонъ. Самый языкъ Платона, говоритъ Гротъ (имѣя въ виду τρόπον δὲ τινὰ ἄλλον), убѣждаетъ насъ въ томъ, что Протагоръ никогда ясно не утверждалъ, что знаніе есть чувственное воспріятіе. То обстоятельство да-дѣе, что Платонъ приводитъ въ содружество три различныя теоріи, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что онъ не придерживается ни мыслей ни языка ни одной изъ нихъ (т — же, с. 324). Слова Протагора, продолжаетъ Гротъ—*человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей*—не имѣютъ смысла внѣ того толкованія, что истина и ложь таковы всегда въ отношеніи къ какому либо субъекту. Протагоръ отказывается допустить абсолютный объектъ—вещь саму по себѣ (т—же, с. 325). До-селѣ, повидимому, Гротъ не уклоняется отъ того смысла, въ которомъ и Платонъ объясняетъ слова Протагора, но между тѣмъ какъ Платонъ сближаетъ ихъ по смыслу съ ученіемъ сенсуализма, Гротъ, напротивъ, въ объясненіи ихъ руководится тою мыслию, что не различіе Протагоромъ знанія отъ ощущенія должно особенно предохранять критику отъ смѣшенія его ученія съ сенсуализмомъ. Ученіе Протагора, говоритъ онъ, утверждаетъ ненарушимое и необходимое вмѣщеніе воспринимающаго духа въ каждомъ воспріятіи, понимающаго—въ каждомъ понятіи, познающаго— въ каждомъ познаніи. Протагоръ признаетъ многіе, различно знающіе субъекты, и утверждаетъ, что каждый знаемый объектъ имѣетъ отношеніе (или, говоря его языкомъ, измѣряется) къ познающему субъекту, что относительно

каждаго *cognitum* есть свой *cognoscens*, и относительно
каждаго *cognoscibile* есть свой *cognitionis* сарах. Согласно
съ этимъ, Декартово: *cogito, ergo sum* — можетъ быть из-
рѣчено и такъ: *cogito, ergo est cogitatum aliquid: sum cogi-
tans—est cogitatum*, т.-е. здѣсь данъ въ двухъ явленіяхъ одинъ
и тотъ же невидимый, умственный фактъ—*cogitatio*. Въ со-
знаніи всегда есть два полюса: субъектъ и объектъ: одинъ
изъ нихъ не можетъ быть безъ другаго, какъ сѣверъ безъ
юга, передъ безъ зада: и это не двѣ вещи первоначально
различныя и пришедшія только въ сближеніе, но два различ-
ныя явленія одного и того же (т—же, с. 326—7). Изъ это-
го простаго описанія факта сознанія,—именно того, что въ
каждомъ моментѣ сознанія должно различать два фактора:
субъектъ сознающій и объектъ сознаваемый, Гротъ прихо-
дитъ къ заключенію, что Протогорово *dictum*, объяснен-
ное правильно, совершенно отлично отъ того другаго уче-
нія, съ которымъ отождествляетъ его Платонъ, т.-е. что по-
знаніе есть чувственное воспріятіе. Устраняя это послѣднее
ученіе, допустимъ, что познаніе заключаетъ только умствен-
ные элементы—и въ этомъ случаѣ принципъ относительности,
защищаемый Протагоромъ, будетъ не менѣе истиненъ
(т—же, с. 328). Почему же? спросимъ мы у Грота. Пото-
му, отвѣчаетъ онъ, что моя интеллектуальная дѣятельность
есть часть моей разумной натуры, не менѣе чѣмъ моя спо-
собность чувственного воспріятія: такимъ образомъ мои по-
знанія должны быть относимы къ моей разумной натурѣ;
или *Entia Rationis* существуютъ относительно *Ratio*, какъ
Entia Perceptionis существуютъ относительно *Sensus* (т—же,
с. 239). Соображая далѣе, что въ отношеніи къ *Entia Ratio-
nis* люди расходятся также и даже болѣе, чѣмъ въ отно-
шеніи къ *Entia Perceptionis*, Гротъ замѣчаетъ, что Прота-
горова мѣра болѣе касается процесса нашего разумѣнія,
чѣмъ нашего чувственного опыта. Такимъ образомъ, заклю-
чаетъ Гротъ, я не могу согласиться съ Платономъ во взгля-

дѣ на Протагорово ученіе—*Nomo mensura* — что будто бы оно стоитъ въ необходимой связи съ другою теоріею, которая признаетъ познаніе въ чувственномъ воспріятіи (т—же, с. 231—35).

Не считаемъ нужнымъ, подобно Копу, оспаривать у Грота право не соглашаться съ Платономъ и объяснять Протагора по своему — на томъ основаніи, что Платонъ былъ болѣе способенъ судить правильно о теоріи Протагора, такъ какъ у него подъ руками было, конечно, самое сочиненіе его, чѣмъ Гротъ, отстоящій отъ Протагора, можетъ быть, болѣе, чѣмъ на 2000 лѣтъ (*Cope, Plato's Theaet. etc. c. 15*), какъ не оспариваемъ права и у Шнейдевина соглашаться, или, если угодно, сближаться съ мнѣніемъ Грота, когда онъ говоритъ, что *aequalitas αἴσθησις ἐπιστήμη* съ *ἄνθρωπος μέτρον* *non est per se evidentissima*—и спрашивать: *num demonstrata est a Platone, num saltem vera ac demonstrabilis?* (*Schneidewin, De Plat. Theaetet. etc. c. 28—29*). Напротивъ, мы можемъ быть непоколебимо убѣждены, что Шнейдевинъ, сближающійся съ Гротомъ, заявляетъ «свои собственныя чувства и сужденія, и ничего болѣе,» и Гротъ, не соглашающійся съ Платономъ, дѣлаетъ тоже самое, какъ онъ и говоритъ это о себѣ (т—же, с. 350); но мы хотѣли бы знать, почему же Платонъ сблизилъ Протагора съ сенсуализмомъ, замѣтивъ только, что Протагоръ высказываетъ сенсуалистическое ученіе *τρόπον τινα ἄλλον*? На этотъ вопросъ Гротъ не даетъ отвѣта.

Конечно мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что не имѣемъ подлинныхъ сочиненій Протагора, въ которыхъ, быть можетъ, нашлось бы выраженіе въ родѣ *ἐπιστήμη ἐστὶ αἴσθησις*, и такимъ образомъ вопросъ объ основаніи, по которому Платонъ сближаетъ его ученіе съ сенсуализмомъ, устранился бы изъ нашего изслѣдованія. Но чрезъ это об-

легченіе едва ли бы выиграло само изслѣдованіе, потому что истинный интересъ задачи состоитъ въ томъ, чтобы основаніе для сближенія Платономъ Протагорова ученія съ сенсуализмомъ найти въ путяхъ самого мышленія Платона. Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ трактовалъ Протагоръ человѣка, когда называлъ его мѣрою всѣхъ вещей—въ томъ ли смыслѣ, какъ понялъ его Витринга (см. выше), или въ томъ, какъ объясняетъ его Гротъ; но мы знаемъ, что онъ признавалъ его мѣрою всего—и этого для насъ совершенно достаточно, для того чтобы не ошибиться въ томъ смыслѣ, какой ученіе его должно было имѣть для Платона, съ его точки зрѣнія на человѣка какъ на субъектъ, который въ своихъ сужденіяхъ о вещахъ самъ долженъ совмѣряться съ идеями, какъ невреложными объектами истины. Если бы изслѣдователи и критики философіи Протагора, принужденные, какъ было замѣчено это въ своемъ мѣстѣ, изучать ее преимущественно по Платону, не забывали своей обязанности не выходить изъ кругозора самого Платона, то они поняли бы, что въ глазахъ Платона ученіе Протагора сближается съ сенсуалистическимъ ученіемъ не по единству формулы, а по единству содержанія, или — протагоризмъ отождествляется въ глазахъ Платона съ сенсуализмомъ въ глубинѣ того общаго міровоззрѣнія, съ которымъ оба они находятся въ непосредственной связи, т.-е. міровоззрѣнія анти-идеальнаго. Вотъ причина, почему и Гераклитъ и Эмпедоклъ и Гомеръ и Эпихармъ и Протагоръ и—смѣло можемъ сказать за Платона— всѣ анти-идеалисты (въ Платоновомъ смыслѣ) являются у него на защиту мнѣнія Феэтета, что знаніе есть ощущеніе. Но не анти-идеалистъ Парменидъ исключенъ самимъ Платономъ изъ этого кружка, какъ бы нарочно для того, чтобы понятно было изъ-за чего тревожить онъ вышеупомянутыхъ лицъ. Но критика, повидимому, была глуха къ этому голосу Платона; напротивъ, она ставила своею задачею най-

ти въ фрагментахъ означенныхъ философовъ какое-нибудь изрѣченіе въ родѣ αἰσθησις ἐπιστήμη, чтобы такимъ образомъ отгадать загадку Платона. Между тѣмъ Платонъ хотѣлъ оторвать αἰσθησις отъ ἐπιστήμη вовсе не потому, почему эта связь такъ претительна какому нибудь современному идеалисту; ибо самое слово αἰσθησις ни для Платона, ни для тѣхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ противниковъ, не значило того, что значитъ часто ощущеніе для современнаго платоническаго мыслителя. Вообще должно тамѣтить, что понятія ощущенія, равно и другія, на примѣръ мнѣнія, знанія, какъ будетъ раскрыто это въ своемъ мѣстѣ, не имѣли ни у Платона, ни даже у Аристотеля, того опредѣленнаго значенія, въ какомъ онѣ употребляются нами, и выступаютъ въ ихъ мышленіи методически, а не систематически. При этомъ не безъ интереса можно прослѣдить, какъ еще въ древности съуживался смыслъ понятія αἰσθησις. Въ одномъ мѣстѣ нашего діалога Платонъ, пересчитывая ощущенія, говоритъ, что онѣ суть зрѣніе, слухъ, обоняніе, охлажденіе, разгоряченіе, удовольствіе, печаль, желаніе, устрашеніе и другія безчисленные и не имѣющія даже названія (156^b, срав. 186^a). Аристотель свидѣтельствуетъ, что древніе οἱ ἀρχαῖοι τὸ φρονεῖν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι ταῦτόν εἶναί φασιν (De An. 427^a). Кого разумѣть здѣсь подъ древними, ясно изъ одного мѣста Метафизики 1009^b, гдѣ Аристотель называетъ Демокрита, Эмпедокла и Анаксагора сторонниками такого воззрѣнія, и хотя онъ не причисляетъ къ нимъ здѣсь Протагора, но, по связи мыслей во всемъ этомъ мѣстѣ, ясно, что Протагоръ, о которомъ упоминаетъ Аристотель въ началѣ главы, долженъ быть отнесенъ къ ихъ числу (см. Met. IV, 5 гл. всю. Сл. Met. 999^b, Anal. post. 87^b, 88^a). Въ томъ же смыслѣ объясняетъ Аристотель и мѣтровъ Протагора: Πρωταγόρας δ' ἀνθρώπων φησι πάντων μετρώων, ὥσπερ αὖ ἐπὶ τὸν ἐπιστήμονα εἰπὼν ἢ τὸν αἰσθανόμενον (Met. 1053^a. Срав. 1047^a). Но Александръ Афродисскій разсуждаетъ въ этомъ

случаѣ о Протагорѣ иначе. Въ одномъ мѣстѣ своихъ примѣчаній къ Метафизикѣ (1010^b) онъ говоритъ: καὶ εἶη ἂν τὸ λεγόμενον πρὸς τὴν Προταγόρου δόξαν εἰρημένον, ὃ μόνον ἡγούμενος εἶναι τὰ αἰσθητά, ἔλεγεν ἐν σχέσει τῆς αἰσθήσεως ποιᾶ πρὸς τὰ ἔκτος ἀπογεννάσθαι τὰ αἰσθητά· διὸ καὶ ὁποῖον ἑκάστῳ φαίνεται τοιοῦτον καὶ εἶναι ἐκείνῳ ἔλεγεν (ed. Brandis p. 674). А Диогенъ Лаэртій свидѣтельствуеть о Протагорѣ такъ: ἔλεγέ τε μηδὲν εἶναι τὴν ψυχὴν παρὰ τὰς αἰσθήσεις, καθὰ καὶ Πλάτων φησὶν ἐν Θεαιτήτῳ (IX, 51). Особенно интересно указать здѣсь на мнѣніе схолиаста къ приведенному выше мѣсту изъ Метафизики Аристотеля (1053^b). Схолиастъ спрашиваетъ: τίς οὖν ἀνάγκη ἦν εἰπεῖν ὅτι ὁ ἄνθρωπος μέτρον, ἀλλὰ μὴ ὅτι ἡ ἐπιστήμη καὶ ἡ αἴσθησις (ed. Brandis p. 787). Схолиастъ былъ здѣсь введенъ въ это недоумѣніе Аристотелемъ, который, изслѣдуя смыслъ слова μέτρον, говоритъ, что мѣра вещей есть знаніе и ощущеніе, замѣчая однако, что ощущенія метроῦνται μᾶλλον ἢ μετροῦσιν. А Протагоръ, продолжаетъ онъ, просто человека назвалъ мѣрою вещей, не различая знанія и ощущенія. Наивность схолиаста состоитъ въ томъ, что, руководясь Аристотелемъ, онъ желалъ бы, повидимому, поправить Протагора, поставивъ на мѣсто его ἄνθρωπος, ἐπιστήμη и αἴσθησις, не замѣчая того, что Протагоръ потому и говорилъ ἄνθρωπος μέτρον, что не различалъ ἐπιστήμη отъ αἴσθησις.

Во всякомъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Протагоръ не отличалъ ощущенія отъ мышленія, что было задачей собственно Платона и Аристотеля. Такъ Аристотель въ указанномъ выше мѣстѣ Метафизики (999^b 2) говоритъ: «если внѣ отдѣльныхъ вещей нѣтъ еще ничего, то, значитъ, ничто не мыслимо, но все только ощущаемо и ни о чемъ нѣтъ знанія, если только ощущеніе не назвать знаніемъ.» Здѣсь такимъ образомъ ощущеніе отличается отъ знанія тѣмъ, что ощущеніе простирается на отдѣльное, а знаніе на общее. Потому Протагоръ, хотя и

не утверждаетъ, что ощущение есть знаніе, но говоря, что человекъ есть мѣра всего, онъ, съ указанной Аристотелемъ точки зрѣнія на знаніе, дѣлаетъ тоже, т.-е. содержаніемъ знанія признаетъ не что-либо общее, непреложное, но отдѣльное, преходящее и измѣнчивое. Отсюда понятно, почему Протагоръ съ своимъ ученіемъ могъ быть преслѣдуемъ Платономъ какъ сенсуалистъ и даже какъ представитель сенсуализма тѣмъ болѣе опасный, что то міровоззрѣніе, на которомъ держится сенсуализмъ, т.-е. понятіе относительности, какъ подлинной формы бытія вещей, прикрито у него такою формою, которая имѣетъ видъ болѣе широкой мысли, чѣмъ мысль сенсуализма въ формѣ: ощущение есть знаніе. Согласно съ этимъ, мы готовы думать, что Платонъ скорѣе допустилъ бы Фезтетовскій голый тезисъ сенсуализма, чѣмъ тезисъ Протагора. Ему — носителю и проповѣднику идей, какъ непреложныхъ объектовъ истиннаго бытія и знанія — невозможно было признать человека за мѣру всего существующаго. Это понятно. Но развѣ не понятно и то, что тезисъ αἴσθησις ἐπιστήμη не нравился Платону потому собственно, что если все содержаніе истиннаго знанія возможно чрезъ αἴσθησις, то, значитъ, нѣтъ идей—этихъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ объектовъ истины, существующихъ въ мѣстѣ вышешірномъ, недоступномъ ощущенію. Сенсуализмъ и протагоризмъ, — повторяемъ здѣсь то, что сказано выше — слились во взглядѣ Платона въ одно ученіе, потому что въ глубинѣ ихъ онъ усмотрѣлъ одно міровоззрѣніе, одну философскую тенденцію. Протагоръ, измѣряющій истину человекомъ, и сенсуализмъ, измѣряющій истину ощущеніемъ—для Платона одинаково противны, потому что оба они полагаютъ истину относительную, и относительность, замѣчаемую въ предметномъ бытіи вещей, считаютъ за форму ихъ истиннаго бытія. Какъ истинный смыслъ Протагорова ученія есть по Платону тотъ, что какъ что кому кажется, такъ это и есть для него;

такъ равно и то положеніе, что ощущеніе есть знаніе, также не можетъ быть изъяснено въ какомъ-либо иномъ смыслѣ. Или, если по Сексту Протагоръ отвергаетъ всякій критерій истины, такъ какъ всѣ явленія онъ признаетъ за истинныя (Adv. Mathem. VII, 60. 369), то не иное что-либо утверждаетъ и сенсуализмъ, полагая что ощущеніе есть знаніе. Съ другой же стороны безразличіе, съ которымъ относился Протагоръ къ человѣку какъ къ мѣрѣ сущаго, не опредѣляя, есть ли онъ такая мѣра въ силу своихъ ощущеній, или въ силу разума, убѣждаетъ въ томъ, что самый разумъ онъ трактовалъ не въ смыслѣ безличнаго и универсальнаго, въ какомъ это понятіе употреблялось въ позднѣйшихъ философскихъ системахъ Гегелевой школы, но просто въ смыслѣ человѣческаго орудія знанія. Потому какъ наивенъ схолиастъ, который, какъ было замѣчено, желалъ поправить тезисъ Протагора, поставивъ вмѣсто его ἀνθρωπος, — ἐπιστήμη и ἄσθησις; такъ равно наивно рассуждаетъ и Прантль, когда думаетъ, что мысль Протагора будетъ имѣть лучшую редакцію, если вмѣсто ἀνθρωπος и т. д. сказать: das Denken ist das Maass der Dinge (Geschichte der Logik. I. с. 12): оба они, повидимому, не замѣчаютъ, что каждое такое исправленіе текста Протагора мѣняетъ совершенно внутренній смыслъ его тезиса. Равнымъ образомъ заблуждается и Гротъ, думая что Протагоръ, имѣя право вмѣсто Платонова выраженія ἀληθὴς ἄρα ἐμοὶ ἢ ἐμὴ ἄσθησις и т. д. (160^d) сказать: ἀληθὴς ἄρα ἐμοὶ ἢ ἐμὴ νόησις τῆς γὰρ ἐμῆς οὐσίας ἀεὶ ἐστίν, тѣмъ улучшилъ бы смыслъ своего положенія на столько, что Платонъ не могъ бы его опровергать (Гротъ, т—же, с. 347. Примѣч. О). Ибо Платонъ возстаетъ не противъ ἄσθησις или νόησις, какъ орудій знанія, но противъ того, чтобы чрезъ каждое въ отдѣльности или чрезъ оба вмѣстѣ измѣрять истину, такъ какъ по Платону онѣ сами должны быть измѣряемы въ своей истинѣ нѣкоторымъ объективнымъ мѣриломъ... Точно также не правъ

Гротъ и въ томъ случаѣ, когда думаетъ защитить Протагора отъ критики Платона, укоряя самого Платона въ ошибочномъ заключеніи извѣстномъ въ логикѣ подъ выраженіемъ *a dicto secundum quid ad dictum simpliciter* и состоящемъ будто бы въ томъ, что Платонъ практикуетъ часто тезисъ Протагора въ томъ смыслѣ, что каждое мнѣніе каждаго человѣка истинно (срав. 171^a, 179^b), между тѣмъ какъ Протагоръ утверждаетъ, что каждое мнѣніе каждаго человѣка истинно только для него самого (т—же, с. 347—8).

Здѣсь уважаемый авторъ говоритъ, кажется, словами Теодора, который, какъ мы замѣтили, также, можетъ быть, имѣлъ на умѣ это кажущееся различіе теории Протагора отъ того какъ она практикуется Платономъ. Но Гротъ не обратилъ въ этомъ случаѣ вниманія на то, что относительность истины для каждаго въ отдѣльности, что онъ и хочетъ выставить какъ подлинное ученіе Протагора противъ критики Платона, есть только выраженіе мнѣнія объ относительности истины вообще. Потому главное, что преслѣдуетъ Платонъ въ ученіи Протагора, есть относительность истины, отрицаніе объективнаго мѣрила истины, или истины самой въ себѣ. Тотъ сильный аргументъ противъ Протагора, который развитъ Платономъ на 171 страницѣ, направленъ именно противъ этого истиннаго смысла ученія Протагора.

На сколько правильно понято нами отношеніе Платона къ ученію Протагора, на столько вѣрно изъяснено выше то довольно трудное мѣсто діалога отъ 152 до 160, въ которомъ Платонъ изложилъ вмѣстѣ ученіе и сенсуализма и Протагора и Гераклита — по внутренней связи изъ между собою въ его собственномъ критическомъ мышленіи. Именно, мы утверждали въ своемъ мѣстѣ, что въ началѣ (до конца 154) Платонъ указалъ на движеніе какъ на общую

форму бытія вещей. Въ этомъ указаніи, которое должно ознакомить съ движеніемъ какъ съ явленіемъ, авторъ выставилъ нѣсколько примѣровъ такого бытія, которое объясняется только изъ движенія, и есть такимъ образомъ не что иное какъ явленіе движенія. Между этими примѣрами есть примѣръ цвѣта, который также объясненъ какъ явленіе движенія идущаго съ двухъ сторонъ—отъ предмета созерцаемаго и отъ глаза созерцающаго. Такъ объясняя это мѣсто діалога (какъ мы интерпретировали его и въ примѣчаніяхъ), мы полагаемъ, что ошибаются тѣ изслѣдователи философіи Протагора, которые цитуютъ это мѣсто изъ Платона, какъ тезисъ Протагора (Фрей, Веберъ, Витринга, Целлеръ и др.). Хотя мы не можемъ утверждать и того, что Протагоръ не изъяснялъ цвѣтъ какъ явленіе движенія; однако если онъ и утверждалъ это, то не говорилъ, кажется, чрезъ это ничего оригинальнаго; напротивъ, такое объясненіе цвѣта было тогда едва ли не общепринятымъ, и кажется, Эмпедокль первый высказалъ эту теорію (срав. Мен. 76 °. Арист. De gener. et corr. 324^b 30 De sensu et sensib. 437^b 24, 438^a 3). Во всякомъ случаѣ Платонъ въ нашемъ мѣстѣ, говоря о движеніи, не сообщаетъ намъ мыслей Протагора, но имѣетъ въ виду совершенно иную цѣль:—указавъ на движеніе, какъ на общую форму бытія вещей, изъяснить чрезъ нее такъ сказать *raison d'être* сенсуализма и Протогорова ученія объ относительности.

Понятіе движенія есть господствующее понятіе во всей древней философіи: оно попадаетъ тамъ въ разныхъ операціяхъ мышленія. Такъ Зенонъ и другіе Элеаты обрабатывали это понятіе въ абстрактѣ и доказывали, что оно ведетъ къ противорѣчіямъ, или—что оно не мыслимо. Гераклитъ положилъ его въ основаніе своей космической теоріи. Платонъ же въ нашемъ мѣстѣ дѣлаетъ изъ него онтологическое основаніе сенсуалистическаго ученія объ относительности. Что же касается Протагора, то въ его

мышленія, какъ замѣчено объ этомъ выше, понятіе движенія имѣло, повидимому, мѣсто какъ данное и употреблялось не критически, но, какъ говоритъ Секстъ, догматически. Поэтому мы полагаемъ, что не Протагоръ говоритъ далѣе у Платона (152°) свое ученіе, что «все есть движеніе,» но Платонъ указываетъ на движеніе какъ на общую форму бытія вещей, способную, повидимому, удержать на себѣ какъ на основаніи ученіе объ относительности, отрицающее бытіе самостоятельныхъ, непреложныхъ объектовъ истины. Какъ во второй части діалога, обсуждая ученіе разсудочнаго эмпиризма, Платонъ ищетъ основаніе тому положенію, что знаніе есть правильное мнѣніе, и думаетъ найти его въ понятіи λόγος Антисѣена; такъ и здѣсь, обсуждая ученіе объ относительности истины, какъ оно имѣетъ мѣсто въ сенсуализмѣ и въ Протогоровомъ ученіи о человѣкѣ, Платонъ ищетъ основаніе ему и находитъ его въ теоріи движенія Гераклита. Но какъ тамъ Антисѣень, въ философіи котораго понятіе λόγος играло, повидимому, первую роль, не былъ вовсе руководителемъ Платона, такъ и здѣсь Гераклитъ съ своею величественною теоріею движенія имѣетъ мѣсто не самъ по себѣ, а по нуждѣ діалектическаго разума Платона. Гераклитъ такимъ образомъ дѣлитъ судьбу Протагора. Какъ Протагоръ есть въ діалогѣ только имя, т.-е. Платонъ въ діалогѣ не передаетъ ученіе Протагора исторически, а ведетъ съ нимъ счеты какъ съ однимъ изъ возможныхъ мнѣній, имѣющихъ мѣсто въ путяхъ его собственнаго діалектическаго мышленія; такъ равно и Гераклитъ есть для Платона только имя, и теорія его въ путяхъ его собственнаго мышленія, собственно говоря, есть не что иное, какъ естественный исходъ его діалектики въ борьбѣ съ теоріею относительнаго бытія за существованіе безотносительнаго.

Однако, замѣтимъ, то наше положеніе, что ученіе Гераклита, какъ оно находится въ нашемъ діалогѣ, имѣетъ въ

мышленіи Платона значеніе теоріи движенія, долженствующій служить онтологическимъ основаніемъ сенсуализма и равно протагоризма, не разрываетъ окончательно той объективной исторической связи, которая существуетъ между ученіемъ Протагора и Гераклита. Хотя Протагоръ и далеко разошелся съ Гераклитомъ, тѣмъ не менѣе всякій, изслѣдующій философію Протагора, долженъ сосредоточить свое вниманіе на Гераклитѣ и показать, къ какой мѣрѣ, какъ по формѣ такъ и по содержанію, философское міровоззрѣніе Протагора граничитъ съ міровоззрѣніемъ Гераклита. Но другое дѣло историческое отношеніе одного философскаго ученія къ другому и опять другое—положеніе того и другаго ученія въ критическомъ мышленіи Платона. Хотя мы не отрицаемъ, что Аристотель и Платонъ (послѣдній собственно въ Кратилѣ) ясно, кажется, понимали, изъ какихъ элементовъ системы Гераклита породилось софистическое ученіе Протагора и другихъ софистовъ, однако едва ли можно согласиться съ Лассале (*Die Philos. Herakleitos des Dunklen*. II. с. 315 и слѣд.), который говоритъ, что если кто хочетъ постигнуть теорію Гераклита о чувственномъ воззрѣніи, тотъ долженъ только взять въ руки Платонова Феэтета, и что изложенная здѣсь теорія чувственнаго познанія принадлежитъ не просто Протагору и Гераклитскимъ софистамъ, но и самому Ефесскому мудрецу. Не оспаривая этого послѣдняго мнѣнія, мы однако не можемъ не замѣтить, что если взять во вниманіе то обширное вліяніе, какое философія Гераклита имѣла на современныхъ и позднѣйшихъ мыслителей, и припомнить то, что говоритъ о ней Аристотель какъ объ источникѣ философіи самого Платона (*Met.* 987^a 32), если вспомнить далѣе, какъ самъ Аристотель старается (какъ въ сочиненіи *De anima*, такъ и въ сочиненіи *De sensu et sensibili* и въ др.) очистить и прояснить теорію эманации, то мы, кажется, будемъ имѣть основаніе вмѣсто мнѣнія Лассале утверждать уже высказанное

нами выше мнѣніе, что эта мысль объ эманации, чрезъ которую объясняются объекты чувственныхъ воспріятій, была господствующею мыслию во всей древней физиологіи, и Гераклитъ, по нашему мнѣнію, только повторилъ въ этомъ случаѣ то, что говорили другіе, что въ той или другой формѣ признавали всѣ. И какъ могло бы быть иначе? Мысль, высказанная разъ, упорно, почти безъ измѣненій держалась въ общемъ мнѣніи, за недостаткомъ средствъ провѣрить ее въ точномъ опытѣ, путемъ экспериментовъ. Тѣмъ менѣе могъ интересоваться этою теоріею Гераклитъ и стараться редактировать ее въ какой-либо особой имъ самимъ изобрѣтенной формѣ, что по силѣ высшихъ интересовъ своей философской системы, онъ смотрѣлъ на чувственное познание, какъ на познание ложное, не имѣющее для себя никакого критерія. Но если въ этомъ вопросѣ Гераклитъ больше, быть можетъ, расходится съ сенсуализмомъ, чѣмъ собственно съ Протагоромъ, то по вопросу объ объективномъ мѣрилѣ истины онъ скорѣе можетъ быть приведенъ въ связь съ Платономъ, чѣмъ съ Протагоромъ (срав. Арист. Met. 1078^b 11): на сколько же далекъ онъ долженъ быть въ этомъ отношеніи отъ Протагора! Именно, Гераклитъ учитъ: *какоῖ μάρτυρες ἀνθρώποισι ὀφθαλμοῖ καὶ ὤτα βαρβάρους ψυχὰς ἔχόντων* (Секстъ Эмпирикъ Adv. Math. VII, 126), и въ другомъ мѣстѣ: *δεῖ ἐπεσθαι τῷ ζυνῶ, τοῦ λόγου δὲ ἐόντος -ζυνου ζώουσιν ὅ πολλοὶ ὡς ἰδίαν ἔχοντες φρόνησιν* (Adv. Math. VII. 133). Это ученіе Гераклита объ общемъ разумѣ, (которое, замѣтимъ мимоходомъ, поддержало между прочимъ, кажется, Лассале въ предпріятіи интерпретировать философію Гераклита по плану философіи Гегеля)—съ которымъ мы должны согласоваться въ своихъ мнѣніяхъ, чтобы имѣть ихъ истинными, или, по другому его выраженію, на который должно опираться, какъ государство на законъ, и еще сильнѣе (Stobaeus. Florileg. III, 84)—это ученіе—нечего говорить—

какъ далеко отстоитъ отъ ученія Протагора объ относительности истины!

Коренная, глубокая идея всей философіи Гераклита есть идея движенія. Мы не имѣемъ нужды останавливаться здѣсь на этой поэтической теоріи Ефесскаго мудреца (это приличіе, можетъ быть, будетъ въ Анализѣ «Кратила»). Замѣтимъ лишь, что эта теорія имѣетъ своею задачею объяснить бытіе и жизнь космоса, въ обширномъ, вполне античномъ значеніи этого слова. Вслѣдствіе этого, теорія движенія Гераклита одинаково простирается какъ на міръ матеріи такъ и на міръ мысли. Бытіе міра матеріальнаго представляется ему какъ постоянное, безъ начала и безъ конца существующее движеніе, такъ что въ этомъ мірѣ нельзя найти ничего неизмѣнно сущаго, напротивъ, какъ въ одну и ту же воду рѣки нельзя войти два раза, такъ равно и въ этомъ мірѣ вещей нѣтъ ничего, что повторилось бы въ послѣдующій моментъ такимъ, какимъ оно было въ предыдущій. Равнымъ образомъ и міръ мысли представлялся Гераклиту также въ формѣ вѣчнаго движенія. Аристотель (De An. 405^a) свидѣтельствуетъ, что Гераклитъ признавалъ душу за начало безтѣлесное и вѣчно движущееся $\alpha\epsilon\iota\ \rho\acute{\epsilon}\omicron\nu\nu$, прибавляя: $\tau\omicron\ \delta\epsilon\ \kappa\iota\nu\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\nu\ \kappa\iota\nu\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\nu\ \gamma\upsilon\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (т.-е. $\phi\eta\sigma\iota$). Мысль и разумѣніе есть такимъ образомъ по Гераклиту только феноменъ общаго всеобъемлющаго космическаго движенія. На сколько понятіе движенія господствуетъ въ современной физикѣ и физиологіи, на столько эти науки, по тому міровоззрѣнію, которое лежитъ въ ихъ основѣ, сближаются съ древнимъ міровоззрѣніемъ Гераклита, и конечно не къ кому какъ къ Гераклиту относится то замѣчаніе Бюхнера, которое онъ дѣлаетъ въ предисловіи къ своему сочиненію *Kraft und Stoff* — именно, что воззрѣнія современной физиологіи частью находятся уже у древнѣйшихъ іоническихъ философовъ.

Легко понять, какимъ образомъ теорія Гераклита падала

въ глазахъ Платона въ одно съ сенсуализмомъ и съ учениемъ Протагора. Мы видѣли, что Гераклитъ былъ далекъ какъ отъ того, чтобы вмѣстѣ съ сенсуализмомъ признавать ощущение за критерій истины, такъ и отъ того, чтобы вмѣстѣ съ Протагоромъ не отличать ощущенія отъ мышленія и утверждать, что истина относительна. Очевидно однако, что никакая теорія, кромѣ теоріи Гераклита, не выражаетъ такъ хорошо смысла того міровоззрѣнія, которое, сознательно или безсознательно для нихъ, лежитъ въ глубокой основѣ ученія какъ сенсуализма такъ и Протагора. Вотъ истинный пунктъ связи, въ глазахъ Платона, — Θεэтета, Протагора и Гераклита: *Теорія Гераклита есть онтологическое основаніе сенсуализма и философіи Протагора*. Мы не можемъ утверждать, чтобы Протагоръ понималъ въ этомъ смыслѣ значеніе для себя ученія Гераклита; мы должны напротивъ думать, что ученіе Протагора въ извѣстной мѣрѣ обязано своимъ существованіемъ именно неправильному пониманію имъ ученія Гераклита. Ученіе о движеніи, какъ объ общей формѣ *предлежательнаго* міра явленія матеріи и духа, превратилось у Протагора въ ученіе объ относительности какъ абсолютной формѣ *истиннаго бытія* вещей и выразилось въ тезисѣ, что человекъ есть мѣра всего. И уже Платонъ своимъ архитектурнымъ умомъ понялъ истинный смыслъ теоріи Гераклита въ отношеніи къ сенсуализму и Протагору. Потому истинный фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются пути мышленія Гомера, Гераклита, Протагора и Θεэтета, есть собственно критическая мысль Платона. Сами же по себѣ они съ одной стороны различны настолько, на сколько часть человѣческой субстанціи — ощущение различно отъ всей, какъ она означена въ Протагоровомъ изрѣченіи: *человѣкъ* и т. д., и съ другой стороны, на сколько отличенъ Гераклитъ отъ Гомера, когда онъ негодуетъ на него за то, что онъ молить боговъ да погибнетъ вражда. Но они сблизились другъ съ другомъ только

въ критическомъ мышленіи Платона, въ томъ критическомъ мышленіи, которое во всеоружіи діалектики выступаетъ въ нашемъ діалогѣ на защиту своего идеальнаго міровоззрѣнія противъ міровоззрѣнія анти-идеальнаго. Мы выдѣли истинный анти-идеальный характеръ Протагорова ученія. Что же касается Гераклита, то нельзя не утверждать, что если бы Платонъ изучалъ его ученіе исторически, то оно не попало бы у него въ число анти-идеальныхъ ученій, ибо Платонъ конечно далъ бы большое значеніе тому тяготѣнію мышленія Гераклита къ общему разуму, о которомъ мы замѣтили выше. Но здѣсь ученіе Гераклита попадаетъ въ цѣпь мыслей Платона въ силу того, что вслѣдствіе господствующаго въ немъ представленія о движеніи оно оказывается въ его критическомъ мышленіи *возможнымъ* основаніемъ сенсуализма Протагора. Платонъ, сближая Протагора съ Гераклитомъ, дѣлаетъ шагъ не по пути историческаго изслѣдованія двухъ ученій, но по пути своего собственнаго критическаго мышленія. Гераклитъ какъ и Протагоръ суть въ этомъ случаѣ, какъ замѣчено было и выше, для Платона болѣе имена или знаки извѣстнаго настроенія мышленія, нежели историческіе философы, и притомъ такъ, что теорія Гераклита есть въ путяхъ мышленія Платона естественный, нормальный псходъ къ тому онтологическому основанію ученія Протагора и всего сенсуализма, съ котораго эти ученія должны открыться предъ критикой не какъ ~~такія~~ мнѣнія, относительно предѣловъ смысла ~~которыхъ~~ можно еще сомнѣваться, но тою своею стороною, съ которой онѣ выступаютъ въ своемъ подлинномъ метафизическомъ смыслѣ, какъ выраженія того міровоззрѣнія, въ планѣ котораго онѣ должны быть поняты. Такимъ образомъ то ταῦτόν, въ которое, по выраженію Платона, συμπέπτωκε всѣ означенныя выше ученія, есть само критическое мышленіе Платона, въ которомъ онѣ открываются, какъ ученія прямо противоположныя его собственному убѣжденію, какъ отрицаю-

щія тѣ объективныя начала истиннаго бытія и знанія, на защиту которыхъ и выступилъ Платонъ противъ Протагора, видя въ его ἀνθρώπος μέτρον центръ всѣхъ возможныхъ анти-идеальныхъ ученій.

Развитіе Платономъ сенсуалистической теоріи оканчивается на 161^a обращеніемъ Сократа къ Θεэтету съ замѣчаніемъ, что едва рожденное дитя его имъ нужно осмотрѣть, чтобы убѣдиться, достойно ли оно кормленія, или же оно пусто и ложно. Это замѣчаніе, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ той роли Сократа, которую придалъ Платонъ ему въ діалогѣ, изобразивъ его выше какъ повивателя чужихъ мнѣній. Затѣмъ до 162^c рѣчь Сократа обращена уже къ Θεодору. Выше мы указали, какія мысли и даже, быть можетъ, слова вошли въ это мѣсто діалога изъ той исторической бесѣды, которую велъ когда-то Платонъ о данномъ предметѣ съ Θεодоромъ. Но рассмотримъ здѣсь наше мѣсто съ другой стороны.

Первое замѣчаніе Сократа противъ ученія Протагора, съ которымъ онъ обращается здѣсь къ Θεодору, состоитъ въ томъ, что если по Протагору человѣкъ въ своихъ ощущеніяхъ имѣетъ мѣрило всего сущаго, то и всякое животное одинаково есть мѣра всѣхъ вещей. Второе — если каждый человѣкъ одинаково есть мѣра истины, то какимъ образомъ Протагоръ можетъ быть учителемъ другихъ, а другіе его учениками? Третье — если ученіе Протагора справедливо, то всякая діалектика должна подлежать осмѣянію, ибо о чемъ разсуждать и что отвергать, если все что кому ни кажется одинаково истинно (161^c e). Θεодоръ уклоняется вести разговоръ по поводу этихъ возраженій Сократа. Тогда Сократъ вновь обращается къ Θεэтету и повторяетъ предъ нимъ первое изъ своихъ возраженій, но уже въ иной формѣ, говоря именно, что по ученію Протагора Θεэтеть, на-

примѣръ, долженъ оказаться въ мудрости не хуже не только людей, но и боговъ, ибо Протагорова мѣра касается, конечно, не менѣе боговъ, какъ и людей. Однако это возраженіе Сократъ тотчасъ разрушаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, указывая на то, что въ мышленіи Протагора для него нѣтъ основанія, такъ какъ Протагоръ отказывается говорить о богахъ $\omega\varsigma \epsilon\iota\varsigma\iota\nu \eta \omega\varsigma \omicron\upsilon\kappa \epsilon\iota\varsigma\iota\nu$ (162^{c—e}). Затѣмъ, какъ было замѣчено это и прежде, Сократъ переводитъ рѣчь съ критики тезиса Протагора на критику сенсуалистическаго ученія вообще, что знаніе есть ощущеніе (163^a). Критика этого ученія изложена здѣсь Сократомъ въ цѣломъ рядѣ доказательствъ. Но странно, что всѣ эти доказательства до того вообще не состоятельны, что критика, какъ увидимъ ниже, скорѣе, кажется, готова спрятать ихъ изъ діалога, чѣмъ выдать за Платоновскія. Особенно онѣ оказываются не характеристичными и случайными, если сопоставить ихъ съ тою развитою и обширною конструкціею сенсуалистической теоріи вообще и Протагора въ частности, которая обработана Платономъ на предыдущихъ страницахъ діалога, и безъ сомнѣнія заставляетъ читателя ожидать отъ автора глубокихъ метафизическихъ о ней сужденій.

Но вникнемъ сперва въ содержаніе изложенной части діалога. Какъ возможно, спрашиваемъ мы прежде всего, чтобы совершенно одно и то же мнѣніе, хотя мыслимое съ двухъ сторонъ, помѣщалось въ мышленіи и излагалось въ рѣчи такъ, что между раскрытіемъ одной ~~и другой~~ его стороны въ головѣ и рѣчи мыслящаго находился рядъ иныхъ мнѣній? Какъ возможно, что Платонъ, рассуждая, что формула ученія Протагора мала для содержанія его теоріи, расширяетъ ее сперва въ одну сторону и потомъ, послѣ ряда другихъ замѣчаній объ этомъ ученіи, указываетъ предѣлы ея и въ другую сторону? Какъ случилось то, что Платонъ указавъ на 161 страницѣ, что по теоріи Протагора человекъ ничѣмъ не лучше есть мѣра вещей,

какъ и всякое животное, только на слѣдующей страницѣ, послѣ цѣлаго ряда иныхъ мнѣній, договариваетъ, что по этой теоріи человѣкъ и не хуже боговъ есть мѣра всего? Но этого мало: между тѣмъ какъ вторая мысль тутъ же совершенно устраняется какъ не имѣющая основанія въ мышленіи Протагора, первая появляется потомъ (166 °) въ ряду тѣхъ мыслей, путемъ которыхъ понятіе объ относительности бытія вещей (понятіе, составляющее основную пружину всей теоріи Протагора) раскрыто до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, за которыми идеальное ученіе Платона является уже просто какъ естественная реакція. Но какъ бы то ни было, одна и таже мысль одною своею стороною сидитъ глубоко въ критическомъ мышленіи автора, а другою — выступаетъ только на поверхности. Какъ же объяснить, что въ одной и той же головѣ одна и таже мысль, выраженная известнымъ образомъ, есть одна изъ плодотворныхъ мыслей для всего плана критики, а выраженная иначе остается безъ всякаго примѣненія и тотчасъ отвергается? Это иначе нельзя объяснить какъ тѣмъ, что употребленію данной мысли во второмъ ея выраженіи въ дальнѣйшей критикѣ мѣшало Платону уже готовое мнѣніе Протагора относительно боговъ. Но если такъ, то зачѣмъ же, спрашивалъ еще Шлейермахеръ (т—же, с. 496), Платонъ даетъ однако мѣсто этой мысли, которая, онъ знаетъ, не можетъ имѣть должнаго значенія въ ряду другихъ критическихъ мыслей діалога? Шлейермахеръ не соглашается съ простодушнымъ мнѣніемъ схолиаста, который говоритъ, что, приводя положеніе Протагора о богахъ, Сократъ провизуетъ свое собственное доказательство противъ теоріи Протагора, чтобы поддержать бодрость Θεэтета. Шлейермахеръ съ своей стороны замѣчаетъ, что Платонъ вовсе не пользуется своею мыслию о равенствѣ человѣка съ богами по отношенію къ мѣрилу всѣхъ вещей, какъ доказательствомъ противъ ученія Протагора о человѣкѣ, а только отмѣчаетъ эту мысль, какъ его слѣдствіе. Но по-

чему однако Платонъ не отмѣтилъ этого слѣдствія рядомъ съ другимъ слѣдствіемъ — о тожествѣ въ этомъ отношеніи человѣка съ животнымъ, и почему это послѣднее слѣдствіе какъ *reductio ad absurdum* получаетъ значеніе аргумента противъ ученія Протагора, а другое остается безъ примѣненія. Въ отвѣтъ на это должно вновь повторить, что дальнѣйшему примѣненію этого слѣдствія мѣшала Платону готовая мысль Протагора о богахъ. Но отсюда мы опять возвращаемся къ вопросу Шлейрмахера: зачѣмъ же Платонъ даетъ этой мысли мѣсто въ своемъ произведеніи, если она должна остаться въ немъ безъ примѣненія?

Конечно, подобные вопросы довольно замысловаты, но не мы поднимаемъ ихъ: они поставлены уже прежнею критикою и потому обязательны и для нашего Анализа. Мы думаемъ, что всѣ явленія въ литературномъ произведеніи классическаго писателя, противорѣчащія достоинству классическаго стиля, гораздо лучше изъяснять не изъ намѣреній автора, если онѣ не высказаны, а изъ необходимости, т.-е. изъ тѣхъ элементовъ, которые вошли въ его произведеніе путемъ историческимъ, а не по систематическому плану его собственнаго мышленія. Ближайшіе историческіе элементы, входящіе въ наше произведеніе Платона, даны были ему, какъ мы знаемъ, между прочимъ въ той бесѣдѣ Сократа съ Θεэтетомъ, которая была записана Евклидомъ. Очень возможно, что въ рукописи Евклида было мѣсто, въ которомъ Сократъ вывелъ изъ положенія Протагора ~~тѣ абсурдныя слѣдствія, что по теоріи Протагора~~ ~~человѣкъ, какъ мѣра истины, съ одной стороны не долженъ быть выше животныхъ, а съ другой—не долженъ стоять ниже самихъ боговъ.~~ Эти слѣдствія, естественно, были высказаны Сократомъ одно вмѣстѣ съ другимъ, и этого рѣшительнаго мнѣнія, по всей вѣроятности, было совершенно достаточно Сократу относительно ученія Протагора, такъ какъ Сократъ вообще не былъ расположенъ разбирать чужія теоріи

во всей ихъ конструкціи, но имѣя всегда дѣло съ мнѣніями, онъ и въ отношеніи къ современнымъ философскимъ ученіямъ ограничивался лишь основными ихъ понятіями, тотчасъ провѣряя ихъ достоинство чрезъ анализъ ихъ содержанія. Но Платонъ, который, какъ мы думаемъ, встрѣтилъ у Сократа эти абсурдныя слѣдствія теоріи Протагора, воспользовался ими различно: одно изъ нихъ, въ которомъ человѣкъ сравнивается съ животнымъ, онъ изложилъ въ рядѣ другихъ слѣдствій (161^{c-e}, 162^a), которыми также разрушается ученіе Протагора, между тѣмъ какъ другое — о равенствѣ боговъ съ людьми — принужденъ былъ изъять изъ этого ряда, такъ какъ оно не имѣетъ основанія въ мышленіи Протагора, но не желалъ однако совсѣмъ уничтожить его, какъ совершенно естественное и въ критическомъ мышленіи нераздѣльное съ предшествующимъ. При такомъ историческомъ объясненіи даннаго явленія въ произведеніи Платона, мы не дѣлаемъ никакого насилія систематическому плану самого мышленія Платона. Что до другихъ двухъ возраженій, то первое изъ нихъ, подрывающее авторитетъ Протагора, будучи въ сущности только варіаціею предшествующаго возраженія, естественно, могло быть высказано и Сократомъ; второе же, какъ болѣе рефлективное и притомъ высказанное въ интересахъ діалектики, удобнѣе, по видимому, приписать непосредственно самому Платону.

Но пойдѣмъ далѣе. Предлежащія намъ теперь страницы діалога (163, 164, 165) содержатъ въ себѣ тѣ доказательства несостоятельности сенсуалистическаго ученія о знаніи, которыя, согласно съ мнѣніемъ всѣхъ критиковъ, мы назвали выше также несостоятельными. Первое доказательство того, что ощущеніе не есть знаніе (163^{b-c}) состоитъ въ томъ, что можно слышать рѣчь чужаго языка и не знать его; можно видѣть незнакомыя письмена и не знать ихъ. Второе доказательство (163^c, 164^b) *ad absurdum*: если ощущеніе есть знаніе, то не ощущеніе есть не знаніе, по-

тому увидавшій что нибудь и потомъ закрывшій глаза, хотя и помнитъ то что видѣлъ, но уже не знаетъ, ибо въ данный моментъ не ощущаетъ. Третье доказательство (165^{b c}) таково: если знаніе есть ощущеніе, то можно въ одно и тоже время знать и не знать нѣчто, ибо, смотря на предметъ однимъ глазомъ, мы можемъ утверждать, что видимъ и не видимъ его (другой глазъ не видитъ), т.-е. въ одно и тоже время знаемъ и не знаемъ его. Еще четвертое доказательство того, что знаніе не есть ощущеніе, указано въ томъ, что слышать или обонять можно тонко и тупо, или видѣть — вблизи и не видѣть вдали; между тѣмъ ничего этого нельзя сказать относительно знанія.

Несостоятельность перваго изъ этихъ доказательствъ указана еще у самого Платона *Θεэтетомъ*, который говоритъ, что въ данномъ случаѣ только начертаніе буквъ и интонація звуковъ есть предметъ ощущенія и знанія, а чтеніе или пониманіе ихъ нельзя ощущать, нельзя чрезъ ощущеніе и знать. Шлейермахеръ замѣчаетъ здѣсь, что Платонъ съ своей стороны вовсе не смотрѣлъ на это возраженіе противъ сенсуализма какъ на софистическое, но какъ на идущее къ дѣлу, изслѣдовать которое далѣе онъ предоставилъ однако самому читателю (т—же, с. 497). Но Кэмбель, очевидно, сбивается съ истиннаго пути мышленія, когда, руководясь вѣроятно этимъ замѣчаніемъ Шлейермахера, рассуждаетъ, что Сократъ могъ бы возразить *Θεэтету* такимъ образомъ: въ состояніи ли однако тотъ, кто слышитъ звуки чужой рѣчи, дать отчетъ объ *ὄξύτης* и *βαρύτης* ея (т — же, с. 74 прим.). Ибо еслибы онъ далъ отчетъ объ этомъ, то, очевидно, онъ доказалъ бы этимъ нѣчто больше, чѣмъ только знаніе интонаціи чужаго ему языка. Итакъ едва ли можно оспаривать то, что въ строгомъ мышленіи нельзя удержать этого доказательства противъ сенсуализма. Второе доказательство также основано на неправильномъ отношеніи ощущенія къ понятію знанія. Между тѣмъ какъ въ сенсуализмѣ

ощущение рассматривается как мѣрило знанія по содержанию, здѣсь въ возраженіи Сократа состояніе знанія измѣряется состояніемъ ощущенія. Состоянію ощущенія только чужда память, а не самому содержанию ощущенія, какъ основательно это указано въ послѣдствіи самимъ Сократомъ отъ лица Протагора (166^b). Ощущение, какъ предикатъ знанія, въ сенсуализмѣ есть самое содержаніе его, безъ различія къ состоянію субъекта, въ которомъ оно ему дано—черезъ воспріятіе или черезъ память. Что касается до третьяго доказательства, то несостоятельность его очевидна сама собою. «Можетъ быть, Платонъ говоритъ здѣсь иронически, замѣчаетъ Гротъ. Въ дѣйствительности же это есть не что иное какъ ложное заключеніе, выведенное при ложной посылкѣ. Заключеніе ложно, потому что, если разъ уже мы допускаемъ, что можно видѣть и не видѣть вещь въ одно и тоже время, то нѣтъ основанія отрицать, что можно знать и не знать ее въ одно и тоже время. Однако посылка сама по себѣ ложна и не только ложна, но логически не возможна, какъ несогласная съ закономъ противорѣчія.» (Vol. II, с. 368). Кэмпбелъ (т—же, с. 79) съ своей стороны усматриваетъ въ этомъ мышленіи тотъ же характеръ какъ въ извѣстномъ софизмѣ Евбулида (ὁ διαλανθάνων или Ἡλέκτρα или ἑγκεκαλλυμένος. См. Ritter und Preller. Hist. phil. gr. et rom. № 233). Но замѣтимъ однако и теперь, что съ точки зрѣнія Сократа это возраженіе имѣетъ смыслъ, ибо Сократъ говоритъ: если знаніе есть ощущеніе, то смотря однимъ глазомъ и закрывши другой, т.-е. видя частію себя, а другою не видя, я знаю только частію своей познавательной способности, а другою не знаю; такъ какъ это невозможно, то знаніе не есть ощущеніе. Въ четвертомъ доказательствѣ противъ сенсуализма дано неправильное толкованіе тезису, что знаніе есть ощущеніе, ибо въ сенсуализмѣ этотъ тезисъ означаетъ, что знаніе по содержанию своему изъясняется изъ ощущенія, откуда однако

обще про нашъ діалогъ, что въ немъ Сократъ (Платонъ) часто прилаживается къ разуму своихъ противниковъ и пользуется тѣми же самыми орудіями, какія они привыкли употреблять въ диспутахъ: но все это маска, подъ которой онъ только *ergo perquam ridiculo ne vidimъ recentioribus enarratoribus philosophiae Platonicae* (Proleg. ad Theaet. с. 12). Мудрено спорить съ этимъ предразсудкомъ, какъ со всякимъ предразсудкомъ. Однако стоитъ замѣтить, что когда Платонъ хотѣлъ говорить отъ лица Протагора, то и говорилъ отъ лица Протагора (ср. 166 и слѣд.).

Не раздѣляя указаннаго предразсудка, мы гораздо болѣе склоняемся къ мнѣнію Боница, который думаетъ даже, что ни отъ одного читателя діалога не можетъ быть скрыто то, что самъ Платонъ не придавалъ указаннымъ выше возраженіямъ противъ сенсуализма никакого значенія, или по крайней мѣрѣ никакого рѣшительнаго (т—же, с. 58). Признаки этого дѣйствительнаго даны въ самомъ діалогѣ. Такъ Сократъ безусловно одобряетъ замѣчаніе Θεэтета относительно перваго доказательства противъ сенсуализма (163 °). Нѣсколько ниже Платонъ ясно говоритъ, что хотя, повидѣмому, второе возраженіе противъ сенсуализма совершенно разрушаетъ какъ его, такъ и ученіе Протагора, однако Θεэтеть, какъ дурной пѣтухъ, кажется, слишкомъ рано поетъ побѣдную пѣсню, потому что если бы живъ былъ Протагоръ, то онъ, безъ сомнѣнія, разными средствами умѣлъ бы отстоять сенсуалистическое ученіе противъ изложенныхъ выше возраженій (164 ° °). Затѣмъ непосредственно Сократъ говоритъ, что онъ представитъ еще болѣе сильныя доказательства противъ сенсуализма, если только (замѣчаетъ онъ иронически) не обращать вниманія на должное употребленіе утвердительныхъ и отрицательныхъ предикатовъ— и излагаетъ третье доказательство, которое, какъ мы видѣли, основывается на положеніи, что можно видѣть и не видѣть предметъ въ одно и тоже время,—не согласномъ съ основ-

нымъ закономъ мышленія. Въ томъ же духѣ, безъ сомнѣнія, трактоваль Платонъ и четвертое доказательство, которое высказано только въ видѣ образца всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ такого рода возраженій, которыя можетъ представить πελταστικὸς ἀνήρ μισθοφόρος ἐν λόγοις (165^{a—d}). Наконецъ самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ того мнѣнія, что Платонъ самъ смотрѣль на эти возраженія, какъ на несостоятельныя, служитъ то, что Протагоръ вслѣдъ затѣмъ (166—68°) устами Сократа дѣйствительно отстаиваетъ противъ нихъ сенсуалистическое ученіе, но такъ отстаиваетъ, что отсюда непосредственно выступаетъ требованіе болѣе серьезнаго, метафизическаго изслѣдованія сенсуализма. Это изслѣдованіе, имѣя мѣсто отъ 170 страницы и по характеру своему совершенно соотвѣтствуя той обшврной конструкціи сенсуалистической теоріи, которая выше обработана Платономъ на десяти страницахъ отъ 151° до 160°, изложено въ формѣ бесѣды Сократа съ Θεοδορομъ, а не съ Θεэтетомъ, что между прочимъ и было для насъ основаніемъ утверждать, что историческіе элементы этой части діалога должны быть другіе, а не рукопись Евклида. Боницъ, обсуждая отношеніе разсмотрѣнной части діалога (163—5) къ той, въ которой дано основательное изслѣдованіе теоріи сенсуализма и Протагора въ частности (отъ 170), замѣчаетъ, что помѣщенное между этими двумя частями личное объясненіе Сократа съ Θεοδορομъ (168° — 169°), въ которомъ Сократъ приглашаетъ его принять участіе въ ~~исслѣдованіи~~, составляетъ столь очевидный ~~перерывъ~~ въ изслѣдованіи самого предмета, что Платонъ поступилъ бы совершенно не искусно, если бы изложеннымъ разговоромъ не хотѣль фиксировать поворотнаго пункта въ ходѣ всего изслѣдованія (т—же, с. 58). Между тѣмъ это личное объясненіе Сократа съ Θεοδορομъ, начинаясь мыслию совершенно тождественною съ тою, которая была высказана Сократомъ (также предъ Θεοδορομъ) тотчасъ по раскрытіи сенсуа-

листического учения, связываетъ, какъ было замѣчено это и выше, эти двѣ части діалога непрерывною связью, выдѣляя изъ нихъ въ то же время разсмотрѣнныя нами несостоятельныя доказательства противъ сенсуализма, какъ часть совершенно особенную, какъ часть вставную.

Но если эта часть вставлена въ діалогъ, то откуда она могла быть взята Платономъ? Ни откуда иначе какъ только изъ рукописи Евклида. Мы полагаемъ, что нѣкоторыя изъ мыслей, составляющихъ содержаніе разсмотрѣнныхъ нами доказательствъ противъ сенсуализма, были высказаны Сократомъ въ бесѣдѣ его съ Θεэтетомъ и находились въ рукописи Евклида. Но какимъ образомъ однако Платонъ допустилъ на страницы своего произведенія разсмотрѣнныя выше доказательства противъ сенсуализма, если онъ считалъ ихъ критически не состоятельными, и на какомъ основаніи эти не состоятельныя доказательства мы отрицаемъ отъ Платона и рѣшаемъ приписывать ихъ Сократу? Отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ данъ уже выше въ той мысли, что произведенія Платона вообще суть думы философскаго мышленія. Разсуждать о Платонѣ какъ о современномъ писателѣ, который въ своихъ произведеніяхъ не столько размышляетъ, сколько поучаетъ, или даетъ другимъ знать то, въ чемъ считаетъ себя знатокомъ—было бы совершенно не согласно съ дѣйствительнымъ характеромъ литературной дѣятельности Платона. И коль скоро изъ представленія о Платонѣ мы удалимъ эти черты наставника и знатока, то тотчасъ намъ будетъ ясно, какимъ образомъ Платонъ, размышляя въ своемъ произведеніи о томъ или другомъ философскомъ вопросѣ, могъ помѣстить между другими своими думами и тѣ, которымъ онъ въ то же время не придавалъ рѣшающаго значенія. Возьмите въ примѣръ нашу теперешнюю литературную фразу: разсуждать объ этомъ такъ и такъ было бы несправедливо и т. д., или: можно было бы думать объ этомъ такъ, но и т. д., развѣйте

эти фразы въ цѣлыя думы, изложите въ этихъ думахъ все ихъ содержаніе, такъ какъ будто вы впервые разсуждаете извѣстнымъ неправильнымъ образомъ и еще только догадываетесь, что разсуждать такъ нельзя — и вы получите конструкцію мыслей, которая во взглядѣ потомъ читателя на общій ходъ всѣхъ вашихъ мыслей по данному вопросу будетъ ясно выдѣляться, какъ конструкція мыслей вами самими непризнаваемая за справедливую. Понятно однако, что подобныя явленія въ каждомъ литературномъ произведеніи наиболѣе возможны въ томъ случаѣ, когда мнѣнія, которыя могли бы, повидимому, имѣть мѣсто въ томъ или другомъ случаѣ, но считаются авторомъ не справедливыми, извѣстны ему какъ данныя, какъ уже высказанныя мнѣнія, которыя и хороши, которыя и можно повторить, но нельзя ихъ взять въ систему своего изслѣдованія, потому что при нихъ было упущено изъ вниманія то или другое условіе, та или другая сторона, что и открываетъ глаза на ихъ не состоятельность. Такъ и Платонъ. Тѣ мнѣнія Сократа о сенсуализмѣ, которыя онъ встрѣтилъ въ рукописи Евклида, послужили для него этюдами его собственной критической обработки этого вопроса. Но только на картинѣ можно помѣстить этюды такъ, что они будутъ нераздѣльными частями одной цѣльной композиціи, а въ систематическомъ мышленіи, гдѣ всякое положеніе имѣетъ цѣну какъ выведенное изъ другаго—это невозможно. Однако въ указанныхъ мнѣніяхъ Сократа, которыя хотя и были для Платона только этюдами его собственнаго систематическаго мышленія, онъ имѣлъ въ то же время данныя, наводящія на размышленіе, что и было собственно нужно Платону, что составляетъ душу его діалектическаго мышленія. Какъ же послѣ этого могло быть, чтобы Платонъ не помѣстилъ въ своемъ произведеніи тѣ мнѣнія, съ которыми хотя онъ не соглашался, но изъ которыхъ онъ выходилъ въ своемъ мышленіи, которыя давали пищу его діалектикѣ?

Но изъ чего Платонъ только выходилъ, то Сократъ полагалъ какъ мнѣніе. Нельзя при этомъ удивляться тому, что Сократъ считалъ состоятельнымъ то, чему Платонъ, очевидно, не могъ дать мѣста въ своей критикѣ сенсуализма, какъ положенію критически несостоятельному. Все дѣло въ различіи плановъ, по которымъ обрабатывали вопросъ о сенсуализмѣ Сократъ и Платонъ. Сократъ обрабатывалъ вопросъ о сенсуализмѣ по плану логическому, а Платонъ — по плану метафизическому.

Полное и ясное раскрытіе сенсуализма съ метафизической стороны, съ которой, какъ сказано, Платонъ и беретъ его въ своей критикѣ, содержится въ слѣдующемъ за симъ отвѣтѣ Протагора на вышеизложенныя опроверженія его сенсуалистической теоріи (166—168^с). Суземиль полагаетъ, что Платонъ заимствовалъ это мѣсто изъ собственнаго сочиненія Протагора (т—же, с. 187). Какъ ни правдоподобно, повидимому, это мнѣніе, но лишенное всякаго историческаго основанія, оно и само по себѣ ничего не значитъ для анализа мышленія Платона. Ибо въ планѣ мышленія Платона подлежащее намъ мѣсто діалога, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ основаніе того, почему сенсуалистическое ученіе Протагора поставлено и разсматривается авторомъ въ связи и какъ бы нераздѣльно съ метафизической теоріей Гераклита. Основаніе это состоитъ именно въ томъ, что сенсуалистическая теорія Протагора — человѣкъ есть мѣра истины и дѣйствительности всѣхъ вещей — есть необходимое слѣдствіе того философскаго міровоззрѣнія, по которому основная форма бытія вещей есть движеніе: κινεῖσθαι τὰ πάντα, τό τε δοκοῦν ἕκαστω τοῦτο καὶ εἶναι ἰδιώτη τε καὶ πόλει (т.-е. ἀποφαίνομαι) говоритъ въ нашемъ мѣстѣ Протагоръ устами Сократа (168^в). Вотъ точка взгляда, съ которой въ настоящемъ отвѣтѣ Протагора опровергаются предше-

ствуюція возраженія противъ его сенсуалистической теоріи. Не по достоинству организаціи своихъ чувствъ, не по случайному авторитету человѣкъ есть мѣра истины, но по необходимости, потому что подлинное бытіе всего есть абсолютное движеніе, исключющее всякое постоянство, всякій неизмѣнный предикатъ вещей, который слѣдовало бы знать, чтобы знать истину; напротивъ, подлинное бытіе вещей, будучи рядомъ моментовъ ихъ непрестаннаго измѣненія, уничтожаетъ различіе истиннаго и не истиннаго знанія: οὐδεὶς ψευδῆ δοξάζει, говоритъ Протагоръ (167^d). Но этого мало. Движеніе, какъ абсолютная форма всего сущаго, простирается въ равной мѣрѣ и на субъектъ познающій; отсюда знаніе есть не что иное какъ то или другое состояніе субъекта, или что тоже—человѣкъ, какъ субъектъ познающій, εο ἴρσο есть мѣра всего, καί σοι, εἴαν τε βούλη εἴαν τε μή, ἀνεκτέον οὐτι μέτρῳ, замѣчаетъ Протагоръ своему возражателю. Вотъ, въ краткихъ чертахъ, та метафизическая сторона, съ которой поворачиваетъ теперь Платонъ теорію Протагора для дальнѣйшей критики. Глядя на нее именно съ этой стороны, мы легко понимаемъ, какъ далеко отъ истиннаго смысла Протагорова ученія отстояла та критика, которая хотѣла разрушить его (и вмѣстѣ съ нимъ сенсуализмъ) чрезъ указаніе на логическіе недостатки въ отождествленіи понятій ощущенія и знанія. Платонъ напротивъ, какъ онъ поставилъ теорію Протагора въ настоящемъ мѣстѣ діалога, освобождаетъ сенсуализмъ отъ упрека во всѣхъ такихъ недостаткахъ, потому что онъ ставитъ здѣсь сенсуализмъ и теорію Протагора на твердомъ онтологическомъ основаніи. Движеніе, какъ подлинная форма бытія вещей, простираясь и на содержаніе знанія, уничтожаетъ всякое различіе въ понятіяхъ знанія и ощущенія и всякую ихъ несоизмѣримость. Это онтологическое основаніе сенсуализма не есть однако, по нашему мнѣнію, случайное убѣжище, которое даетъ въ настоящемъ случаѣ Платонъ Протагору

противъ изложенныхъ выше возраженій Сократа, какъ думаетъ, повидимому, это Риббингъ (см. выше); напротивъ только на этомъ основаніи, или, такъ сказать, только на этомъ пьедесталѣ движенія теорія Протагора и съ нею весь сенсуализмъ получаютъ свой подлинный, метафизическій смыслъ, раскрыть который однако было скорѣе собственнымъ дѣломъ самого Платона въ нашемъ мѣстѣ діалога, нежели заимствовано имъ у Протагора. (Срав. Шлейермахеръ, т—же, с. 173.)

Вообще не должно напрасно затруднять критику и обременять изслѣдованіе излишними предположеніями. Въ фрагментахъ философіи Протагора, какъ мы можемъ ихъ собрать путемъ тщательной критической сортировки, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы наше мѣсто діалога входило въ составъ его философскаго сочиненія. Между тѣмъ, по плану критическаго мышленія Платона, наше мѣсто содержитъ совершенно необходимое положеніе анти-идеальнаго міровоззрѣнія. Мы говоримъ: анти-идеальнаго, а не Протагора, потому что Платонъ въ нашемъ діалогѣ имѣетъ дѣло съ Протагоромъ, насколько его ученіе анти-идеально, самъ же Протагоръ, какъ говорено было выше, есть для Платона только имя или знакъ того міровоззрѣнія, которое такъ противоположно его собственному. Однако мы считаемъ себя совершенно въ правѣ смотрѣть на данное у Платона подъ именемъ Протагора развитіе его ученія, какъ на подлинное ученіе Протагора. Право это основывается на томъ коренномъ убѣжденіи критики, что теорія Протагора, по скольку она есть подлинно метафизическая теорія, дѣйствительно есть центрально анти-идеальная теорія. Въ двухъ словахъ — ἀνθρώπος μέτρον Протагоръ высказалъ все, что только можно высказать въ противность идеальному ученію Платона, такъ что все, что есть въ философіи анти-идеальнаго, можетъ быть приведено въ связь съ этимъ положеніемъ, или лучше—все что можетъ быть приведено съ нимъ

въ связь, то необходимо анти-идеально. Платонъ отлично понималъ все значеніе данныхъ двухъ словъ Протагора и въ нашемъ мѣстѣ діалога освѣтилъ ихъ именно такъ, что анти-идеальный смыслъ ихъ сталъ ясенъ и очевиденъ для читателя. Та логическая сторона, съ которой нападалъ на положеніе Протагора Сократъ, отодвинута на задній планъ, и на первый планъ выдвинута метафизическая его сторона, именно та сторона, съ которой положеніе Протагора является положеніемъ совершенно особаго философскаго міровоззрѣнія, въ которомъ сами собою непосредственно уничтожаются указанные выше Сократомъ логическіе недостатки. Вы указываете на случаи, въ которыхъ знаніе, по вашему мнѣнію, не соизмѣримо съ ощущеніемъ, говоритъ въ нашемъ мѣстѣ Протагоръ устами Сократа, но вѣдь это только потому, что вы неправильно представляете себѣ содержаніе знанія. Именно, вы различаете въ немъ истинное отъ ложнаго: ἐγὼ δὲ βελτίων μὲν τὰ ἕτερα τῶν ἐτέρων, ἀληθέστερα δὲ οὐδέν (167^b). Такъ, если больному кажется нѣчто горькимъ, а здоровому напротивъ, то вѣдь это не значитъ, что больной невѣжда, а здоровый человѣкъ мудрый. Это различіе между ними не должно различать ихъ по отношенію къ истинѣ, а только по отношенію къ ихъ индивидуальному состоянію (ἕξις), изъ котораго одно можетъ быть лучше, а другое хуже (167^a). Говоря о знаніи, вы представляете себѣ какое-то особое содержаніе, независимое отъ познающаго, какъ объективное содержаніе истины; но на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ, οὔτε γὰρ τὰ μὴ ὄντα δυνατὸν δοῦναι οὔτε ἄλλα παρ' ἅ ἄν πάσχη, ταῦτα δὲ αἰεὶ ἀληθῆ (167^a). Потому, что какому человѣку кажется справедливымъ и честнымъ, то и есть для него таково, пока онъ такъ объ этомъ думаетъ. Однако чрезъ это вовсе не отрицаются люди мудрые, и я совершенно далекъ отъ мысли отождествлять мудрыхъ съ лягушками. Вольно тебѣ свинячить самому и другихъ, слушающихъ тебя, заставляя дѣлать то-

же; это не хорошо и вовсе несогласно съ моимъ ученіемъ, ибо я напротивъ утверждаю, что σοφώτεροι τέ εἰσι ἐτέροι ἐτέρω, но только это различіе людей въ мудрости не касается истины ихъ знанія, а пользы; именно, мудрый есть тотъ, кто въ состояніи сдѣлать, что вмѣсто представленій вреднаго люди имѣютъ представленіе полезнаго, хотя въ то же время для каждаго истинно то, что ему кажется. Вотъ точка взгляда, заключаетъ Протагоръ, съ которой должно смотрѣть на то, одно ли и то же знаніе и ощущеніе, ἀλλ' οὐχ, ὥσπερ ἄρτι, ἐκ συνηθείας ῥημάτων τε καὶ ὀνομάτων.

Если мы теперь бросимъ одинъ общій взглядъ на разсмотрѣнную нами часть діалога отъ 161 до 168^а, то, не рискуя ошибиться, можемъ утверждать, что литературная ея комбинація у Платона была слѣдующая. Начертавъ на предшествующихъ страницахъ діалога (до 161) изъ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ элементовъ общую картину сенсуалистическаго міровоззрѣнія, нашъ авторъ прямо обратился къ рукописи Евклида, какъ къ источнику и руководству для критики этой теоріи. Но хотя возраженія Сократа какъ противъ Протагора, такъ и противъ сенсуализма вообще были хороши и остроумны, однако Платонъ скоро увидалъ, что этими средствами не можетъ быть побѣждено сенсуалистическое міровоззрѣніе, которое, какъ онъ думалъ, имѣетъ для себя твердое онтологическое основаніе въ ученіи о движеніи какъ подлинной формѣ бытія вещей и чего не замѣчалъ Сократъ. Посему, хотя Платонъ и повторилъ возраженія Сократа, даже быть можетъ съ прибавленіемъ отъ себя нѣкоторыхъ однозначашихъ, однако тѣмъ самымъ былъ принужденъ возстановить далѣе предъ читателемъ ученіе Протагора въ его истинно философскомъ или метафизическомъ значеніи. И уже послѣ этого, какъ было указано, это гораздо ранѣе, приступаетъ къ своей собственной критикѣ Протагора и сенсуализма, по плану метафизическаго мышленія. Такъ объясняется та неровность, которая, по

наблюденію многихъ критиковъ и особенно Боница, имѣеть мѣсто у Платона въ критикѣ Протагорова ученія. Эта неровность чувствуется именно на указанныхъ выше страницахъ отъ 161^с до 168^с.

Новый отдѣлъ изслѣдованія начинается тотчасъ послѣ небольшого и, какъ мы думаемъ, по памяти написаннаго Платономъ дѣйствительно бывшаго объясненія его съ Θεодоромъ (168^с — 169^д). Какъ на признакъ того, что открывающееся теперь изслѣдованіе составляетъ совершенно особый отдѣлъ въ діалогѣ (написанный по особому плану мышленія), Бониць основательно указываетъ между прочимъ на то, что онъ начинается новымъ болѣе строгимъ формулированіемъ Протагорова ученія (169^е). Однако должно замѣтить, что хотя вся дальнѣйшая критика этого ученія изложена въ діалогѣ въ формѣ бесѣды Сократа съ Θεодоромъ безъ участія Θεэтета, но нѣкоторое содержаніе этихъ страницъ діалога, быть можетъ, было также помѣщено въ рукописи Евклида.

Чтобы не оказаться неправыми предъ Протагоромъ, мы должны, говоритъ Платонъ, коротко формулировать вновь его ученіе собственными его словами: Вотъ что говоритъ Протагоръ: что каждому кажется, то и есть для того, кому кажется (169^е — 170^а). Но между тѣмъ убѣжденіе каждаго таково, что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ онъ соφώτερον τῶν ἄλλων, а въ другихъ дѣлахъ другіе мудрѣе его. Вслѣдствіе этого то общее явленіе въ человѣческой жизни, что одни ищутъ учителей и руководителей, а другіе считаютъ себя дѣйствительно способными быть тѣми и другими; такимъ образомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ люди различаютъ соφίαν καὶ ἀμαθίαν и подъ первую разумѣютъ, конечно, истинный взглядъ на вещи (ἀληθῆ διάνοιαν), а подъ второю ложное мнѣніе (170^а ^б).

Здѣсь невольно останавливаетъ насъ такой вопросъ: какимъ образомъ эта мысль объ общепринятомъ различіи людей въ отношеніи къ знанію и не знанію высказана здѣсь, послѣ того какъ Сократъ отъ лица Протагора заявлялъ уже, что онъ признаетъ это различіе между людьми, но даетъ ему лишь свое толкованіе (167^{a b}). Нельзя ли думать, что это небольшое мѣсто діалога (170^{a b}) внесено сюда изъ рукописи Евклида? Это предположеніе тѣмъ болѣе, кажется, можно защищать потому, что вмѣсто понятій знанія и не знанія Платонъ употребляетъ здѣсь понятіе софіа и въ противоположность ему ἀμαθία, именно тѣ самыя термины, въ которыхъ, какъ мы видѣли это въ началѣ діалога, Сократъ изъяснилъ понятіе ἐπιστήμη, говоря, что τὸ μαθηάειν ἐστὶ τὸ σοφώτερον γίνεσθαι и что ταῦτόν ἐστι ἐπιστήμη καὶ софіа (145^{d e}). Согласно съ этимъ мы думаемъ, что Сократъ, не отставая отъ этихъ понятій, употребилъ ихъ и въ томъ мѣстѣ своей бесѣды съ Θεэтетомъ, когда, послѣ разсмотрѣнныхъ выше несообразностей съ его точки зрѣнія въ ученіи Протагора, онъ указывалъ на то противорѣчіе, въ которомъ ученіе Протагора стоитъ съ общимъ убѣжденіемъ людей. Этимъ указаніемъ Сократъ могъ очень хорошо удовольствоваться въ своей педагогической практикѣ. Но Платонъ, желая вывести разрушительное для тезиса Протагора слѣдствіе изъ его объективнаго смысла, началъ, думаемъ мы, съ того объективнаго противорѣчія тезиса Протагора общему убѣжденію, на что указывалъ Сократъ. Но такъ какъ эта мысль Сократа попала сюда какъ удобная для перехода отъ изложенія объективнаго смысла ученія Протагора къ его критикѣ, то Платонъ и не замѣнилъ здѣсь Θεодора Θεэтетомъ, какъ то слѣдовало бы, быть можетъ, по исторической правдѣ. Во всякомъ же случаѣ ясно, что Платонъ послѣ вышеуказанныхъ объяснительныхъ словъ съ Θεодоромъ (168^e — 169^e) прямо могъ начинать такъ: Τί οὖν, ὦ Πρωταγόρα, χρῆσόμεθα τῷ λόγῳ; (170^e) — рѣчь, которою и начинается вы-

водъ изъ тезиса Протагора разрушительнаго для него самаго слѣдствія.

Λόγος Протагора, продолжаетъ Платонъ, заставляетъ отрицать неоспоримую истину, что бываютъ случаи незнанія и ложнаго представленія. Въ самомъ дѣлѣ, очень часто одинъ судитъ о чемъ нибудь такъ, а тысячи другихъ не признаютъ его мнѣнія и судятъ иначе, значитъ только для себя онъ судитъ истинно, а для другихъ ложно. Отсюда такимъ образомъ слѣдуетъ, что если бы и Протагоръ не считалъ человѣка за мѣру всего, какъ думаетъ большинство людей, то истина, которую онъ написалъ (сказано проиически) ни для кого бы не была истиной; если же онъ думаетъ такъ, а большинство съ нимъ не соглашается, то понятно, что то что ему кажется, на столько дѣйствительно есть, на сколько велико число тѣхъ, которымъ тоже кажется (170^{c d e}). Мы думаемъ, что напрасно нѣкоторые изслѣдователи (Суземиль, Риббингъ) придаютъ этому выводу Платона то значеніе, что будто бы онъ указываетъ этимъ на софистическое условіе, въ которомъ находится ученіе Протагора, будучи принуждено быть измѣряемо въ своей истинѣ количествомъ голосовъ. Ибо хотя это условіе, конечно, кидаетъ тѣнь на ученіе, однако еще не подрываетъ его объективнаго значенія, къ чему стремится здѣсь Платонъ. Такъ какъ къ тому, что сказано доселѣ, Платонъ не прибавилъ отъ себя никакого объяснительнаго примѣчанія, то мы можемъ редактировать его мысль нѣсколько иначе, именно: если бы всѣмъ казалось, что не дѣйствительно есть то, что кому кажется, тогда, согласно со смысломъ ученія Протагора, что для каждаго есть дѣйствительно то что ему кажется, абсолютно отрицалось бы то что для каждаго есть дѣйствительно то что ему кажется; если же Протагоръ своимъ положеніемъ отрицаетъ то, что кажется всѣмъ, т.-е. что не дѣйствительно есть то, что кому кажется, то онъ отри-

цаетъ и то, что ему кажется, т.-е. что дѣйствительно есть то, что кому кажется. Согласно съ этимъ Платонъ продолжаетъ: Протагоръ, утверждая, что дѣйствительно есть то, что всѣмъ кажется, утверждаетъ, что дѣйствительно есть то, что кажется тѣмъ, которымъ кажется, что не дѣйствительно есть то, что комунибудь кажется (171^{a b}).

Мы перифразировали здѣсь текстъ Платона и передали цѣлыми предложеніями тѣ понятія, которыя могли бы быть выражены отдѣльными словами—съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы заразъ показать всю силу этого аргумента, разрушающаго всякую годность или всякое объективное достоинство тезиса Протагора. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ этой критикѣ, Платонъ беретъ положеніе Протагора не относительно субъекта, не въ отношеніи къ психическимъ формамъ и условіямъ человѣческаго знанія, но совершенно объективно, и указываетъ, что непосредственно, въ самомъ объективномъ смыслѣ этого ученія, заключается его собственное полное отрицаніе. Ученіе, которое утверждаетъ, что истина измѣряется тѣмъ, что кажется, теряетъ сама авторитетъ истины, будучи самымъ своимъ содержаніемъ обязано признать истину и за тѣмъ ученіемъ, которое утверждаетъ, что истина не измѣряется тѣмъ, что кажется.

Такова идея этой серьезной критики Платона; и мы не можемъ довольно надивиться той легкости, съ какою относится къ ней Гротъ, когда говоритъ, что Платонъ въ этой критикѣ упустилъ изъ виду ту квалификацію, которую Протагоръ присовокупляетъ къ своему общему положенію, ибо когда онъ учитъ, что мнѣніе каждаго человѣка истинно, то это значить, что оно истинно для него, или, другими словами, что нѣтъ ничего абсолютно истиннаго и абсолютно ложнаго (т—же, с. 353). Позволительно сомнѣваться, чтобы Протагоръ остался доволенъ такою защитой!

Разбитаго Протагора Платонъ преслѣдуетъ теперь на ближайшихъ страницахъ діалога. Обращая вниманіе на то, что Протагоръ отличаетъ знаніе отъ незнанія не истиною, а пользою, Платонъ доказываетъ, что это различіе, разсма- триваемое со стороны объективности полезнаго, также раз- рушительно для ученія Протагора о человѣкѣ какъ мѣрѣ, какъ и опредѣленіе его какъ мѣры въ отношеніи къ исти- нѣ. Конечно, относительно честнаго и постыднаго, спра- ведливаго и несправедливаго, праваго и неправаго многіе даже и изъ тѣхъ, которые неполнѣ раздѣляютъ ученіе Протагора (имѣются въ виду вѣроятно Аристиппъ и его по- слѣдователи. Срав. Шлейермахеръ, т—же, с. 184), держатся того же мнѣнія, что если то или другое государство счита- етъ нѣчто въ данное время законнымъ для себя, то это и есть для него по истинѣ таково, и что въ этомъ отно- шеніи нельзя различать одно государство отъ другаго какъ мудрое отъ немудраго. А въ отношеніи къ тому, что го- сударство считаетъ полезнымъ для себя или не полезнымъ, одинъ совѣтникъ отличается отъ другаго, и мнѣніе одного государства отлично отъ мнѣнія другаго, по отношенію именно къ истинѣ или объективности пользы (172^{a b}, 177^{d e}). Такъ какъ сфера полезнаго простирается одина- ково и на будущее, то положеніе Протагора о человѣкѣ какъ о мѣрѣ мы должны, очевидно, распространить и на будущія вещи. Между тѣмъ ясно, что по вопросу, напри- мѣръ, о возможныхъ патологическихъ явленіяхъ мнѣніе врача болѣе значительно, чѣмъ мнѣніе кого-либо другаго, по вопросу о свойствѣ будущаго винограда мнѣніе земле- дѣльца имѣетъ преимущество предъ мнѣніемъ кивариста и т. д. въ другихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, какъ въ отно- шеніи къ будущему не всякій человѣкъ есть одинаково луч- шій судья, такъ не каждый въ равной мѣрѣ есть мѣрило того, что для него самого дѣйствительно полезно. На этомъ стоятъ и Протагоръ, когда говоритъ о себѣ, что онъ лучше

всякаго другаго въ состояніи предусмотрѣть, какія рѣчи въ пользу каждаго изъ насъ будутъ убѣдительно предъ судомъ. Такимъ образомъ онъ необходимо принужденъ согласиться съ тѣмъ, что одинъ мудрѣе другаго, и такой-то собственно есть мѣра, а мнѣ, не знающему, заключаетъ Платонъ, нѣтъ надобности быть мѣрою, какъ онъ принуждалъ меня къ тому противъ воли (178—179^{a b}).

Теодоръ, какъ мы уже знаемъ, находитъ, что это второе доказательство противъ Протагора особенно сильно колеблетъ его ученіе, поколебленное уже и тѣмъ, что по смыслу этого ученія мнѣніе и тѣхъ, которые отвергаютъ его, должно также быть признано за истинное (179^b). Нельзя оставить безъ объясненія это замѣчаніе Теодора. Человѣкъ, которому тонкая философская критика казалась *ψιλοῖ λόγῳ*, дѣйствительно могъ смотрѣть на второе доказательство Платона противъ Протагора какъ на болѣе сильное, ибо оно болѣе наглядно, чѣмъ первое. Но надо сказать, что по своему внутреннему смыслу оно стоитъ въ непосредственной связи съ первымъ аргументомъ. Утверждая, что между знающимъ и не знающимъ должно наблюдать различіе не въ отношеніи къ истинѣ, а въ отношеніи къ пользѣ, Протагоръ, очевидно, только убѣгаетъ чрезъ это отъ того положенія, что всѣ люди одинаково владѣютъ истиною, что есть неизбежное слѣдствіе его тезиса, что человѣкъ есть мѣра всего сущаго. Потому настоящую критику Платона мы и назвали выше преслѣдованіемъ уже разбитаго Протагора. Протагоръ дѣйствительно разбитъ Платономъ, когда послѣдній доказалъ, что самое содержаніе его ученія непосредственно разрушительно для него самого. Подъ ударомъ этого аргумента ученіе Протагора пострадало во всемъ его объемѣ, преслѣдованіе же его въ убѣжищѣ пользы возможно только по мотиву одной мысли о будущемъ. Но и эта мысль о будущемъ даетъ возможность указать на несообразность въ ученіи Протагора также только по мотиву исти-

ны. Ибо понятіе пользы само по себѣ дѣйствительно есть понятіе относительное: нѣчто какъ полезное устанавливается въ каждомъ данномъ случаѣ по особому плану на будущее, въ виду известной опредѣленной цѣли, согласно съ обстоятельствами настоящими и прошедшими, такъ что относительно пользы вообще можно утверждать, что кому что кажется полезнымъ, то и есть таково для него въ субъективномъ его чувствѣ. Понятіе же объективно полезнаго измерено, очевидно, по смыслу объективно истиннаго, — и только въ этомъ, слѣдовательно опять въ томъ же смыслѣ истины, т.-е. въ смыслѣ содержанія знанія, можно отрицать безразличіе его во всѣхъ людяхъ относительно будущаго. Согласно съ этимъ Платонъ и замѣчаетъ тотчасъ, что еще разными иными путями можно также доказать, что не всякое представленіе каждаго человѣка одинаково истинно (179). Это значитъ, что если разъ, въ самомъ своемъ содержаніи, и потому совершенно объективно опровергнуто положеніе Протагора о человѣкѣ какъ о мѣрѣ всѣхъ вещей, то уже нѣтъ труда доказать его несостоятельность, въ какомъ бы смыслѣ оно ни было истолковано. Оказывается такимъ образомъ, что Платонъ вполне понималъ всю силу и все преимущество своего перваго аргумента, сравнительно со всякимъ возможнымъ, и слѣдовательно, только какъ подлинная рѣчь Феодора, совершенно исторически, а не по плану критическаго мышленія Платона, встрѣчается въ діалогѣ замѣчаніе о преимущественномъ достоинствѣ втораго аргумента противъ ученія Протагора.

Платонъ не абсолютно отрицаетъ ученіе Протагора о человѣкѣ какъ о мѣрѣ всѣхъ вещей: онъ признаетъ его до известныхъ предѣловъ — и вотъ какъ замыкаетъ его смыслъ: Въ отношеніи къ данному состоянію каждаго субъекта трудно сказать, чтобы испытываемыя имъ ощущенія и происходящія отсюда мнѣнія не были истинны: во всякомъ же случаѣ я ничего не говорю противъ этого (179^а). По объ-

ективности, съ которою отнесся здѣсь Платонъ къ учению Протагора, замѣчаніе это вполне соотвѣтствуетъ тому объективному смыслу, со стороны котораго подорвалъ онъ его своимъ первымъ аргументомъ. Въ этомъ аргументѣ Платонъ, какъ мы знаемъ, указалъ, что самое содержаніе положенія Протагора разрушительно для него; здѣсь же Платонъ говоритъ, что въ положеніи Протагора дѣйствительно есть объективный смыслъ, но не тотъ, въ которомъ практикуетъ его Протагоръ. Не въ томъ смыслѣ человекъ есть мѣра, что то есть дѣйствительно, объективно, само въ себѣ, что ему кажется, но въ томъ лишь, что кажущееся ему есть истинное содержаніе его субъективнаго міровоззрѣнія (πάθος). Это значитъ, что тѣ формы и опредѣленія, въ которыхъ міръ кажется человеку, субъективны и относительны; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы объективное и дѣйствительное бытіе вещей было совершенно равно субъективному ихъ опредѣленію въ ощущеніи человека. Напротивъ, субъективное не измѣряетъ объективнаго; потому человекъ, если и есть мѣра, то не вещей въ ихъ объективномъ опредѣленіи, но своихъ собственныхъ пассивныхъ отношеній къ вещамъ, или иначе: онъ есть мѣра только себя самого, того что ему кажется, но не того что дѣйствительно есть; слѣдовательно человекъ не измѣряетъ истины. Въ субъективномъ воззрѣніи его міръ есть только явленіе; но существуетъ міръ объективно, міръ самъ по себѣ: знаніе этого міра и есть знаніе истины. Такъ какъ человекъ самъ есть только ингредиентный членъ этого міра, то ясно, что онъ не можетъ быть его мѣриломъ: потому — человекъ есть мѣрило значитъ то, что человекъ есть мѣрило своихъ собственныхъ ощущеній, показатель своего собственнаго истиннаго бытія, или тоже въ формулѣ $a = a$ — человекъ есть человекъ, а не міръ, не показатель истиннаго бытія вещей, не мѣрило подлинно сущаго.

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ указаннаго выше за-

мѣчанія Платона о тезисѣ Протагора. Достоинство его, какъ замѣчанія критическаго, состоитъ въ той объективности выраженнаго въ немъ взгляда на истину, которымъ Платонъ отличается отъ большинства древнихъ мыслителей и еще болѣе отъ новыхъ и по силѣ которой онъ такъ труденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полезенъ для нашего образованія, если только мы даемъ въ немъ какую нибудь цѣну высшей объективной философской критикѣ.

Но объективность критической мысли Платона выступаетъ еще яснѣе на слѣдующихъ страницахъ діалога, гдѣ онъ, изъясняя объективный смыслъ теоріи движенія, подкапывается такимъ образомъ подъ самое основаніе сенсуализма и протагоризма.

Этой замѣчательной критикѣ теоріи движенія предшествуетъ въ діалогѣ описаніе характера философскаго мышленія ея приверженцевъ, которые называются здѣсь Гераклитейцами, Гомерейцами и даже еще болѣе древними. Θεодоръ говоритъ, что ихъ особенно много въ Іоніи. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго спокойствія; на каждый вопросъ они какъ будто изъ колчана сыплютъ словами, и лишь только вы захотѣли бы понять, что они говорятъ, они тотчасъ поражаютъ васъ новыми фразами, и вамъ никогда не удастся понять у нихъ ничего. Отъ всего основательнаго они ревниво охраняютъ какъ свою рѣчь такъ и свои души, считая, кажется, это отсталымъ.... Далѣе Θεодоръ замѣчаетъ, что между этими людьми нѣтъ учениковъ и учителей, но мыслители такого направленія появляются автоматически, и воодушевляясь, какъ случится, никто изъ нихъ не считаетъ другаго что-либо знающимъ (178^{d e} — 180^{a-c}).

Изложенное мѣсто діалога, по всей справедливости, можетъ быть принято нами за историческій документъ, свидѣтельствующій о состояніи умовъ подъ вліяніемъ замѣча-

тельной въ исторіи философской теоріи Гераклита. То обстоятельство, что это описаніе Гераклитейцевъ или Гомерейцевъ передано въ діалогѣ устами Θεодора, конечно, можетъ располагать насъ къ тому, чтобы считать его по происхожденію за дѣйствительную историческую рѣчь Θεодора. Но съ другой стороны самый тонъ, въ которомъ оно изложено, и то что Сократъ съ своей стороны совершенно солидаренъ съ этимъ взглядомъ на приверженцевъ теоріи движенія, располагаютъ насъ болѣе къ тому, чтобы въ изложенномъ мнѣніи видѣть общее мнѣніе лучшаго, болѣе интеллигентнаго кружка ученыхъ того времени. Въ значеніи историческаго документа это мѣсто діалога свидѣтельствуетъ намъ о такомъ явленіи въ исторіи умственной культуры древняго міра, аналогію которому мы имѣемъ и въ новомъ. По мнѣнію Штейнгарта описанное выше направленіе мыслящихъ головъ напоминаетъ натур-философское направленіе, господствовавшее въ Европѣ въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка (т — же, с. 201. — Прим. 1). Но по характеру и по значенію своему въ исторіи умственной культуры, оно ни на что такъ не похоже, какъ на то направленіе мыслящихъ головъ ближайшаго времени, которое мы, за невозможностію уловить его содержаніе, называемъ обыкновенно нигилизмомъ. На это же самое ясно указываетъ и Платонъ въ мышленіи Гераклитейцевъ, когда говоритъ, что никакъ не удастся понять у нихъ того, что они говорятъ, или когда Сократъ далѣе называетъ ихъ ἀεί ρέοντες. Весь смыслъ этихъ двухъ одинаково безсодержательныхъ направленій состоитъ въ избѣганіи всего основательнаго, для того чтобы, какъ остро замѣчаетъ Платонъ, не быть отсталыми. Еще черта, сближающая такъ называемыхъ у насъ нигилистовъ съ древними текучими, состоитъ въ томъ, что ни у тѣхъ ни у другихъ нѣтъ учителей и учениковъ, но каждый, считая другаго ничего незнающимъ, рассуждаетъ автоматически. Съ другой же стороны указаніе на отсут-

ствіе школы у приверженцевъ теоріи движенія, какъ историческое наблюденіе Платона, выразительно рисуетъ намъ отношеніе его къ этой теоріи въ нашемъ діалогѣ. Въ своемъ Анализѣ мы проводили ту мысль, что теорія движенія выступаетъ въ мышленіи Платона какъ возможное онтологическое основаніе сенсуализма вообще и Протагорова ученія въ частности. Теперь мы видимъ ясно, что въ изслѣдованіи своемъ онъ относится къ теоріи движенія, не какъ къ исторически данному ученію Гераклита, но лишь какъ къ мысли возможной въ общихъ путяхъ мышленія по данному вопросу, какъ къ направленію или тяготѣнію мышленія, на что и было указано ясно въ своемъ мѣстѣ (срав. Штейнгартъ, т — же, с. 7. Но см. Риббингъ, т — же, I. с. 11).

Согласно съ этимъ теорія движенія подвергнута Платономъ критикѣ именно въ значеніи ея какъ онтологическаго основанія сенсуализма. Платонъ говоритъ: есть два вида движенія: одно перемѣщеніе въ пространствѣ, другое — измѣненіе по качеству. Если нѣчто движется однимъ только видомъ движенія, то это движущееся есть вмѣстѣ и стоящее, такъ что одинаково можно сказать, что все движется и все стоитъ. Если же (по смыслу теоріи движенія) не движеніе не свойственно ничему, то слѣдуетъ, что все движется обоими видами движенія. Но такъ какъ каждое качество, существуя только въ актѣ встрѣчнаго движенія одного какъ дѣйствующаго и другаго какъ страждущаго, по смыслу данной теоріи, не можетъ оставаться, какъ оно есть, но также гечеть, то спрашивается, какой напримѣръ цвѣтъ можно высказать какъ предикатъ предмета? Далѣе — если все существуетъ въ актѣ движенія, то и объ ощущеніи, очевидно, нельзя сказать, что оно пребываетъ напримѣръ въ актѣ зрѣнія, или — что то же: видѣть несколько не болѣе значитъ что и не видѣть. То же относительно и всякаго другаго ощущенія. Если же ощущеніе есть знаніе, то, оно, очевидно,

также не есть чтонибудь болѣе какъ и незнаніе, или: знаніе равно незнанію (181 с. 182). Это абсурдное слѣдствіе, выведенное такъ просто изъ теоріи движенія, ясно даетъ понять, что ученіе о безусловномъ движеніи не только не должно служить основаніемъ того положенія, что ощущеніе есть знаніе, напротивъ оно разрушаетъ самую возможность ощущенія, а слѣдовательно и знанія. Но этого мало: теорія движенія не только отрицаетъ знаніе чрезъ отрицаніе ощущенія, но она дѣлаетъ невозможнымъ хоть бы какънибудь понять, что есть знаніе. Ибо если все движется, то всякій предикатъ къ знанію будетъ справедливъ, лишь бы только не стоять на одномъ. Вообще, же по смыслу этой теоріи, нельзя говорить ни о чемъ, что оно есть *такъ* или *не такъ*; ибо въ обоихъ этихъ выраженіяхъ не говорится о движеніи, напротивъ нужно придумать какоенибудь новое слово, имѣющее подвижной смыслъ (183^{a b}). Смыслъ этого требованія состоитъ въ томъ, что по теоріи абсолютнаго движенія необходимо, чтобы и то, что находится въ движеніи, само было движеніемъ, т.-е. движеніе должно быть мыслимо не какъ предикатъ, или *modus* бытія вещей, но само какъ субъектъ или субстанція. Очевидно, что при такомъ всеобъемлющемъ значеніи понятія движенія обычныя формы нашего мышленія не могутъ выразить истиннаго бытія вещей; въ этомъ случаѣ нельзя уже ничего мыслить какъ предикатъ къ субъекту и ничего поставить въ мышленіи какъ субъектъ; остается возможнымъ только мыслить, что движеніе движется....

Должно удивляться этой возвышенной критикѣ Платона, должно учиться у него той могучей объективности мысли, съ которою исполнена имъ эта трудная задача—разрушить въ прахъ повидимому столь твердое ученіе сенсуализма, имъ же самимъ изъясненное и поставленное, кажется, на такомъ прочномъ основаніи какъ теорія движенія. Однако это возможно было для Платона потому, что онъ владѣлъ

въ своемъ мышленіи высшимъ мѣриломъ истины. Въ виду идей, этихъ непреложныхъ объектовъ истиннаго бытія и знанія, Платонъ чувствовалъ всю силу своей критической мысли, чтобы выдержать борьбу съ сенсуализмомъ и ученіемъ Протагора, не въ тѣхъ отрывочныхъ положеніяхъ какъ αἴσθησις ἐπιστήμη и ἀνθρώπος μέτρον, но въ формѣ стройно обдуманной теоріи, которую онъ самъ развилъ въ своемъ произведеніи. Ему, для торжества его идеальнаго воззрѣнія, нужна была та широкая концепція, въ которой онъ повялъ и изложилъ противоположное анти-идеальное міровоззрѣніе. Дѣйствительно, трудно указать въ критической литературѣ примѣръ подобнаго плана въ развитіи критической мысли, въ какомъ исполнена Платономъ критика сенсуализма и сроднаго съ нимъ протагоризма. Взявши простую формулу: знаніе есть ощущеніе, Платонъ тотчасъ указалъ на соотвѣтствующую ей формулу: человѣкъ есть мѣра всего сущаго — въ ученіи Протагора. Черезъ мысль о движеніи, какъ общей формы бытія вещей, онъ свелъ далѣе эти положенія къ одному основному для нихъ міровоззрѣнію. Силою своей діалектики онъ усердно послужилъ при этомъ раскрытію этого анти-идеальнаго міровоззрѣнія, указавъ наглядно на разныхъ примѣрахъ, какъ подвижны всѣ предикаты, въ которыхъ мы обыкновенно судимъ о вещахъ и явленіяхъ и какъ напротивъ, повидимому, нормальна форма движенія какъ общая форма бытія вещей и объектовъ нашего знанія. Такимъ образомъ подъ все зданіе сенсуализма съ Протагоровымъ ученіемъ въ центрѣ Платонъ самъ подвелъ теорію движенія какъ его, повидимому, незыблемое онтологическое основаніе. Но чѣмъ шире концепція, въ которой понято Платономъ анти-идеальное ученіе, тѣмъ строже къ нему его критика. Вступая съ нимъ въ борьбу, Платонъ прямо нападаетъ на его центръ, т.-е. на ученіе Протагора о человѣкѣ и указываетъ, что въ самомъ содержаніи этого ученія дано непосредственно его полное отри-

цаніе. Затѣмъ онъ преслѣдуетъ его въ томъ убѣжищѣ понятія пользы, которое Протагоръ ставитъ какъ подлинный объектъ своей «мѣры». Наконецъ неумолимая его критика подрываетъ и самое основаніе анти-идеальнаго ученія: весь космосъ рушится въ глазахъ глубокомысленнаго читателя, когда Платонъ убѣждаетъ его въ томъ, что движеніе, долженствующее быть онтологическимъ основаніемъ сенсуализма и Протагорова ученія, само неминуемо отрицаетъ *ὄν*, отрицаетъ бытіе; все превращается въ хаосъ, ни на чемъ нельзя остановить мысли, ничего нельзя назвать такъ или иначе, ибо предикаты бѣгутъ отъ субъектовъ, увлекаемые общимъ космическимъ теченіемъ, въ свою очередь отъ нихъ бѣгутъ и субъекты, остается одно движеніе, но уже не какъ общая форма бытія міра, годная быть для мышленія онтологическимъ основаніемъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, но какъ всеобъемлющая субстанція бытія, которая также движется.... Такова эта возвышенная, строго объективная и истинно драматическая критика!

Но это еще не послѣднее слово критики Платона. Метафизическій смыслъ сенсуализма разрушенъ, но осталось психологическое его содержаніе, къ которому и обращается теперь Платонъ. Замѣчательно, что свѣтлый міръ идей разума, какъ мы увидимъ это тотчасъ, открывается въ діалогѣ при изслѣдованіи вопроса о знаніи именно съ этой психологической стороны. Не должно ли имѣть это въ виду при обсужденіи того плана мышленія, по которому создано Платономъ его идеальное міровоззрѣніе? Но обратимся къ діалогу. Предъ нами вновь выступаетъ *Θεэтетъ* (183^d), съ напоминаніемъ Сократу о томъ, что послѣ критики теоріи движенія слѣдуетъ по плану (срав. 181^a) рассмотреть противоположное ученіе о подлинной формѣ бытія, формулируя его *πᾶν ἐστᾶναι*. Сократъ заявляетъ, что дѣйствительно

это есть учение Мелисса и другихъ и особенно Парменида, но отказывается разсуждать теперь о немъ. такъ какъ это увлекло бы его далеко отъ предмета настоящаго изслѣдованія. Мы принимаемъ это замѣчаніе Платона въ его букввальномъ смыслѣ, и въ общемъ теченіи мыслей автора даемъ ему значеніе перехода отъ метафизической критики сенсуализма къ анализу содержанія знанія какъ психическаго явленія.

Этотъ психологическій анализъ знанія имѣетъ повидимому значеніе опроверженія только того мнѣнія Θεэтета, что знаніе есть ощущеніе. Ибо изъ него оказывается, что въ познаніи каждаго предмета, получаемомъ чрезъ то или другое ощущеніе, мы имѣемъ опредѣленія, которыя совершенно тождественно повторяются относительно всѣхъ объектовъ подлежащихъ разнымъ ощущеніямъ, или которыми мы выражаемъ отношенія между объектами, т.-е. которыя вообще не составляютъ содержанія никакого ощущенія. Отсюда заключаетъ Платонъ: *καταφανέστατον γέγονεν ἄλλο ὄν αἰσθησεως ἐπιστήμη* (186^ο). Но такъ какъ съ одной стороны мнѣніе Θεэтета есть формула вообще сенсуализма и такъ какъ съ другой—означенный анализъ непосредственно приводитъ къ противоположному сенсуализму міровоззрѣнію, т.-е. идеальному міровоззрѣнію Платона, то мы имѣемъ полное право считать его послѣднимъ словомъ Платоновой критики сенсуалистическаго воззрѣнія вообще.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, каковъ *per vis probandi* въ нашемъ мѣстѣ критики сенсуализма, то съ перваго раза можетъ показаться, что онъ тотъ же каковъ и въ изложенномъ выше доказательствѣ Сократа противъ сенсуализма. Однако, если внимательнѣе сравнить между собою эти доказательства, то нетрудно замѣтитъ все различіе ихъ внутренняго достоинства. Тамъ, въ доказательствѣ Сократа, несоизмѣримость знанія съ ощущеніемъ указана въ содержаніи ихъ какъ явленій опыта; здѣсь въ доказательствѣ

Платона, напротивъ, несоизмѣримость знанія съ ощущеніемъ объяснена по смыслу ихъ метафизическаго содержанія. Именно Платонъ утверждаетъ, что знаніе какъ такое, по самому своему содержанію, отлично отъ ощущенія. Между тѣмъ какъ содержаніе ощущенія распадается на моменты, изъ которыхъ каждый есть совершенно отдѣльный міръ, содержаніе знанія ощущаемаго предмета составляетъ нѣчто другое. Такъ на примѣръ относительно звука и цвѣта содержаніе знанія есть: *ὅτι ἀμφότερω ἐστὸν, ὅτι ἐκάτερον ἐκατέρου μὲν ἕτερον ἑαυτῷ δὲ ταῦτόν, ὅτι ἀμφότερω δύο ἐκάτερον δὲ ἐν* и т. д. 185^{a b}). Такимъ образомъ понятіе бытія (или, по выраженію Платона, οὐσία) и не бытія, сходства и не сходства, тожества и не тожества и друг.— вотъ что, какъ добавленіе къ тому или другому ощущенію, составляетъ истинное содержаніе знанія ощущаемаго предмета. Такъ какъ всѣ эти и подобныя понятія не даны ни въ какомъ ощущеніи, то слѣдовательно знаніе не то же, что ощущеніе, или ощущеніе не есть причина знанія. Знаніе напротивъ есть совершенно особое отъ ощущенія дѣло непосредственно души самой по себѣ. Оно, какъ говоритъ Платонъ, состоитъ *ἐν τῷ περὶ παθημάτων συλλογισμῷ*, причемъ указанныя выше понятія, будучи непосредственнымъ содержаніемъ души, служатъ для нея такими основными нормами, въ которыхъ только она и можетъ знать сепаратные міры ощущеній, какъ объекты окружающаго ее одного міра. Въ этомъ ученіи о томъ, что въ содержаніи всякаго знанія есть нѣчто такое, что душа знаетъ сама по себѣ, Платонъ высказалъ такое убѣжденіе, которое должно быть оцѣнено какъ одно изъ основныхъ пріобрѣтеній философской критики во всю ея исторію. Это убѣжденіе Канта въ необходимости «чистаго» элемента во всякомъ познаніи. Но между тѣмъ какъ у Канта это убѣжденіе породило цѣлое философское ученіе о категоріяхъ, Платонъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ діалогѣ, поступилъ, можетъ быть, лучше, указавъ въ видѣ об-

разца только на нѣкоторыя основныя понятія, какъ непосредственныя нормы знанія, и какъ бы нарочно остановился предъ тяжелой задачей развить теорію идеальнаго знанія. Однако въ данномъ анализѣ знанія, какъ уже было сказано, онъ такъ близко подошелъ къ своей идеальной теоріи, что было бы совершенно не естественно думать, что это послѣднее слово его критики сенсуализма произнесено имъ безъ всякой мысли о другомъ діаметрально противоположномъ ему ученіи, т.-е. ученіи объ идеяхъ. Напротивъ, только эта живущая въ его духѣ мысль дала ему силу послѣ долгой и упорной борьбы съ сенсуализмомъ сказать наконецъ со всею рѣшительностію, что знаніе не то же что ощущеніе....

Итакъ, хотя въ нашемъ мѣстѣ діалога Платонъ доказы-
ваетъ тоже самое, что дано выше въ доказательствахъ Сократа, именно несоизмѣримость знанія съ ощущеніемъ, однако *per viam probandi* тамъ и здѣсь совершенно различенъ. Отсюда понятно, почему тѣ доказательства Платонъ считалъ несостоятельными, между тѣмъ какъ этому, очевидно, придавалъ послѣднее рѣшающее значеніе. Согласно съ этимъ, если первыя доказательства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, попали въ діалогъ Платона, какъ мы думаемъ, изъ рукописи Евклида, то въ послѣднемъ, внѣ всякаго сомнѣнія, мы имѣемъ основную критическую мысль самого Платона. Внѣ этой мысли положеніе о несоизмѣримости знанія съ ощущеніемъ всегда будетъ касаться ихъ со стороны ихъ помѣщенія въ мышленіи какъ логическихъ понятій, на чемъ, какъ мы видѣли, и стоятъ сократовскія доказательства несоизмѣримости. Но коль скоро критика относится къ знанію и ощущенію метафизически, т.-е. въ самомъ ихъ содержаніи, то утверждать ихъ несоизмѣримость она можетъ только, или какъ Кантъ чрезъ мысль о категоріяхъ, или какъ Платонъ чрезъ мысль объ идеяхъ. Ибо категоріи или идеи и суть то положительное содер-

жаніе знанія, которое для критическаго мышленія есть единственный показатель несоизмѣримости знанія съ ощущеніемъ. Это значитъ, что, обходя въ анализѣ знанія это метафизическое содержаніе понятія, никогда нельзя побѣдить сенсуализма и доказать, что знаніе не есть ощущеніе. Однако хотя справедливо, что сенсуализмъ можетъ быть побѣжденъ только чрезъ мысль о категоріяхъ или идеяхъ разума, но Кантъ который боролся съ нимъ, во имя категорій, и Платонъ который побѣждалъ его въ силу идей — оба въ своихъ философскихъ ученіяхъ, поднявшись надъ уровнемъ живаго, подлежательнаго бытія, не нашли міра подлиннаго бытія вещей!... Должно быть, роду человѣческому суждено пресмыкаться въ «грязи» подлежательнаго бытія и позволено только парить къ сферѣ истинно сущаго, но не вступать въ нее!

Послѣднимъ своимъ словомъ критики сенсуализма Платонъ не оканчиваетъ діалога. Борьбу по вопросу и знаніи онъ ведетъ теперь съ разсудочнымъ эмпиризмомъ, по мысли котораго знаніе есть правильное мнѣніе ἡ ἀληθὴς δόξα κινδυνεύει ἐπιστήμη εἶναι, какъ говоритъ у Платона Θεэтетъ (187^b), или въ другомъ исправленномъ видѣ: τὴν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι (т.-е. ἔφη 207^d). Поставивъ эти два выраженія вмѣстѣ какъ существенно однозначачія, мы тѣмъ самымъ заразъ опредѣлили свой взглядъ на всю остальную часть діалога; именно мы видимъ въ ней, хотя быть можетъ не непрерывное, однако строго послѣдовательное развитіе и изъясненіе одного и того же мнѣнія. Это не большое, повидимому, отличіе нашего взгляда отъ высказанныхъ доселѣ въ критикѣ мнѣній о составѣ этой части діалога вытекаетъ однако изъ существеннаго отличія нашего мнѣнія по вопросу о значеніи ея содержанія въ критическомъ мышленіи Платона.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ изложить фактически содержаніе подлежащихъ намъ страницъ діалога, такъ какъ пониманіе ихъ непосредственно въ текстѣ очень затруднительно, вслѣдствіе діалектическихъ приемовъ критики и діалогической формы изложенія.

Такъ какъ не всякое мнѣніе есть знаніе, а только истинное, то спрашивается: τί ποτ' ἐστὶ τοῦτο τὸ πάθος παρ' ἡμῖν καὶ τίνα τρόπων ἐγγυνομέμενον — τὸ ψευδῆ δοξάζειν; (187^d). Наше умственное отношеніе ко всѣмъ предметамъ можетъ быть выражено двумя предикатами: или мы знаемъ ихъ, или не знаемъ, причемъ понятія объ ознакомленіи и забвеніи могутъ быть пока устранены, такъ какъ въ нихъ теперь ἡμῖν πρὸς λόγον ἐστὶν οὐδέν. Согласно съ этимъ, всякое мнѣніе касается или того что мы знаемъ, или того чего не знаемъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ложное мнѣніе невозможно. Ибо, чтобы имѣть ложное мнѣніе, нужно или одно знаемое считать за другое знаемое, или знаемое за незнаемое, или незнаемое за знаемое, или одно незнаемое за другое незнаемое, а все это, очевидно, невозможно (188^{a-c}). (Потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ относительно одного и того же должны быть утверждаемы противоположные предикаты, т.-е. знаніе вмѣстѣ и незнаніе.) Это со стороны субъекта. То же самое и со стороны объекта. Чтобы имѣть объективно ложное мнѣніе, нужно мыслить о предметѣ несущее. Но такъ какъ мыслящій всегда мыслить нѣчто, то несущаго мыслить нельзя, ибо въ области несущаго нѣтъ *ничто* въ отдѣльности отъ другаго *ничто*; это значитъ что мыслящій несущее не мыслить ровно ничего, а ничего не мысля, онъ вовсе не мыслить (188^e — 189^b). Ложное мнѣніе такимъ образомъ нельзя опредѣтить какъ иномысліе ἀλλοδοξία. Чтобы мыслить одно вмѣсто другаго, необходимо это одно и другое имѣть въ душѣ или вмѣстѣ, или по очереди. Но имѣя въ душѣ двѣ какія нибудь реальности вмѣстѣ, никто не можетъ мыслить, или говорить себѣ (ибо мыш-

леніе есть не что иное, какъ разговоръ души самой съ собою), что одно есть другое, что несправедливое есть справедливое, красивое есть безобразное, быкъ есть лошадь и т. п. Ибо въ такомъ случаѣ одно знаемое онъ считалъ бы за другое знаемое, а это, какъ было доказано, невозможно. Равнымъ образомъ невозможно, чтобы кто нибудь, мысля только одно изъ двухъ, мыслилъ одно вмѣсто другаго, ибо въ этомъ случаѣ онъ долженъ мыслить и это другое, чего онъ не мыслить, или незнаемое онъ долженъ считать знаемымъ, что невозможно (189^c — 199^b).

Но дѣйствительно ли невозможно ἄ τις οἶδεν δοῦναι ἃ μὴ οἶδεν εἶναι αὐτὰ καὶ ψευθεῖναι; (191^b) Это гипотетическое условіе возможности ложнаго мнѣнія заставляетъ посмотрѣть на наши отношенія къ предметамъ съ новой стороны, кромѣ знанія и не знанія, именно со стороны памяти. Такъ если представимъ себѣ, что въ душѣ cadaго члѣвѣка есть восковая масса той или другой величины и качества—даръ матери музъ Мнемозины, для напечатлѣнія на ней нашихъ чувственныхъ ощущеній и мыслей, то легко понять, что члѣвѣкъ дотолѣ знаетъ и помнитъ предметы, пока впечатлѣнія отъ нихъ остаются на этой массѣ. А коль скоро онъ стираются на ней, то онъ забываетъ и не знаетъ. При этомъ заблужденіе, очевидно, невозможно ни какъ смѣшеніе между собою ощущеній, ни какъ смѣшеніе представлений, которыя сохраняются отъ предметовъ въ памяти, но оно возможно, повидимому, въ отношеніи ощущенія къ представленію, ἐν τῇ συνάψει αἰσθήσεως πρὸς διάνοιαν (195^c). Такъ на примѣръ Сократъ, зная Θεэтета и Θεодора и имѣя отъ нихъ обоихъ въ своей восковой массѣ отпечатки, въ послѣдствіи, смотря на нихъ издали и при неудобной обстановкѣ, можетъ перемѣшать ихъ отпечатки между собою, такъ что отпечатокъ одного отнесетъ къ представленію другаго и наоборотъ: тогда будетъ ἑτεροδοξία и то что есть ложное мнѣніе (193^{c d}). Однимъ словомъ, чего не знаемъ

и чего не ощущаемъ, относительно того вообще невозможно ложное мнѣніе, *περὶ δὲ ὧν ἴσμεν τε καὶ αἰσθανόμεθα ἐν αὐτοῖς τοῦτοῖς στρέφεται καὶ ἐλίπτεται ἡ δόξα, ψευδῆς καὶ ἀληθῆς γινωσκόμενῃ* (194^b). Однако такимъ изображеніемъ возможности ложнаго мнѣнія не исчерпываются всѣ его конкретные случаи, ибо ложное мнѣніе возможно и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста никакому ощущенію. Такъ наприимѣръ не всякій скажетъ вѣрно, что сумма пяти и семи есть двѣнадцать, иной ошибется и скажетъ: одиннадцать; при сложении же большихъ чиселъ ошибки возможны еще болѣе (195° 196^{a b}). Итакъ изъ всего сказаннаго доселѣ слѣдуетъ такая дилемма: *ἤτοι οὐκ ἔστι ψευδῆς δόξα ἢ ἄ τις οἶδεν οἶόν τε μὴ εἰδέναι* (196°). Разумъ не позволяетъ принять ни той ни другой части этой дилеммы. Такимъ образомъ доселѣ все разсужденіе о томъ, какъ возможно ложное мнѣніе не привело ни къ какому результату — и не мудрено: тысячу разъ употребляя выраженіе: знаемъ, не знаемъ, мы не составили себѣ еще никакого представленія о самомъ знаніи. Потому прежде всего, кажется, должно составить себѣ представленіе о томъ, что значитъ знать (196^{d e}, 197^a).

Эта задача открываетъ еще новую сторону нашихъ отношеній къ предметамъ, именно — ознакомленіе съ предметами, что должно отличать отъ знанія, какъ *κτῆσις* отъ *ἔξις*. Когда мы путемъ наставленій или собственнаго изслѣдованія приобрѣтаемъ познанія о предметахъ, то мы находимся въ положеніи человѣка, который наловилъ себѣ въ голубятню голубей. Этотъ человѣкъ есть собственникъ своихъ голубей и имѣетъ возможность, когда ему угодно, взять въ руки одного изъ этихъ голубей, для чего онъ долженъ во второй разъ поймать этого голубя, при чемъ, конечно, можетъ и ошибиться: вмѣсто одного взять другаго. Точно также и наши знанія: чтобы воспользоваться знаніемъ, которое уже приобрѣтено, нужно его во второй разъ уловить въ своей душѣ, причемъ одно знаніе можетъ быть взято

вмѣсто другаго, какъ на примѣръ, τῶν ἑνδεκά ἐπιστήμην ἀντὶ τῆς τῶν δώδεκα. Такъ, повидимому, можетъ быть объяснена возможность ложнаго мнѣнія, именно какъ ἡ τῶν ἐπιστημῶν μεταλλαγή (197^b, 199^c). Но какъ возможно такое смѣшеніе знаній? Какъ возможно вообще зная не знать? Вѣдь это значить, что знаніе есть причина не знанія. Но ἐκ τούτου λόγου κολύει οὐδὲν καὶ ἀγνοίαν παραγενομένην γινῶναι τε ποιῆσαι καὶ τυφλότητα ἰδεῖν (199^d). Но можетъ быть, вмѣстѣ съ знаніями въ нашей душѣ должно допустить и незнанія, и возможность ложнаго мнѣнія объяснить не иначе какъ тѣмъ, что человѣкъ вмѣсто знанія беретъ незнаніе? (199^c) Однако, чтобы принять это объясненіе, необходимо допустить, что въ душѣ человѣка—кромѣ данныхъ знаній и незнаній есть еще знанія о самихъ этихъ знаніяхъ и незнаніяхъ и т. д. μυριάκις. Такимъ образомъ и этотъ третій путь не приводитъ ни къ какому результату по вопросу о томъ, какъ возможно ложное мнѣніе. Платонъ видитъ въ этомъ зозмедіе со стороны Логики за неправильную методу изслѣдованія, ибо τὸ ψευδῆ δόξαν ἐστὶν ἀδύνατον γινῶναι πρὶν ἂν τις ἐπιστήμην ἰκανῶς λάβῃ τί ποτ' ἐστὶν (200^{a-d}).

Согласно съ этимъ, вопросъ о томъ что есть знаніе повторяется вновь, и вмѣстѣ съ этимъ, впрочемъ совершенно случайно, выступаетъ на сцену прежнее опредѣленіе, что знаніе есть правильное мнѣніе (200^{d-e}). Здѣсь это положеніе опровергается самымъ простымъ образомъ: выставляется на видъ тотъ фактъ, что судьи и ораторы въ короткое время своихъ рѣчей убѣждаютъ слушателей въ томъ или другомъ событіи и поражаютъ въ нихъ совершенно правильныя мнѣнія объ этихъ событіяхъ, хотя знанія не даютъ и дать не могутъ, такъ какъ ἰδόντι μόνον ἐστὶν εἰδέναι (т.-е. данныя событія) ἄλλως δὲ μή (201^{a-b}).

Непосредственно за симъ слѣдуетъ исправленная редакція прежняго опредѣленія знанія δόξα ἀληθῆς μετὰ λόγου ἐπιστήμη (201^d). Ближайшее основаніе такого взгляда на

знаніе указано тотчасъ въ той теоріи, по которой только *ὀνομάτων συμπλοκὴν εἶναι λόγου οὐσίαν τὰ δὲ στοιχεῖα ἄλογα καὶ ἄγνωστα* (202^b). Самая же теорія изъясняется изъ того что *στοχεῖον μὲν αὐτὸ καθ' αὐτὸ ἕκαστον ὀνομάσαι μόνον, προσεπεῖν δὲ οὐδὲν ἄλλο δυνατόν* (201°), *τὰς δὲ συλλαβὰς γνωστὰς τε καὶ ῥητὰς καὶ ἀληθεῖ δόξῃ δοξαστὰς* (202^b). Это положеніе изъясняется на примѣрѣ звуковъ и слоговъ. Такъ, если слогъ *σω* можно логизовать, сказавши, что *σω* есть *с* и *ω*, то сказать *τὸν τοῦ σίγμα λόγον* нельзя, ибо нельзя выразить *στοιχεῖα τοῦ στοιχείου* (203^{a-b}). Однако всякое сложеніе — *συλλαβὴ ὁμοίως ἔν τε γράμμασι καὶ ἐν ἄλλοις ἅπασι* (205^a) есть или сумма входящихъ въ него элементовъ, или *ἕτερόν τι τῶν στοιχείων*, *ἔξ ἐκείνων ἔν τι γεγονὸς εἶδος, ἰδέαν μίαν αὐτοῦ αὐτοῦ ἔχον* (203°). Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ *συλλαβὴ* одинаково должно быть не познаваемо: въ первомъ, потому что *προγιγνώσκειν τὰ στοιχεῖα ἀνάγκη τῷ μέλλοντί ποτε γνῶσесθαι συλλαβὴν* (203°), а не зная элементовъ нельзя знать и сложеннаго изъ нихъ; во второмъ — потому что *συλλαβὴ*, будучи *μία τις ἰδέα ἀμέριστος*, не можетъ быть логизовано на томъ же основаніи какъ и другіе недѣлимые элементы, т.-е. оно можетъ быть только обозначено именемъ, но не предцировано, *ἢ γὰρ αὐτὴ αἰτία ποιήσει αὐτὰ τοιαῦτα* (205°). Притомъ съ другой стороны, въ предѣлахъ всякаго знанія *τὸ τῶν στοιχείων γένος ἐναργестέραν τε τὴν γνῶσιν ἔχειν καὶ κυριωτέρα τῆς συλλαβῆς πρὸς τὸ λαβεῖν τέλος ἕκαστον μάθημα* (т.-е. *φήσομεν* 206^b).

Но хотя такимъ образомъ доказана несостоятельность теоріи, на которой основывается вышеизложенное опредѣленіе знанія *δόξα ἀληθῆς μετὰ λόγου* в тоутоу μὲν (т.-е. не состоятельности ея) *ἔτι κὰν ἄλλαι φανεῖεν ἀποδείξεις ὡς ἐμοὶ δοκεῖ*, какъ замѣчаетъ Платонъ; однако данное опредѣленіе знанія не оставлено безъ изслѣдованія. Для изслѣдованія его Платонъ обращаетъ вниманіе на понятіе *λόγος* и находитъ въ немъ тройкій смыслъ. Подъ словомъ *λόγος* разу-

мѣется 1) проявленіе мышленія въ словѣ; 2) путь къ цѣ-
 лому чрезъ элементы; 3) разумѣніе отличія даннаго пред-
 ставленія или объекта отъ другихъ (208^{c-d}). Что до пер-
 ваго смысла слова λόγος, то поелику въ этомъ смыслѣ λόγος
 имѣетъ всякій ὁ μὴ ἐνεὸς καὶ κωφὸς ἀπ' ἀρχῆς, οὐδαμοῦ ὀρθῆ
 δόξα χωρὶς ἐπιστήμης γενήσεται (206^d). Во второмъ смыслѣ
 слово λόγος также не составляетъ такого признака правиль-
 наго мнѣнія, по силѣ котораго оно было бы знаніемъ. Ибо
 кто, напримѣръ, умѣя написать правильно слово Θεαίτητος
 чрезъ Θ, ошибется въ словѣ Θεόδωρος и напишетъ Τ, тотъ,
 очевидно, не знаетъ писать, хотя написавъ правильно слово
 Θεαίτητος, онъ безъ сомнѣнія исполнилъ это чрезъ правиль-
 ное мнѣніе путемъ λόγος'а въ смыслѣ восхожденія къ цѣ-
 лому чрезъ элементы. Итакъ, вотъ случай когда μετὰ λόγου
 ὀρθῆ δόξα не есть еще ἐπιστήμη (208^{a-b}). Равнымъ обра-
 зомъ λόγος въ смыслѣ разумѣнія различія одного предмета
 отъ другаго также не составляетъ такого признака въ пра-
 вильномъ мнѣніи, по которому оно должно быть равно зна-
 нію; ибо само правильное мнѣніе о какомъ либо предметѣ
 невозможно безъ пониманія отличія его отъ другихъ. Та-
 кимъ образомъ λόγος, какъ выразитель пониманія этого от-
 личія, самъ есть существенный ингредиентъ правильнаго
 мнѣнія. Если же подъ λόγος, въ смыслѣ пониманія отличія
 одного предмета отъ другаго, разумѣть непосредственно
 знаніе этого отличія, то въ опредѣленіи знанія чрезъ ὀρθῆ
 δόξα μετὰ λόγου будетъ кругъ (208^c — 210^a).

Такъ оканчиваетъ Платонъ трудную критику разсудочнаго
 эмпиризма, по мысли котораго знаніе есть правильное мнѣніе,
 или точнѣе—правильное мнѣніе съ разумомъ. Представимъ
 себѣ, какъ можно рельефнѣе, ходъ мысли Платона. Вотъ
 онъ: если знаніе есть правильное мнѣніе, то значить есть
 ложное мнѣніе, но ложнаго мнѣнія нельзя допустить ни въ
 смыслѣ ἀλλοδοξία, ни въ смыслѣ ἑτεροδοξία, ни въ смыслѣ
 ἐπιστημῶν μεταλλαγή. Кромѣ того опытъ свидѣтельствуешь,

что правильное мнѣніе имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ подлиннаго знанія. Равнымъ образомъ знаніе не можетъ быть понято какъ правильное мнѣніе съ разумомъ. Оставляя въ сторонѣ мысль тѣхъ, которые полагаютъ, что разумъ принадлежитъ только сложному, а не элементамъ, самое понятіе разума, въ какомъ бы смыслѣ мы его ни поняли, не придаетъ понятію правильнаго мнѣнія ничего такого, чрезъ что оно стало бы равно знанію.

Спрашивается, съ однимъ ли и тѣмъ же мнѣніемъ имѣетъ Платонъ дѣло во всей этой критикѣ? Боницъ даетъ не ложное показаніе, когда говоритъ, что *никогда* не было сомнѣнія въ томъ что три опредѣленія знанія: ощущеніе, представленіе, представленіе съ разумомъ—составляютъ три главныя части діалога (Studien I, с. 56—7). Дѣйствительно, всѣ изслѣдователи Θεэтета трактовали его какъ діалогъ, въ которомъ критикуются три положенія о знаніи. Только развѣ Риббингъ мимоходомъ замѣчаетъ, что хотя послѣдняя часть діалога состоитъ изъ двухъ: изъ анализа понятія $\delta\acute{o}\xi\alpha \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\eta\varsigma$ какъ такового и $\delta\acute{o}\xi\alpha \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\eta\varsigma \mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon$, но что это второе опредѣленіе знанія не есть изъ природы вещей вытекающая какая нибудь новая форма развитія мысли о знаніи, но лишь попытка исправить предшествующее опредѣленіе (т—же, I. Прим. 336). Однако и Риббингъ въ изслѣдованіи діалога строго держится раздѣленія его на три части. (См. I. Прим. 310.) Такое единодушное пониманіе критикою состава діалога (не исключаящее впрочемъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на ту и другую его часть) зависитъ, вѣроятно, отъ того, что критика не обратила должнаго вниманія на положеніе понятій $\acute{o}\rho\theta\grave{\eta} \delta\acute{o}\xi\alpha$ и $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon \acute{o}\rho\theta\grave{\eta} \delta\acute{o}\xi\alpha$ въ самомъ мышленіи Платона. Обычное выраженіе, которое принято критикою для передачи Платонова понятія $\delta\acute{o}\xi\alpha$ есть представленіе, *Vorstellung* (Кэмбель и Гротъ пере-

водить словомъ: *opinion*), хотя нѣкоторые критики замѣчаютъ при этомъ, что *δόξα* у Платона есть понятіе болѣе обширное, чѣмъ наше представленіе: въ немъ, основательно замѣчаетъ Шлейермахеръ, исключены только чувственныя впечатлѣнія *τὰ παθήματα*, а все прочее должно разумѣть подъ нимъ (т—же, с. 503. Срав. Бониць I, с. 50. Прим. 46). Но повидимому слово представленіе особенно нравится критикѣ потому, что оно есть опредѣленный для насъ терминъ, обозначающій элементъ понятія и стоящій такимъ образомъ, въ психическомъ процессѣ знанія чего нибудь посрединѣ между ощущеніемъ и понятіемъ. Согласно съ этимъ Риббингъ замѣчаетъ, что безъ анализа понятія *δόξα* въ изслѣдованіи Платона о знаніи былъ бы *giatus* (т—же, I, с. 157. См. Kleinraul, *Der Begriff der Erkenntniss etc.* с. 22 и слѣд.).

Не смотря однако на одинаковое почти толкованіе слова *δόξα*, не всѣ одинаково объясняютъ постановку Платономъ вопроса объ этомъ понятіи въ нашемъ діалогѣ, а потому не всѣ одинаково понимаютъ взглядъ его на отношеніе *δόξα* къ *ἐπιστήμη*. Существенный пунктъ различія критики въ объясненіи нашего мѣста составляетъ изслѣдованіе Платона о томъ какъ возможно ложное мнѣніе. Суземиль, почти тождественно съ Штейнгартомъ, утверждаетъ что весь ходъ доказательства во второй главной части діалога есть слѣдующій. Въ первомъ отдѣлѣ (187 °—191) оспаривается возможность ложнаго мнѣнія вообще; во второмъ (191^a—195^b) оно изъяснено какъ смѣшеніе представленія и ощущенія; въ третьемъ (195 °—201 °) — какъ смѣшеніе представленій между собою. Такимъ образомъ правильное представленіе не можетъ быть тождественно съ знаніемъ, ибо тогда была бы уничтожена возможность заблужденія, что однако доказывается (т—же, с. 198—9). Также рассуждаетъ Целлеръ. Если бы правильное представленіе было знаніемъ, то нельзя было бы объяснить возможности ложнаго представленія

(т—же, II. I. с. 369). Но между тѣмъ какъ Суземиль полагаетъ, что на 191^a—195^b Платонъ объясняетъ возможность ложнаго мнѣнія какъ смѣшеніе представленія и ощущенія, а на 195^c—201^c— какъ смѣшеніе представлений между собою, Целлеръ эти самыя страницы діалога читаетъ въ томъ смыслѣ, что Платонъ доказываетъ на нихъ дѣйствительно невозможность ложнаго представленія, при условіи что знаніе есть правильное мнѣніе. Тѣмъ не менѣе въ выводѣ Суземиль и Целлеръ совершенно сходятся. Такъ Целлеръ говоритъ: знаніе и правильное представленіе не можетъ быть одно и то же, ибо правильное представленіе не исключаетъ возможности ложнаго, но чрезъ знаніе оно совершенно исключается. Суземиль: знаніе исключаетъ заблужденіе, правильное же представленіе не исключаетъ ложнаго. Представленіе можетъ быть истинно и ложно, продолжаетъ Целлеръ, знаніе же только истинно; нельзя ложно знать, но только знать или не знать (т—же, с. 370). Мнѣніе Суземиля, что Платонъ въ нашемъ мѣстѣ доказываетъ возможность ложнаго представленія, раздѣляетъ и Риббингъ, утверждая впрочемъ, что какъ это мѣсто діалога ни значительно въ отношеніи къ психологійи и теоріи познанія, однако въ отношеніи къ развитію системы Платона и его идеальнаго ученія оно есть не что иное какъ эпизодъ (т — же, с. 161 — 3. Прим. 319. Срав. прим. 336). Впрочемъ такъ какъ Риббингъ все это мѣсто діалога изъясняетъ оригинально, то о его взглядѣ будетъ говорить отдѣльно. Здѣсь же можно замѣтить, что источникъ изложеннаго выше сходнаго мнѣнія Целлера и Суземиля есть, повидимому, Шлейермахеръ, который однако былъ гораздо осторожнѣе своихъ послѣдователей. Именно онъ говоритъ: изслѣдованіе того мнѣнія, что знаніе есть правильное представленіе пораждаетъ прежде всего трудную попытку опредѣлить область ложнаго представленія и сопредѣльно съ нею область знанія—попытку, которую Со-

кратъ потомъ объявилъ неудовлетворительною. Отсюда также выступаетъ очень опредѣленное хотя и нерѣзко высказанное слѣдствіе (авторъ пишетъ *nur ebenfalls*, указывая этимъ на ту свою мысль, что Платонъ въ нашемъ діалогѣ многія слѣдствія предоставилъ вывести самому читателю (с. 175), что *чистое* знаніе вовсе не можетъ лежать въ одной области съ заблужденіемъ, и въ знаніи нельзя различать истиннаго и ложнаго, а только владѣніе имъ, или не владѣніе. Послѣ этого Платонъ очень коротко раздѣляется съ самимъ положеніемъ, что знаніе есть правильное представленіе, выставляя общепризнанное различіе между правильнымъ представленіемъ, которое можетъ быть получено и посредственно, и знаніемъ, которое всегда и относительно всѣхъ вещей только непосредственно (т — же, с. 176 — 7). Можно замѣтить при этомъ, что Шлейермахеръ своимъ выраженіемъ «посредственно и непосредственно» короче самого Платона раздѣлялся съ даннымъ положеніемъ о знаніи. Но какъ бы то ни было, Целлеръ и Суземиль, идя въ объясненія нашего мѣста по слѣдамъ Шлейермахера съ самою полною *bona fide*, въ указанномъ выше опытномъ доказательствѣ Платона противъ положенія, что знаніе есть правильное мнѣніе, видятъ только прибавокъ къ тому, что слѣдуетъ теоретически изъ вопроса о возможности ложнаго представленія, не замѣчая, что говоря такъ они повторяютъ только фактъ, т.-е. читаютъ мѣсто діалога не объясняя его.

Противъ изложеннаго выше взгляда на такъ называемую вторую часть діалога возсталъ Боницъ, направляя удары впрочемъ на одного только Суземиля. Онъ говоритъ: о возможности заблужденія нѣтъ рѣчи во всемъ данномъ отдѣлѣ; эта возможность не подлежитъ ни сомнѣнію ни оспариванію ни доказательству; Платонъ ни однимъ словомъ не даетъ намъ права на такое положеніе. Кто объясняетъ знаніе какъ правильное представленіе, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ уже какъ фактъ то, что рядомъ съ правиль-

нымъ есть другое неправильное. Не этотъ фактъ или его возможность подвергнуты сомнѣнію, но ищется объяснить, какъ мы должны мыслить психическое состояніе при происхожденіи заблужденія. Платонъ говоритъ это ясно, когда ставитъ вопросъ: τί ποτ' ἐστὶ τοῦτο τὸ πάθος παρ' ἡμῖν καὶ τίνα τρόπων ἐγγιγνόμενον; (187^d). Такимъ образомъ здѣсь дѣло идетъ о психологическомъ объясненіи; удастся ли оно, или нѣтъ, фактъ заблужденія самъ по себѣ и для Платона остается неприкосновеннымъ и неоспоримымъ. Если бы Платонъ писалъ на тему Суземля: знаніе исключаетъ заблужденіе, правильное же представленіе не исключаетъ ложнаго и т. д., то онъ долженъ бы былъ направить свою рѣчь противъ соединенія признака ἀληθείς съ δόξα въ опредѣленіи знанія, ибо эта необходимость признать въ предѣлахъ δόξα границы правильного и неправильнаго доказывала бы, что понятіе знанія соединено съ нимъ ошибочно; но у Платона нѣтъ и слѣда такой мысли (Studien I. с. 69—70). Мы оцѣнимъ въ послѣдствіи этотъ взглядъ Боница; здѣсь же замѣтимъ, что онъ однако ничего не говоритъ о томъ, изъяснилъ ли Платонъ въ своемъ трактатѣ о ложномъ представленіи психическія условія этого явленія или нѣтъ; онъ утверждаетъ только, что во всей второй главной части діалога должно строго различать два отдѣла: изслѣдованіе психическихъ условій заблужденія и доказательство того, что правильное представленіе не есть еще знаніе. Доказательство это состоитъ въ простомъ указаніи на фактъ, при чемъ прежнее изслѣдованіе психическихъ условій оставлено совершенно безъ вниманія (т — же, с. 67 — 8). Согласно съ этимъ утверждая, что по мысли и намѣренію Платона въ психологическомъ изслѣдованіи его о заблужденіи не дано доказательства для различія правильнаго представленія отъ знанія, Боницъ высказывается противъ того, чтобы въ послѣднемъ отдѣлѣ нашего мѣста 200^d — 201^e видѣть только прибавокъ къ прежнему доказательству дан-

наго различія, какъ разсуждаетъ Суземиль и другіе (т—же, с. 70—1).

Достопримѣчательно то, говоритъ Риббингъ, что Платонъ въ критикѣ $\delta\acute{o}\xi\alpha$ не выходитъ изъ того вопроса, который намъ, безъ сомнѣнія, кажется первымъ и самымъ натуральнымъ, именно вопроса о томъ, могутъ ли представленія въ душѣ быть разсматриваемы какъ имѣющія значеніе для пониманія *вещей*. Въмѣсто этого понятіе $\delta\acute{o}\xi\alpha$ и его значеніе для знанія анализируется и критикуется здѣсь съ точки зрѣнія реальности представленій какъ знанія (т—же, I. с. 159). Это замѣчаніе могло бы открыть Риббингу горизонтъ того философскаго воззрѣнія, подъ угломъ котораго исполнена Платономъ его работа по вопросу объ отношеніи $\delta\acute{o}\xi\alpha$ къ $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\eta\mu\eta$. Но къ несчастью мысль замѣчанія осталась безплодною для Риббинга и, какъ увидимъ ниже, она неправильно понята имъ. Она нужна была ему только для того, чтобы продолжать свое изслѣдованіе совершенно въ духѣ Шлейермахера и Суземиля. Именно онъ объясняетъ далѣе Платона такимъ образомъ: такъ какъ есть ложныя представленія, то въ доксѣ какъ такой нѣтъ критерія ея истины, и обладаніе представленіемъ хотя бы и истиннымъ, —хорошо прибавляетъ Риббингъ, но къ сожалѣнію не объясняетъ почему такъ—не есть дѣйствительное знаніе (т—же, с. 163). Что же касается до трактата Платона о ложномъ мнѣніи, то Риббингъ, повидимому, понимаетъ его въ смыслѣ изслѣдованія возможности ложнаго мнѣнія, и толкуетъ, что эта возможность указана Платонъ въ $\alpha\lambda\lambda\omicron\delta\omicron\zeta\iota\alpha$ или $\epsilon\tau\epsilon\rho\omicron\delta\omicron\zeta\iota\alpha$ (т—же, с. 161), хотя Платонъ, какъ мы видѣли, различаетъ одно отъ другаго. При этомъ нельзя не замѣтить еще одной очень важной неосторожности Риббинга, которая состоитъ въ перенесеніи доказательствъ Платона отъ одного положенія на другое. Именно, что Платонъ говоритъ о мнѣніяхъ какъ о голубяхъ, пользуясь этимъ сравненіемъ для доказательства *кажущейся* возможности лож-

наго мнѣнія въ смыслѣ ἐπιστημῶν μεταλλαγή, и о восковой массѣ—для доказательства *кажущейся* возможности ложнаго мнѣнія въ смыслѣ ἑτεροδοξία, — то все Риббингъ толкуетъ какъ доказательства невозможности объяснить знаніе какъ правильное представленіе (т—же, с. 161—2).

Итакъ, какъ же поставленъ Платономъ вопросъ о δόξα? Или другими словами: какое значеніе въ изслѣдованіи о томъ, есть ли знаніе правильное мнѣніе, имѣетъ трактатъ о ложномъ мнѣніи? Изъясняетъ ли Платонъ здѣсь условія ложнаго мнѣнія какъ факта, или изслѣдуетъ возможность этого факта, притомъ полагаетъ ли эту возможность, или отрицаетъ? Но прежде всего, что есть Платонова δόξα? Справедливо говоритъ Шлейермахеръ, что въ этомъ словѣ исключены только τὰ παθήματα, а все прочее должно разумѣть подъ нимъ (кромѣ однако понятія знанія). Гротъ говоритъ, что подъ словомъ δόξα у Платона должно разумѣть болѣе сложное состояніе духа, чѣмъ ощущеніе: она слагается изъ ассоціаціи, памяти, раздѣленія, сравненія ощущеній, абстракціи и обобщенія (т—же, II. с. 377). Но если бы мы пожелали болѣе точнымъ образомъ опредѣлить слово δόξα въ его Платоновскомъ смыслѣ, то несомнѣнное, что могли бы мы сказать въ этомъ случаѣ, по всей справедливости, было бы только то, что δόξα, какъ рѣшительно заявляетъ это Платонъ въ Менонѣ, не то же, что ἐπιστήμη (98 °).

Употребленіе и значеніе у Платона понятія δόξα можетъ быть предметомъ совершенно особаго изслѣдованія, и притомъ не менѣе интереснаго какъ изслѣдованіе о понятія знанія. Притомъ должно замѣтить, что оба эти понятія какъ въ философскомъ мышленіи Платона, такъ и во всей греческой философій находятся въ такой связи между собою,

что изъясняются одно изъ другаго. Но хотя взаимное значеніе этихъ понятій въ самомъ дѣлѣ было такъ ясно во всей греческой философiи, что еще Парменидъ строго различалъ δόξα βροτέϊα отъ πιστὸς λόγος (Ritter et Preller, N. phil. etc. § 149), и Сократъ утверждалъ, что если что нибудь онъ знаетъ, то это именно то, что ἐπιστήμη не тоже что δόξα, хотя бы и ὀρθή, однако и Аристотель, очевидно, искалъ еще содержанія этихъ понятій. Потому нѣтъ ничего особенно страннаго въ томъ, что Платонъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій употребляетъ эти понятія въ разныхъ смыслахъ. Напрасно удивляется этому Гротъ и думаетъ объяснить это неопредѣленностію психологическихъ понятій какъ вообще на языкѣ психологiи, такъ въ особенности на языкѣ Платона (т — же, Vol. II. с. 374. Срав. Боницъ Stud. с. 45). Тоже разнообразіе значенія этихъ понятія встрѣчаемъ мы и у Аристотеля. Дѣло въ томъ, что для Платона какъ и для Аристотеля понятія — δόξα и ἐπιστήμη, равно какъ и понятія λόγος, αἴσθησις и др. не были готовые термины опредѣленныхъ психическихъ состояній или дѣятельности, но понятія искомыя относительно ихъ содержанія, и имѣютъ мѣсто въ ихъ мышленіи не систематически, но методически. Иначе и не могло быть при той философской задачѣ, въ которой играютъ роль эти понятія. Кто понимаетъ правильно эту задачу, тотъ пойметъ въ истинномъ свѣтѣ и все разнообразіе смысла, въ которомъ встрѣчаются данныя понятія какъ у Платона такъ и у Аристотеля, и согласится съ Платономъ, что οὐ περὶ ὀνομάτων ἐστὶ ἢ ἀμφισβήτησις οἷς τῶσούτων περὶ σκέψις, ὅσων (т.-е. δόξης καὶ ἐπιστήμης) ἡμῖν πρόκειται, какъ онъ говоритъ въ Ресоубликѣ 533°. Въ означенномъ мѣстѣ Ресоублики Платонъ разсуждаетъ именно о различіи между δόξα и ἐπιστήμη. Здѣсь Платонъ хотѣлъ различить оба эти понятія какъ по проявленію ихъ, такъ и по объектамъ, на которые онѣ направлены. Званіе проявляется или какъ собственно

знаніе, что Платонъ обозначаетъ или словомъ ἐπιστήμη (срав. Sympos. 210^c) или словомъ νόσις, или даже словомъ νοῦς (срав. Tim. 29^c 37^b, 31^d Phil. 66^b). Объектъ его есть ἰδέα. Въ другомъ видѣ знаніе есть διάνοια (срав. Tim. 37^b) и объектъ его есть μαθηματικά. Мнѣніе напротивъ проявляется или какъ πίστις, при чемъ объектъ его есть σώματα, или какъ εἰκασία, объектъ которой суть εἰκόνες. (Въ соотвѣтствіе съ этимъ рекомендуется прочесть мѣсто изъ Аристотеля de An. 1. 2. 404^b). Но Платонъ, очевидно, самъ видѣлъ, что данные термины не тверды, и потому прибавилъ вышеозначенное примѣчаніе. Тѣмъ болѣе однако это мѣсто Республики должно быть интересно для критики, что оно ясно указываетъ на то, что δόξα и ἐπιστήμη были для Платона, какъ сказано, понятіями искомыми въ ихъ содержаніи. Такимъ образомъ подъ понятіемъ δόξα Платонъ, по видимому, разумѣетъ и чувственное ощущеніе, когда говорить въ Тимеѣ (37^b), что въ формѣ πίστις она имѣетъ предметомъ своимъ σώματα, между тѣмъ какъ въ Θεэтетѣ онъ рѣзко отличаетъ одно отъ другаго. Въ этомъ отношеніи нашему діалогу противоположно также слѣдующее мѣсто въ Тимеѣ: ἔστιν οὖν δὴ κατ' ἐμὴν δόξαν πρῶτον διαιρετέον τάδε. Τί τὸ ὄν αἰεί, γένεσιν δὲ οὐκ ἔχον, καὶ τί τὸ γιγνόμενον μὲν αἰεί ὄν δὲ οὐδέποτε, τὸ μὲν δὴ νοήσει μετὰ λόγου περιληπτόν, αἰεί κατὰ ταῦτα ὄν, τὸ δ' αὖ δόξῃ μετ' αἰσθήσεως ἀλόγου δοξαστόν, γιγνόμενον καὶ ἀπολλύμενον, ὄντως δὲ οὐδέποτε ὄν (Tim. 24^d. Срав. 32^a). Въ Филебѣ опять нѣсколько иначе о δόξα: οὐκοῦν ἐκ μνήμης τε καὶ αἰσθήσεως δόξα ἡμῖν καὶ τὸ διαδοξάζειν ἐγχερεῖν γίγνεθ' ἑκάστοτε (Phil. 38^c). Еще иначе представляется у Платона δόξα, когда онъ опредѣляетъ ее какъ элементъ представленія (φαντασία), говоря что φαντασία есть σύμμιξις αἰσθήσεως καὶ δόξης (Soph. 264^{a b}).

Этихъ указаній достаточно для того, чтобы понять, какъ трудно улавливалось Платономъ содержаніе понятія δόξα. Но въ интересѣ изслѣдованія о классическомъ значеніи по-

нятіи δόξα и ἐπιστήμη, не лишнимъ будетъ сблизить и Аристотеля съ Платономъ. По взгляду Аристотеля δόξα имѣетъ предметомъ хотя и истинное, но не необходимое (An. poster. I, 38^b 30. Срав. Met. 1008^b 30. 1039^b 34). Область ея впрочемъ не ограничивается простыми непосредственными сужденіями, но она можетъ имѣть мѣсто и въ заключеніяхъ изъ принциповъ (Analyt. post. I. 81^b 18). Согласно съ этимъ Аристотель говоритъ въ другомъ мѣстѣ (Eth. Nicom. 1111^a 31) ἢ μὲν γὰρ δόξα δοκεῖ περὶ πάντα εἶναι, καὶ οὐδὲν ἦττον περὶ τὰ αἰδία καὶ τὰ ἀδύνατα ἢ τὰ ἐφ' ἡμῖν. Вообще δόξα по Аристотелю есть единственно возможная форма того мышленія, которое идетъ путемъ экспериментовъ; потому δόξα есть сфера діалектики, ибо διαλεκτικὴ ἐστὶ πειραστικὴ (Met. 1004^b 24. Срав. объ этомъ въ Анализѣ Менона с. 99 и слѣд.). Далѣе вся область вѣроятнаго въ мышленіи есть область δόξα (Analyt. pr. II. 70^a 3); все разнообразіе природы, какъ предметъ изученія, также есть предметъ мнѣнія (Anal. post. I. 87^a 31). Однако Аристотель, который очевидно также хотѣлъ выяснитъ понятіе δόξα только чрезъ указаніе на проявленіе ея въ разныхъ отправленияхъ мышленія, яснѣе Платона представлялъ себѣ содержаніе этого понятія. Такъ онъ рѣшительно не соглашается съ Платономъ, чтобы представленіе было смѣшеніемъ ощущенія съ мнѣніемъ οὐδὲ δόξα μετ' αἰσθήσεως οὐδὲ αἰσθήσεως οὐδὲ συμπλοκὴ δόξης καὶ αἰσθήσεως φαντασία ἐστίν. (De An. 428^a 25). Такъ солнце, замѣчаетъ Аристотель, кажется намъ величиною не болѣе фута, а по мнѣнію, основанному на убѣжденіи, мы считаемъ его болѣе земли (De An. 428^b 3). Но, какъ уже было сказано, Аристотель и Платонъ и вся классическая философія одинаково сознавали, что δόξα не то же что ἐπιστήμη. Невозможно, говоритъ Аристотель, чтобы знаніе и мнѣніе о какомъ-либо предметѣ было въ индивидѣ въ одно и то же время (Anal. post. I, 89^a 33 и 38 слѣд.). Ибо δόξαζομεν ἃ οὐ πάνυ ἴσμεν (Eth. Nicom. 1112^a 8). Одинако-

вымъ образомъ Платонъ въ Республикѣ ставитъ понятіе δόξα посрединѣ между γνῶσις и ἀγνοσία (477^{a b}. Срав. Sympos. 202). Въ томъ же мѣстѣ Республики (477^b) знаніе характеризуемо понятіемъ бытія: ἐπιστήμη ἐπὶ τῷ ὄντι πέφυκε, такъ что вполнѣ познаваемо—сказано—то что вполнѣ существуетъ: τὸ παντελῶς ὄν παντελῶς γνωστόν. Аристотель совершенно тождественно съ Платономъ отрицаетъ несущее изъ сферы знанія οὐκ ἐστὶ τὸ μὴ ὄν ἐπίστασθαι (Analyt. post. 71^b 25), говоритъ онъ и утверждаетъ, что въ противоположность мнѣнію, предметомъ котораго можетъ быть случайное и преходящее, подлинный предметъ знанія есть необходимое и всеобщее: οὐ ἀπλῶς ἐστὶν ἐπιστήμη, τοῦτ' ἀδύνατον ἄλλως ἔχειν (Analyt. post. 71^b 15. Ср. 87^b 37). Туже самую мысль Платонъ особенно характерно обозначаетъ выраженіемъ αἰτίας λογισμός (Men. 98^a). Аристотель также учитъ что содержаніе подлиннаго знанія есть разумѣніе αἰτίας, δι' ἣν τὸ πράγμα ἐστὶν — καὶ μὴ ἐνδέχεται ἄλλως ἔχειν — τοιοῦτόν τι τὸ ἐπίστασθαί ἐστι (Anal. post. 71^b 9). Оба философа согласны другъ съ другомъ также по вопросу о происхожденіи знанія и мнѣнія. Такъ Платонъ говоритъ, что знаніе διὰ διδαχῆς, а мнѣніе ὑπὸ πειθοῦς ἡμῖν ἐγγίγνεται (Tim. 51^e, срав. Gorg. 454^e. Theaet. 201^a). Равнымъ образомъ Аристотель утверждаетъ, что мнѣніе основывается на убѣжденіи. Животныя не имѣютъ мнѣнія, потому что способны къ однимъ только представленіямъ, а не къ убѣжденію: будь животныя способны къ убѣжденію, тогда бы отъ представленія дѣйствующаго на нихъ хотѣніе онѣ путемъ заключенія достигли бы мнѣнія (De anim. 428^a 16, т — же, 434^a 2). Однако настоящее мѣсто заключенія по Аристотелю не въ сферѣ мнѣнія, а въ сферѣ знанія. Здѣсь оно выступаетъ съ необходимостію ἐκ τῶν κατ' ἀλήθειαν προτάσεων, въ противоположность заключенію ἐκ τῶν κατὰ δόξαν (Anal. pr. 46^a 8. Срав. Top. I. 100^a 27, 29). Заключение въ сферѣ знанія есть подлинное доказательство, ἐξ ἀναγ-

καίων ἄρα συλλογισμός ἐστὶν ἢ ἀπόδειξις (Anal. post. I. 73^a 24), такъ какъ не всякое заключеніе есть доказательство ἢ μὲν γὰρ ἀπόδειξις συλλόγισμός τις, ὁ συλλόγισμός δὲ οὐ πᾶς ἀπόδειξις (Anal. pr. 25^b 28). Доказательство, на которое опирается знаніе, Аристотель называетъ συλλογισμός ἐπιστημονικός (Anal. post. 71^b 18). Туже идею ученаго силлогизма Платонъ въ Менонѣ выражаетъ чрезъ понятіе δεσμός, чѣмъ, по его мнѣнію, знаніе существенно отличается отъ мнѣнія (Men. 98^a), а въ Тимеѣ чрезъ понятіе ἀληθῆς λόγος (51°). Впрочемъ и Аристотель совершенно тождественно говоритъ: ἐπιστήμη ἅπασα λόγου ἐστὶ (Anal. post. 100^b 10). По содержанію связанное съ подлинно сущимъ, а по происхожденію основанное на разумѣнии причины, знаніе далѣе, какъ для Платона такъ и для Аристотеля, есть всегда истинное. Τὸ μὲν (т.-е. ἐπιστήμη, или νοῦς какъ собственно обозначено въ данномъ мѣстѣ понятіе знанія), ἀεὶ μετὰ ἀληθοῦς λόγου, сказано въ Тимеѣ (51^o). Тоже въ Горгіѣ: ἐπιστήμη ἐστὶ ψευδῆς καὶ ἀληθῆς; οὐδ' αὖτως (434^d). Аристотель тождественно: ἀληθῆ ἀεὶ ἐπιστήμη καὶ νοῦς (Anal. post. 100^b 6) или: οὐδὲ τῶν ἀεὶ ἀληθεύόντων οὐδεμία (т.-е. ἕξις) ἔσται οἷον ἐπιστήμη ἢ νοῦς (De an. 428^a 16) или: νοῦς μὲν οὖν πᾶς ὀρθός (т—же, 433^a 26). Знаніе какъ истинное устойчиво противъ всякаго убѣжденія; между тѣмъ мнѣніе подлежитъ разубѣжденію; τὸ μὲν ἀκίνητον πειθοῖ τὸ δὲ μεταπειστόν, говоритъ Платонъ про то и другое въ Тимеѣ (51°). Сорершенно въ томъ же смыслѣ говоритъ Аристотель: ἐπίστασθαι δὲ οἰόμεθα ἕκαστον ἀπλῶς, ἀλλὰ μὴ τὸν σοφιστικὸν τρόπον τὸν κατὰ συμβεβηκός (An. post. 71^b 9. Срав. Met. 1026^b 13. 1061^b 7). Наконецъ тотъ и другой философъ смотрятъ на знаніе какъ на принадлежность боговъ и только нѣкоторыхъ изъ людей, между тѣмъ какъ мнѣніе доступно всѣмъ; τοῦ μὲν, говоритъ Платонъ про мнѣніе, πάντα ἄνδρα μετέχειν φατέον, νοῦ δὲ θεοῦς, ἀνθρώπων γένος βραχύ τι Tim. 51°) Аристотель: μανθάνειν οὐ μόνον τοῖς φιλοσόφοις ἤδιστον, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις

ὁμοίως, ἀλλ' ἐπὶ βραχὺ κοινωνοῦσιν αὐτοῦ (Poet. 1448^b 13).
Въ соотвѣтствіе съ этимъ можно привести пластическое
выраженіе Аристотеля, что просто знаніе принадлежит не
всѣмъ, но тѣмъ лишь, чье мышленіе построено правильно,
подобно тому какъ просто здоровье принадлежит только
тѣмъ, кто тѣлесно вполне благоденствуетъ (Top. 142^a 9
Срав. 163^b 13): таковъ въ отношеніи къ знанію ὁ φύσει φι-
λόσοφος (De part. anim. 645^a 10). Платонъ точно также един-
ственнойю обладательницею знанія считаетъ философію: ἡ
φιλοσοφία κτήσις ἐπιστήμης (Euthyd. 288^d) и говоритъ что
она одна изъ всѣхъ знаній есть знаніе само для себя.
(Charm. 166^e).

Какъ однако ни обильны сдѣланные нами выписки изъ
Платона и Аристотеля о δόξα и ἐπιστήμη, но мы напрасно
искали бы въ нихъ опредѣленія психологическаго содержа-
нія этихъ понятій. Оба эти понятія у Платона и Аристо-
теля имѣютъ мѣсто лишь въ критическомъ ихъ мышленіи,
т.-е. какъ понятія, объективное содержаніе которыхъ должно
быть найдено путемъ критики подлежащихъ явленій. То
лишь есть данное въ этой критикѣ, что δόξα не тоже что
ἐπιστήμη, но что такое δόξα и что такое ἐπιστήμη—это дол-
жно быть дано критикою. Однако, какъ бы ни выступало
черезъ критику объективное содержаніе этихъ понятій, во
всякомъ случаѣ Платонова δόξα вовсе не есть то, что наше
представленіе или нѣмецкое *Vorstellung*. Та учебная клас-
сификація формъ, на которыя мы разлагаемъ такъ называе-
мую въ психологіи познавательную способность нашей ду-
ши, именно: ощущеніе, представленіе и понятіе, не была
усвоена Платономъ какъ программа критики духовныхъ яв-
леній, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ примѣра, чтобы по-
нятіе δόξα было употреблено Платономъ въ нашемъ модер-
номъ смыслѣ представленія. Представленіе какъ умственная

концепція чуттєвого явленія внѣ ощущенія у Платона какъ и у Аристотеля обыкновенно обозначается словомъ φαντασία, или, какъ въ нашемъ діалогѣ, онъ пользуется въ этомъ случаѣ словомъ διάνοια (195^с). Согласно съ этимъ мы рѣшительно отвергаемъ, чтобы въ постановкѣ Платономъ вопроса о δόξα какъ ὀρθή δόξα и ὀρθή δόξα μετὰ λόγου, послѣ разсмотрѣннаго вопроса объ αἴσθησις, имъ руководила мысль изобразить генетическое развитіе мыслительнаго процесса, какъ утверждаетъ Штейнгартъ (III. с. 19. 94), съ которымъ совершенно соглашается и Суземиль (т—же, с. 208). Понятая болѣе точно δόξα Платона есть не что иное какъ наше мнѣніе, — понятіе, которое и мы употребляемъ въ отличіе отъ знанія, хотя у Платона δόξα далѣе отстоитъ отъ ἐπιστήμη, чѣмъ наше мнѣніе отъ знанія, а δόξα Аристотеля, какъ можно видѣть изъ предшествующихъ указаній, ближе даже къ нашему знанію, чѣмъ къ мнѣнію.

Какъ всегда различіе значенія тождественныхъ по своему общему употребленію словъ на двухъ языкахъ объясняется изъ различія ихъ функцій въ системѣ цѣлаго міровоззрѣнія лежащаго въ основѣ того и другаго языка, такъ и въ нашемъ случаѣ мы тогда лишь усвоимъ себѣ подлинно Платоновское значеніе понятія δόξα, по отношенію его къ понятію ἐπιστήμη, если не выйдемъ изъ горизонта того философскаго воззрѣнія, подъ угломъ котораго рѣшаетъ онъ данный вопросъ. Оригинальность этого воззрѣнія чувствуется въ самой постановкѣ вопроса о мнѣніи; ибо вопросъ этотъ поставленъ не просто: не есть ли мнѣніе тоже что знаніе, но — правильное или истинное мнѣніе, ὀρθή, ἀληθής δόξα есть ли знаніе? Не странно ли спрашивать объ этомъ, особенно если возьмемъ въ расчетъ то, что по Платону (и по Аристотелю) знаніе неизбежно истинно? Какимъ же образомъ истинное мнѣніе можетъ быть отлично отъ знанія? Развѣ истина отлична отъ истинны? Однако Платонъ не только спрашиваетъ объ этомъ, но и рѣшительно отри-

цаетъ, чтобы истинное мнѣніе было знаніемъ. Но между тѣмъ какъ для насъ это такъ просто, что мы пользуемся даже этимъ психологическимъ различіемъ мнѣнія отъ знанія въ тысячахъ случаевъ жизни, твердо увѣренные въ томъ, что мнѣніе чье либо о чемъ нибудь, хотя бы и истинное, если не провѣрено имъ по путямъ знанія, все таки для него не есть знаніе; для Платона это было отрицаніемъ истиннаго въ истинномъ. И между тѣмъ какъ мы переживаемъ эту мысль психически безъ всякой боли, Платонъ высказываетъ ее только въ результатѣ долгой и упорной борьбы за существованіе объекта, въ жертву которому принесено имъ даже ежедневное явленіе въ жизни — ложное мнѣніе.

Итакъ вопреки Боницу и нѣкоторымъ другимъ мы утверждаемъ здѣсь, что Платонъ въ нашемъ діалогѣ отрицаетъ ложное мнѣніе, или точнѣе утверждаетъ, что ложное мнѣніе не возможно. Но вмѣстѣ съ этимъ мы не хотимъ оспаривать Боница въ томъ, что «фактъ ложнаго мнѣнія самъ по себѣ и для Платона остается неприкосновеннымъ и неоспоримымъ.» Для Зенона фактъ движенія также былъ неприкосновененъ, однако Зенонъ отрицалъ движеніе. Фактъ остается фактомъ, но мыслимость факта, или что то же — рациональная возможность его не въ сферѣ опыта, но въ сферѣ мышленія — вотъ что въ томъ и другомъ случаѣ отрицается философами. Это замѣчаніе должно представить въ истинномъ свѣтѣ то, въ какомъ смыслѣ студировалъ Платонъ въ нашемъ діалогѣ вопросъ о $\delta\acute{o}\xi\alpha$. Боницъ утверждаетъ, что Платонъ изслѣдуетъ здѣсь психическое состояніе при заблужденіи. Дѣйствительно Платонъ говоритъ о психическомъ состояніи, но онъ не изучаетъ его такъ, какъ врачъ изучаетъ данное состояніе организма въ извѣстной болѣзни, но анализируетъ его какъ понятіе, съ тѣмъ чтобы опредѣлить его по его содержанію, какъ такое состояніе души, *которое могло бы быть мыслимо какъ состояніе ложнаго мнѣнія.* И что же оказывается? Оказывается, что такое со-

стояніе души не мыслимо, что ложное мнѣніе не возможно ни какъ ἀλλοδοξία ни какъ ἑτεροδοξία, ни какъ ἐπιστημῶν μεταλλαγή. Однако тотъ психическій фактъ, что душа способна имѣть ложное мнѣніе, чрезъ это ни мало не уничтожается. Ибо анализъ Платона не касается ложнаго мнѣнія какъ подлежащаго психическаго факта, но роціональной возможности или просто мыслимости его какъ понятія. Этотъ анализъ, не есть психологическій анализъ, какъ думаетъ Боницъ, но метафизическій, т.-е. анализъ не явленія, но понятія со стороны положенія его въ абстрактномъ мышленіи въ ряду другихъ сопредѣльныхъ понятій, подобно тому какъ анализъ движенія у Зенона не есть анализъ его какъ механическаго явленія, но какъ понятія — мыслимо ли оно? Абстрактное мышленіе, какъ это было замѣчено и выше, было для Платона то зеркало, въ отраженіи котораго онъ хотѣлъ понять истину, какъ она дана въ явленіяхъ; и съ этого зеркала, съ этого метафизическаго плана мышленія мы не должны спускать глазъ, если хотимъ понимать Платона каковъ онъ самъ по себѣ, а не каковъ онъ въ перемѣшку съ нашими современными мнѣніями, какъ къ сожалѣнію не рѣдко реферируютъ его философію въ литературѣ.

Согласно съ сказаннымъ мы утверждаемъ, что вопросъ объ отношеніи понятія δόξα къ понятію ἐπιστήμη, какъ онъ поставленъ Платономъ въ нашемъ діалогѣ, есть вопросъ метафизическій. Такъ какъ данныя понятія, какъ изъяснено выше, были для Платона понятіями искомыми въ ихъ содержаніи, то весь смыслъ изслѣдованія настоящаго вопроса состоитъ именно въ отысканіи содержанія понятій, и въ этомъ планѣ рѣшенія задачи трактатъ о ложномъ мнѣніи имѣетъ значеніе *регулятора мысли объ отношеніи мнѣнія къ знанію*. Именно, вотъ планъ критической мысли Платона по данному вопросу. Чтобы принять положеніе, что знаніе есть истинное мнѣніе, нужно объяснить, какъ возможно та-

кое мнѣніе, которому не свойственъ ни одинъ признакъ знанія. Существенныя же признаки знанія, какъ мы видѣли выше у Платона (равно и у Аристотеля), суть истина и бытіе. Какъ же, разсуждаетъ Платонъ, возможно такое мнѣніе, объектъ котораго есть неистина и небытіе? Гдѣ тотъ предметъ, который можно было бы назвать предметомъ не истины и небытія? Такой предметъ не мыслимъ, ибо въ понятіи неистины и небытія отрицается самое понятіе предмета. Допуская ложное мнѣніе, мы должны допустить возможность съ одной стороны относительно себя самихъ — знаемое не знать, и съ другой относительно предмета — чему-то не сущему существовать отдѣльно отъ чего-то другаго не сущаго. Вотъ положеніе, о которое разбиваются въ мышленіи Платона всѣ возможные виды или формы ложнаго мнѣнія. Такъ, хотя повидимому ложное мнѣніе можетъ быть допущено въ формѣ смѣшенія ощущенія съ не соответствующимъ ему представленіемъ какъ *ἑτεροδοξία*, однако та же самая *ἑτεροδοξία* возможна и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста ощущенію, когда мнѣніе напримѣръ о томъ, что $5 + 7 = 11$, а не 12, имѣетъ дѣло, очевидно, съ тѣмъ, къ чему мы можемъ относиться непосредственно, помимо ощущенія, потому если оно есть ложное мнѣніе, то въ немъ значитъ также произошло смѣшеніе знанія съ незнаніемъ и бытія съ небытіемъ. Равнымъ образомъ какъ ни удовлетворительно, повидимому, изображеніе ложнаго мнѣнія въ формѣ *ἐπιστημῶν μεταλλαγή*, однако въ основѣ ея критика открываетъ тоже контрадикторное положеніе возможности зная что нибудь не знать того же, какъ буквально говоритъ это самъ Платонъ (199^a).

Итакъ, въ виду непреложнаго общераспространеннаго факта ложнаго мнѣнія, Платонъ отрицаетъ его. Кто читалъ Платонова Софиста, тотъ знаетъ, чего стоило ему помѣстить въ своемъ мышленіи этотъ всѣмъ извѣстный фактъ и удерживать его въ его раціональной возможности: ни больше ни

меньше какъ признать τὸ μὴ ὂν ἕτερον λόγον τοῦ ὄντος (257¹ и слѣд. до 264). Въ нашемъ же діалогѣ Платонъ нашель себя принужденнымъ утверждать грозную дилемму: или ложное мнѣніе не возможно, или возможно зная что нибудь не знать того же, чѣмъ, какъ мы уже видѣли, смущаетъ и соблазняетъ своихъ толкователей. Ибо одни какъ Боницъ толкуютъ его слова въ смыслѣ изслѣдованія психическаго состоянія при заблужденіи; другіе тѣ формы ложнаго мнѣнія, которыя Платонъ анализируетъ, чтобы показать несостоятельность въ мышленіи ложнаго мнѣнія какъ понятія, признаютъ за объяснительныя формы ложнаго мнѣнія какъ факта, или какъ Риббингъ—всѣ, или какъ Суземмль—только нѣкоторыя; иные наконецъ какъ Германнъ въ трактатѣ Платона о ложномъ мнѣніи видятъ просто на просто полемику его противъ отрицателей возможности ложнаго мнѣнія и мекаютъ на Антисѣена (т—же, с. 498 и прим. 489). Это подозрѣніе въ борьбѣ съ Антисѣеномъ поддерживааетъ Суземмль (т—же, с. 193) и частію Шлейермахеръ (т—же, с. 184). Но Антисѣенъ, какъ мы скоро увидимъ, никогда не отрицаль возможности ложнаго мнѣнія въ томъ смыслѣ какъ пзъяняетъ это Платонъ. Поводъ подставить въ нашемъ мѣстѣ Платону Антисѣена критика могла имѣть развѣ только въ словахъ Аристотеля, который, говоря о наивномъ мнѣніи (ᾧετο εὐήθως) Антисѣена, что мыслить можно будто бы только сложное, а не элементарное, прибавляетъ, что Антисѣенъ выводилъ отсюда μὴ εἶναι ἀντιλέγειν, σχεδὸν δὲ μηδὲ ψεύδεσθαι (Met. 1024^b 32). Если даже послѣднія слова принадлежатъ Антисѣену, то и это не даетъ намъ права ясныя выраженія Платона по вопросу о возможности ложнаго мнѣнія толковать подобно Германну въ обратномъ смыслѣ, только изъ-за того что тоже (хотя въ другомъ планѣ), говорилъ его противникъ. Намъ остается, конечно, только повторить здѣсь слова Платона, что или ложное мнѣніе не возможно, или если возможно, то возможно—зная не зная.

Мы не принуждены однако выбирать что нибудь изъ этой страшной дилеммы, мы должны лишь объяснить ее въ путяхъ мышленія Платона.

Мы сказали уже, что весь трактатъ о ложномъ мнѣніи имѣетъ въ нашемъ діалогѣ регулирующее значеніе по вопросу объ отношеніи мнѣнія къ знанію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы понятіе ложнаго мнѣнія, которое по анализу Платона означаетъ то, что мы зная не знаемъ, можно было въ этомъ видѣ удержать въ мышленіи, тогда истинное мнѣніе, какъ понятіе съ противоположнымъ признакомъ, въ опредѣленіи своемъ само собою падало бы въ формулу, что мы зная знаемъ, т.-е. опредѣлялось бы чрезъ понятіе знанія. Но такъ какъ понятіе ложнаго мнѣнія въ данномъ смыслѣ, очевидно, не можетъ быть удержано въ мышленіи, какъ понятіе внутренне противорѣчивое, то различіе истиннаго мнѣнія отъ ложнаго, само собою падаетъ въ мышленіи, и потому мышленіе не находитъ никакого метафизическаго основанія, чтобы понятіе истиннаго мнѣнія удержать при понятіи знанія какъ его подлинный предикатъ, т.-е. чрезъ анализъ ложнаго мнѣнія понятіе истиннаго мнѣнія и понятіе знанія метафизически разобщены одно отъ другаго въ мышленіи. Таково регулирующее значеніе трактата о ложномъ мнѣніи по вопросу о томъ, есть ли истинное мнѣніе знаніе. Трактатъ о ложномъ мнѣніи не есть такимъ образомъ случайный трактатъ во всемъ данномъ изслѣдованіи Платона, но то основное изслѣдованіе, на которомъ держится весь его взглядъ на отношеніе истиннаго мнѣнія къ знанію. Дѣйствительно, при обычномъ у Платона совершенно абстрактномъ употребленіи понятій въ критическомъ его мышленіи, безъ разбора ложнаго мнѣнія никакъ нельзя различить понятія истиннаго мнѣнія отъ понятія знанія, такъ какъ истина есть основная функція и знанія, а истина не отлична отъ истины. Прежняя критика, такъ сказать, кажется, только ходила около такого изъясне-

нія трактата Платона о ложномъ мнѣніи, когда не могли понять, какимъ образомъ Платонъ могъ бы отрицать ложное мнѣніе, она принимала его большею частію за изъясненіе самого факта ложнаго мнѣнія и лишь въ томъ смыслѣ давала ему регулирующее значеніе по вопросу объ отношеніи истиннаго мнѣнія къ знанію, что такъ какъ истинное мнѣніе не исключаетъ ложнаго, знаніе же исключаетъ заблужденіе, то истинное мнѣніе не то же что знаніе. Въ этомъ случаѣ критика опирается на одно мѣсто изъ Горгія, но Платонъ въ Горгіѣ формулируетъ такъ мысль о различіи просто мнѣнія отъ знанія, именно онъ говоритъ: ἀρ' ἔστι τις πίστις ψευδής καὶ ἀληθής; φαίης ἄν, ὡς ἐγὼ οἶμαι, ναί τί δέ; ἐπιστήμη ἔστι ψευδής καὶ ἀληθής; οὐδαμῶς. δῆλον γὰρ αὖ, ὅτι οὐ ταὐτόν ἐστιν (454^d). Впервые мысль одного діалога не измѣряетъ мысли другаго: въ данномъ мѣстѣ Горгія ложное мнѣніе берется какъ существующій фактъ вмѣстѣ съ фактомъ истиннаго мнѣнія и вопросъ о томъ какъ возможно мыслить этотъ фактъ здѣсь не имѣетъ мѣста. Между тѣмъ въ Феэтетѣ Платонъ употребилъ много силъ на изслѣдованіе вопроса о томъ, можно ли удержать въ мышленіи понятіе ложнаго мнѣнія, и, какъ мы видѣли, пришелъ по этому вопросу къ отрицательному заключенію. За чѣмъ же, спрашивается, было изслѣдовать ложное мнѣніе по его понятію, если бы мысль о ложномъ мнѣніи была нужна Платону только для того, чтобы противопоставить истинное мнѣніе знанію въ томъ, что оно не можетъ быть ложнымъ? Очевидно, что трактатъ о ложномъ мнѣніи имѣетъ въ нашемъ діалогѣ особое спеціальное значеніе, именно то, которое мы указали. Во вторыхъ, съ другой стороны, изъ того что мнѣніе можетъ быть истиннымъ и ложнымъ, а знаніе не можетъ быть такъ различаемо, слѣдуетъ только то, что мнѣніе не то же что знаніе, что собственно и утверждаетъ Платонъ въ означенномъ мѣстѣ Горгія, а не то, чтобы истинное мнѣніе было отлично отъ знанія. Платонъ этого не говоритъ здѣсь,

и пользованіе этимъ мѣстомъ Горгія для объясненія нашего мѣста въ Θεэтетѣ есть, очевидно, натяжка со стороны критики.

Впрочемъ данное нами значеніе трактату о ложномъ мнѣніи, быть можетъ, не было ясно и для самого Платона; по крайней мѣрѣ онъ нигдѣ не высказалъ того положенія, что если понятіе ложнаго мнѣнія не можетъ быть удержано въ мышленіи, то понятіе истиннаго мнѣнія не получаетъ въ мышленіи никакого метафизическаго опредѣленія, въ которомъ бы оно, какъ отличное отъ ложнаго мнѣнія, могло быть мыслимо какъ понятіе тождественное съ знаніемъ. Разсуждая въ стилѣ Шлейермахера, мы могли бы объяснить это, какъ намѣренное умолчаніе автора, желающаго предоставить читателю вывести заключеніе изъ даннаго изслѣдованія. Но мы болѣе расположены думать, что Платонъ потому не высказалъ даннаго вывода изъ своего изслѣдованія о ложномъ мнѣніи, что самъ не усвоилъ его себѣ со всею сознательностію. Нѣкто сказалъ, что должно различать то, что Платонъ говоритъ, отъ того что онъ хотѣлъ сказать; еще болѣе, думаемъ мы, должно умѣть понимать Платона въ тѣхъ мысляхъ, которыя хотя и не высказаны имъ, но которыя суть естественныя исходы діалектическаго тяготѣнія его мышленія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ трактатъ его о ложномъ мнѣніи имѣетъ указанное регулирующее значеніе не для него самого сознательно, но для его діалектическаго мышленія, и вполне ясенъ въ этомъ смыслѣ только для критики, которая способна овладѣть діалектическими путями его критической мысли. Между тѣмъ самъ Платонъ, хотя чрезъ критику понятія ложнаго мнѣнія и разобщилъ истинное мнѣніе отъ знанія, однако искалъ, повидимому, поддержки своему мнѣнію о не соизмѣримости истиннаго мнѣнія съ знаніемъ въ простомъ указаніи опыта. Такъ мы имѣ-

емъ далѣе въ діалогѣ двѣ страницы, на которыхъ положеніе что знаніе есть правильное мнѣніе опровергается тѣмъ фактомъ, что судьи и ораторы, хотя поражаютъ въ своихъ слушателяхъ совершенно правильныя мнѣнія о разсказываемыхъ событіяхъ, но знанія о нихъ не даютъ и дать не могутъ. Это доказательство отъ опыта развито въ отвѣтъ на случайно, какъ замѣтили мы въ своемъ мѣстѣ, повторенное здѣсь положеніе, что знаніе есть правильное мнѣніе — говоримъ случайно повторенное, потому что изъ путей мышленія Платона нельзя понять, какое значеніе могло имѣть въ немъ это опытное доказательство, послѣ того какъ чрезъ анализъ ложнаго мнѣнія порвана метафизическая связь истиннаго мнѣнія съ знаніемъ. Критика всегда чувствовала, что это мѣсто діалога появляется въ немъ какъ-то неожиданно и безсвязно, и потому смотрѣла на него или какъ на добавленіе къ изслѣдованію о ложномъ мнѣніи, чрезъ признаніе котораго, по мнѣнію ея, само собою отрицается тождество истиннаго мнѣнія съ знаніемъ, такъ какъ оно не можетъ быть ложно (Шлейермахеръ, Суземиль, Целлеръ), или какъ на фактическое опроверженіе того, что знаніе есть правильное мнѣніе — опроверженіе, при которомъ, какъ говоритъ Боницъ, прежнее изслѣдованіе психическихъ условій заблужденія оставлено совершенно безъ вниманія. Но критика не считала нужнымъ искать какого-либо ближайшаго объясненія этого мѣста въ нашемъ произведеніи Платона, — мѣста во всякомъ случаѣ несогласнаго съ методомъ классическаго мышленія. Мы же, какъ имѣли уже случай разъ высказать, всѣ подобныя явленія расположены объяснить не изъ намѣреній автора, а изъ постороннихъ вліяній. Такъ и здѣсь мы думаемъ имѣть достаточное объясненіе появленія этихъ страницъ въ діалогѣ въ томъ, что содержаніе ихъ дано было Платону въ бесѣдѣ Сократа съ Феэтетомъ, записанной Евклидомъ. Никто не скажетъ, чтобы основная мысль этихъ страницъ, что судьи и ораторы тѣ

ἑαυτῶν τέχνη πείθουσιν, οὐ διδάσκοντες, ἀλλὰ δοξάζειν ποιοῦντες ἃ ἂν βούλωνται (201^a) не годилась для различія истиннаго мнѣнія отъ знанія; напротивъ Сократъ съ большимъ успѣхомъ могъ указать на ораторовъ, чтобы объяснить Θεэтету различіе между тѣмъ и другимъ; и это указаніе естественно понравилось Платону, такъ что онъ пожелалъ дать ему мѣсто въ своемъ изслѣдованіи того же вопроса. Но между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ эта мысль Сократа могла бы слиться въ одно съ мыслями самого Платона, здѣсь, вслѣдствіе особаго, совершенно чуждаго Сократу настроенія критическаго мышленія Платона, она не сливается съ его мыслями и кажется случайнымъ, наноснымъ явленіемъ среди ихъ. Однако Гротъ напрасно ловитъ здѣсь Платона на противорѣчій будто бы самому себѣ, когда замѣчаетъ, что Платонъ въ настоящемъ случаѣ отождествляетъ знаніе съ чувственнымъ воспріятіемъ (т — же, с. 383. Прим. h). Легко понять, что когда знаніе различается отъ чувственнаго воспріятія Платономъ, или кѣмъ бы то ни было, то дѣло идетъ не о матеріальномъ различіи этихъ фактовъ психической жизни, но о различіи понятій по ихъ метафизическому смыслу, или содержанию. Что же касается до матеріальнаго содержанія знанія, то конечно знанія зеленаго цвѣта нигдѣ нѣтъ какъ только въ чувственномъ воспріятіи зеленаго предмета, или знанія того что Θεэтеть сидитъ нигдѣ нѣтъ какъ только въ чувственномъ воспріятіи этого положенія Θεэтета (Soph. 263^c). Точно также знаніе дороги въ Лариссу или куда нибудь есть только для того, кто ходилъ по ней, а всякій другой будетъ имѣть болѣе или менѣе лишь правильное о ней представленіе (Мен. 97^a). Итакъ въ противорѣчій себѣ Платонъ не уловимъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ діалога. Но это мѣсто, скудное въ діалектическомъ отношеніи и потому по содержанию своему не тяготящее къ тому діалектическому настроенію мышленія, которое такъ развито на предшествующихъ и, какъ уви-

димъ, на послѣдующихъ страницахъ діалога, даетъ намъ возможность думать, что оно, какъ и нѣкоторыя другія указанная прежде мѣста въ діалогѣ, внесено въ него какъ готовое изъ рукописи Евклида. Такимъ образомъ мы въ настоящемъ случаѣ еще разъ открываемъ въ діалогѣ Платона тотъ источникъ, на который онъ самъ указываетъ въ началѣ своего произведенія.

Какъ повидимому ни осязательно доказательство отъ опыта противъ того, что знаніе не есть истинное мнѣніе, однако діалектической умъ Платона не могъ на немъ успокоиться. Діалектическому мышленію не такъ легко какъ простому соображенію отличить истинное мнѣніе отъ знанія, ибо для него это значитъ отличить истину отъ истины. Потому, если выше чрезъ анализъ понятія ложнаго мнѣнія понятіе знанія осталось въ мышленіи Платона разобщеннымъ отъ понятія истиннаго мнѣнія, то теперь онъ пытается сблизить ихъ чрезъ понятіе разума, λόγος. Такъ появляется новая редакція прежняго положенія о знаніи, что оно есть правильное мнѣніе съ разумомъ. Впрочемъ Эстетъ, высказывая это положеніе, замѣчаетъ, что онъ слышалъ его отъ кого-то εἰπόντος του ἀκούσας (201^с). Это замѣчаніе дало поводъ критикѣ искать автора, и вотъ Шлейермахеръ еще указалъ на Антисѳена (т — же, с. 184), но Германнъ (т — же, с. 494), а за нимъ Штейнгартъ (т — же, с. 81) хотятъ видѣть здѣсь когонибудь изъ логографовъ или софистовъ грамматиковъ; Суземиль же (т — же, с. 200) вновь выставилъ здѣсь Антисѳена. Целлеръ (т — же, с. 370, срав. особенно 211 и 213), Боницъ и Риббингъ, повидимому, также раздѣляютъ этотъ взглядъ. Однако такой взглядъ, кажется намъ, если можно говорить попросту, значитъ не что иное какъ съ больной головы на здоровую. Ни съ чьимъ, какъ съ нашимъ планомъ критики, такъ не согласна

мысль Боница, что критика противоположных платонизму мнѣній была для Платона не второстепенною задачею, но необходимымъ дѣломъ для позитивнаго изъясненія его собственнаго ученія (т—же, с. 76). Но, какъ мы уже говорили, эти противоположныя мнѣнія Платонъ находилъ прежде всего въ себѣ самомъ, непосредственно въ планѣ своего собственнаго діалектическаго мышленія. Натура діалектическаго мышленія въ томъ и состоитъ, что оно въ каждомъ своемъ актѣ распадается на нѣсколько мнѣній и такимъ образомъ движется заразъ по разнымъ направленіямъ. Въ этомъ вся его жизнь, вся сила и все отличіе отъ мышленія изучающаго. Оно имѣетъ дѣло съ тѣмъ или другимъ историческимъ мнѣніемъ, потому что оно само носитъ его въ себѣ, и само пораждаетъ его изъ себя. Въ этого ингрѣдientнаго положенія въ немъ того или другаго мнѣнія, оно не знаетъ никакихъ историческихъ мнѣній. Это значитъ, что въ планѣ діалектическаго мышленія каждое историческое мнѣніе имѣетъ мѣсто не объективно, но субъективно, по скольку само мышленіе способно родить его изъ себя, по скольку оно чувствуетъ въ себѣ его присутствіе. Потому объективное изученіе историческихъ мнѣній въ произведеніяхъ діалектическаго мышленія очень затруднительно. Встрѣчаясь здѣсь съ тѣмъ или другимъ историческимъ мнѣніемъ, нужно быть особенно осторожнымъ, чтобы не принять непосредственно за историческій голосъ то, что прежде всего есть голосъ самого діалектическаго мышленія. Эту неосторожность мы и замѣчаемъ въ прежней критикѣ въ отношеніи къ подлежащему намъ мѣсту діалога. Пусть Платонъ говоритъ здѣсь о комъ-то, пусть этотъ кто-то, по принадлежащему ему мнѣнію, похожъ на Антисѳена, но если мы хотимъ въ діалогахъ Платона понимать прежде всего его самого, то мы никакъ не должны въ этомъ случаѣ оставлять Платона и имѣть дѣло прямо съ Антисѳеномъ. Мы должны помнить, что это мнѣніе, хотя бы и напоминало

Платону мнѣніе Антисѣена и исторически вполнѣ ему принадлежало, намъ дано въ путяхъ мышленія Платона, потому и изучаемо должно быть непосредственно въ этихъ путяхъ.

Съ этой точки зрѣнія смотря на подлежащее намъ мнѣніе о знаніи, мы утверждаемъ, что оно есть прежде всего мнѣніе самого Платона, но не въ томъ смыслѣ какъ думаетъ Алберти (*Zur Dialektik d. Platon etc. s. 45*), который говоритъ, что въ разсужденіяхъ Платона о господствующихъ воззрѣніяхъ на λόγος онъ узнаетъ его собственное мнѣніе, что знаніе есть истинное мнѣніе, соединенное съ пониманіемъ различія, (срав. Германнъ, т — же, с. 498 и прим. 492. Суземиль, т — же, с. 207. Штейнгартъ, т — же, с. 85)—а въ томъ что послѣ разобщенія истиннаго мнѣнія отъ знанія, къ которому должно было придти мышленіе Платона путемъ анализа ложнаго мнѣнія, понятіе о λόγος выступило въ немъ какъ такое, которое казалось способно сблизить ихъ по ихъ содержанію. Кажется, что понятіе λόγος, присоединяясь къ понятію ὀρθή δόξα, усиливаетъ его такъ, что дѣлаетъ тождественнымъ съ понятіемъ ἐπιστήμη. Вотъ проблема, съ которою, помимо всякихъ сходныхъ мнѣній другихъ мыслителей, выступаетъ діалектическое мышленіе Платона въ нашемъ мѣстѣ діалога. вмѣстѣ съ этимъ естественно мы отрицаемъ то мнѣніе господствовавшее доселѣ въ критикѣ, что въ ряду мнѣній о знаніи, составляющихъ содержаніе всего діалога, данное мнѣніе есть совершенно особое опредѣленіе знанія, долженствующее составлять третій главный отдѣлъ всего діалога. Впрочемъ, чѣмъ менѣе эта критика анализировала мышленіе Платона въ его собственныхъ путяхъ и чѣмъ болѣе была склонна въ его діалогахъ находить драматическое воспроизведеніе историческихъ мнѣній, тѣмъ естественнѣе ея взглядъ на наше мѣсто діалога, какъ на особую въ немъ часть, имѣющую въ мышленіи Платона свое особое историческое происхожде-

ніе. Съ нашей же точки зрѣнія, напротивъ, это мѣсто есть естественная продукція, или, если угодно, исправленная редакція все того же воззрѣнія на знаніе раціональнаго эмпиризма, по которому знаніе есть истинное мнѣніе, и въ планѣ Платонова мышленія это исправленіе есть не что иное, какъ попытка возстановить нарушенное прежде тожество между содержаніемъ истиннаго мнѣнія и содержаніемъ знанія, которое есть также истина. Поле изслѣдованія и здѣсь тоже, какое было впереди — это раціональный; эмпиризмъ борьба съ нимъ, по смыслу своему, все та же борьба за существованіе объекта; новое, что внесено сюда есть объяснительное начало истины въ понятіи истиннаго мнѣнія. Такъ какъ это изъясняющее начало обозначено чрезъ понятіе λόγος, то къ этому понятію естественно и тяготѣетъ здѣсь весь токъ діалектическаго мышленія Платона. Именно, высказывая мнѣніе, что τὴν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι, Платонъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, почему именно понятіе λόγος можетъ быть принято за изъясняющее понятіе истины въ истинномъ мнѣніи, въ смыслѣ тожества его съ понятіемъ знанія, или другими словами: почему λόγος, присоединяясь къ понятію истиннаго мнѣнія, сравниваетъ его по метафизическому содержанію съ понятіемъ знанія. Для изъясненія этого излагается особая теорія логическаго отношенія къ предметамъ. По смыслу этой теоріи логическое положеніе въ нашемъ мышленіи можетъ имѣть только нѣчто связанное, данное въ совокупности (ἐν συμπλοκῇ), а все индивидуальное, данное отдѣльно (στοιχεῖα) не можетъ имѣть въ мышленіи логическаго положенія. Теорія эта изъясняется такъ, что все отдѣльное можетъ быть только названо по имени, предцировано же, или обсуждено можетъ быть лишь то, что дано въ связи одно съ другимъ (201^e — 202^d). Эта теорія претерпѣваетъ однако потомъ въ мышленіи Платона такое измѣненіе, вслѣдствіе котораго связанное и отдѣльное оказываются безразлич-

ными въ отношеніи къ логическому своему положенію въ мышленіи (202^a — 206^b). Затѣмъ λόγος при правильномъ мнѣніи обсуждается уже внѣ этой теоріи, и доказывається, что ни въ одномъ изъ своихъ значеній онъ не сравниваетъ правильнаго мнѣнія съ понятіемъ знанія.

Если отъ этого плана мышленія въ подлежащемъ нашему анализу мѣстѣ діалога обратимся сперва къ мнѣніямъ другихъ, то видѣть не встрѣтимъ того мнѣнія, что трактатъ о познаваемости даннаго въ связи и непознаваемости даннаго раздѣльно, въ цѣломъ планѣ мышленія Платона, имѣетъ значеніе теоріи, долженствующей объяснить, почему λόγος, приведенный въ связь съ понятіемъ правильнаго мнѣнія, отождествляетъ это понятіе съ понятіемъ знанія. Напротивъ, Шлейермахеръ (т—же, с. 177) и Риббингъ (т—же, с. I. 166, прим. 336) смотрятъ на этотъ трактатъ какъ на постороннее (beiläufige) изслѣдованіе, хотя и прелиминаирующее собою рѣшеніе вопроса объ ὁρθῆ δόξᾳ μετὰ λόγου. Это очевидно таже точка взгляда, съ какой эта критика смотритъ и на предшествующій трактатъ о ложномъ мнѣніи. Штальбаумъ (Proleg. с. 27), а равно и Суземиль (т — же, с. 203), объясняя данное мѣсто діалога, вставляютъ этотъ трактатъ въ послѣдующую его часть, въ которой обсуждается значеніе понятія λόγος при правильномъ мнѣніи, и такимъ образомъ сближаютъ эти два мѣста столь различныя по видимому по содержанію. Только развѣ Боницъ приближается нѣсколько къ нашему взгляду на рассматриваемое мѣсто діалога, когда говоритъ, что въ немъ опредѣленіе знанія какъ δόξᾳ ἀληθῆς μετὰ λόγου критикуется въ томъ спеціальному смыслѣ, въ которомъ оно было высказано авторомъ (Stud. с. 71). Но мы расходимся съ Боницемъ именно въ томъ, что данное мнѣніе о знаніи рассматриваемъ прежде всего и непосредственно въ путяхъ мышленія самого Платона, и согласно съ этимъ трактатъ о логическомъ положеніи въ нашемъ мышленіи сложнаго и даннаго элементарно принимаемъ не въ

значенія критики спеціального смысла даннаго мнѣнія о знаніи, но въ смыслѣ спеціальной теоріи, долженствующей объяснить это мнѣніе.

Нельзя скрывать, что источникъ разногласія нашего въ настоящемъ случаѣ со всею прежнею критикою лежитъ глубоко въ самомъ способѣ принятомъ нами для объясненія положеній, встрѣчающихся въ діалогахъ Платона. Пренная критика, видя въ Платонѣ борца за вѣдомую ему одному истину, вмѣстѣ съ этимъ на всѣ послѣдуемыя и отвергаемыя имъ положенія смотрѣла какъ на чуждыя ему по своему происхожденію. Мы же, не отвергая прямой задачи критики Платона—опровергать чужія мнѣнія, прибавляемъ: по столько, по сколько эти мнѣнія встрѣчаются непосредственно въ его собственномъ мышленіи, какъ возможные по данному вопросу. Если однако такимъ образомъ мы и думаемъ, что ближайшій источникъ всѣхъ встрѣчающихся у Платона философскихъ мнѣній есть его собственное мышленіе, то въ тоже время мы не хотимъ уклоняться отъ сближенія того или другаго изъ его мнѣній съ философскимъ ученіемъ его предшественниковъ или современниковъ. Только мы думаемъ, что прямая задача такого сближенія все же должна состоять въ томъ, чтобы понять прежде всего то, какъ то или другое мнѣніе, существующее въ философіи, функционировано въ данномъ случаѣ въ мышленіи Платона.

Изъ всѣхъ ученій, имѣющихся въ исторіи классической философіи по вопросу о формѣ и условіяхъ истиннаго знанія, ученіе Антисѣена дѣйствительно повидимому всего болѣе напоминаетъ при чтеніи разсматриваемаго мѣста діалога. Между многими изреченіями Антисѣена, собранными у Диогена Лаэртія, большинство которыхъ однако, по содержанию своему, относится къ области практической мудрости или философіи, есть одно подлинно критическое. Діо-

генъ передаетъ его въ слѣдующемъ видѣ: πρῶτος τε ὠρίσατο λόγον εἰπών, «λόγος ἐστὶν ὁ τὸ τί ἦν ἢ ἐστὶ δηλῶν.» (VI. 1. 3) Какъ понять это положеніе Антисѳена? Аристотель съ своей стороны свидѣтельствуемъ о наивномъ мнѣніи Антисѳена, что о каждомъ предметѣ ничего не можетъ быть сказано кромѣ того, что дано въ его собственномъ понятіи: Ἀντιθένης ᾤετο εὐήθως μηδὲν ἄξιῶν λέγεσθαι πλὴν τῷ οἰκείῳ λόγῳ ἐν ἑφ' ἑνός· ἐξ ὧν συνέβαινε μὴ εἶναι ἀντιλέγειν σχεδὸν δὲ μηδὲ ψεύδεσθαι (Met. 1024^b 33). Александръ Афродисскій, комментировавъ это мѣсто Аристотеля, говоритъ: εἰπὼν δὲ ταῦτα αἰτιάται Ἀντιθένην εὐήθως λέγοντα περὶ μηδενὸς ἄλλου λέγεσθαι τίνα λόγον, ἢ περὶ ἐκείνου οὗ οἰκεῖός ἐστι... ᾤετο δὲ ὁ Ἀντιθένης ἕκαστον τῶν ὄντων λέγεσθαι τῷ οἰκείῳ λόγῳ μόνῳ καὶ ἕνα ἕκαστου λόγον εἶναι· τὸν γὰρ οἰκεῖον.... ἐξ ὧν καὶ συνάγειν ἐπειράτο ὅτι μὴ ἐστὶν ἀντιλέγειν·—сχεδὸν δὲ μηδὲ ψεύδεσθαι διὰ τὸ μὴ οἶόν τε εἶναι περὶ τινος ἄλλον πλὴν τὸν ἴδιόν τε καὶ οἰκεῖον εἰπεῖν λόγον (Comment. in Metaph. p. 732). Другое положеніе философской критики, приписываемое впрочемъ Аристотелемъ не прямо Антисѳену, а его послѣдователямъ, есть слѣдующее: ὥστε ἢ ἀπορία ἦν οἱ Ἀντιθέναιοι καὶ οἱ οὕτως ἀπέδευτοι ἠπόρουσαν, ἔχει τινὰ καιρὸν ὅτι οὐκ ἐστὶ τὸ τί ἐστὶν ὀρίσασθαι (τὸν γὰρ ὄρον λόγον εἶναι μακρόν) ἀλλὰ ποῖον μὲν τί ἐστὶν ἐνδέχεται καὶ διδάξαι ὥσπερ ἄργυρον, τί μὲν ἐστὶν οὐ, ὅτι δ' οἶον καττίτερος. ὥστ' οὐσίας ἐστὶ μὲν ἧς ἐνδέχεται εἶναι ὄρον καὶ λόγον, οἶον τῆς συνθέτου, εἴαν τε αἰσθητὴ εἴαν τε νοητὴ ἦ, ἐξ ὧν δ' αὕτη πρώτων, οὐκ ἐστὶν. (Met. 1043^b 23.)

Вотъ весь матеріалъ критической философіи Антисѳена по тому вопросу, чрезъ который она приходитъ намъ на память при чтеніи нашего мѣста въ Θεэтетѣ. Писатели, излагающіе древнюю философію, обыкновенно стараются каждое встрѣчающееся въ ней положеніе обставить какъ можно болѣе подходящими къ нему выраженіями и всего болѣе находятъ ихъ конечно у Платона, хотя Платонъ рѣдко выдаетъ имя того лица, которое, быть можетъ, онъ имѣлъ въ

виду въ томъ или другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій. Но такъ какъ мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ предъ собой задачу открыть, даны ли въ нашемъ мѣстѣ у Платона мнѣнія Антисѣена, и если даны, то на сколько и какъ, то и не беремъ изъ него ничего для знакомства съ критической философией Антисѣена, какъ взяли изъ Аристотеля. Но и относительно Аристотеля нельзя не замѣтить во первыхъ, что изъ двухъ его свидѣтельствъ содержаніе одного только выдано имъ непосредственно подъ именемъ Антисѣена, содержаніе же другаго отнесено къ его послѣдователямъ; во вторыхъ, первое свидѣтельство, высказанное какъ почти всегда у Аристотеля при случаѣ, неизвѣстно еще, на сколько далеко въ своихъ подробностяхъ сохраняетъ подлинную мысль Антисѣена, наконецъ оба свидѣтельства, если и не противорѣчатъ одно другому, то несомнѣнно требуютъ найти высшую мысль философа, чрезъ которую заключающіяся въ нихъ ученія сблизились бы одно съ другимъ. Эта высшая мысль повидимому есть мысль о *логосѣ*, мысль, которая, какъ мы видимъ, изъ всѣхъ критико-философскихъ мыслей Антисѣена единственно только, можетъ быть, дошла до насъ въ собственномъ его выраженіи. Но прежде всего остановимся на томъ философскомъ положеніи, которое по Аристотелю защищали послѣдователи Антисѣена καὶ οἱ οὐτως ἀπαίδευτοί. Оно состоитъ въ слѣдующемъ. Опредѣленіе и вообще логическое положеніе въ нашемъ мышленіи возможно только для субстанцій сложныхъ, чувственныхъ или мыслимыхъ, а для тѣхъ первыхъ элементовъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ, это не возможно. Такъ, по данному свидѣтельству Аристотеля, серебро напримѣръ, какъ понятіе объ элементѣ, не можетъ быть, по мнѣнію этихъ философовъ, помѣщено въ нашемъ мышленіи логически въ формѣ опредѣленія его со стороны того, что оно есть, но лишь въ формѣ указанія на то, каково оно, напримѣръ что оно таково же какъ олово.

Если мы предположимъ однако — и дѣло совершенно возможное — что Антисѣенъ равно и его послѣдователи знали, что серебро не есть ни растеніе, ни животное, а относится къ тому роду предметовъ, которые называются металлами, то мудрено найти въ ихъ мышленіи такія условія, которыя объясняли бы намъ ихъ мнѣніе о невозможности помѣстить въ мышленіи логически понятіе серебра, опредѣливъ его со стороны того, что оно есть, какъ мы это дѣлаемъ, чрезъ понятіе металла. И если нельзя конечно допустить, чтобы эти люди не знали, что серебро есть металлъ, то слѣдуетъ искать объясненія вышеизложеннаго ихъ ученія въ томъ, какъ они понимали самый лóγος, или логическое помѣщеніе въ мышленіи понятій. По смыслу перваго приведеннаго изъ Аристотеля свидѣтельства, Антисѣенъ утверждалъ, что каждое понятіе можетъ быть помѣщено логически только въ его собственномъ смыслѣ (лóγος). Гротъ, сличая эти два свидѣтельства Аристотеля о философіи Антисѣена, замѣчаетъ, что положеніе приписываемое послѣдователямъ Антисѣена не гармонируетъ съ положеніемъ приписываемымъ Аристотелемъ самому Антисѣену; и отсюда предполагаетъ, что это положеніе было понимаемо его авторомъ въ смыслѣ еще доселѣ не опредѣленномъ (Plato et cet. Vol. III. с. 327). Дѣйствительно, если понять это положеніе въ смыслѣ ученія Антисѣена о возможности только тождественныхъ сужденій, какъ понимаетъ его критика, начиная, кажется, съ самого Платона (см. Soph. 251^b), то нельзя не замѣтить той странности, что если не въ головѣ, то въ школѣ того же философа было ученіе о томъ, что сложныя субстанціи могутъ быть опредѣлены, а простыя могутъ быть обозначены только по имени. Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ отличіе опредѣленія сложныхъ субстанцій отъ обозначенія простыхъ, если само опредѣленіе въ смыслѣ λέγεσθαι οἰκειῶν λόγῳ значить не что иное какъ обозначеніе субъекта чрезъ данное въ немъ понятіе, какъ изъяснено это напримѣръ у

Платона: человекъ есть человекъ? (Soph., т—же). Ясно такимъ образомъ, что выраженіе λέγесθαι οἰκεῖω λόγῳ, въ которомъ Аристотель передаетъ мысль Антисѳена объ опредѣленіи, не значитъ, что для опредѣленія предмета достаточно только повторить на мѣстѣ предиката понятіе субъекта. Οἰκεῖος λόγος въ мышленіи Антисѳена имѣлъ, очевидно, нѣкоторое другое значеніе. Какое? отвѣчаетъ онъ самъ, когда, по свидѣтельству Діогена Лаэрціа, говоритъ что λόγος ἐστὶν ὁ τὸ τί ἦν ἢ ἔστι δηλῶν. Этѣ τί ἦν ἢ ἔστι обыкновенно разсматриваютъ какъ глаголы въ слитномъ предложеніи, относя ихъ по очереди къ τί, и переводятъ: что было или есть. Между тѣмъ ἔστι, очевидно, есть только изъясненіе ἦν. Александръ Афродисскій въ комментаріи къ Топикамъ Аристотеля (р. 256^b 4), объясняя извѣстное выраженіе Аристотеля τὸ τί ἦν εἶναι говоритъ: οὐ μάλιστα δὲ οὐδὲ ἐκ περισσοῦ τῷ ἦν τὸ εἶναι πρόκειται, ἀλλὰ ἀναγκάως — οὐκ ἄρα αὐταρκές τὸ ἦν, ὡς τινες ἡγοῦνται, ὧν δοκεῖ πρῶτος μὲν Ἀντιθένης εἶναι. Такимъ образомъ, по свидѣтельству самого Александра, Антисѳенъ въ своемъ выраженіи τί ἦν ἢ ἔστι высказывалъ ту же идею, которую Аристотель передалъ чрезъ ἦν εἶναι, т.-е. идею сущности; а если такъ, то, очевидно, онъ не могъ различать ее по времени, и не въ смыслѣ времени прибавилъ къ ἦν ἔστι, а въ томъ же, въ какомъ Аристотель къ ἦν прибавилъ εἶναι, т.-е. также, какъ и Аристотель, не считая одно ἦν достаточно сильнымъ для выраженія данной идеи. Потому Александръ не правъ, когда противуполагаетъ въ данномъ случаѣ Антисѳена Аристотелю: оба они напротивъ близко сходятся здѣсь между собою; возможно даже, что искусственное выраженіе Аристотеля τὸ τί ἦν εἶναι выдѣлано имъ изъ выраженія Антисѳена τὸ τί ἦν ἢ ἔστι, въ которомъ ἢ ἔστι должно быть понято не въ отличіе отъ ἦν, а въ смыслѣ изъясняющемъ, въ значеніи должно, каковое значеніе принадлежит слову ἦν и въ означенномъ выраженіи Аристотеля. (Очень хорошія замѣчанія

относительно этого выражения Аристотеля сдѣлалъ Швиглеръ, въ Экскурсѣ № 1 помѣщенномъ въ 4 томѣ его изданія Метафизики Арист., стр. 369 и слѣд.). Согласно съ даннымъ объясненіемъ, выраженіе Антисѳена λόγος ἐστὶν ὁ τὸ τί ἦν ἢ ἐστὶ δηλῶν должно быть понято въ томъ смыслѣ, что λόγος вещи означаетъ ея сущность, то чѣмъ она должна быть по своему смыслу или понятію. Если теперь съ этой точки зрѣнія посмотримъ на выраженіе Антисѳена: οἰκεῖος λόγος, то легко поймемъ, что онъ обозначалъ имъ мысль о собственномъ понятіи вещи, чрезъ которое она въ нашемъ мышленіи отличается отъ другихъ вещей, потому выраженіе λέγεσθαι οἰκεῖω λόγῳ, въ значеніи опредѣленія вещи, на значило конечно для Антисѳена того, что понятіе о вещи можетъ быть помѣщено логически въ нашемъ мышленіи только въ формѣ тождественнаго сужденія, какъ ультрировалъ мысль его Платонъ въ Софистѣ, а за нимъ и позднѣйшіе критики; напротивъ, это выраженіе носитъ въ себѣ конечно ту же мысль, какую и мы практикуемъ въ логикѣ, какъ очень твердое правило — что опредѣленіе не должно быть ни широко ни узко. И только вслѣдствіе неяснаго представленія логическихъ операцій мышленія, эта совершенно правильная его мысль объ опредѣленіи могла привести его и его послѣдователей къ такимъ мнѣніямъ, о которыхъ говоритъ Аристотель. Мы однако хорошо знаемъ, что уясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ о способахъ размѣщенія логическаго матеріала въ нашемъ мышленіи и доселѣ иногда представляется очень затруднительнымъ, а во время Антисѳена вопросы такого рода только еще выступали въ сознаніи, и рѣшеніе ихъ не вполнѣ удавалось даже и самому Аристотелю. То затрудненіе (ἀπορία) которое, по свидѣтельству Аристотеля, имѣло мѣсто въ мышленіи послѣдователей Антисѳена по вопросу о томъ, какъ помѣстить логически въ мышленіи понятіе элемента субстанціи, вытекало изъ неяснаго представленія роли предиката въ отношеніи

къ субъекту. Потому мы смѣло можемъ считать его только техническимъ затрудненіемъ въ ихъ мышленіи. Принимая во вниманіе, что Аристотель, говоря объ этомъ затрудненіи ихъ, указываетъ и причину его — τὸν γὰρ ὅρον λόγον εἶναι μακρόν — можно думать, что изъясненіе, которое долженъ дать въ опредѣленіи предикатъ субъекту, казалось имъ, можетъ состоять только въ раскрытіи составныхъ частей субъекта, а не въ сближеніи его какъ понятія съ другимъ понятіемъ. Это мнѣніе, быть можетъ, имѣлъ въ виду Платонъ, когда говорилъ въ *Θεαίτητος* (207^a), что изъ перечня составныхъ частей повозки, нельзя однако понять, что такое повозка. Но какъ бы то ни было, другая форма опредѣленія, такъ называемая *subordinatio*, очевидно, казалось имъ, не доставляетъ понятію логическаго помѣщенія, такъ какъ не выражаетъ его сущности, а только сравниваетъ его съ другимъ, какъ наприимѣръ серебро можно сравнить съ оловомъ. Если это справедливо, то очевидно, что затрудненіе ихъ было совершенно техническое затрудненіе. Ибо и мы очень хорошо понимаемъ, что если мы не знаемъ сущности металла (наприимѣръ химически, въ отличіе отъ растенія и т. д.), то, говоря серебро есть металлъ, мы въ этомъ опредѣленіи также мало узнаемъ сущность серебра, какъ если бы сказали подобно имъ: серебро есть какъ олово (по цвѣту наприимѣръ); но тѣмъ не менѣе мы считаемъ это опредѣленіе технически совершенно вѣрнымъ, такъ какъ въ немъ одно понятіе подчинено другому высшему. Впрочемъ они связали себя означеннымъ затрудненіемъ вслѣдствіе очень хорошаго правила, принятаго еще Антисѣеномъ, о которомъ говоритъ Аристотель, — что каждый предметъ можетъ быть помѣщенъ логически только въ его οἰκείῳ λόγῳ, но опять вслѣдствіе указанныхъ техническихъ недоразумѣній этотъ οἰκείος λόγος былъ практикуемъ Антисѣеномъ и его послѣдователями слишкомъ исключительно, чрезъ что конечно только и можетъ быть понято.

свидѣтельствуемое Аристотелемъ ученіе Антисѳена о невозможности противорѣчія. Этотъ странный тезисъ имѣлъ однако такую силу убѣжденія въ мышленіи Антисѳена, что по преданію, сохраненному Діогеномъ Лаэрціемъ (III. 35), онъ читалъ однажды свое спеціальное сочиненіе περὶ τοῦ μὴ εἶναι ἀντιλέγειν (срав. Арист. Тор. 104^b 20). Изъ объясненія даннаго Александромъ Афродисскимъ (Comment. in Met. 732^a 30) очевидно, что эта мысль Антисѳена о невозможности противорѣчія непосредственно опиралась въ его мышленіи на томъ исключительномъ смыслѣ, въ которомъ онъ трактовалъ οἰκεῖος λόγος. Равнымъ образомъ тѣже техническія затрудненія мышленія могли имѣть вліяніе и на происхожденіе другаго мнѣнія приписываемаго Аристотелемъ Антисѳену—о невозможности заблужденія; по крайней мѣрѣ Афродисскій въ примѣчаніи къ этому мѣсту изъ Аристотеля прямо указываетъ на это, когда говоритъ, что οἰκεῖος λόγος каждой вещи есть, по мнѣнію Антисѳена, единственный ея λόγος. Впрочемъ показаніе Аристотеля есть единственное историческое показаніе о такомъ мнѣніи Антисѳена, такъ что можно еще думать, что Аристотель здѣсь, подобно Платону въ Софистѣ, только ультрапировалъ мысль Антисѳена объ οἰκεῖος λόγος.

Но если мы и примемъ, что выраженіе Аристотеля οὐδὲ φεύδесθαι заимствовано имъ у Антисѳена, то и тогда, по смыслу этого мнѣнія для самого Антисѳена, не возможно думать, чтобы Платонъ въ разсмотрѣнномъ выше трактатѣ нашего діалога о ложномъ мнѣніи оспаривалъ Антисѳена. Не говоря уже о томъ, что Платонъ, какъ было доказано, утверждаетъ здѣсь, что ложное мнѣніе не мыслимо, борьбы съ Антисѳеномъ нельзя приписать ему здѣсь и по различію отношенія его и Антисѳена къ понятію о ложномъ мнѣніи. Между тѣмъ какъ Платонъ изъясняетъ это понятіе метафизически, въ связи и отношеніи съ другими сопредѣльными понятіями, Антисѳенъ, вслѣдствіе техническаго

затрудненія своего мышленія, не можетъ дать въ немъ мѣста этому понятію рядомъ съ господствующимъ въ немъ понятіемъ οἰκεῖος λόγος. Но еще менѣе основанія подставлять Платону Антисѳена въ томъ мѣстѣ нашего діалога, гдѣ онъ изслѣдуетъ тезисъ, что знаніе есть истинное мнѣніе съ разумомъ. Діогенъ говоритъ объ одномъ сочиненіи Антисѳена, которое называлось περὶ δόξης καὶ ἐπιστήμης α β γ δ (VI. 17) и вотъ Суземиль: онъ писалъ, говоритъ, περὶ δόξης καὶ ἐπιστήμης, — что же могло быть содержаніемъ этой книги какъ не разграниченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе знанія и представленія въ отношеніи другъ кдугу? И кто знаетъ, не заимствовано ли данное здѣсь (т.-е. въ Θεэтетѣ) изложеніе прямо изъ этого сочиненія? (т—же, с. 200) Однако изъ этихъ книгъ Антисѳена до насъ не дошло ни слова, ни мысли; изъ оставшихся же фрагментовъ его критической философіи развѣ только одно слово λόγος повторено въ означенномъ опредѣленіи знанія у Платона. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и самое опредѣленіе принадлежитъ Антисѳену? Критики, усматривающіе въ этомъ опредѣленіи знанія Антисѳеновское мнѣніе, стараются подвести къ этому взгляду свои счеты, но странно, что они ссылаются въ этомъ случаѣ на вышеприведенныя свидѣтельства Аристотеля, какъ будто изъ нихъ съ необходимостію вытекаетъ такое мнѣніе Антисѳена о знаніи (см. Целлеръ, т—же, с. 370. A. Müller. De Antisthenis Cynici vita.)

Но если въ свидѣтельствахъ Аристотеля, какъ мы ихъ трактовали, мы не находимъ ни малѣйшаго основанія приписывать Антисѳену изслѣдуемое Платономъ положеніе, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ, то съ другой стороны мы вовсе не избѣгаемъ того мнѣнія, что въ изслѣдованіи этого положенія у Платона встрѣчаются мысли Антисѳена. Задача критики состоитъ собственно въ томъ, чтобы изъяснить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ въ сѣть критическихъ мыслей Платона попали здѣсь мысли Антисѳена.

Борьба Платона съ Антисѣеномъ есть фактъ, засвидѣтельствованный исторіею: это великая борьба двухъ философскихъ ученій, которая можетъ продолжаться и нынѣ. Когда Антисѣенъ, по преданію, обратившись къ Платону, сказалъ: ὦ Πλάτων, ἴππον μὲν ὄρω, ἰππότητα δὲ οὐχ ὄρω (Simplicius ad Arist. Categ p. 66^b 47. Tzetzes. Chiliad. VII. 606), то въ этихъ словахъ онъ впервые заявилъ протестъ номинализма противъ Платонова реализма. Но мы далеко уклонились бы отъ истины, еслибы какъ по отношенію къ другимъ, такъ и по отношенію къ Антисѣену, представляли Платона какимъ-то обличителемъ ихъ заблужденій. Напротивъ, такъ какъ только въ борьбѣ съ противоположными ученіями, какъ справедливо говоритъ Боницъ, и выяснялся позитивный смыслъ Платонова ученія, то элементы борьбы его съ другими, какъ не разъ было говорено, должны быть уяснены какъ элементы присущіе его собственному мышленію, и только въ этомъ планѣ изслѣдованія мы можемъ вѣрно разглядѣть тѣ пути діалекческаго тяготѣнія, по которымъ шло его мышленіе въ обработкѣ собственного столь оригинальнаго, идеальнаго міровоззрѣнія. Что же мы видимъ? Мы видимъ, что послѣ того какъ понятіе объ истинномъ мнѣніи было отторгнуто чрезъ критику въ мышленіи Платона отъ понятія знанія какъ не тождественное съ нимъ, въ немъ тотчасъ выступаетъ новое понятіе λόγος, которое, кажется, имѣетъ силу возстановить равновѣсіе между истинною истиннаго мнѣнія и истинною какъ имманентнымъ содержаніемъ знанія. Это положеніе мы должны удержатъ незыблемо какъ основной базисъ критики всего даннаго мѣста діалога, и только съ этого пункта зрѣнія намъ можетъ открыться въ истинномъ свѣтѣ все дальнѣйшее.

Рядъ слѣдующихъ за тѣмъ мыслей Платона открывається положеніемъ, что λόγος принадлежитъ только словному, а не элементамъ его. Хотя Платонъ и замѣчаетъ, что онъ

слышалъ это положеніе отъ нѣкоторыхъ и хотя изложеніе этого мнѣнія у Платона дѣйствительно приводитъ на память тѣ мысли, которыя Аристотель выдаетъ за мысли Антисѣена или его послѣдователей, однако значеніе этого положенія для Платона и для Антисѣена не одно и тоже. Сопоставляя это положеніе съ принятымъ Антисѣеномъ взглядомъ на λόγος, мы, какъ уже и высказывали, должны видѣть въ немъ не что иное, какъ только выраженіе техническихъ затрудненій его мышленія. Но для Платона это положеніе имѣло значеніе возможнаго основанія той мысли, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ. Между тѣмъ эта мысль, если только мы не считаемъ возможнымъ, подобно Суземлю, читать ее непременно въ томъ сочиненіи Антисѣена, которое заглавлялось *περὶ δόξης καὶ ἐπιστήμης*,—повидимому вовсе не входила въ составъ мыслей Антисѣена по вопросу о логосѣ. Очевидно, что если бы она имѣла въ этомъ случаѣ мѣсто, то была бы повторена въ свидѣтельствахъ. Хотя Платонъ въ концѣ изложенія взгляда Антисѣена на сложное и элементарное и приводитъ его въ связь съ мыслию о томъ, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ, однако мысль объ ἀληθῆς δόξα появляется здѣсь, очевидно, случайно и скорѣе свидѣтельствуетъ объ искусственомъ сближеніи ея самимъ Платономъ съ мыслию Антисѣена, чѣмъ даетъ право, въ виду отсутствія другихъ болѣе точныхъ свидѣтельствъ, навязывать ее самому Антисѣену. Но этого мало. Мы спрашиваемъ: какая логическая связь существуетъ между тою мыслию Антисѣена, что логическое положеніе въ нашемъ мышленіи имѣетъ только сложное, а не элементарное, съ тѣмъ тезисомъ въ діалогѣ, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ? Ни одна изъ нихъ не есть ни причина ни слѣдствіе другой. Если мы обратимся къ Платону, то увидимъ, что и самъ онъ не связалъ мысли Антисѣена съ даннымъ положеніемъ о знаніи; ибо критика этого положенія, какъ уже и было замѣчено, исполнена имъ

по такому плану, при которомъ мысль Антисѳена осталась безъ приложенія. И дѣйствительно, мудроно дать ей въ данномъ случаѣ такое положеніе, чтобы она выражала какую нибудь опредѣленную функцію въ цѣломъ планѣ критики. Это пришивное, наносное положеніе мысли Антисѳена въ данномъ мѣстѣ у Платона чувствовали впрочемъ всѣ, хотя и разными способами старались втянуть ее въ планъ мыслей Платона. Такъ мы видѣли уже, что Шлейермахеръ и Риббингъ смотрятъ на все это мѣсто (201° — 206^b) въ діалогѣ, какъ на совершенно постороннее эпизодическое изслѣдованіе, но не могутъ сказать ясно, по какому законному праву оно однако попало сюда. Штальбаумъ же и Суземиль вносятъ его какъ составную часть въ тотъ ходъ мыслей Платона, гдѣ онъ отрицаетъ тожество между знаніемъ и правильнымъ мнѣніемъ съ разумомъ (206° — 210). Напрасно Боницъ такъ не дружелюбно отнесся къ этому взгляду Суземиля и Штальбаума, что видитъ въ немъ даже нѣчто въ родѣ неуваженія къ писательскому таланту Платона (т—же, с. 72). Ибо Боницъ, хотя и отдѣлилъ одну часть даннаго мѣста діалога отъ другой, какъ часть спеціальной критики послѣдняго опредѣленія знанія отъ части общей; однако и онъ не раскрылъ той связи, которая должна имѣть мѣсто между этой спеціальной частію и самимъ даннымъ опредѣленіемъ знанія. Потому мы думаемъ, что если кто хочетъ, во что бы то ни стало, отстоять за Платономъ достоинство плавнаго и цѣлостнаго изложенія мыслей, тотъ долженъ наше мѣсто въ діалогѣ изъяснить такъ, какъ изъясняютъ его Суземиль и Штальбаумъ; въ противномъ же случаѣ, какъ Шлейермахеръ и Риббингъ, считать его за эпизодъ. И лишь съ той точки взгляда, которую мы отстаиваемъ какъ единственно вѣрную для изученія твореній Платона, т.-е. чтобы изучать ихъ собственно въ путяхъ его мышленія,—только съ этой точки зрѣнія, думаемъ мы,

можно понять въ истинномъ значеніи эту вставку въ діалогъ изъ философіи Антисѣена.

Ученіе Антисѣена вошло въ діалогъ Платона, но вошло ли оно въ пути мышленія Платона по вопросу о знаніи? Идя въ своемъ Анализѣ по этимъ путямъ, мы дошли выше до того въ нихъ пункта, гдѣ въ мышленіи Платона выступило понятіе логоса, способное повидимому привести къ тождеству разобщеннаго прежде понятія знанія и правильнаго мнѣнія. Чтобы приписать или не приписать этому понятію такую силу относительно двухъ другихъ, Платону, безъ сомнѣнія, нужно было изъяснить его въ его внутреннемъ смыслѣ; т.-е. нужна была теорія логоса. Современное ученіе Антисѣена объ условіяхъ логическаго помѣщенія въ мышленіи понятій естественно пришло при этомъ на память Платону и казалось годнымъ для того, чтобы содержаніе его превратить въ теорію логоса. Такъ появляется здѣсь ученіе Антисѣена въ видѣ теоріи, для которой оно, по существу своему, однако совершенно не пригодно. Ученіе Антисѣена основывается, какъ мы видѣли, на томъ совершенно вѣрномъ положеніи, что понятіе достигаетъ въ нашемъ мышленіи возможной степени ясности, когда мы разлагаемъ его содержаніе на составные элементы. Но это положеніе, вслѣдствіе техническихъ затрудненій формальнаго мышленія Антисѣена, было практиковано имъ ложно, такъ какъ онъ выводилъ отсюда, что только понятія сложныхъ субстанцій могутъ имѣть логическое помѣщеніе, а за формальнымъ подчиненіемъ одного понятія другому не признавалъ никакого логическаго значенія. Такимъ образомъ ученіе Антисѣена есть просто эмпирическое мнѣніе, для котораго значеніе формальнаго мышленія непонятно. Извѣстно, что во всей силѣ оно практикуется и въ современномъ эмпиризмѣ, который всю работу ума хочетъ превратить въ записываніе случаевъ, въ рассказъ о томъ какъ что бываетъ во времени, и также, какъ Антисѣенъ, не понимаетъ

достоинства въ систематическомъ планѣ формальнаго мышленія. Отсюда ясно, что ученіе Антисѳена никоимъ образомъ не можетъ быть теорією логоса, такъ какъ, по содержанию своему, оно далеко отстоитъ отъ того смысла, въ которомъ долженъ быть понятъ логосъ для развитія теоріи. Въ томъ и состоитъ затрудненіе, въ которое ставитъ насъ Платонъ чрезъ допущеніе въ развитіе своего собственнаго мышленія ученія Антисѳена, что онъ отнесся къ нему, какъ къ возможной теоріи логоса, между тѣмъ какъ все оно есть простое порожденіе эмпирическаго мышленія, неспособнаго преодолѣть нѣкоторыя техническія затрудненія.

Понятіе логоса выступаетъ въ мышленіи Платона совершенно методически, и по этой методѣ оно должно быть дано въ теоріи, которая изъяснила бы значеніе его при понятіи правильнаго мнѣнія. Доселѣ такимъ образомъ мы не выходимъ изъ путей мышленія Платона. Но вотъ, вмѣсто всякой теоріи мы читаемъ далѣе въ діалогѣ изложеніе ученія Антисѳена и за тѣмъ критику его. Спрашивается, какъ же оно попало сюда? Лежало ли его содержаніе въ путяхъ мышленія Платона, такъ что, не будь его какъ готоваго ученія, Платонъ создалъ бы его самъ, или оно появляется здѣсь только по поводу поднятаго въ мышленіи вопроса о понятіи логосъ? Такъ какъ это ученіе не получило значенія теоріи логоса, что собственно требовалось по плану мышленія Платона, то мы утверждаемъ, что оно имѣетъ здѣсь мѣсто только по поводу. Такимъ образомъ, хотя оно и входитъ въ составъ діалога Платона, но никакъ не можетъ быть понято какъ ученіе, которое по самому своему содержанию должно наполнять въ настоящемъ случаѣ пути мышленія Платона. Однако, если по содержанию своему оно могло бы быть обойдено здѣсь Платономъ безъ всякаго нарушенія хода его мыслей по данному вопросу, то по мотивамъ дѣйствующаго въ немъ мышленія оно какъ нельзя естественно же должно было быть въ виду у Платона по смыслу

основной задачи всего его излѣдованія въ данной второй части діалога.

Изслѣдованіе Платона въ этой второй части діалога, какъ мы знаемъ, вращается въ области разсудочнаго эмпиризма. Платонъ, изслѣдуя вопросъ о знаніи, перешелъ отъ сенсуализма къ разсудочному эмпиризму не по случайному побужденію какого нибудь опредѣленнаго эмпирическаго ученія о знаніи, а по непосредственному тяготѣнію своего діалектическаго мышленія, стремящагося развитъ высшее, идеальное ученіе о знаніи. Діалектическая мысль Платона должна была развитъ критически ученіе о знаніи съ точки зрѣнія сенсуализма и разсудочнаго эмпиризма, чтобы дать силу своему идеальному ученію. Потому мы и говорили, что онъ создалъ бы сенсуалистическую теорію, если бы не было вовсе самого Протагора, какъ онъ создалъ въ началѣ діалога взглядъ на знаніе съ точки зрѣнія общаго смысла и здѣсь, съ точки зрѣнія разсудочнаго эмпиризма. По крайней мѣрѣ мы не можемъ сказать, кому бы принадлежалъ этотъ взглядъ исторически. Какъ ни близко къ нему повидимому ученіе Антисѣена, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ приписывать ему то положеніе, что знаніе есть правильное мнѣніе, или правильное мнѣніе съ разумомъ. Потому, какъ говорено было нѣсколько разъ, мы находимъ то мнѣніе непосредственно въ путяхъ мышленія самого Платона, и борьбу его съ нимъ признаемъ за нормальный процессъ діалектической работы его мышленія по вопросу о знаніи. Не естественно ли однако, что въ переработку этого процесса вошло и то современное Платону философское мнѣніе, которое, по складу дѣйствующаго въ немъ мышленія, близко подходитъ и естественно припоминается при томъ положеніи, въ которомъ Платонъ формулировалъ ученіе о знаніи съ разсудочно эмпирической точки зрѣнія. Таково и есть мнѣніе Антисѣена объ условіяхъ логическаго помѣщенія въ нашемъ мышленіи понятій. Та-

кимъ образомъ случайное въ данномъ мѣстѣ діалога по своему непосредственному содержанию, это мнѣніе однако, по мотивамъ своимъ, совершенно законно встрѣчается въ Платоновой критикѣ разсудочнаго эмпиризма. Такъ, съ нашей точки зрѣнія, объясняемъ мы этотъ эпизодъ въ діалогѣ. Мы не можемъ однако такъ глубоко проникать въ мышленіе Платона, чтобы рѣшить, коснулось ли оно ученія Антисѣена по силѣ психическаго мотива, такъ называемаго *associatio idearum*, или по другимъ мотивамъ; но то несомнѣнно, что Платонъ самъ сблизилъ съ нимъ положеніе о томъ, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ — въ словахъ: τὰς δὲ συλλαβὰς γινώσκας τε καὶ ῥητὰς καὶ ἀληθείῃ δόξαν δοξαστάς. ὅταν μὲν οὖν ἄνευ λόγου τὴν ἀληθῆ δόξαν τινὸς τις λάβῃ, ἀληθεύειν μὲν αὐτοῦ τὴν ψυχὴν περὶ αὐτό, γιγνώσκειν δ' οὐ (202^b), потому что Аристотель, говоря о томъ же ученіи Антисѣена, этой мысли не передаетъ, — и то еще, что Платонъ отнесся къ этому ученію, какъ къ возможной теоріи логоса, которая нужна была ему, по плану его собственнаго мышленія. Но такъ какъ ученіе Антисѣена, вслѣдствіе эмпирическаго односторонняго своего содержания, не годится для развитія изъ него цѣльной теоріи, то въ дальнѣйшемъ мышленіи Платона оно подверглось критикѣ, не какъ ученіе имѣющее цѣлю изъяснить значеніе понятія логосъ при правильномъ мнѣніи въ смыслѣ тождества его съ знаніемъ, но лишь по непосредственному своему содержанию. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ критикѣ ученія Антисѣена (200^d — 206^b) Платонъ совершенно не имѣетъ въ виду того положенія, что знаніе есть правильное мнѣніе съ разумомъ, напротивъ изслѣдуетъ его въ его прямомъ смыслѣ, ὡς τὰ μὲν στοιχεῖα ἄγνωστα τὸ δὲ τῶν συλλαβῶν γένος γινώσκον, говоря, что это одно ἀπαρέσκει ему въ этомъ ученіи (202^d). Самое понятіе правильнаго мнѣнія не встрѣчается во всей этой критикѣ. Все это ясно убѣждаетъ въ томъ, что ученіе Антисѣена только механически сближа-

лось въ мышленіи Платона съ положеніемъ о знаніи какъ о правильномъ мнѣніи съ разумомъ, что по содержанію своему ученіе Антисѣена не можетъ быть указано въ путяхъ мышленія самого Платона, что оно попадаетъ въ діалогъ по поводу, хотя по характеру дѣйствующаго въ немъ мышленія, будучи ученіемъ разсудочнаго эмпиризма, принадлежитъ именно той области мышленія, въ которой вращается критическая мысль Платона въ этой части діалога.

Что же касается до самой критики Платономъ ученія Антисѣена, то мы никакъ не можемъ принять того мнѣнія писателей (Штейнгартъ и Суземиль), что въ изслѣдуемомъ здѣсь различіи въ отношеніи понятій *ἄλογον* и *λόγον* Платонъ высказываетъ различіе идей какъ самостоятельныхъ единицъ въ отношеніи къ подчиненному имъ разнообразію, и въ этомъ различіи *ἄλογον* отъ *λόγον* видѣтъ заключительную мысль Платона во всемъ нашемъ діалогѣ. Уже Целлеръ (т—же, с. 370. № 3) замѣтилъ противъ этого мнѣнія, что все настоящее изслѣдованіе Платона имѣетъ мало значенія въ развитіи его идеальнаго ученія. Риббингъ хотя и соглашается съ этимъ, но думаетъ, что намѣреніе Платона въ данномъ мѣстѣ фиксировать понятіе *ἄλογον* можетъ быть рассматриваемо какъ указаніе на идеи, согласное вполнѣ съ тѣмъ, какъ понятіе о нихъ развито имъ въ послѣдующихъ діалогахъ (т — же, I. с. 167. № 336). Мы же думаемъ, что хотя какъ во всемъ содержаніи нашего діалога, какъ оно развито Платономъ, нельзя отрицать живаго присутствія въ его мышленіи понятія объ идеяхъ, такъ равно и въ настоящемъ мѣстѣ діалога, что напротивъ даже различіе *λόγον* отъ *ἄλογον*, какъ замѣчено это въ примѣчаніяхъ къ данному мѣсту, высказано имъ съ яснымъ сознаніемъ значенія идей, однако при всемъ томъ видѣтъ въ этомъ мѣстѣ, какъ Штейнгартъ и Суземиль, пропаганду идеальнаго ученія Платона и считать его послѣднимъ словомъ діалога — значитъ, намъ кажется, терять нить естественнаго развитія мысли Пла-

тона и изъ-за желанія имѣть въ діалогѣ положительное Платоновское мнѣніе о знаніи находитъ его въ немъ, во чтобы то ни стало.....

Остающаяся часть діалога (206^с — 210), посвящена развитію той мысли, что понятіе логосъ вовсе не усиливаетъ понятія правильнаго мнѣнія на столько, чтобы оно могло быть признано тождественнымъ съ понятіемъ знанія. Мысль эта раскрыта Платономъ чрезъ анализъ понятія логосъ, въ которомъ онъ усматриваетъ троякій смыслъ: проявленіе мышленія въ словѣ, путь къ цѣлому чрезъ элементы, и разумѣніе отличія даннаго представленія или объекта отъ другихъ,—и находитъ, что ни въ одномъ изъ нихъ понятіе логосъ не отождествляетъ правильнаго мнѣнія съ знаніемъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что критика даннаго мнѣнія о знаніи не стоитъ ни въ какой связи съ ученіемъ Антисѣена и съ тѣми мыслями, которыя оно вызвало выше у Платона. Что же касается до тѣхъ опредѣленій, которыя Платонъ далъ здѣсь понятію логосъ, то, очевидно, онъ хотѣлъ дать въ нихъ нѣкоторыя общія представленія о всѣхъ тѣхъ значеніяхъ, въ которыхъ употребляется въ языкѣ слово логосъ. Область же употребленія этого слова, какъ извѣстно, чрезвычайно обширна. Начиная съ понятія слова, оно употребляется въ значеніи предложенія, разсказа, изслѣдованія, и кромѣ того встрѣчается въ значеніи мышленія, разума, аргументаціи и даже просто понятія. Случаи употребленія этого слова во всѣхъ этихъ значеніяхъ безъ сомнѣнія хорошо извѣстны всякому знакомому съ произведеніями греческой литературы. Но всего болѣе разнообразіе смысла слова логосъ, естественно, встрѣчается въ философской литературѣ, у Платона и Аристотеля. Такая подвижность значенія логосъ всего лучше убѣждаетъ въ томъ, что и это понятіе, какъ выше было замѣчено тоже о понятіи δόξα и ἐπιστήμη, имѣетъ мѣсто въ ихъ мышленіи методически, а

не систематически. Въ нашемъ же случаѣ при понятіи правильного мнѣнія слово λόγος конечно можетъ быть понято въ одномъ изъ послѣднихъ значеній, какъ-то: разума, аргументаціи, понятія. Эти-то значенія Платонъ и субсумировалъ въ третьемъ опредѣленіи логоса, какъ ἡ τῆς διαφορότητος ἐρημεία (209^a). Потому мы думаемъ, что принятое въ литературѣ для выраженія въ нашемъ мѣстѣ Платонова λόγος слово «Erklärung» не достаточно, такъ какъ оно, очевидно, не достигаетъ по своему значенію и употребленію до того смысла, въ которомъ Платонъ практикуетъ въ діалогѣ это понятіе. Лучше поступаетъ Риббингъ, когда пишетъ: Erklärung oder Beweis (I. с. 166). Потому мы съ своей стороны въ нашемъ изложеніи оставляли большею частію слово λόγος безъ перевода; если же гдѣ считали нужнымъ дать его въ переводѣ, то употребляли слово разумъ, которое, намъ кажется, по широкому также своему смыслу, ближе всѣхъ другихъ подходитъ въ данномъ случаѣ къ Платонову λόγος.

Такъ какъ доказательства Платона противъ отождествленія правильного мнѣнія съ знаніемъ чрезъ понятіе λόγος, раскрыты имъ съ полною ясностію и опредѣленностію, не допускающею никакого различія въ толкованіи этого мѣста діалога, то мы и не останавливаемся на немъ исключительно. Обратимъ свое вниманіе на общій ходъ мыслей Платона во всей его критикѣ разсудочнаго эмпиризма и углубимся по возможности въ тайники мышленія нашего философа, чтобы открыть въ немъ тѣ невидимые, не высказанные имъ мотивы, которыми руководился онъ въ этой борьбѣ съ эмпиризмомъ, и тѣ условія, которыя изъ простаго дѣла различить правильное мнѣніе отъ знанія создали такую трудную работу.

Все изслѣдованіе Платона объ отношеніи правильного мнѣнія къ знанію, по смыслу своему, есть не что иное

какъ борьба идеализма съ эмпиризмомъ, или точнѣе — идеального реализма съ эмпирическимъ формализмомъ или номинализмомъ. Но этотъ смыслъ открывается однако только съ точки зрѣнія на это изслѣдованіе, какъ оно имѣетъ мѣсто въ самомъ мышленіи Платона. Съ этой точки зрѣнія все изслѣдованіе Платона, какъ это раскрыто выше, имѣетъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же воззрѣніемъ, хотя высказаннымъ въ двухъ видахъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія той критики, которая изъясняла Платона, не касаясь путей его собственнаго мышленія, два вида или два выраженія одного и того же воззрѣнія казались двумя разными воззрѣніями, и она искала ихъ историческаго происхожденія въ темной средѣ полудошедшихъ до насъ мнѣній предшественниковъ и современниковъ Платона. Естественно, что при такомъ пути изслѣдованія она или принуждена была ограничиваться смутными предположеніями, или связывала встрѣченныя у Платона мнѣнія съ обломками мнѣній разныхъ историческихъ лицъ, или даже, (какъ Суземиль на примѣръ), позволяла себѣ угадывать историческій источникъ ихъ тамъ, гдѣ данъ самый общій признакъ только возможности его. Все это происходитъ отъ того, что критика въ своемъ изслѣдованіи удалялась отъ путей самого мышленія Платона. Если бы критика стала на эту точку взгляда, то безъ сомнѣнія ей открылось бы, что всѣ понятія, съ которыми Платонъ имѣетъ дѣло во всемъ этомъ изслѣдованіи, выступаютъ въ его мышленіи методически, а не систематически, т.-е. безъ опредѣленнаго содержанія, которое нужно бы было только сравнить между собою, что напротивъ содержаніе это само ищется во всемъ этомъ изслѣдованіи и этимъ исканіемъ условливается самое изслѣдованіе, такъ что все изслѣдованіе есть не что иное, какъ исканіе содержанія понятій истиннаго мнѣнія и знанія. Съ этой точки зрѣнія ей открылось бы также, что понятіе λόγος, введенное въ изслѣдованіе вопроса объ отношеніи истиннаго мнѣ-

нія къ знанію, не составляетъ собою новаго положенія о знаніи, но употреблено какъ средство все для той же цѣли—чтобы доказать необходимость различія истиннаго мнѣнія отъ знанія, т.-е. чтобы выяснить содержаніе этихъ понятій. Ибо чѣмъ оканчиваетъ Платонъ свое разсужденіе о понятіи λόγος при правильномъ мнѣніи? Тѣмъ, что положеніе ὀρθὴ δόξα μετὰ λόγου ἐπιστήμη ἐστὶ есть наивное положеніе, такъ какъ оно не значитъ ничего другаго, какъ то, что ἐπιστήμη ἐστὶ ὀρθὴ δόξα μετ' ἐπιστήμης (210^a), т.-е. что ὀρθὴ δόξα все таки должно быть различено отъ ἐπιστήμη.

Какъ ни богата однако вся эта критика разсудочнаго эмпиризма, но она приводитъ только именно къ этому убѣжденію въ необходимости различія истиннаго мнѣнія отъ знанія и не даетъ положительнаго отвѣта на то, что есть истинное мнѣніе внѣ знанія, и что есть само знаніе въ отличіе отъ мнѣнія. Но при всемъ томъ тотъ былъ бы вовсе не критикъ достойный Платона, кто подумалъ бы, что все пройденное нами изслѣдованіе Платономъ сенсуализма и разсудочнаго эмпиризма по вопросу о знаніи могло быть совершенно имъ внѣ яснаго его собственнаго убѣжденія въ томъ, что есть истинное знаніе. Напротивъ, только мысль объ идеяхъ, чрезъ созерцаніе которыхъ возможно по Платону постиженіе всего сущаго, была въ состояніи руководить его мышленіемъ въ этой изумительной критической работѣ его въ нашемъ діалогѣ; только эта гигантская мысль была на столько сильна, что не погибла въ его мышленіи, подавленная сенсуализмомъ и эмпиризмомъ, но еще болѣе выросла въ немъ и созрѣла какъ непреклонное всепоглощающее убѣжденіе духа. Такъ рѣшается, по нашему мнѣнію, вопросъ, имѣетъ ли нашъ діалогъ какое нибудь позитивное значеніе, или одно негативное — вопросъ, который, какъ замѣчено въ Предварительныхъ Объясненіяхъ къ чтенію діалога, обсуждался весьма различно, но по мотивамъ за и противъ, кажется, одинаково не состоятельно. (Болѣе

подробно и обстоятельно вопросъ этотъ разсмотрѣнъ Риббингомъ, т—же, II. с. 232 и слѣд.). Позитивный смыслъ ученія о знаніи хотя и не формулированъ Платономъ нигдѣ въ діалогѣ, однако совершенно ясенъ во всемъ его изложеніи, и только закрывая глаза отъ путей мышленія Платона, можно искать отдѣльнаго опредѣленнаго для него выраженія. Онъ присутствуетъ, онъ одушевляетъ критику Платона на всѣхъ пунктахъ изслѣдованія какъ сенсуализма такъ и разсудочнаго эмпиризма. Позитивный смыслъ знанія, или что то же—идей — вотъ тѣ невидимые, не высказанные Платономъ мотивы, которые руководили его мышленіемъ въ изслѣдованіи всѣхъ иныхъ возможныхъ мнѣній о знаніи. По силѣ ихъ все изслѣдованіе приняло характеръ борьбы — въ первой части съ сенсуализмомъ, а во второй съ разсудочнымъ эмпиризмомъ. Но ни то ни другое ученіе не отрицаетъ идей, какъ болѣе или менѣе общихъ понятій въ ряду другихъ, и борьба идетъ не изъ-за того, чтобы отстоять идеи какъ понятія, но изъ-за существованія идей какъ объекта. Объективность идей — вотъ мысль, которая ни въ какомъ случаѣ не должна позволять сблизать идеализмъ Платона съ какимъ бы то ни было подобнымъ ученіемъ, и по силѣ которой идеальное ученіе Платона всегда останется оригинальнымъ, единственнымъ ученіемъ во всей исторіи философіи. Не властвуя эта мысль надъ философскимъ духомъ Платона, онъ могъ бы тогда спокойно обсуждать ученіе сенсуализма и разсудочнаго эмпиризма, но не бороться съ ними. Борьба же съ ними имѣетъ смыслъ борьбы за существованіе идей какъ объекта, и по силѣ этого кореннаго убѣжденія Платона идеализмъ его не есть какой нибудь современный идеализмъ, который расплывается въ отвлеченностяхъ, но собственно идеальный реализмъ, который въ идеяхъ усматриваетъ непреложное объективное содержаніе истиннаго знанія, вопреки сенсуализму, который указываетъ его въ субъективныхъ состояніяхъ, и вопреки раз-

судочному эмпиризму, который, какъ сказалъ Платонъ Антисѣену, не имѣетъ глазъ, чтобы за ἵππος разглядѣть еще ἵππότης и не признаетъ за этимъ понятіемъ реального значенія, а только номинальное.

Вотъ весь истинный смыслъ борьбы Платона въ нашемъ діалогѣ съ двумя этими ученіями — отстоять противъ нихъ содержаніе знанія какъ объектъ самъ по себѣ существующій внѣ познающаго субъекта. И это-то убѣжденіе философа мы практиковали въ своемъ Анализѣ діалога какъ зиждательное убѣжденіе всей его критики.

Но если задача отстоять непреложный объектъ знанія была основнымъ внутреннимъ мотивомъ разсмотрѣнной критической борьбы Платона съ сенсуализмомъ и съ судочнымъ эмпиризмомъ, то есть особенныя условія, вслѣдствіе которыхъ простое дѣло второй части діалога — различить истинное мнѣніе отъ знанія вызвало въ Платонѣ такую трудную, едва доступную даже для современнаго читателя, работу мысли. Не говоримъ ли мы въ самомъ дѣлѣ довольно часто: это онъ знаетъ, объ этомъ онъ имѣетъ правильное мнѣніе, строго различая оба эти предиката? и не практикуемъ ли мы этого различія въ разнообразныхъ случаяхъ жизни? Мы имѣемъ въ своемъ мышленіи особенныя, опредѣленныя нормы, подъ которыя безъ всякихъ дальнихъ разсужденій подводимъ нѣчто какъ мнѣніе, хотя бы и истинное, а другое какъ подлинное знаніе. Какъ математикъ, владѣющій опредѣленными нормами счисленія, передвигаетъ въ своей головѣ безъ всякаго труда очень большія числа, такъ точно и мы, владѣя нормальнымъ смысломъ понятій знанія и мнѣнія, очень легко различаемъ по нимъ, что есть знаніе и что есть мнѣніе. Между тѣмъ человѣкъ не имѣющій въ своей головѣ нормъ для числовыхъ операцій, долженъ будетъ проходить большія, для математика совершенно

лишнія пути, чтобы рѣшить извѣстную числовую задачу. Въ такомъ же затрудненіи, вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ нормъ, находился и Платонъ при рѣшеніи вопроса о томъ, есть ли истинное мнѣніе знаніе. Если бы этотъ вопросъ былъ предложенъ современнику, то, если онъ сколько нибудь привыкъ къ употребленію понятій въ теоретическомъ смыслѣ, рѣшилъ бы его конечно, различивъ одно отъ другаго какъ субъективное отъ объективнаго. Мы видѣли выше, какъ Платонъ и Аристотель одинаково затруднялись найти такіе предикаты къ понятіямъ мнѣнія и знанія, которые бы рѣшительно различили ихъ одно отъ другаго, и какъ вообще трудно уловлялся ими подлинный смыслъ этихъ понятій. вмѣсто этого они описывали ихъ, говоря напримѣръ, что знаніе принадлежитъ только богамъ и нѣкоторымъ людямъ, а мнѣніе доступно всѣмъ, но лишь не животнымъ, что знаніе таково только чрезъ мысль о причинѣ αἰτίας λογισμῷ, чрезъ связь δεσμῷ, а мнѣнія бѣгутъ изъ души и т. д. вслѣдствіе этого они не поставили этихъ понятій такъ, чтобы онѣ были годны къ употребленію ихъ въ систематическомъ мышленіи, но онѣ, какъ мы видѣли, выступаютъ въ ихъ мышленіи всегда только методически. Не имѣя вообще въ обиходѣ своего мышленія нашихъ нормальныхъ понятій — субъективное и объективное, Платонъ мысль этихъ понятій передаетъ въ искусствственномъ выраженіи: относительно знанія и относительно бытія (срав. 188^с). Если бы мы на своемъ языкѣ различили вещи относительно знанія и относительно бытія, то мы этимъ сказали бы, что вещи въ нашемъ знаніи не тѣже что въ бытіи, но для Платона это значитъ тоже что для насъ: субъективное представленіе вещи и объективное представленіе вещи. Хотя субъективное представленіе не значитъ непременно не истинное, напротивъ субъективное представленіе можетъ быть вполне истинно, однако этимъ признакомъ субъективности мы очень легко различаемъ одно пониманіе

вещей отъ другаго, которое какъ знаніе основывается на объективныхъ началахъ критики. Вслѣдствіе этого, какъ вообще такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ намъ вовсе не трудно различить истинное мнѣніе отъ знанія. Но Платонъ, опредѣливъ знаніе непосредственно черезъ понятія бытія и истины, естественно встрѣтилъ большое затрудненіе въ задачѣ различить его отъ истиннаго мнѣнія. Ибо ему пришлось различать истину отъ истины. За то и намъ чрезвычайно трудно усвоить себѣ настроеніе мышленія Платона въ настоящемъ случаѣ. Такъ какъ мы, различая знаніе отъ мнѣнія, какъ объективное на началахъ критики основанное пониманіе вещей, отъ субъективнаго, случайнаго, хотя бы и истиннаго о нихъ представленія, не выходимъ изъ предѣловъ психическаго различія ихъ какъ конкретныхъ состояній нашего духа и не переносимъ вопроса въ область метафизическаго изслѣдованія. Между тѣмъ Платонъ поставилъ этотъ вопросъ метафизически, ища различія истиннаго мнѣнія отъ знанія, какъ понятій въ ихъ метафизическомъ содержаніи. Но такъ какъ метафизическое содержаніе знанія есть по Платону истина какъ бытіе; то конкретное содержаніе истиннаго мнѣнія, именно истина, естественно, мѣшаетъ отличить его отъ знанія. Въ Менонѣ, гдѣ вопросъ объ отношеніи истиннаго мнѣнія къ знанію поставленъ Платономъ практически, какъ объ источникахъ добродѣтели, конкретное содержаніе истиннаго мнѣнія нимало не помѣшало мышленію привести это понятіе, наравнѣ съ понятіемъ знанія, въ связь съ метафизическимъ содержаніемъ добродѣтели, т.-е. съ благомъ. Хотя и тамъ уже чувствуется нѣкоторое затрудненіе мышленія Платона по вопросу о различіи знанія отъ истиннаго мнѣнія по ихъ метафизическому содержанію, но Платонъ уклонился отъ этого въ Менонѣ. Здѣсь же въ Феэтетѣ, вслѣдствіе яснаго метафизическаго смысла вопроса о знаніи и истинномъ мнѣніи, въ рѣшеніи его встрѣтились громадныя затрудненія, которыя привудили

мышленіе Платона идти далекимъ, окольнымъ путемъ, и все же въ результатѣ придти только къ тому, что истинное мнѣніе должно быть отлично отъ знанія — положеніе, изъ котораго онъ вышелъ и на которомъ зиждется вся его критика. Затрудненія Платона были какъ со стороны понятія истиннаго мнѣнія, такъ и со стороны понятія знанія. Именно, если истина какъ конкретное содержаніе истиннаго мнѣнія, мѣшаетъ отличать его отъ знанія, то содержаніе понятія знанія, будучи по Платону самостоятельнымъ объектомъ какъ бытіе само по себѣ, какъ сущность, какъ идея вещей, не позволяетъ отождествлять его съ мнѣніемъ, хотя бы и истиннымъ. При такой постановкѣ вопроса, повидимому приходилось или отрицать истину истиннаго мнѣнія, или отказаться отъ самостоятельныхъ объектовъ знанія, т.-е. отъ идей. Читатель видитъ, что вопросъ стоялъ для Платона очепь круто, и онъ дѣйствительно глубоко затруднялся между этими двумя крайностями: или отважиться на абсурдъ, или отказаться отъ основнаго своего философскаго воззрѣнія. Мы видѣли, что Платонъ дѣйствительно не остановился предъ отрицаніемъ метафизической несостоятельности безспорнаго психическаго факта ложнаго мнѣнія и тѣмъ повидимому разобщилъ истинное мнѣніе отъ знанія; но критическій смыслъ указалъ, что истинное мнѣніе возможно мыслить какъ мнѣніе соединенное съ логосомъ, и при томъ въ значеніи дѣйствительнаго познанія вещи въ отличіе ея отъ другой...—Но тутъ Платонъ дѣлаетъ быстрый поворотъ въ своемъ діалектическомъ мышленіи, говоря: а если такъ, если истинное мнѣніе съ разумомъ есть дѣйствительное познаніе вещи, то истина истиннаго мнѣнія принадлежитъ, значить, не мнѣнію, а знанію. Здѣсь такимъ образомъ, вопреки Боницу, мы ясно видимъ, что Платонъ во всемъ этомъ изслѣдованіи объ истинномъ мнѣніи въ отношеніи къ знанію, внутренне направляетъ свою мысль дѣйствительно противъ соединенія признака ἀληθής съ понятіемъ δόξα какъ

такимъ, чему Боницъ однако не находятъ слѣда у Платона. Что же касается до втораго указаннаго выше затрудненія со стороны содержанія знанія, то оно, естественно, само собою разрѣшается въ мышленіи тѣмъ же самымъ актомъ, какимъ разрѣшено затрудненіе со стороны истиннаго мнѣнія. Именно, такъ какъ истина какъ конкретное содержаніе истиннаго мнѣнія, на основаніи котораго мнѣніе постулируетъ въ мышленіи на отождествленіе себя съ знаніемъ, есть непосредственно содержаніе знанія, то знаніе, допуская въ мышленіи отождествленіе себя съ истиннымъ мнѣніемъ, отождествляется однако не съ мнѣніемъ, а съ истиной, т.-е. съ самимъ собою. Такимъ образомъ и съ другой стороны мнѣніе какъ такое, хотя бы и истинное, само однако не то же что знаніе.

Такъ удачно вышелъ Платонъ изъ указанныхъ выше затрудненій и, какъ мы видимъ, неминуемо долженъ былъ очутиться опять лицомъ къ лицу съ прежнимъ нерѣшеннымъ вопросомъ: что же есть знаніе? (210^b) — съ вопросомъ, которымъ начинается и оканчивается нашъ діалогъ. Въ этомъ представленномъ нами здѣсь эскизѣ путей діалектики Платона по вопросу объ истинномъ мнѣніи и знаніи яснѣе, быть можетъ, чѣмъ гдѣ-либо выше выступаетъ истина того защищаемаго нами воззрѣнія на всю эту вторую часть діалога, что трактатъ о ложномъ мнѣніи, какъ онъ исполненъ Платономъ, имѣетъ въ его мышленіи регулирующее значеніе по вопросу объ истинномъ мнѣніи и знаніи и что понятіе λόγος выступаетъ здѣсь непосредственно въ путяхъ собственнаго мышленія Платона, а не есть предметъ размышленій, данный ему въ какомъ-либо современномъ философскомъ ученіи, и что такимъ образомъ эта вторая часть діалога въ мышленіи Платона представляетъ послѣдовательное и цѣльное развитіе одной и той же задачи, хотя въ литературномъ отношеніи и не непрерывное.

Вмѣстѣ съ этимъ мы можемъ теперь обнять горизонтъ того міровоззрѣнія, подъ угломъ котораго изслѣдуетъ Платонъ вопросъ объ отношеніи истиннаго мнѣнія къ знанію. Риббингъ, какъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ, былъ близокъ къ этому горизонту, но онъ дѣлаетъ большую ошибку когда говоритъ, что Платонъ будто бы, вмѣсто того чтобы рѣшить вопросъ, могутъ ли представленія въ душѣ быть разсматриваемы какъ имѣющія значеніе для пониманія вещей, разсуждаетъ о мнѣніи съ точки зрѣнія реальности представленій какъ знанія. Въ этомъ, говоримъ, большая ошибка. Ибо думать что Платонъ могъ разсуждать о реальности представленій какъ знанія внѣ мысли о значеніи ихъ для пониманія *вещей* значитъ ставить себя въ опасность не понять Платона въ его основномъ взглядѣ. Мы съ психологической точки зрѣнія можемъ говорить о реальности представленія, безъ всякаго вниманія къ его содержанию, ибо психологически всякое представленіе реально, хотя бы предметъ представленія вовсе не существовалъ. Но когда мы утверждаемъ, что Платонъ разсуждаетъ о реальности представленія или собственно *мнѣнія* какъ знанія, то мы не можемъ думать, чтобы онъ имѣлъ въ виду что нибудь иное какъ годность мнѣнія для пониманія *вещей*, какъ онъ *суть въ своемъ подлинномъ бытіи*, или что то же—по своей идеѣ. Ибо съ одной стороны понять вещь для Платона значитъ понять идею вещи, а съ другой стороны реальность представленія въ мышленіи имѣетъ значеніе по своему содержанию, а не психологически, т.-е. также, по скольку въ представленіи дана подлинная вещь, какъ она есть по своей сущности или по своей идеѣ. Потому различать у Платона вопросъ о реальности представленія отъ вопроса о значеніи его для пониманія вещей не возможно, и можетъ послужить прѣтоу *ψεύδος* въ объясненіи идеальнаго ученія Платона. Напротивъ, усвоивъ эту указанную точку взгляда Платона въ его изслѣдованіи истиннаго мнѣнія по отноше-

нію' къ знанію, мы открываемъ себѣ во всей ясности горизонтъ воззрѣнія Платона въ этомъ изслѣдованіи.

Этотъ горизонтъ есть горизонтъ идеальнаго міра. На всѣхъ путяхъ своего мышленія въ нашемъ діалогѣ Платонъ безъисходно остается въ предѣлахъ этого горизонта. Умственный его взоръ прикованъ къ этому міру подлиннаго бытія и самостоятельныхъ реальностей, къ этому міру непреложныхъ объектовъ истины. Въ этомъ кругозорѣ идеальнаго воззрѣнія, съ этимъ твердымъ убѣжденіемъ въ самостоятельномъ существованіи идей, какъ подлинныхъ объектовъ знанія, Платонъ и вышелъ на борьбу съ сенсуализмомъ и съ разсудочнымъ эмпиризмомъ. Ибо если ни сенсуализмъ, ни разсудочный эмпиризмъ, какъ было сказано выше, не отрицаютъ идей какъ общихъ понятій въ ряду другихъ, то и отрицаніе этихъ двухъ философскихъ воззрѣній не полагаетъ неизбѣжно существованія идей какъ объектовъ знанія. Потому и кажется, что въ діалогѣ нашемъ нѣтъ никакого положительнаго мнѣнія о знаніи, никакого позитивнаго результата изслѣдованія. Но этотъ результатъ былъ готовъ уже у Платона пржде въ теоріи идей. Теорія идей шла въ его мышленіи напротивъ, на встрѣчу ученію сенсуализма и разсудочнаго эмпиризма. Платону стоило только силою своей критики пробить бреши въ этихъ темныхъ областяхъ — и міръ идей самъ собою долженъ открыться умственному взору читателя. Идеи, какъ объективно существующее содержаніе истиннаго знанія, никогда не могутъ быть выведены какъ логическое слѣдствіе изъ какихъ бы то ни было критическихъ мнѣній Платона. Теорія идей какъ единственныхъ объектовъ знанія есть готовая теорія, и все что Платонъ говоритъ противъ другихъ воззрѣній на знаніе должно служить только къ подтвержденію идеальнаго ученія, должно лишь расчищать въ мышленіи путь къ водворенію его въ немъ какъ незыблемаго убѣжденія. Попытка изъяснить идеи Платона какъ логически не-

обходимый выводъ изъ критики другихъ философскихъ учений едва ли когда можетъ удасться. Ни въ сенсуализмѣ ни въ эмпиризмѣ вообще нѣтъ элементовъ, которые бы составляли для мышленія прямой путь къ идеямъ, какъ понималъ ихъ Платонъ. Между тѣмъ и другимъ всегда остается непроходимая бездна, мостъ чрезъ которую нельзя навести ни изъ какихъ соображеній и логическихъ построений. Дѣйствительно, мысли высказанныя Платономъ въ критикѣ сенсуализма и эмпиризма не хватаютъ прямо къ идеямъ, не достигають до нихъ, или не раждаютъ ихъ въ мышленіи. Идеи Платона въ его мышленіи суть готовое ученіе, не опирающееся какъ логическій выводъ на критикѣ иныхъ міровоззрѣній, но непосредственно присущее его духу, само какъ основной мотивъ его критики и начало его собственнаго міровоззрѣнія. Аристотель уничтожаетъ философію Платона, когда, находя въ его идеалогіи нѣчто хорошее, предлагаетъ исправить ее, переведя идеи изъ объективной сферы въ субъективную область разума (*νοῦς*) и говоритъ, что идеи существуютъ не *ἐντελεχεῖα* но *δυνάμει* (*De an.* 429^a 28). Напротивъ, въ убѣжденіи въ объективности идей, какъ самостоятельныхъ предметовъ знанія, Платонъ черпалъ всю силу своей критики противоположныхъ воззрѣній. Въ этой-то формѣ объективности и должна быть изъяснена идеалогія Платона, если хотимъ постигнуть ее въ мышленіи самого Платона, а не пользоваться изъ нея нѣкоторыми положеніями только какъ авторитетомъ для нашихъ собственныхъ современныхъ мнѣній. Впрочемъ идеальное воззрѣніе Платона, можетъ быть, только ожило въ немъ изъ глубочайшей древности. Едва ли можно полагать, что въ ученіи Платона объ идеяхъ исторія философскаго мышленія сдѣлала шагъ впередъ. Напротивъ мы думаемъ, что для изслѣдованія идеалогіи Платона долженъ былъ продолженъ иной путь, въ отдаленные вѣка глубокой древности — и тамъ, на примѣръ въ памятникахъ умственной культуры Египта, быть

можетъ, найдется ея подлинное начало и тотъ истинный ея смыслъ, который доселѣ мы еще не вполне понимаемъ.

Въ разсмотрѣнномъ нами діалогѣ осталось нѣсколько страницъ которыхъ мы не касались въ своемъ Анализѣ. Это отъ 172^о до 177^б, на которыхъ Платонъ изображаетъ умственный интересъ философа въ противоположность житейскимъ интересамъ практическаго человѣка. Но и здѣсь мы не имѣемъ въ виду дѣлать это мѣсто діалога предметомъ нашего изслѣдованія. Оно такъ типично по содержанию и такъ изящно по изложенію, что его слѣдуетъ просто читать въ текстѣ. Но хотя это мѣсто и не находится ни въ какой внутренней связи съ остальными отдѣлами нашего діалога и также хорошо при случаѣ могло бы быть помѣщено Платономъ во всякомъ другомъ діалогѣ, однако нельзя думать, чтобы въ немъ мы имѣли то тщетно искомое у Платона изображеніе философа, о каковомъ намѣреніи его есть нѣкоторое указаніе въ Софистѣ (217). Критика дѣлала много предположеній о томъ, какъ именно и гдѣ выполнено Платономъ это намѣреніе. Но кажется, что «Философа» какъ отдѣльное сочиненіе Платонъ не писалъ и не могъ писать. Между діалогами его мы имѣемъ три діалога, посвященные аналитическому изображенію строителей греческой культуры: это Горгій, изображающій ритора и Софистъ съ Политикомъ изображающіе умственное воззрѣніе людей того же имени. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ предъ нами типы современной Платону дѣйствительности, притомъ типы, которые осуществились въ отдѣльныхъ классахъ, въ отдѣльныхъ лицахъ определенной профессіи. Многіе древніе писатели очень ясно даютъ понять различіе софистовъ, политиковъ, раторовъ, какъ отдѣльныхъ другъ отъ друга общественныхъ дѣятелей. Элементы дѣятельности этихъ лицъ даны были въ самой жизни въ самой исторіи, потому ихъ

можно было возводить въ типъ. Если же, быть можетъ, Платонъ и имѣлъ намѣреніе, какъ бы въ противувѣсъ этимъ типамъ, изобразить типъ философа, то кажется, что это намѣреніе не могло быть исполнено имъ; ибо философъ по-тому и философъ, что онъ самостоятеленъ, оригиналенъ, такъ что изъ дѣятельности нѣсколькихъ философовъ нельзя создать ихъ типа. Въ каждомъ изображеніи философа можетъ быть обрисованъ только тотъ или другой философъ, а не типъ. Такъ мы и видимъ, что въ *Теэтетѣ* Платонъ рисуетъ философа засмотрѣвшагося на небо и упавшаго въ яму, а въ *Республикѣ* философъ изображенъ имъ какъ лице болѣе дѣятельное. Элементы всякаго типа суть элементы осязаемые, элементы доступные воображенію. Какъ нѣтъ отдѣльной типической философіи, такъ, думаемъ мы, нѣтъ и типа философа....

Каждая философія какъ система съ своимъ опредѣленнымъ точнымъ міровоззрѣніемъ, съ своими твердыми убѣжденіями, идущими въ разрѣзъ съ мнѣніями общаго смысла, отрицающая мысли сложившіяся исторически и возстающая черѣдко противъ того, чему люди привыкли покоряться какъ закону—всякая такая философія, среди всѣхъ отправленій человѣческаго разума, есть особенный психическій феноменъ. Разумъ человѣческій повидимому совершенно выполняетъ свою задачу, когда представляетъ, судитъ, соображаетъ, разсчитываетъ и такимъ образомъ стимулируетъ волю къ дѣйствию. Но искать подлинно сущаго, и на этотъ міръ, въ которомъ мы призваны жить и дѣйствовать, любить и быть любимыми, смотрѣть какъ только на явленіе, какъ не на подлинно сущее—во всемъ этомъ есть какая-то иронія судьбы человѣка....

Однако, если это есть иронія, то не комическая иронія, возбуждающая смѣхъ, но трагическая, которая дол-

жна вызывать на размышление. Въ самомъ дѣлѣ, если по-смотримъ на умъ человѣческой, какъ на дѣятеля въ исторіи, то предъ нами откроется нѣсколько сферъ его дѣятельности: сфера опыта, самая большая и общая—это сфера разнаго рода прикладныхъ знаній, ремесленной дѣятельности, коммерческихъ операцій и т. д.; сфера творчества, имѣющая мѣсто частію въ наукахъ, а преимущественно въ искусствѣ; и наконецъ высшая сфера—сфера мудрости. Мудрость ума человѣческаго проявляется въ наукахъ и преимущественно въ философіи! И если какая нибудь философія есть истинная мудрость, то это конечно философія греческихъ философовъ и особенно философія Платона. Мудрость, философія свойственны уму всѣхъ людей, но подъ вліяніемъ иныхъ интересовъ и историческихъ побужденій жизни, люди съ давнихъ поръ все рѣже отдаются естественному тяготѣнію ихъ ума въ этомъ направленіи.... Въ отчужденіи отъ мудрости нѣкоторые дошли до того, что не рѣдко даже смѣются надъ мудростію какъ надъ глупостію, подобно тому какъ смѣялась Оракіянка надъ Талесомъ. Въ этомъ сказывается общій, роковой недостатокъ человѣческой природы—односторонность, пассивность, инерціальное, безотчетное тяготѣніе по склону механическаго хода случаевъ и событій—и въ этомъ-то настоящая провиня исторической судьбы человѣка. Но противъ этой провиніи человѣкъ имѣетъ защиту въ правильномъ образованіи, которое должно освободить его умъ отъ власти механизма событій, дать ему силы владѣть своею дѣятельностію и направить ее на высшія цѣли.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читай:

Стран.	Строка			
20	7 сверху	Γεῦρος		Γελῶος
28	1 —	его		этого
43	18 —	В.		Л.
52	11 снизу	ито		что
<hr/>				
29	6 —	драматичность		драматичность (также ис- править кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ.)
34	2 сверху	онѣ		они, или собственно авто- ры данныхъ мнѣній.
35	3 —	возможные		возможныя
36	1 снизу	основательными		основными
38	11 —	сочиненіи		сочиненіяхъ
54	9 сверху	вышесказанныхъ		вышеуказанныхъ
62	8 —	разгора		разговора
76	7 —	reductio ad absurdum		deductio ad absurdum
84	17 —	Целеръ		Целлеръ
85	2 —	Кембель		Кэмбель
105	18 —	δοκῆ		докоі
107	2 снизу	νοῦν		γοῦν
113	4 —	Πρωταγόρας		Прωταγόрас
159	11 сверху	ученыхъ		людей
169	8 снизу	διάνοιαν		διάνοιαν